

КАРЛ
ХАЙЕСЕН

ДЖЕРАЛЬД
СЕЙМУР

ЗАРУБЕЖНЫЙ
ТРИЛЛЕР

Annotation

Итальянская мафия в Риме похищает сотрудника британского посольства и требует за него выкуп. Положение осложняется параллельными действиями активиста террористической организации...

- [Джеральд Сеймур](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
-

Джеральд Сеймур
Красная лисица

Уже час они сидели в условленном месте. Машина прижалась к краю дороги, скрытая высокими, похожими на грибы соснами. Здесь находилась парковочная площадка, которую позже, когда солнце поднимется выше, займут любители игры в теннис. Как они и надеялись, место было тихим и неприметным, поскольку основной поток машин шел по другой стороне дороги.

Здесь они оказались не случайно — в таких делах не бывает ничего случайного, спонтанного и незапланированного. В течение двух недель пришлось объезжать все тихие улочки в округе, наблюдая, запоминая, сопоставляя, принимая или отвергая различные варианты, заменяя их новыми, чтобы иметь максимум преимуществ в случае чего. Они должны были учитывать и возможность неудачи и подготовить вариант на этот случай. В общем, выбирали место до тех пор, пока оно не устроило всех, потом доложили куда следует. Вчера утром сюда приезжал еще один человек, он выслушал их, кивнул головой и даже похлопал по плечу, выразив этим свое согласие.

Итак, засада подготовлена, капкан расставлен, веревка натянута. Сидевшие в машине, не отрываясь, следили за стрелками на своих наручных часах со сверкающими хромированными корпусами и гадали, будет ли их жертва пунктуальной или опоздает.

Дорога впереди машины взбегала к небольшому холму и там соединялась с широкой автострадой с шестью полосами для движения в обоих направлениях. Это было примерно в двухстах пятидесяти ярдах от места, где они находились. Здесь, под соснами, дорога была тенистой и даже мрачноватой, на ее поверхности темнели рытвины, заполненные дождевой водой. У жертвы не было никаких шансов быстро проскочить это место на своей машине. Ведь он будет беречь обшивку своего драгоценного «мерседеса» и потому поедет со скоростью максимум тридцать миль в час, стараясь избежать неприятностей на этих ухабах. И вряд ли у него возникнут какие-нибудь подозрения.

Машина, в которой сидели притаившиеся мужчины, была украдена три недели назад у отеля в Анцио, городке к югу от Рима. К

тому моменту, когда пропажа обнаружилась и полицией был объявлен розыск, у «альфетты» были уже другие номера, снятые с машины из Ареццо, с севера. Номера эти принадлежали автомобилю марки «мирафьори фиат». Расчет был на то, что сочетание краденной машины и краденых номеров — слишком сложная комбинация для обычной полицейской проверки. Документы же о страховке и уплате налога были выправлены специалистом по таким делам.

В машине сидели трое брюнетов с гладко зачесанными волосами, что выдавало в них выходцев с самого юга Апеннинского полуострова, из Калабрии, сурового горного края. Эта работа была для них своеобразной игрой. Они обладали богатым опытом в таких делах. Проведя операцию захвата в каком-нибудь большом городе, они вновь возвращались к себе в горы, к своим семьям, недоступные и неизвестные полицейским компьютерам. Воздух в машине был круто напоен ароматом крепких сигарет, которые они непрерывно курили, поднося их ко рту своими грубыми пальцами с рубцами от работы поздно на поле.

С табаком смешивался перегар от ночной дозы крепкого пива. Все трое были средних лет. У одного из них, того, что сидел за рулем, волосы все время падали на лоб, несмотря на бесконечные попытки усмирить их с помощью расчески. Виски другого, сидевшего рядом были уже совсем седыми. Третий, на заднем сиденье, отличался огромным брюхом, которое перевешивалось через брючный ремень.

По мере того, как время приближалось к семи тридцати, разговор в машине становился все тише. Да и говорить было не о чем. Они затаили дыхание. Тот, что сидел сзади, достал из сумки, стоявшей у него между ног, маски: они сделали их из чулок, купленных накануне в универмаге, ножом проделав отверстия для глаз и рта. Молча передав маски двоим, сидевшим впереди, он снова полез в сумку. «Беретта» со вздернутым дулом предназначалась для водителя, хотя оружие ему вряд ли было нужно, его дело было вести машину. Для себя и третьего пассажира пузатый достал из сумки толстые, короткие стволы автоматов, сразу сделавшиеся стройнее, когда он прикрепил к ним рукоятки с магазинами. Тишина в машине прерывалась лишь тяжелым металлическим клацаньем заряжаемого оружия. Наконец из сумки был извлечен молоток со сверкающей лаком рукояткой из новенького дерева и стальным блеском тяжелой головки.

На этот раз им предстояло похищение мужчины их возраста, их комплекции, их сноровки. Это будет потяжелее, чем в прошлый раз, когда они украли ребенка — обычного мальчишку, в тот момент, когда он ковылял в детский сад со своей няней-негритянкой. Она вскрикнула, увидев их, эта черная сука, и забилась в судороге на тротуаре, как собака. Они подбежали к ребенку, а этот сопляк даже не сопротивлялся, он сам почти побежал к машине вместе с ними. Машина простояла в общей сложности не больше пятнадцати секунд, и они уже снова ехали, бросив ребенка на пол между сиденьями, подальше от любопытных глаз. И только пронзительные вопли девчонки говорили о том, что что-то произошло. Родители выложили двести пятьдесят миллионов. Тихо, мирно, без полиции и карабинеров. Они все сделали так, как им велели. За деньгами съездили к дедушке в Геную. Это был классический случай, идеальный вариант. Все прошло так, как они и запланировали. Деньги были выплачены банкнотами по пятьдесят тысяч лир. Ни один человек в униформе даже не появился в поле зрения. Но как все пройдет сейчас, неизвестно — может, он начнет стрелять, а может, окажется слабаком. Пузатый на заднем сиденье держал молоток, поглаживая его головку. Они думали о том, как встретит их Большой, если произойдет какой-нибудь сбой, и их машина вернется пустой. Или если деньги не будут выплачены... С их стороны ошибка невозможна, даже вероятность ее исключается... Этот подонок Большой снимет с них шкуру. Из необъятных штанов пузатого послышалось какое-то урчание, потом они услышали сигнал. Толстяк изогнулся дугой, вся его туша напряглась, и он вытащил радиопередатчик. Настроившись на нужную волну, он поднес аппарат к лицу. Раньше они таких штук не использовали, но время идет вперед.

— Да. Да.

— Второй?

— Да.

Код был заранее с ним согласован, но неожиданность радиосвязи, казалось, шокировала его. Он понял, что сидевшие впереди разочарованы его неумелыми действиями. На прошлой неделе они несколько раз практиковались в работе с передатчиком, чтобы убедиться, что связь не подведет здесь, на этой холмистой местности. Лицо шофера выражало раздражение.

— Это первый. Он приближается... на «мерседесе», один. Он один.

Искаженный расстоянием голос, казалось, впрыснул в каждого из них инъекцию возбуждения. Они ощутили нарастившее напряжение во всем теле, даже кишечник забурлил. Там, где ноги соприкасались с оружием, спрессовался тугий комок энергии. Пути назад не было, все мосты сожжены. Если они сядут в лужу, Большой не простит им этого.

— Ты слышишь меня, второй? Прием!

— Мы слышим тебя, первый. — Это было сказано посеревшими губами прямо в микрофон.

Большой, Толстяк, Жирный — так называл этого иностранца их старший. За чужеземцем стояла известная транснациональная компания и платили они хорошо — сразу и огромные бабки. На этот раз, как минимум, миллиард лир, а может, и два. Количество нулей сводило с ума. Что значит для транснациональной какие-то два миллиарда? Ничего. Полтора миллиона долларов, только и всего. Сидевший сзади отключил радиопередатчик, этот этап пройден. Напряженное молчание заполнило машину. Слух обострился — они прислушивались, не донесется ли тяжелый шум мотора «мерседеса». А когда он послышался, то скорее был похож на жалобное нытье, это шестеренки пересчитывали рытвины на дороге. Казалось, машина ползком продвигается вперед. По мере того, как расстояние сокращалось, шум нарастал. Так муха начинает все сильнее бить крыльями, когда попадает в сети паука.

Шофер Ванни, полуобернувшись, подергивая щекой и веком, бормотал что-то невнятное и криво улыбался.

— Начали, — раздалось сзади.

— Пришло время получать посылку, — более внятно произнес Ванни. — Пора ощипывать петуха.

Он толкнул вперед передачу и тихонько нажал на акселератор, осторожно подталкивая машину к тому месту, где путь сужался. Все трое впились взглядом в изгиб дороги впереди. А вот и он, «мерседес», гладкий, лоснящийся, предназначенный для ровных поверхностей автострад. Здесь же он был скован и почти ни на что не годился. Продираясь по рытвинам, он приближался к ним.

Пузатый, Клаудио, снимая наушники, кричал:

— Быстрее, Ванни, быстрее!

«Альфетта» рванулась вперед. Колеса, протестуя против рыхлого дорожного гравия, несколько раз провернулись на холостом ходу. Резкий удар по тормозам застал врасплох Клаудио и Марио, того, что сидел рядом с шофером. Они буквально слетели со своих сидений. Метров за тридцать до «мерседеса» «альфетта» встала, заблокировав дорогу. Раздавшийся затем грохот от столкновения был такой, что лица всех троих приняли неопишуемые контуры, и без того расплющенные масками из чулок. Для Ванни это был звездный час. Он увидел перекосившееся лицо человека в «мерседесе», когда его машина ударилась в их «альфетту». Ванни знал, что он уже девятнадцать месяцев в Италии и его не удивило, когда в заднем зеркале иностранец изобразил чисто итальянский жест, правда, в несколько карикатурном виде — резкое движение кистью и взмах пальцами, означавший ругательство, которое понимали все шоферы.

Ванни услышал, как с треском распахнулись дверцы напротив и сзади. Он резко повернулся на сиденье, чтобы лучше рассмотреть предстоящую встречу, и увидел раскалывающееся стекло «мерседеса». Клаудио стоял с молотком в одной руке и автоматом в другой у дверцы водителя, а Марио рядом с ним взламывал замок. Еще мгновение, и Марио уже снимал свой белоснежный воротничок. Он содержал его в неправдоподобной чистоте и перед самым началом схватки всегда снимал его, придурок, изогнувшись при этом всем телом. А потом уже они доводили работу до конца. В самый напряженный момент Ванни ощутил осколок стекла на своем сиденье, это отвлекло его внимание и в тот же миг он увидел автомобиль, выезжающий из-за вершины холма. Марио и Клаудио не замечали его, занятые борьбой с этим идиотом, уже почти справившиеся с ним. Ванни вытащил пистолет сердце его колотилось, в горле застрял крик об опасности.

Это была женщина. Обычная синьора с аккуратно уложенными волосами в маленьком автомобиле. Наверно, торопится сделать утренние покупки, пока солнце еще не начало палить. Ванни спустил палец с крючка и положил руку на руль. Эта дамочка, поняв, что происходит, остановилась и теперь будет сидеть и ждать, пока все не закончится. И потом будет молчать — ничего не видела, ничего не слышала, ничего не знаю.

Мужчина в «мерседесе» продолжал сопротивляться, визг тормозов машины на холме очевидно придал ему сил. Но кулак Марио,

опустившийся на его подбородок, положил конец всем этим попыткам.

Все было кончено.

Бесчувственное тело затащили на заднее сиденье. Марио и Клаудио накрыли его сверху и крикнули Ванни, чтоб он скорее трогался. Надо было быстрее литься отсюда, покуда полиция не перекрыла дороги, отрезав пути к спасению.

Первые пятнадцать минут были решающими. Ванни впился руками в руль, мускулы на плечах взбугрились, когда он с силой повернул руль влево, выезжая на магистраль. Ванни слегка нажал пальцами на клаксон и решительно перерезал дорогу встречной машине, водитель которой не ожидал такой наглости и вынужден был уступить. Сзади доносились униженные всхлипы пленника, Марио и Клаудио возились с ним, тяжело дыша, потом донеслось зловоние хлороформа.

Еще немного, и они вырвутся. Уже ясно, что главное — позади. Они проехали несколько сот метров по узкой Тор ди Квинто, потом два километра по Форо Олимпико. Перед светофором скорость пришлось снизить. Они повернули налево, на север, и помчались по дороге, уходившей из города. Весь этот путь Ванни мог бы проехать с закрытыми глазами. Здесь уже он мог не спешить. Незачем паниковать, только привлечешь лишнее внимание. Сидевший сзади Клаудио положил руку ему на плечо, да с такой силой, что даже кожа на этом месте заныла. Ванни ничего не сказал ему, он не отрывал взгляда от дороги.

Клаудио, казалось, не понимал всей напряженности момента. Этот огромный, тяжеловесный детина, обладавший мертвой хваткой, был не способен оценить ситуацию, не соображал, что сейчас лучше помолчать. Он уже ощущал себя в безопасности. Ванни уступил дорогу грузовику и выехал на полосу, где скорость движения была ниже. Клаудио не обращал внимания на распростертое под ним тело, голова и туловище которого были как раз у его колен, а ноги, лежащие на полу, прижимал Марио. Ему хотелось поговорить.

— Ты молодец, Ванни! Здорово вытащил нас! Далеко еще до гаража?

Он и сам прекрасно знал ответ, на прошлой неделе они раза четыре проехали по этой дороге. Время поездки составляло минут десять. Но Клаудио просто хотелось перекинуться словом, поболтать,

молчание для него всегда было невыносимо. Он мог говорить о чем угодно — о сигаретах, пиве, женщинах, и умер бы, наверно, если бы его друзья были столь безжалостны, что не прощали ему эту слабость. Ванни понял его состояние.

— Минут пять. Уже скоро.

— Знаешь, он здорово сопротивлялся, когда мы его вытаскивали из машины.

— Ты его классно нокаутировал, Клаудио. Он сразу вырубился.

— Я бы трахнул его молотком, если бы он не перестал махать руками.

— Да ты сам не понимаешь, какая у тебя в руках силища, без всякого молотка, — усмехнулся Ванни. — Уж они нам заплатят за эту работку!

— Сколько, ты говоришь, до гаража?

— Да уже минуты три, ты же недавно спрашивал, дубина ты калабрийская. Не жалко тебе будет расставаться с нами? Наверно, с нами хочешь, сегодняшним поездом? Но надо быть терпеливым, как говорит капо ^[1]. Шлюхи не будут скучать, а, Клаудио?

— Можно бы и всем вместе поехать.

— Ты что, не слышал, что капо сказал? Уезжать всем по отдельности, пускай Клаудио проведет эту ночь у кого-нибудь между ног. Только не обижай девочек, ты уже большой мальчик. — Ванни скривился в усмешке. Между ними была такая игра, они все время подшучивали над доблестями Клаудио-любовника. На самом же деле, если бы какая-нибудь девица просто заговорила с ним, он туг же наложил бы в штаны.

— Я так хочу поскорее вернуться в Пальми, — чистосердечно признался Клаудио.

— Калабрия проживет еще денек без тебя.

— Ну и вонючка же ты!

— Слушай, ты же всегда находишь себе приятеля для болтовни. Так найди и какую-нибудь телку. Она будет смотреть тебе в рот и думать, что ты великий человек. Только не выставляй напоказ свои денежки. — Тут насмешник посерьезнел. — Как только начнешь их швырять, тут они тебя и сцапают.

— А может, Клаудио положит деньги в банк? — сказал Марио.

— А вдруг какой-нибудь грабитель ворвется туда с револьвером и заберет их? Нет, никогда! Не делай этого, Клаудио!

Они весело рассмеялись, так, что под их тяжелыми телами застонали сиденья. Этот детский, чуть нарочитый смех снял с них все напряжение, навалившееся три недели назад, когда они впервые были посвящены в дело.

После поворота на Риети они свернули направо и поехали по дороге, огибающей недавно построенный жилой квартал, по направлению к гаражам, своему тылу, загороженному от верхних окон домов рядом густых сосен. Здесь их уже ждал старый фургон, весь поцарапанный, часть краски на нем была съедена ржавчиной, особенно на крыльях. Маленькое окошечко на задней двери было залеплено грязью.

Рядом стояли двое, опершись о капот, и ждали прибытия «альфетты». Они что-то сказали, но Ванни не расслышал, что именно — в это время Клаудио и Марио переносили связанное, накачанное наркотиками тело своей жертвы из автомобиля в фургон. Искра интереса друг к другу пробежала между ними, как бывает между людьми, которые никогда прежде не видели друг друга и вряд ли когда-нибудь еще встретятся. Когда дверь фургона закрылась, калабрийцы получили конверт с деньгами, и довольный Клаудио, не скрывая радости, чмокнул своих коллег в щеки, а потом еще похлопал по плечам. Лицо его при этом сияло.

Марио пошел назад к машине, у двери немного помедлил, наблюдая, как мужчины в фургоне пристегиваются ремнями и трогаются с места. Была какая-то тоска в его лице, будто он жалел, что его часть работы закончилась. Подошел Клаудио, и он отвел взгляд от удаляющегося фургона. Они сели в машину и, как хищники, набросились на конверт. Они буквально разодрали его на клочки, и им на колени упали симпатичные пластиковые пакетики, перевязанные ленточками. В них лежало по сто банкнот каждому, одни были совсем новенькие, другие уже помятые, а третьи и вовсе стерлись от времени. Наступила тишина — каждый пересчитывал свой аванс. Мелькали лишь края купюр.

Ванни, разложив деньги по отделениям своего бумажника, вытащил из кармана небольшой ключ и подошел к одной из дверей гаража. Он отпер ее, затем вернулся к машине и жестом приказал

Клаудио и Марио выходят. Удостоверившись, что за ними никто не наблюдает, он заехал в гараж и протер носовым платком все пластиковые и деревянные панели внутри салона, а потом наружные поверхности дверей. Результат удовлетворил его, и он вышел из гаража, с треском захлопнув входную дверь. С хозяином гаража они договаривались по телефону, подтверждение о найме и задаток были отправлены по почте. Обратный адрес, конечно же, был фальшивым. Ванни закинул ключ далеко на крышу, где он громко звякнул. Потом все стихло. Гараж был арендован на шесть месяцев, вполне достаточно, чтобы «альфетта» там отдохнула, а когда взбешенный хозяин гаража взломает дверь, их следы давно уже растают в воздухе, и все покроется пылью.

Они неторопливо прошли мимо жилого квартала к дороге, а там по тротуару к зеленому указателю автобусной остановки. Это был самый безопасный путь в город, а оттуда на вокзал.

* * *

В то же утро, в другом месте, отделенном расстоянием примерно в два римских холма, в городской квартире проснулся юноша по имени Джанкарло. Он прошел босыми ногами по ковру гостиной. Глаза его еще были затуманены сном, и очертания обстановки комнаты расплывались. Юноша старался не задеть низкие столики и кресла с бархатной обивкой, но споткнулся о провод от ночника, когда натягивал рубашку на свой еще не сформировавшийся торс. Он нежно потряс за плечо Франку с тем чувством удивления и благоговения и осторожности, которые возможны лишь у мальчика, впервые в жизни проснувшегося в постели женщины и боящегося, что все эти ночные восторги и буйства могут оказаться сном. Он прикоснулся пальцем к ее ключице, тихонько потянул за мочку уха и прошептал имя. Пора идти... Он еще раз взглянул ей в лицо, затуманенными глазами посмотрел на обнаженное плечо, на сбившуюся простыню и вышел.

Квартира, в которой они жили, была небольшой. Одна гостиная. Ванная комната, в которую были втиснуты туалет, биде и душ. В кухне

— раковина, заставленная тарелками, и плита с накрытыми скатертью горелками. Она уже стояла так больше недели. В спальне, где все еще похрапывал Энрико, одна кровать стояла неразобранной. До этой ночи на ней спал Джанкарло. Была еще комната Франки с одним узким диваном и разбросанной по всему полу одеждой. Поверх паркета лежал ковер. Маленькая прихожая. Дверь с тремя замками и глазком, и сверх того, еще и с цепочкой, чтобы можно было лишний раз проверить личность пришедшего, прежде чем пустить его в дом. Для них это была чудесная квартира.

У Франки Тантардини, Энрико Паникуччи и Джанкарло Баттистини не было никаких особенных требований к жилью. Просто им нужно было жить именно здесь, среди боргезе, то есть в районе среднего класса, где был достаточно высокий уровень благосостояния, и где жизнь обычно скрыта от любопытных глаз высокими ставнями. Район Винья Клара полностью устраивал их. Они чувствовали себя в безопасности, находясь в самом центре вражеской территории. В этом мире «феррари», «мерседесов» и «ягуаров» их никто не знал. Это был мир, обитатели которого имели слуг, значительные счета в банках и избалованных детей. В их доме имелся подземный гараж, лифт поднимал их прямо оттуда к дверям квартиры, почти под крышу. Это была прекрасная возможность маскировать свои передвижения — приходы и уходы — и не опасаться соглядатаев. В принципе, они не так много болтались по улицам, это было опасно и лишний раз рисковать не хотелось. Гораздо лучше было проводить время в этих стенах, в уединении, не опасаясь быть опознанными полицией. Жить тут было, конечно, дороговато. Они платили по 475 тысяч в месяц. Но безопасность стоила того, нужную сумму им выдавали каждый месяц, после того, как они подсчитывали все свои расходы. Вес это делалось негласно, в глубокой конспирации.

Джанкарло в свое время проучился два семестра в университете Рима, на факультете психологии, а потом девять месяцев провел в тюрьме Реджина Коэли, что означало «царица небес», в очень сырой, находившейся ниже уровня Тибра, камере. Это был еще почти мальчик, и вот теперь он впервые провел ночь с женщиной, да к тому же она была его командиром. Франка была старше его на восемь лет, в слабом свете спальни он мог различить тонкие стрелки на ее шее и у линии рта, тяжеловатый пережат бедер, когда она во сне

переворачивалась на другой бок, несколько полноватые выше локтя руки. Она возглавляла Движение уже восемь лет, он знал об этом, знал, что ее снимки были во всех патрульных машинах оперативного полицейского отряда Скуадра Мобиле, ее имя знал сам шеф спецподразделения по борьбе с терроризмом, оно постоянно склонялось на всех совещаниях, проводимых Министерством внутренних дел.

Это было прекрасно известно Джанкарло, ведь именно они — он и Энрико — должны были охранять и защищать ее, оберегать ее свободу.

Усиливающаяся жара вползала в комнату сквозь щели в жалюзи, мебель была вся в полосках теней и света, пепельницы, полные окурков, блестели под лучами восходящего солнца. Тут же стояли бутылки из-под вина, купленного в супермаркете, невымытые тарелки с засохшим соусом, валялись газеты. Блики света подрагивали на стеклах картин, развешанных по стенам, дорогих, современных, в красивых прямоугольных рамках. Они висели здесь еще до их появления в этой квартире. Картины скрашивали долгие часы, которые им приходилось проводить в этих стенах, ожидая получения инструкций или приказов — провести разведку, подготовить план или, наконец, совершить акт террора. На юношу все эти предметы действовали раздражающе, смущали его, вызывали недоверие к квартире. Им не стоило жить в таком месте, со всем этим комфортом и атрибутами, присущими классовому врагу, то есть с тем, с чем они должны были бороться. Но так как Джанкарло был новичком в Движении и лет ему было только девятнадцать, он быстро научился помалкивать в подобных противоречивых ситуациях.

Он услышал, как Франка встала и по ковру прошла к двери. Он быстро одернул рубашку, застегнул верхнюю пуговицу на брюках, подтянул молнию и обернулся. Она стояла в дверном проеме с улыбкой на устах и взглядом кошки. На талии ее было завязано полотенце, а чуть выше открывалась бронзовая грудь, где еще совсем недавно лежали кудри Джанкарло. Грудь тяжело свисала, потому что Франка никогда не носила бюстгальтер, даже когда надевала свою ежедневную униформу с обтягивающей блузкой. Джанкарло считал, что она восхитительна. Его руки застыли на брючной молнии.

— Спрячь, малыш, пока холостой. — Она залилась смехом.

Лицо Джанкарло вспыхнуло. Он перевел взгляд на закрытую дверь в комнату, где слал Энрико.

— Не будь ревнивым, лисенок. — Она словно прочла его мысли, сказав это с оттенком насмешки и презрения. — Энрико не сможет отобрать моего лисенка, Энрико не займет его место.

Она пересекла комнату, подошла к Джанкарло, глядя ему прямо в глаза, обвила его шею своими руками и прижалась к уху, слегка ущипнув и укусив его. А он стоял, боясь пошевелиться, чтобы не упало полотенце с ее талии. Комнату ярко освещало солнце.

— Сейчас, когда ты стал мужчиной, Джанкарло, не веди себя как мужлан. Не становись унылым собственником. Ну хотя бы не сразу...

Он поцеловал ее в лоб — как раз на уровне его губ, и она хихикнула.

— Я обожаю тебя, Франка.

Она снова засмеялась.

— Сделай, пожалуйста, кофе и поджарь хлеб. Он, наверно, зачерствел. И вытащи из постели эту свинью Энрико. Только не вздумай хвастать своей победой. Я посмотрю, как ты меня обожаешь.

Она прошла мимо него, и он не смог сдержать дрожь в ногах. Руки тоже напряглись, а ноздри почувствовали влажный, пьянящий аромат ее волос. Он не мог оторвать взгляда от плавных изгибов ее тела, когда она, раскачивая бедрами, шла в ванную. Волосы струились по ее плечам. Это была она, офицер НАП [2], руководитель и бесспорный лидер одной из ее ячеек, ставшая символом Движения. Ее свободу хотели распять, как Христа на кресте Государства. Она помахала ему своей маленькой тонкой ладошкой, полотенце съехало с ее талии, обнажив на мгновение белую кожу и темные волосы. Она засмеялась и закрыла за собой дверь. Эта тонкая нежная ладошка, слабая и в тоже время крепкая, так отличалась от мертвой хватки неделю назад, когда она сжимала «беретту» 38-го калибра и решетила пулями ноги одного высокопоставленного чиновника. Это происходило прямо у ворот фабрики, откуда тот только что вышел. Он упал и молил о пощаде.

Джанкарло постучал в дверь к Энрико, сначала слегка, а потом уже начал дубасить, игнорируя обрушившийся на него поток оскорблений и протестов, пока не услышал по голосу, что Энрико проснулся и, шатаясь, идет к двери.

Лицо его перекопилось от злости.

— Что, сопляк, обогрелся? Готов теперь к возвращению в родные пенаты? Я только собрался отоспаться...

Джанкарло покраснел, прикрыл дверь и поспешил на кухню — налить воды в чайник, помыть чашки и посмотреть, что там с хлебом, купленным два дня назад.

Потом он прошел в спальню Франки, стараясь не наступить на ее разбросанную одежду, отводя глаза от сдвинутого с места матраца и скомканных простыней. Он опустился на колени и вытащил из укромного местечка под кроватью дешевый пластиковый чемодан, который всегда стоял там, расстегнул ремни и поднял крышку. Тут был целый арсенал — три автомата чешского производства, два пистолета, магазины к ним, холостые патроны, зарядные батареи, мотки красного и синего провода, маленькая сумка, где лежали детонаторы. Джанкарло отложил в сторону обшитый металлом ящик с часовыми механизмами и телескопическими антеннами, которые были куплены ими совершенно открыто как радиоприборы для частных самолетов или яхт, хотя использовались они для организации террористических актов. На самом дне чемодана лежал его личный пистолет 38-го калибра. О, этот 38-й! У молодежи он вызывал восторг, это был символ борьбы с поднимающим голову фашизмом. 38-й, я люблю тебя! Ты признак взросления, даже зрелости. 38-й, мы сражаемся вместе! Пусть только Франка прикажет, он всегда готов! Он опустил взгляд на оружие. 38-й, друг мой! Этот ублюдок Энрико даже раздобыл себе где-то еще один. Он снова застегнул ремни на чемодане и запихнул его обратно под кровать, задев рукой ее валявшиеся трусики. Он стиснул их пальцами и прижался губами к ткани. Впереди еще целый день, а потом они снова вернутся сюда, уставшие, как собаки, с чувством тяжести во всем теле.

Ну хватит, пора вытаскивать из плиты хлебцы и поискать растворимый кофе.

Франка стояла в дверях.

— Что, не терпится, лисенок?

— Я просто проверял чемодан, — Джанкарло смутился. — Если мы хотим попасть на почту к открытию...

Улыбка медленно сошла с ее лица.

— Ты прав. Мы не должны опаздывать. Энрико готов?

— Он скоро. Мы успеем выпить кофе.

Пить этот так называемый «настоящий растворимый кофе» было ужасно неприятно, но пойти в бар, чтобы выпить действительно настоящего кофе они не могли — это было слишком опасно. Франка часто полушутя-полусерьезно говорила, что это самая большая жертва с ее стороны.

— Давай-ка поторопи его. У него будет куча времени, чтобы отоспаться, когда мы вернемся.

Доброта и какое-то почти материнское чувство к Джанкарло уже покинули ее, верх взяла властность, а мягкость и теплоту вместе с ароматом кожи смысл утренний душ.

Им предстояло ехать на почту, чтобы оплатить квартальный счет за телефон. «Счета всегда должны оплачиваться вовремя, — любила повторять Франка. — Любая задержка может вызвать подозрения, и тогда начнутся всякие проверки и расследования». Если они попадут на почту пораньше, то окажутся среди первых у кассы, где производятся расчеты за наличные. Потом придется послоняться немного вокруг, чтобы не вызывать подозрений. Франка, в сущности, не нуждалась в том, чтобы вместе с ней на почту ехали и Энрико, и Джанкарло, но жизнь в этой квартире развили в ней клаустрофобию и ворчливость.

— Поторопи его, — приказала она, натягивая джинсы.

* * *

Раскинув на кровати свое стройное тело в шелковой розовой пижаме, с выражением досады и раздражения на отбеленном кремами лице Виолетта Харрисон пыталась определить источник шума. Вот уже часа полтора она старалась заснуть. Она повернулась на своем широком двуспальном ложе и упрятала лицо поглубже в подушки, ища спасения от назойливого звука, который заполнил уже всю комнату. Джеффри ушел тихо, не желая будить ее, даже туфли надел в прихожей. Перед уходом она почувствовала прикосновение его губ на своей щеке и мысленно сморщилась, ощутив крошки от тоста, только что съеденного им за завтраком.

Она не хотела вставать, пока не придет Мария и не уберет кухню. Там стояла грязная посуда, оставшаяся от ужина, а эта ленивая корова ни за что не появится раньше девяти. Господи, с ума можно сойти! Воздух уже так накалился, что она вся покрылась потом — и лоб, и шея, и подмышки, а ведь еще нет и восьми. Чертов Джеффри, он все время только собирается установить кондиционер в квартире. Она просила его об этом много раз, а он все откладывал, увиливал, говорил, что лето будет коротким, а установка стоит дорого. К тому же, неизвестно, сколько они здесь пробудут. Ему хорошо говорить, он не проводил целый день в этой турецкой бане, у него не потели подмышки и не чесалось в трусах. У него-то в офисе был кондиционер, а дома, он считал, в этом не было необходимости. Мерзавец!

Шум все еще продолжался.

...Она снова пойдет на пляж этим утром. Там, по крайней мере, хоть ветерок дует. Не очень сильный, конечно. Но хоть какая-то прохлада идет с моря, и кроме того, может быть, опять придет этот мальчишка. Он обещал. Нахальный дьяволенок, маленький развратник! Хотя не такой уж и маленький, с ним можно было бы позабавиться... О господи, Виолетта, у тебя хватает проблем и без этого!.. Он был весь такой мускулистый, с накачанным брюшным прессом и забавными вьющимися волосиками на ногах. Сначала он сказал ей пару комплиментов а потом уселся на ее полотенце. Можно было дать ему пощечину и уйти с пляжа в какое-нибудь кафе-мороженое... Развратный мальчишка! Она, Виолетта Харрисон, давно уже не девочка, а взрослая солидная дама, которая сама может позаботиться о себе, но и развлечься тоже не мешает. Нужно чем-то заняться, не сидеть же взаперти целыми днями в этой проклятой квартире. Джеффри целыми днями нет дома, а когда возвращается, то начинает ныть — и как он устал, и какой скучный был день, и что эти итальяшки понятия не имеют о том, как работать в офисе, и почему она не научится готовить макароны так, как это делают в ресторане, где он обедает, и не могла бы она поменьше расходовать электричества и экономить бензин, когда ездит на машине. Так почему бы ей немного не развлечься? Совсем чуть-чуть?

А тут еще этот чертов шум на дороге... От него невозможно отделаться, не закрыв окна, а для этого надо вылезать из постели.

Пришлось все–таки встать и посмотреть, что же это такое нарушает ее покой. В этот момент раздались звуки сирены, которые стряхнули остатки сна.

Первые полицейские машины, вызванные какой–то женщиной, уже подъезжали к месту, где был похищен Джеффри Харрисон.

За машины отвечал Энрико.

На этой неделе у них был «фиат-128», две недели назад «фиат-500», несколько великоватый для них, до этого — «мирафьори», а еще раньше «альфасуд». Надо признать, что Энрико был большим специалистом в своем деле. Обычно он сматывался из квартиры, пропадал где-то часа три-четыре, а потом, возвратясь, с довольной улыбкой торопил Франку скорее спуститься в гараж и оценить его работу. Эти его марш-броски, как правило, проходили ночью. Он не отдавал предпочтение какому-то определенному району, скажем, центру или далекой окраине. Работа была чистой, и Франка, одобрительно кивнув, пожимала его руку. А Энрико, эта горилла, сразу слабел в коленках, и на его лице появлялось выражение блаженства.

Их нынешней машиной, «фиатом-128», он был очень доволен, тем более, что она оказалась в прекрасном состоянии, видимо, хозяин хорошо заботился о ней. Стоило дотронуться до педали акселератора, и машина срывалась с места. Они ехали по улице Винья Клара в направлении Французского бульвара. Окружающие принимали их за отпрысков богатых родителей. Это был их имидж, служивший им отличной маскировкой. И хотя сгорбившийся сзади Джанкарло был небрит и плохо одет, никто не придавал этому значения — многие сыновья богачей, имевшие собственные квартиры в центре города, летом почти не брились. Дочерям тоже не требовалось быть с утра при полном параде, так что Франка с перевязанными мятым шарфом волосами не вызывала подозрений. Энрико вел машину быстро и уверенно, наслаждаясь свободой, избавлением от надоевших четырех стен квартиры. Франка считала, что он ехал слишком быстро. Она коснулась рукой его запястья, напоминая, что надо быть осторожнее, незачем привлекать к себе внимание этими бросками из ряда в ряд.

— Не глупи, Энрико, если мы кого-нибудь стукнем...

— Брось, все нормально.

Джанкарло считал, что такое фамильярное обращение Энрико недопустимо, оно казалось ему недостаточно уважительным. Никакого благоговения, даже головы не наклонит в знак извинения. На все у

него готов ответ. Он почти всегда был угрюм и необщителен, будто внутри него видело глубоко личное чувство ненависти, которым он ни с кем не делился. И потому он даже казался странным в те редкие минуты, когда смеялся и выглядел более человечным. Джанкарло хотелось знать, что он думает по поводу его отсутствия этой ночью, как относится к этому, что вообще творится за маской безразличия на его лице. Вряд ли его что-то волновало, такой он был уверенный в себе, самостоятельный, привыкший держать руль в своих надежных руках. Джанкарло только три недели провел в этой квартире, принадлежавшей Движению, ставшей их логовом, а Энрико находился рядом с Франком уже много месяцев. Между ними установились взаимопонимание и странное доверие. Этот зверюга отходил от нее, только когда она спала. Джанкарло не понимал их взаимоотношений, они казались ему слишком сложными.

Эти трое молодых людей в машине с настоящими номерными знаками и даже с настоящим талоном об уплате налога, приклеенным к переднему стеклу, легко слились с мирным напыщенным обществом, с которым на самом деле они вели непримиримую борьбу. Всего два дня назад Франка не смогла сдержать триумфального возгласа, когда прочла в одной из газет данные о том, что рост политического терроризма в Италии по сравнению с предыдущими годами был более значительным, чем в любой другой стране мира.

— Мы обогнали даже Аргентину, даже людей Монтанероса! Этим сволочам досталось от нас! А в этом году они прольют еще больше слез, уж мы постараемся.

В цифровых выкладках была и ее доля участия, и она не скрывала этого. Некоторые газеты и журналы даже присвоили ей почетный титул «Враг общества номер один (из женщин)». Франка презрительно усмехнулась, когда впервые прочитала об этом:

— Вот ублюдки! Даже тут не могут быть объективными: раз я женщина, то самым опасным врагом быть не могу. Они лучше удавятся, чем признают, что женщина представляет серьезную опасность для их общества. Даже в этом вонючем титуле должен быть указан мой пол!..

За последний год она восемь раз возглавляла ударные группы боевиков. Они устраивали засады для нападений на тех, кому был вынесен приговор Движения. Они не убивали свои жертвы, а только

калечили их, и люди становились инвалидами до конца жизни. Чисто психологически это действовало даже более устрашающе.

Восемь раз! Однако в Движении ее мало кто знал, кроме нескольких, самых высоких лиц. Восемь раз, но ни малейших признаков того, что пролетариат поднимается, не было. Франка считала это самой злой насмешкой, самым изощренным издевательством над тем, чему она посвятила свою жизнь, и верхом наглости по отношению к ней самой. Эти мысли были настолько невыносимы, что когда они приходили к ней поздним вечером в затихшей квартире, она шла к молодому компаньону Энрико. Эти ребята все время менялись, подолгу не задерживаясь, но всегда кто-то был. Энрико в это время уже спал. В такую минуту ей нужно было, чтобы кто-то лапал ее, чтобы юный, неопытный мальчик слился с ней в экстазе страсти. Это отгоняло неприятные мысли, и отчаяние улетучивалось под тяжестью молодого тела.

Для Движения наступали тяжелые и опасные времена. В воздухе носился аромат риска. После похищения и казни Альдо Моро государство мобилизовало все свои силы на борьбу с терроризмом, и многим группам пришлось исчезнуть. Конечно, это была акция огромного масштаба, организованная Бригадами, — захват Моро, суд над ним именем народа и вынесение смертного приговора. Но в Движении было немало и тех, кто выступал против подобных методов, советовал быть осторожнее, не поддерживал идею всеобщей забастовки. Они считали, что процесс разрушения буржуазного общества должен идти постепенно. И тех, кто разделял эти взгляды, становилось все больше и больше. Тергруппам пришлось глубоко спрятаться в норы, любое появление их членов на улице было связано с большим риском. Вероятность провала стала реальной, как никогда.

Съехав на обочину шоссе по желобу для стока воды, Энрико поставил машину наполовину на тротуаре, наполовину на дороге.

У Франки на руке были часы, но она все равно спросила с ноткой раздражения в голосе:

— Долго еще до открытия?

Энрико, привычный к ее выходкам, промолчал.

— Минуты две или три, если откроют вовремя, — подсказал Джанкарло.

— Что же нам так и сидеть тут? Пошли!

Она открыла дверцу и ступила на тротуар. Сидевшему сзади Джанкарло пришлось поднапрячься, чтобы сдвинуть сиденье вперед и последовать за ней. Франка уже удалялась от машины, и Энрико поспешил за ней — поскольку его место было рядом, она не должна была никуда идти без него. Джанкарло с восхищением смотрел на нее, на ее легкую и изящную походку. Тело в туго натянутых смятых джинсах трепетало. «Она и должна двигаться легко и изящно, ведь ее не сдерживает прижатый корпус тридцать восьмого калибра», — подумал про себя Джанкарло. Сам он ощущал его прикосновение всей своей плотью. Это совсем не то, что пачка «Мальборо» или жвачки. Это было нечто такое, что было продолжением его личности, он уже не мог жить без этого чувства. Тридцать восьмой калибр, с его несложным механизмом, магазином с газовыми пулями и спусковым крючком, со всем его могуществом обладал какой-то божественной властью над Джанкарло.

— Не надо всем идти туда, — проговорила Франка, шедшая в сопровождении Энрико с одной стороны и Джанкарло с другой, когда они уже почти подошли к дверям почты. Обращаясь к Джанкарло, она предложила:

— Сходи-ка через дорогу, купи газеты. Будет что почитать, когда вернемся к себе.

Джанкарло не хотелось оставлять ее, но это был приказ.

Он вернулся к дороге и оказался лицом к лицу со стремительным потоком машин, обычным для раннего утра, поискал просвет в движении, где можно было перейти на другую сторону Французского проспекта. Там, где высилось великолепное здание банка, как раз напротив почты, стоял газетный киоск. Он мог не торопиться, наверняка на почте они будут не первыми, всегда найдутся какие-нибудь дураки, которые приходят ни свет ни заря, чтобы оплатить счет за газ, телефон или электричество. Разумеется, это были не буржуа, они считали для себя унижительным стоять и ждать в очереди. Наконец Джанкарло заметил, что поток несколько замедлился, и бросился в этот водоворот капотов, бамперов, гудящих сирен и крутящихся колес. Небольшая остановка в середине дороги, где потоки разделялись. Потом еще одна задержка, уже почти у другого края, он рванулся наперерез мчащейся машине и выскочил у самого киоска с красочной, кричащей витриной, где были разложены газеты и яркие обложки

журналов. Он ни разу не оглянулся в ту сторону, где осталась Франка, и не заметил медленно подъехавшую машину из Скуадра Мобиле, оперативного полицейского подразделения. Джанкарло не подозревал о надвигавшейся опасности, не видел удивленного лица полицейского на переднем сиденье автомобиля при взгляде на женщину у входа в здание почты. Черты ее лица приковали его внимание. Джанкарло ничего не знал об этом, он стоял в очереди за газетами и не видел, как сидевший в машине с внезапно посуровевшим лицом приказал своему шоферу не суетиться, ехать с постоянной скоростью, а сам в это время лихорадочно листал альбом со снимками лиц, находящихся в розыске, который все время лежал в бардачке.

Джанкарло все еще стоял в очереди, когда в Квестуру ^[3] уже понеслось радиодонесение.

Джанкарло расслабился, руки в карманах, весь в мыслях о женщине, имя которой как раз в этот момент проносилось мимо него на волнах эфира. Уже несколько полицейских машин приближались к цели, все увеличивая скорость, уже взводились курки, а Джанкарло все витал в мечтах, снова и снова вспоминая Франку, ее бедра и грудь. Он не стал протестовать, когда его оттолкнула какая-то женщина в кремовом платье, довольно бесцеремонная дама, не стал скандалить и издеваться над ней, чего в другое время ни за что не упустил бы. Он знал, какие должен купить газеты: «Униту» — газету коммунистов, «Стампу», издававшуюся в Турине «Фиатом», «Републику» — газету социалистов, «Пополо» — правых и «Иль Мессаджеро» — левых. Франка особенно любила «Иль Мессаджеро». Там, в колонке «Хроника Рима» можно было прочесть об успехах их коллег, узнать, куда ночью упали «молотовки», так они называли бутылки с зажигательной смесью, о том, что творит враг, что создает друг. За пять газет — тысяча лир. Джанкарло пошарил в боковых карманах брюк в поисках монет и скомканных купюр, пересчитал деньги, устояв под напором мужчины, толкнувшего его сзади. Франка возместит ему эту сумму из кассы ячейки, находившейся в маленьком стенном сейфе с кодовым замком в ее комнате. Еще там лежали документы на случай непредвиденных обстоятельств и планы объектов для будущих атак. На тысячу лир, которые ему отдаст Франка, можно купить три бутылки пива в баре. Вечером, после наступления темноты, ему разрешалось выходить из дома. Это было запрещено только Франке. Но сегодня

вечером он не пойдет в бар, он сядет на коврик у ног этой восхитительной женщины и прижмется грудью к ее коленям, положив локоть на ее бедро. Он будет ждать наступления ночи, когда они вдвоем лягут в ее постель. Джанкарло вчера был в баре, а когда вернулся, увидел, что она, свернувшись, сидела в кресле, а Энрико развалился на софе напротив и спал, закинув ногу на подушку. Франка ничего не сказала, просто взяла его за руку, выключила свет и, как ягненка, повела в свою комнату. Так же молча она скользнула руками ему под рубашку и обняла за талию.

Эти воспоминания волновали его.

Джанкарло наконец расплатился с киоскером, отошел в сторону и развернул первую страницу «Иль Мессаджеро». Испанец Карильо и итальянец Берлингуэр встретились в Риме, на встрече еврокоммунистов, этих изменников делу пролетариата... Министр судоходства обвиняется в том, что запустил руку в казну государства — а что еще можно ожидать от этих ублюдков из демохристиан?.. Правительство социалистов ведет переговоры с христианскими демократами... сплошные игры в слова... Банкир арестован за неуплату налогов... Что и говорить, все общество больно, поражено коррупцией, эта раковая опухоль захватила мир, с которым они сражаются. Потом он нашел несколько сообщений, которые наверняка обрадуют Франку, — об успехах их соратников по борьбе. Антонио де Лаурентис из Неаполя, один из лидеров НАП, «самый опасный», как было написано в заметке, отбывавший тюремное заключение в одной из самых неприступных тюрем на острове Фавиньяна, совершил побег. В Турине взрывом нанесены тяжелые увечья исполнительному директору «Фиата». В этом году это уже тридцать седьмой случай, а прошло только восемь месяцев с его начала.

Джанкарло сунул газеты под мышку и взглянул, наконец, через дорогу на здание почты. Франка придет в бешенство, если он заставит себя ждать! В этом месте очень сложно с парковкой. Совсем рядом с их «128-м» стояли две желтых «альфетты» и серый «альфасуд». Он даже подумал о том, как они будут выезжать. О господи, если их заперли, Франка здорово рассердится! Глядя поверх потока машин, несущихся по дороге, Джанкарло увидел, как Энрико выходит из дверей почты — как всегда, настороженный и внимательный. В двух шагах позади шла Франка, невозмутимая, спокойная. О боже, и эта

женщина принадлежит ему! Походка ее была пружинистой, легкой, она не смотрела по сторонам.

Но вот что-то произошло. Все изменилось слишком быстро, он даже не успел ничего понять. Франка и Энрико уже отошли от дверей почты метров на пять. Вдруг двери трех машин, прилепившихся к их «Фиату», распахнулись и оттуда с криком выскочили несколько мужчин. Увидев в их руках оружие, Джанкарло все понял. Двое из них, с автоматами в руках, рванулись вперед и упали на землю. Энрико вывернул руку назад, быстро сунул ее под рубашку и выхватил спрятанный там пистолет.

Сквозь гул уличного движения Джанкарло расслышал пронзительный вопль обреченного Энрико, это был сигнал для Франки, похожий на крик самца, преградившего путь собакам, чтобы его лань успела скрыться в зарослях. Но она увидела и поняла безнадежность их положения быстрее, чем он. Едва Энрико успел вытащить свою «беретту», она уже приняла решение. Джанкарло видел, как она быстро наклонила голову, а потом проходящие машины скрыли ее от взгляда юноши. Когда он снова смог увидеть Франку, она уже лежала на земле с поднятыми за головой руками.

Энрико так больше и не видел ее, в свои последние минуты он верил, что его жертва была не напрасной. Это чувствовалось по тому, как он стрелял, как, сраженный пулями, корчась, лежал на асфальте и, еще не веря в начавшуюся агонию, пытался перевернуться со спины на живот. Мужчины с автоматами бежали вперед, все еще думая, что враг опасен, что он еще может ужалить. Из рта Энрико выбежала струйка крови, две другие, более темные, вытекали из ран на груди; они слились вместе, а потом снова разошлись у его раздробленных пулями ног. Но жизнь еще теплилась в нем, рука скребла по грязи в поисках выпавшего пистолета. Вот над ним склонилось несколько мужчин, одетых в обычные спортивные куртки и джинсы, одни были небриты, другие вообще с бородами, третьи с длинными волосами, свисавшими до плеч. И для умиравшего Энрико, и для Джанкарло было ясно, что это за люди. Это были тайные агенты специального отряда по борьбе с терроризмом, так же преданные своему делу, такие же сильные и безжалостные, как и те, с кем они боролись. Раздался еще один выстрел, навеки остановивший неистовство ищущих рук Энрико.

Это напоминало казнь. Поганые свиньи, ублюдки!

Мужчина, стоявший рядом с Джанкарло, быстро перекрестился. Какая-то женщина согнулась в приступе тошноты. На той стороне дороги остановилась машина, и из нее выскочил священник. Двое мужчин, приставившие револьверы к голове Франки, закрыли ее от глаз Джанкарло.

Ужасная боль пронзила все тело юноши, руки его по-прежнему сжимали свернутые газеты, а не тянулись к оружию, сдавившему бедро. Он видел, что часть собравшейся толпы была поражена отвагой Энрико и тем, как он сопротивлялся до последней минуты жизни. Он не спрятался, а, стреляя, побежал вперед, потому что это была его работа, порученная ему Движением, — быть защитником Франки Тантардини. Но если и Джанкарло сделает сейчас то же самое, то будет точно так же лежать в компании с Энрико. Ноги его застыли на месте, руки были неподвижно опущены — он как бы стал частью тех, кто ждал конца представления.

Франку, совершенно не сопротивлявшуюся и безвольную, поставили на ноги и потащили в машину. Двое держали ее за руки, а третий шел впереди, намотав на руку пряди ее светлых волос. Он хотел ударить ее в голень, но не достал. Джанкарло понимал, что глаза Франки, хоть и были открыты, но ничего не видели, она была, как в тумане, все то время, что шла к открытой двери машины.

Увидела ли она его, того, кому покорились прошлой ночью?

Увидит ли он ее еще хотя бы раз?

Ему хотелось дать ей какой-то знак, махнуть рукой, крикнуть, что он здесь, что он не бросил ее. Но разве мог он сделать это? Энрико уже мертв, а он, Джанкарло, жив и дышит, потому что отступил, отмежевался. Что же делать? В машине, увозившей Франку, уже застучал мотор. Когда они выезжали на проезжую часть улицы, в воздухе зазвучал хриплый сигнал сирены. Еще одна «альфетта» сопровождала их сзади. Выехав на дорогу, машины начали делать разворот. Они почти подъехали к тому месту, где стоял Джанкарло. Толпа вокруг нажимала, пытаясь получше разглядеть лицо женщины. Но они быстро отступили, когда в окне появилось лицо мужчины, державшего автомат. Выли сирены, гудели, моторы машин. Какое-то время они оставались в поле зрения Джанкарло, а потом он потерял их из виду из-за потока машин и подъехавшего автобуса.

Его затопило чувство стыда, он чувствовал огромную собственную вину за то, что случилось. Юноша медленно шел по тротуару, дважды он даже наткнулся на спешащих ему навстречу людей. Он боялся, что они обратят внимание на его волнение. Но все же он был достаточно осторожен, чтобы не бежать, а спокойно идти шагом, не пытаясь нигде спрятаться. Он делал это автоматически, логично мыслить его мозг был сейчас не в состоянии. Перед глазами все время стояло лицо шедшей в наручниках с затуманенным темно-золотистым взглядом Франки. Он не смог помочь ей.

Она называла его лисенком, сжимала в своих объятиях его тело, целовала кожу на животе, была его властительницей. А теперь он, подхваченный течением, шел куда-то с налитыми свинцом ногами, с невидящими влажными глазами.

* * *

Британское посольство в Риме занимало превосходный участок по улице 20-е Сентября, 80а, отделенный от городских кварталов высокой изгородью, лужайками и искусственным озером с выложенными камнем берегами. Само здание, невероятно оригинальное, с поддерживающими его колоннами из серого цемента и узкими конусообразными окнами, было спроектировано знаменитым английским архитектором. Предыдущий владелец этого земельного участка был убит то ли еврейскими террористами, то ли мафией, то ли какими-то борцами за свободу, останавливавшимися здесь в поисках своей потерянной Родины. Архитектор создавал свое творение еще в те времена, когда Королевская власть была влиятельной силой. Сейчас из соображений экономии расходы Посольства были значительно урезаны, что уменьшило и его штаты. Многие дипломаты выполняли работу за двоих.

Первый Секретарь посольства, ведавший вопросами политики итальянского государства, также курировал и вопросы безопасности, для чего поддерживал связь с Квестурой. Политика и безопасность были странным сочетанием, как эстетика и приземленность. Два предыдущих поста Майкла Чарлзворта — в Виентале и Рейкьявике — были довольно сложными и по его собственному мнению, и по

мнению его коллег. В течение трех лет он овладевал там всеми тонкостями работы, и блестяще справлялся с этим, рассчитывая, что его пошлют в страну, где он мог бы использовать накопленный опыт. После Исландии, с этими сложными спорами времен холодной войны, с проблемами рыболовства, которые были весьма важными для его соотечественников, ведь рыба была одним из традиционных товаров Великобритании, — после всего этого назначение в Рим, где сферой его деятельности стала римская политика и связь с полицией... Это несло на себе даже оттенок некоего шарма, и Майкл не был разочарован.

Чарлзворт добился у Посла увеличения затрат на аренду жилья для себя и устроился с женой в доме недалеко от центра, в пределах слышимости, но не видимости с центральной площади итальянской столицы. Найти рядом гараж для машины было невозможно. Жена парковала свой автомобиль прямо на площади, что было довольно унижительно для его положения, а сам он пользовался велосипедом, к которому прирастился еще двадцать лет назад, когда учился в Кембриджском университете. Вид англичанина, нажимающего на педали, одетого в темный костюм в полоску, со складным зонтом и атташе-кейсом на багажнике, был поучительным зрелищем для итальянских автомобилистов, которые из уважения к его усилиям проявляли к нему необычную предупредительность. На велосипеде он мог проехать даже по склонам садов в районе Боргезе, это позволяло очень быстро добираться до работы, и частенько он первым из высших чиновников Посольства появлялся на своем рабочем месте, задолго до всех остальных.

Он поприветствовал привратника, повесил замок на свою «машину», запарковал ее в отведенном специально для него месте, отстегнул от брюк клипсы и, кивнув охранникам на первом этаже, взбежал на третий этаж. Вот уже он идет по длинному коридору к своему кабинету. Еще не дойдя до двери, он услышал телефонный звонок. Быстро повернув ключ в замке, Чарлзворт распахнул дверь, бросил зонтик и дипломат на стул и рванулся к телефонной трубке. — Pronto ^[4], — запыхавшись, он ответил не совсем так, как положено.

— Синьор Чарлзворт?

— Да.

— С вами говорят из Квестуры. Одну минуту... на проводе дотторе Джузеппе Карбони.

Небольшая заминка. Его впервые соединяли с таким высоким чином из Квестуры. Снова извинение, потом раздались какие-то щелчки, и чей-то голос с коммутатора, обращаясь к Карбони, сообщил, что его задание выполнено, связь установлена. Чарлзворт был знаком с дотторе Карбони, они виделись иногда, но друзьями не были. Карбони было известно, что с Майклом Чарлзвортом лучше говорить по-английски, хоть они и окончили курсы языков. Со слабым американским акцентом Карбони спросил:

— Чарлзворт, это вы?

Ответ был осторожным. Ни один человек не испытывает счастья от общения с полицией, тем более, с полицией иностранного государства в четырнадцать минут девятого утра.

— У меня для вас плохие новости, друг мой. Я прошу прощения. В Риме работает один ваш соотечественник — финансовым инспектором в международной химической корпорации, с которой сотрудничают многие транснациональные компании... Его фамилия Харрисон.

«Что этот зануда мог натворить? — думал про себя Майкл. — Вздул полицейского? Напился до чертиков? Нет, это невозможно. Но если звонит сам Карбони, если это вышло на такой уровень..»

— Я глубоко сожалею, мистер Чарлзворт, что мне приходится сообщать это вам, но Джеффри Харрисон сегодня утром похищен. Вооруженные террористы схватили его прямо у дома.

— О боже, — произнес Чарлзворт, тихо, во внятно.

— Я понимаю ваши чувства. Тем более, что это первый случай, когда похищен иностранец.

— Я знаю.

— Мы делаем все возможное. Все дороги блокированы...

Голос его постепенно затихал, а потом и вовсе замер вдали, будто Карбони понял, что напрасно рассказывает этому человеку о том, что предпринимает полиция. Потом он заговорил снова:

— Вы же знаете, мистер Чарлзворт, эти люди так организованы, так изощренно действуют... Маловероятно, поймите меня правильно, весьма маловероятно, что наши усилия дадут какие-то результаты.

— Я знаю, — снова сказал Чарлзворт. По крайней мере, ему честно сказали о возможном результате, и он ничего не мог возразить на это, кроме как выругаться. — Я уверен, что все возможное вашими подчиненными будет сделано...

— Вы можете помочь мне, Чарлзворт. Я звоню вам первому, прошло всего полчаса с момента похищения, мы еще не были дома у Харрисона и не разговаривали с его женой. Вероятно, она не говорит по-итальянски. Мне кажется, будет лучше, если кто-нибудь из посольства поедет к ней и сообщит о случившемся.

Теперь всему посольству была обеспечена порция ночных кошмаров, да и не только посольству, а всем их соотечественникам, находившимся сейчас здесь, в Риме. Ну и паскудная работа, — с чем приходится иметь дело!

— Это очень любезно с вашей стороны.

— Лучше, если вы захватите с собой доктора, когда поедете к ней. Поверьте моему опыту, это может пригодиться, особенно в первые часы. Это такой шок... ну, вы понимаете...

— Да, конечно.

— Я не хочу читать вам лекции, у меня очень мало времени, да и у вас дела, но я считаю, что вы должны связаться с лондонским руководством корпорации, где работает мистер Харрисон. Если похищен сотрудник такой крупной компании, то наверняка будут требовать выкуп, превышающий размеры его банковского счета. Они полагают, что выкуп будет платить корпорация. Это будет большая сумма, мистер Чарлзворт.

— Вы хотите, чтобы я предупредил их об этом? — спросил Чарлзворт, записывая что-то в своем блокноте.

— Они должны определить свою позицию, и как можно быстрее. Пусть они сразу сообщат вам об этом по телефону.

— Черт, ну и утро! Но я думаю, что они обязательно зададут мне один вопрос, от которого будет зависеть их решение. Вы считаете, что это работа профессионалов?

Майкл почувствовал, как усмехнулся Карбони и затрепетала мембрана в телефонной трубке. Потом он ответил:

— Что вам сказать, Карбони? Вы же читаете наши газеты, смотрите выпуски новостей. Знаете, как мы против них действуем. Вы ведь в курсе, сколько раз они выходили победителями и сколько раз

мы. Мы не скрываем этих цифр, вы их тоже знаете. Если вы посмотрите на результаты, то увидите, что есть группы любителей — позвольте мне воспользоваться спортивным термином, вы как настоящий англичанин, должны понимать такие сравнения — так вот, любителей мы ловим. Но дает ли нам это победу в общем счете? Я бы хотел, чтоб это было так, но, к сожалению, этого нет. Профессионалов бить очень тяжело. И вы в разговоре с руководством мистера Харрисона скажите что полицией будет предпринято все возможное, но его жизни грозит серьезная опасность. Они должны понимать это.

Чарлзворт грыз карандаш.

— Вы считаете, что корпорация должна заплатить?

— Мы поговорим об этом позже. Сейчас это преждевременно.

Небольшая поправка, сделанная мягко, по-доброму. Нельзя говорить о завещании и наследниках, пока труп еще не остыл.

— Но я не думаю, что семья похищенного или его компания должны вести себя иначе, чем итальянцы, оказавшиеся в подобной ситуации.

То есть намек на то, что надо платить. Яснее не может быть сказано. Весьма прагматический подход, для полицейского это должно быть ужасно неприятно — говорить такие вещи.

— Может возникнуть много сложностей. В Англии на это смотрят иначе.

— Вы не в Англии, Чарлзворт. — В голосе Карбони появилась нотка нетерпения. — В Англии тоже не все так прекрасно. Я помню два случая, когда требования о выкупе не были выполнены — и в результате две жертвы, два трупа. Здесь не просто надо принять то или иное решение. Думаю, сейчас не время дебатировать этот вопрос, мы можем сделать это позднее. Сейчас надо делать кое-что другое.

— Я высоко ценю все, что вы делаете, дотторе.

— Не стоит. — Карбони повесил трубку.

Пять минут спустя Чарлзворт был уже на первом этаже, ожидая приезда Посла, а в его ушах все еще звенел крик жены Харрисона, когда он звонил ей.

— Кто будет платить? Неужели они не знают, что у нас нет денег? В банке ничего нет... Кто будет отвечать за все это?..

Нечего и говорить, что Чарлзворт успокаивал ее как мог, но его голос тонул в ее криках. Наконец он сказал, что ему надо идти на

встречу с Послом. После этого крики прекратились. Глухое рыдание со стоном вырвалось из ее груди и ворвалось в трубку, как будто рухнула плотина, сдерживавшая напор чувств.

Где он, бедный? Что они с ним делают? Наверно, заперли где-нибудь одну. Сломленного, страдающего... Без всякой надежды на спасение, — ведь такие идиоты, как Майкл Чарлзворт и Джузеппе Карбони будут только махать руками и бегать по кругу. Лучше бы он не догадывался об этом, это может вконец сокрушить его, и он сдастся. А есть надежда, что Посол появится раньше девяти часов? Вообще есть хоть какой-то шанс спасти его?

* * *

Они связали его мастерски, как быка на бойне. Не просто завязали веревкой ноги, тут была мастерская работа.

Джеффри Харрисон минут двадцать пролежал на покрытом грубой мешковиной полу, прежде чем смог пошевелить руками и ногами. Действие хлороформа закончилось, шок и оцепенение от неожиданности нападения проходили. Кости лодыжек были тесно прижаты друг к другу и связаны шнуром, впившимся в кожу. Металлические наручники на запястьях тоже были слишком тугими, они сдавливали сосуды. Широкая клейкая лента, зажимавшая рот, заставляла его дышать через нос. Любые звуки, которые он пытался произнести, превращались в нераздельное мычание. Один из конвоиров небрежно связал его еще тогда, когда Джеффри находился под действием хлороформа. Но другой, огромный верзила, мастерски сделал эту работу заново.

Они накрыли его капюшоном, ограничив все его чувства обонянием и осязанием. Капюшон был влажным, он наверно всю ночь пролежал где-то в траве, а утренняя роса промочила его. Из-за наручников за спиной он мог лежать только на боку. При каждом толчке Харрисон ударялся плечом в рифленую поверхность пола.

Казалось, они ехали где-то вдали от шума улиц и перекрестков с монотонной убаюкивающей скоростью. Несколько раз он слышал шум обгонявших их машин, фургон при этом трясся, как под напряжением, и сдвигался влево. В один такой момент они остановились, и Джеффри

услышал голоса, быстрый обмен репликами. Потом фургон снова тронулся с места, колеса начали вращаться все быстрее. Джеффри задумался, мысленно представляя дорогу, по которой они сейчас ехали. Может быть, это Раккордо Аннуларе с гирляндами белых и розовых олеандров между грохочущих шлагбаумов. Здесь должна находиться платформа, где собирали пошлину за выезд на автостраду. А может быть, это северная Флоренс-Роуд или западная Лякилла, ведущая на Адриатическое побережье, или южное направление на Неаполь. Эти скоты могут поехать по любой дороге. Он подумал, что обладает достаточным интеллектом, чтобы определить путь, по которому его везут, но накатившая волна отчаяния отогнала эти мысли. Какая разница, куда его везут? Даже если он узнает это, ничего не изменится, ведь он не может контролировать ход событий. Джеффри почувствовал себя подопытным кроликом. Впервые его охватило чувство гнева. Веревка, стягивающая его ноги, натянулась, он кусал ленту, закрывавшую его рот. Гнев настолько овладел им, что на глазах его даже выступили слезы. В стремлении выиграть хотя бы сантиметр свободы он изогнул спину и напряг мускулы.

Никакого толка. Не пошевелиться. Не двинуться. Ничего не изменить. Заткнись, Джеффри, не впадай в патетику. Может быть, еще попробовать?

Нет, надо забыть об этом. Они снова придут с автоматами и хлороформом и еще туже затянут узлы, сковавшие его тело.

Он резко опустил вниз голову, ударившись о пол, и замер от охватившей его боли. В висках стучало, ноздри забивал запах, идущий от капюшона. Он лежал неподвижно, потому что понял: сделать ничего не сможет.

Действиями Джанкарло руководил инстинкт самосохранения.

Это был инстинкт зверя, потерявшего свою самку, покинувшего нору, бегущего куда глаза глядят и сознающего лишь, что должен как можно дальше уйти от того места, где находятся его враги. Джанкарло хотелось мчаться, обгоняя пешеходов, заполнивших в это время улицы, но давала себя знать выучка. Он даже не торопился, а шел, как бы прогуливаясь, ни одним жестом не показывая окружающим, что вооружен.

Суматоха и крики наступившего дня оглушили его. А тут еще нетерпеливо сигналящие автомобилисты. И сокрушительное воздействие гастрономических витрин, где выставлены и сыры, и ветчина, и разные консервы, и вина. На улицу из баров выплескиваются отголоски громких споров. Джанкарло со всех сторон окружали уверенные, спокойные звуки жизни. Юноша старался сосредоточиться на собственных мыслях, чтобы не попасть под влияние окружающей обстановки, привлекавшей и волновавшей его. Он не чувствовал себя частью этих людей.

С того времени, как НАП начала свое существование в начале семидесятых годов, сначала просто как собрание людей с одинаковыми взглядами и устремлениями, а потом как подпольная организация, основным принципом ее построения была система ячеек. Ничего особенно революционного, абсолютно нового в этом не было. Так повелось еще со времен Мао, Хо и Че Гевары. Это описано во всех теоретических трактатах. Члены самостоятельных ячеек не знали ни имен своих единомышленников, ни местонахождения других групп. Этот принцип позволял избежать значительного ущерба Движению, если кто-то попадался. Франка руководила их ячейкой. Она одна знала потайные места, где хранилась амуниция, боеприпасы, где были спрятаны списки членов Политкомитета с адресами и телефонами. Она никому не рассказывала об этом: ни Энрико, ни тем более Джанкарло, новичку в их деле. В этом не было никакой необходимости.

В квартиру, где он жил до того, как попал в группу Франки, вместе с девушкой и двумя парнями, он вернуться не мог — она была оставлена Движением. Он мог бы поехать в этот район и поспрашивать соседей, где могли сейчас находиться его бывшие товарищи по квартире, но не знал их имен, и представления не имел, где они могли бы теперь быть.

Есть ли вообще в этом беспорядочно текущем потоке тот островок, где он может найти дружеское рукопожатие или приветливый кивок головы? Юноше стало страшно — без Франки он абсолютно одинок. Как будто поднялся ветер, и небо заволочло грозowymi облаками, а его корабль, потеряв управление, несется прямо на скалы.

* * *

Джанкарло Баттистини, девятнадцати лет.

Небольшого роста, тщедушного телосложения, почти ничтожество в физическом отношении. Он выглядел заморышем с вечно голодным лицом. У женщин при взгляде на него возникало желание немедленно схватить и накормить его, потому что если не поторопиться, он окончательно сохнет и скрючится. Темные вьющиеся волосы, закрывавшие лицо сверху, выглядели неопрятно. На бледной коже, покрытой щетиной, ярко пылали пятна прыщей. Он постоянно прикасался к ним своими пальцами. Самой отвратительной особенностью его лица был шрам, начинавшийся на переносице, а потом спускавшийся вниз на правую скулу. Он был результатом удара дубинкой, за что Джанкарло должен был благодарить полицию, когда опрометчиво ударился в бегство и подвернул ногу. Тогда он был студентом и уже два семестра проучился в университете в Риме. Он выбрал факультет психологии только потому, что курс обучения на нем был долгим, а его отец мог себе позволить заплатить за четыре года обучения. А что еще могло иметь значение для него?

Университет оказался Джанкарло раем свободы. На лекциях можно было появляться только в начале дня. Встречи с кураторами были редкими или вообще отменялись. Экзамены часто откладывались. В общежитии, которое находилось совсем рядом с

учебным корпусом университета, они вели бесконечные разговоры, смелые и даже дерзкие.

В ту последнюю зиму, когда он учился, вокруг университета происходили бурные сражения. На их знаменах было написано: «АВТОНОМИЯ!», то есть «свобода». Они заставили полицейских вернуться обратно, под прикрытие привезших их автомобилей. Они выгнали Лучано Ламу, профсоюзного лидера из КПИ [5], который призывал их к выдержке, согласию и ответственности. Они вытолкали его в шею, этого коммунистического штрейкбрехера в дорогом костюме и начищенных ботинках. Их было шестьсот человек — сепаратистов, боровшихся за Автономию, и Джанкарло был среди них одним из первых. Сначала они проводили митинги, а потом дело дошло и до настоящей борьбы. К ним отнеслись со всей серьезностью. Действительно, эта жизнь показалась раем для юноши с побережья, где его отец торговал хлопковыми платьями, блузками и юбками, а зимой — одеждой из шерсти, кожи и замши. Он был владельцем магазина.

Успешное начало забастовки сменилось отступлением и бегством. Баталии Автономии были отзвуком репрессий в Аргентине, отзвуком гибели Баадера, Распе и Энселина. Курс обучения был изменен, занятия отменили. Против этих новых фашистов из Автономии была вызвана полиция. С просторов университетского городка их выбили в узкий лабиринт центра столицы. Но здесь полиция была лишена широты маневра — оружие могло задеть посторонних. В белых пуленепробиваемых жилетах они выглядели внушительно и могли чувствовать себя в безопасности, но применять могли только газ или дубинки. Полицейским совсем не хотелось преследовать этих детей в таких условиях, тем более что обзор был минимальным и количество бензина в баках уменьшалось.

Джанкарло, обмотанный шарфом почти до самых глаз, как для защиты от газа полицейских пистолетов, так и чтобы скрыться от объективов газетных репортеров, никогда не испытывал такого наслаждения, почти оргазма, смешанного с радостной болью, как в тот момент, когда он выбежал на мост и запустил бутылку с зажигательной смесью в бронированный джип. Пронзительный вопль извергнулся оттуда, когда бутылка разорвалась и вверх взметнулось пламя. Рев одобрения раздался позади него. Огонь все сильнее охватывал место

взрыва, совсем рядом с Джанкарло. Потом началось возмездие. Человек двадцать побежали к нему, и он рванулся бежать, ища спасения. Безумное, ужасное мгновение, казалось, земля вздыбилась и заколыхалась у него под ногами. Он перестал управлять собой, топот нагонявших его ног стучал в мозг. Казалось, ему оторвали руки от головы и он подумал, что туда вбили полицейскую дубинку. Лицо превратилось в кровавое месиво, во рту чувствовался сладковатый привкус крови. Били по ногам и в живот. Вокруг раздавались голоса — это были голоса крестьян с юга Италии, голоса рабочих, которых купили, сделали «слугами демократии», а они были так глупы, что даже не понимали этого.

Два месяца он провел в тюрьме Реджа Коэли, ожидая судебного разбирательства. А потом еще семь месяцев заключения за то, что бросил бутылку.

Ну и сука была эта тюрьма! Невыносимая жара и зловоние в течение всего лета, которое он провел в этой душегубке. В камере, кроме него, находились еще двое. Он был лишен свежего воздуха, личного достоинства, был ввергнут в мир гомосексуализма, воровства и лишений. Еда несъедобна, сокамерники невежественны, даже скука была здесь невозможна.

Он получил заряд ненависти и отвращения, пока находился в тюрьме. Ненависти и отвращения к тем, кто засадил его туда, к полицейским, бившим его дубинками и разбившим лицо в кровь. Они потешались на своем дурацком диалекте над маленьким сморщенным интеллектуалом.

Джанкарло искал возможность для контрудара, а нашел шанс для мести в камерах на верхних этажах тюрьмы, в крыле Б, где сидели наповцы. Одни из них находились под следствием, другие уже отбывали срок. В выражении его глаз и дрожании нижней губы они прочли, что это их человек и что его можно успешно использовать. В этих душных, сырых камерах Джанкарло познал теорию и практику, обрел опыт и познакомился со стратегией борьбы в условиях города. Это был новый рекрут, новый доброволец. Ему давали для запоминания схемы устройства различных видов оружия, обучали, как маскироваться и устраивать засаду, вбивали в голову политические шли борьбы, знакомили с ужасающими фактами коррупции и злоупотреблений правительства и капиталистического общества в

целом. Эти люди знали, что никогда не увидят плодов своего труда, но они были рады уже тому, что нашелся человек, верящий им, податливый и послушный их воле. Они были довольны им. Слух о новых друзьях Джанкарло быстро разнесся по тюрьме. Гомосексуалисты уже не подсаживались к нему, чтобы дотронуться до его гениталий, воры не трогали сумку под кроватью, в которой он хранил личные вещи, конвоиры не задирались.

За месяцы, проведенные в тюрьме, он прошел путь от студента, который протестовал только потому, что это было модно, до политического борца.

Его родители никогда не навещали его. Он не видел их с того самого момента, когда они стояли в суде, наполовину скрытые от него спинами охранников. Он видел гнев на лице отца и слезы матери, которые она вытирала, размазывая тушь. На отце был воскресный костюм, мать одела черное пальто, казалось, они хотели произвести впечатление на судью. Цепь, свисавшая с его наручников, была довольно длинной, и это дало ему возможность поднять правую руку и сжать ее в кулак, изобразив этот жест борца, приветствие левых. Потом потряс обеими руками в воздухе. Пусть поразмышляют немного, когда поедут по автостраде через горы домой. Этот снимок опубликует одна из газет на Адриатическом побережье, где жили его родители, его увидят местные дамы и, выходя из магазина отца, будут шептаться и хихикать, прикрывая рот ладошкой. За время пребывания в тюрьме Джанкарло получил только одно письмо из семьи, написанное корявым почерком его брата Фабрицио, юриста по образованию, пятью годами старше его. Он писал, что комната Джанкарло ждет его, мама оставила все так, как было до его отъезда в Рим. Папа подыщет для него работу. Он сможет все забыть и начать сначала. Джанкарло аккуратно разорвал письмо на мелкие кусочки и рассыпал по всему полу камеры.

Когда подошло время покинуть тюрьму, заключенные из крыла Б подробно проинструктировали его о дальнейших действиях. Он прошел через металлические ворота и вышел на улицу, ни разу даже не оглянувшись на облупившуюся штукатурку высоких грязно-коричневых стен. Как ему и обещали в тюрьме, недалеко от ворот его ждала машина, а на заднем сиденье он увидел девушку, которая уже приготовила для него комнату. Они представились друг другу, потом

заехали выпить кофе и коктейль из шотландского виски и взбитых сливок «а-ля капуцин», его угостили сигаретами, импортными, дорогими.

Теперь ему по полгода приходилось скрываться, по полгода находиться в бегах, а он тем не менее поражался охватившему его ощущению личной свободы, думая о том, как долго его крылья были сложены и расправились только за запертой дверью тюремной камеры.

Как-то он некоторое время жил в квартире вместе с человеком, которого все называли Шефом, через открытую дверь он видел его лицо в профиль, густую бороду. Он был невысокого роста, в глазах и линии рта чувствовалась недюжинная сила. Теперь Шеф находился в тюрьме на острове Асинара. Говорили, что он стал жертвой предательства.

В другой раз, случайно заглянув в спальню, чтобы отдать сигареты, за которыми его посылали, он увидел спящего человека, в котором узнал лучшего специалиста в Движении по организации взрывов. Говорили, что его тоже кто-то предал, и он получил пожизненное заключение в тюрьме на каком-то острове.

Джанкарло вспомнил еще один момент, когда он вместе с Антонио Ла Мушио и Миа Вьянале сидели на ступеньках церкви, и они ели сливы, а сейчас он уже в могиле вместе с положенным рядом карабином, а она гниет в тюрьме в Мессине.

Тяжелые и опасные то были времена, только в последнее время стало немного поспокойнее, благодаря опыту и благоразумию Франки.

Но, несмотря на сжимавшуюся вокруг них сеть. Франка в последнее время отвергала безопасность бездеятельности. Она говорила: «Двести пятьдесят левых политзаключенных находятся в тюрьмах, и многие думают, что скоро одолеют нас. Об этом уже говорят по телевидению, в конгрессе. Мы не должны прекращать борьбу, нам надо открыто демонстрировать, что мы не побеждены, не уничтожены». Франка не сыпала наивными призывами и лозунгами, как это делал первый командир Джанкарло. Она не употребляла избитые штампы, вроде «враги пролетариата», «репрессивные силы», «капиталистическая эксплуатация». Это немного смущало юношу, поскольку зги термины стали частью его жизни, прочно вошли в его лексикон. Свой гнев Франка выражала без слов, самоотверженность — сжатым, побелевшим указательным пальцем правой руки. Три

человека, прикованные к больничной постели, и еще один, который находился в частном доме под присмотром сиделки, — такова была ее месть за людей, которые уже никогда не выйдут на свободу, не будут гулять со своими детьми, не лягут в постели со своими женами.

Конец был неминуем. Слишком велик был риск, слишком горяч след, слишком неравная борьба.

* * *

Джанкарло перешел дорогу, не замечая машин, не обращая внимания на сигнал светло-зеленой «аванти», не слыша звуков сирен, игнорируя их оскорбленный рев. Вероятно, ему надо было принести ей цветы в тот вечер. Стоило сбегать на площадь и купить у цыганки несколько фиалок или букетик анютиных глазок. Только ничего кричащего, ничего, что могло бы вызвать ее насмешку. Эта простые полевые цветы вызвали бы у нее улыбку и лицо ее помягчело бы, с ее губ сошло бы выражение жесткости. Он впервые увидел ее такой, когда она шла под прицелом полицейского.

Но теперь цветы ей не помогут, тем более от человека, который сбежал вместо того, чтобы помочь ей. Он уже чувствовал пустоту в желудке, а утолить голод было мало шансов. Его бумажник остался в квартире на маленьком столике около неразобранной постели. В боковом кармане было немного мелочи и несколько мелких банкнот, всего сто — сто пятьдесят лир. Этого могло хватать лишь на порцию спагетти или сэндвич с чашкой кофе, или бутылку пива, а после этого — ничего. Еще ему нужно было лир двести, чтобы купить дневную газету — «Паэзе Сера» или «Моменто Сера». А между тем кошелек остался в квартире. В течение дня он прикасался к нему тысячу раз, и на нем наверняка сохранились отпечатки его пальцев. Полиция снимет их с бумажника при помощи специального напыления и проверит по своим архивам. У них уже есть его отпечатки, которые были сняты сразу после ареста.

Они вычислят его уже к полудню, у них есть даже его фотография. Они будут знать о нем все, что захотят.

Надо что-то придумать, надо вырваться из навалившейся депрессии. Глупый сопляк, приди в себя! Веди себя, как мужчина!

Надо найти путь к спасению.

С чего начать?

Университет.

Но сейчас лето, каникулы. Там никого нет.

Что еще? Куда еще ты можешь пойти, Джанкарло? Домой к маме, сказать ей, что все это было ошибкой, что встретил плохих людей?

Может, в университете все—таки кто—то есть?

Университет был лучшим шансом получить постель без единого вопроса. Он не был там после своего освобождения, Надо проявить чрезвычайную осторожность. В университете всегда было много всякого рода информаторов и даже полицейских ищек, которые тоже носили книжки в сумке и ничем не выделялись в толпе. Но если бы ему удалось встретить нужных ребят, они бы спрятали его, ведь они очень уважали его за участие в забастовках. А то, что он участвовал в настоящей войне и даже бросил бутылку с зажигательной смесью сделало его в их глазах настоящим мужчиной. Уж они бы позаботились о нем и не бросили его в университете.

Ему предстоит длинный путь, через Понте Фламинио, по Париоли, потом по широкому проспекту королевы Маргариты. Ободренный принятым решением и ясной целью, он ускорил шаги. В этой дальней дороге был большой риск, ведь скоро и его имя, и внешность, и даже описание одежды будут сообщены по рации всем полицейским машинам, курсировавшим по городу. Но выбора у него не было.

* * *

Из—за того, что Франческо Веллоси непосредственно подчинялся министру внутренних дел, его офис находился в центральном особняке министерства, в невысоком здании из серого камня на улице Виминале, на третьем этаже. Его сотрудники сидели или в километре отсюда, в здании Квестуры, или еще дальше — в западной части города, в здании криминальной полиции. А он, как руководитель подразделения по борьбе с терроризмом, должен быть все время под рукой у своего начальника. Кабинет Веллоси находился почти рядом с кабинетом министра, что подчеркивало лишний раз угрозу, которую

представляли для Италии террористические группы. Его апартаменты представляли собой великолепную комнату, в которую вели высокие двойные двери из отполированного дерева, с богато украшенного потолка свисала люстра с искрящимися канделябрами, на стенах висели картины, написанные маслом. В кабинете стояли огромный письменный стол с инкрустированным кожаным верхом, легкие стулья для посетителей, кофейный столик с журналами и подносом с посудой. Между двух больших окон висел портрет Президента с дарственной надписью. Франческо Веллоси, тридцать лет проработавший в полиции, терпеть не мог этот кабинет и многое бы отдал, чтобы поменять эту блестящую обстановку на незамысловатую рабочую комнатку. Обычно к полудню солнце уже заливало кабинет, но сейчас, ранним июльским утром, его лучи еще не проникли сюда.

На полпути между своей холостяцкой квартирой и служебным кабинетом по радиотелефону Веллоси уже предупредили о том, что его люди добились какого-то важного успеха. Когда он ворвался в офис, его уже ждали, чтобы сообщить о случившемся и показать ксерокопии дел на Франку Тантардини и Энрико Паникуччи.

Веллоси с энтузиазмом пролистывал страницы. Им пришлось пережить трудные зиму и весну из-за гибели в прошлом году Альдо Моро. Они произвели кое-какие аресты, среди них были и значительные, и бесполезные, но эта эпидемия взрывов и перестрелок продолжала свое бурное шествие, вызывая беспокойство членов парламента, представителей христианских демократов, и бесконечные требования к министру принять какое-то решение. Эти решения потом всегда передавались Веллоси, догоняемые и перегоняемые потоком свежих новостей о только что совершенных террористических актах. Веллоси давно уже отчаялся в попытках найти такого политика или высокопоставленного чиновника, который не побоялся бы взять на себя ответственность за действия, которые он называл «неотложными мерами», — тяжелые и даже жестокие, как и применение суровых мер, которые он считал безусловно необходимыми; он все еще надеялся встретить такого человека.

И вот наконец хорошие новости. Веллоси решил, что надо издать специальный приказ о проведении на высоком уровне фотосъемок этой женщины, Тантардини. Есть повод немного погордиться

достигнутым успехом, а то привычка к самоуничижению стала уже национальной чертой.

Веллоси был высоким, крупным мужчиной, настоящий хряк. Неотесанность его фигуры немного смягчалась покроем костюма и элегантным шелковым галстуком. Едва раздался легкий стук в дверь его кабинета, он сразу поднялся с места и готов был тут же произносить слова благодарности. По внешнему виду вошедшие были людьми из совершенно иного социального слоя. Двое из них были в разорванных замшевых ботинках, двое в парусиновых спортивных туфлях. Мягкие джинсы. Пестрые рубашки. Небритые лица. Это были суровые люди, за внешней расслабленностью которых скрывалась тревога. Это были «львы» Веллоси, сражавшиеся на самом дне городской жизни. С таким же успехом их можно было назвать «крысами из канализации», поскольку это было именно то место, где им приходилось существовать для того, чтобы выйти на язвы, разъедающие общество.

Эти четверо осторожно прошли через комнату по толстому ковру. Веллоси жестом пригласил их сесть, и они опустились в глубокие удобные кресла. Это были офицеры того отряда, который брал Франку, кто прикончил эту скотину Паникуччи. Они пришли получить законные аплодисменты, рассказать о своем успехе и внести хоть немного радости в пребывание Веллоси на Виминале.

Он удобно развалился в кресле, слушая подробный отчет о проведенной операции, стараясь ничего не упустить. Пришедшие не скрывали ни малейшей подробности. Веллоси смаковал каждую деталь и переживал в душе все случившееся с того момента, как Паникуччи и эта женщина вышли из здания почты. Он подумал, что обязательно должен представить их всех Министру, чтобы тот лично каждому пожал руку. Это несколько охладило бы пыл критиков и притупило ножи, направленные ему в спину. Сейчас Веллоси только слушал, лишь изредка вставляя свои замечания, предпочитая довольствоваться этим повествованием о триумфе своих подчиненных.

Телефонный звонок разрушил эту идиллию.

Лицо Веллоси изобразило раздражение — как у мужчины, лежащего на диване с девушкой и приготовившегося уже к самому главному, и услышавшего вдруг звонок в дверь. Он махнул рукой,

давая понять, что придется ненадолго прервать рассказ, но как только он переговорит, они продолжат. Звонили из Квестуры.

Уверены ли люди Веллоси, когда они брали женщину, что там не было еще одного парня? Они никого не упустили?

По адресу, взятому из счета за телефон, только что оплаченного Франкой Тантардини, полиция нашла их логово. Они побывали там и обнаружили одежду еще одного мужчины, слишком малого размера, чтобы принадлежать Паникуччи. На первом этаже этого дома живет одна женщина, инвалид; она целыми днями сидит у окна и наблюдает за происходящим на улице. Так вот, она утверждает, что эти люди всегда были втроем, и этим утром они тоже были втроем. Отпечатки пальцев, которые они сняли, тоже свидетельствуют, что их было трое. Полицейские уточнили у женщины время, когда машина отъехала от дома, и сравнили его со временем инцидента у почты. Они считают, что у них не было времени останавливаться по дороге, чтобы высадить третьего пассажира.

Веллоси будто окатили холодным душем.

— У вас есть описание этого третьего?

— Женщина у окна говорит, что это скорее юноша, чем взрослый мужчина. В квартире нашли много всяких фальшивых документов, какая-нибудь из фотографий на них может оказаться настоящей. Сейчас мы работаем над фотороботом, там есть и ваши люди, они сразу известят вас, когда закончат. Мы думаем, что парню лет восемнадцать-девятнадцать. Надеемся, что эта информация была для вас полезной.

— Вы очень любезны, — спокойно ответил Веллоси, а потом с грехотом опустил трубку на рычаг.

Он обвел глазами сидящих. Они сразу невольно выпрямились под его взглядом и сдвинулись на самый край стульев.

— Одного мы упустили. — Это было сказано холодно, все его благодушие улетучилось.

— У почты больше никого не было. А из здания они вышли вдвоем. Мы их очень хорошо видели, когда подбирались к ним. Машина тоже была пустой. — Это было сказано тем самым человеком, который всего час назад в поединке с врагом сумел перехитрить и провести его, который вынужден был открыть огонь на поражение

только потому, что не было другого выбора. А сейчас ему приходилось оправдываться!

— Из квартиры вышли трое. И машина до почты нигде не останавливалась.

Сидевшие в кабинете Веллоси возмутились.

— Когда мы приехали, его там не было. После перестрелки наши люди остались там, чтобы понаблюдать за обстановкой, как и положено. После случившегося никто не пытался скрыться.

Веллоси с угрюмым видом пожал плечами. Эти сволочи, как угри. Всегда хоть один из них увильнет, выскользнет из самых лучших сетей. Хоть один из группы да спасется. Отсекаешь голову, а тело продолжает метать икру.

— Тот, которого мы потеряли, почти мальчишка.

Трое пришедших хранили молчание, сожалея в душе, что момент триумфа уже миновал и снова наступила пора обвинений. Четвертый заговорил, не страшась мрачного вида своего начальника.

— Если это мальчишка, то наверняка он был у нее на побегушках и обслуживал эту суку в постели. Она всегда держала молоденького для таких дел. Паникуччи ей не подходил, она любит мальчишек. Это хорошо известно всем наповцам.

— Если ты прав, то это невелика потеря.

— Неприятно, конечно, но не более того. Главную гадину мы взяли, этого верзилу, бандита, убили. Ускакала блоха, это только досадно...

Еще не было десяти, поэтому все улыбнулись, глядя, как Веллоси раскупоривает бутылку, которую он достал из нижнего ящика своего письменного стола, и разливает по бокалам. Для шампанского было слишком рано, но для шотландского виски в самый раз. Этот мальчишка подпортил немного торжество, как летний дождик может подпортить пикник, но ничего — требуется лишь заменить скатерть на садовом столике, а день все-таки прекрасен!

И исчезновение мальчишки всего лишь раздражает.

* * *

Он знал, что они едут уже много часов — пол автомобиля накалился под лучами солнца и сквозь мешковину обжигал его тело. Воздух вокруг Джеффри Харрисона плотно насытился парами бензина и почти прилипал к его коже. Вся прохлада и свежесть утра испарились. Стало невозможно жарко, он задыхался под надетым на него капюшоном от недостатка воздуха. У него даже появились галлюцинации. Легкие не могли справиться с этой духотой. Время от времени Джеффри слышал слабые голоса, но слова, если бы он даже мог понимать их, перекрывались шумом мотора. Он только различал, что голосов было два. Разговаривающие то молчали, то между ними возникала короткая перепалка, будто что-то привлекало их внимание.

Ничего особенного не происходило, автомобиль ехал ровно, не меняя скорости, это давало возможность Джеффри обдумать свое положение. Он был вроде посылки, которую двое мужчин перевозят куда-то на далекое расстояние. Они не проявляют к нему никакого интереса, даже не прикасаются, и думают только о том, что груз должен быть доставлен вовремя. В «Дейли ньюс», «Дейли Америкен» и итальянских газетах, которые Харрисон просматривал, сидя в офисе, он много раз читал о похищениях — этом виде преступлений, которые буквально обрушились на Италию. В баре «Олджи», мини-Америке и мини-Среднем Западе, где подавали коктейли «Том Коллинз» и «Бурбон», всегда обсуждали эту итальянскую проблему. Он тоже участвовал в этих разговорах. Речь шла о плохой работе полиции, о диких нравах этой страны, а что еще можно ожидать, если она находится на полпути к Ближнему Востоку? Здесь ведь как раз проходит дорога на Дамаск? Разве это не безумие, — говорили посетители бара — иностранцы, — что человек может быть украден прямо с улицы, а потом надо отдать миллионы долларов — а в лирах нулей в этой цифре гораздо больше, — чтобы он мог вернуться домой, к жене и детям? Когда наконец власти покончат с этим? Где-нибудь в Лос-Анджелесе или Лондоне этого, конечно же, случиться не может... ни в Бирмингеме, ни в Бостоне... Там, в баре, облокотившись на стойку, всегда сидел один посетитель из местных. Лицо его выражало значительность. Понизив голос, чтобы его не услышали сидевшие неподалеку итальянцы, он наклонился к столику Джеффри и шептал: «Я не удивлюсь, если окажется, что старый Мюссо управляет округой. Им здесь что-то надо, наверно, какого-нибудь осла, чтобы сцапать, и

кто-то уже подсовывает им товар. Не обязательно Мюссо, он все-таки идиот, а кто-нибудь покрепче». Это были обыкновенные разговоры, с большим количеством выпивки, и потому никто из них не обратил внимания на эти слова. Харрисон подумал, что сидевшие рядом с ним и его самого-то не помнят. Они называли его «молодой Харрисон», «молодой человек», он не очень вступал в их разговоры, сидел всегда с краю, вместе с женой, у которой были ярко накрашены губы. Просто дружеское застолье.

Вероятно, ты счастливчик, Джеффри, счастливчик, потому что не сопротивлялся. Ты подрыгался немножко, но совсем чуть-чуть. Ровно столько, сколько необходимо для самоуважения. Он вспомнил газетный снимок человека из Милана, который боролся, сопротивлялся. Каменное мертвое лицо в гробу, рядом жена в черном платье и дети, державшиеся за ее руку. Ты, по крайней мере, жив, черт возьми! Эти люди не стали бы раздумывать, они не имеют представления ни о каком кодексе чести. Просто грубые, неотесанные подонки! Он вспомнил сюжеты из теленовостей, они представились ему в черно-белом изображении, как он видел их, сидя у себя в гостиной. Тело маленькой Кристины, восемнадцати лет, вытащенное из мусорного бака, за которую заплатили выкуп. Он вспомнил снимки на первых страницах газет короля ипподрома, связанного, как цыпленок, с капюшоном на голове, совсем как у него сейчас, правда, у него нет куска цемента, привязанного к шее, чтобы утопить в озере недалеко от городка Комо. Он вспомнил мальчика из калабрийской деревни с отрезанным ухом — хотели заставить его отца быть поговорчивее.

Грязные ублюдки!

Это делали не глупые сосунки из бара, приходившие туда отдохнуть, после того, как загонят свои шары в лузы. Это была их утренняя разминка, просто чтобы порезвиться. Какая-то глупая местная игра. Видели бы они себя стороны — разгоряченные дурацкие лица, со съехавшими на лоб шапочками! Они бы, наверно, брызгали слюной от охватывавшего их после игры возбуждения, но приходилось придерживаться неких правил приличия. Они хохотали еще громче от сознания того, что на них обращают внимание. Джеффри вспомнил случай с семьей Телегьорнале. Что же происходит с итальянцами? Эти люди, бегущие по тротуару, как будто задернули в себе все занавески и

захлопнули все окна. Они не желали взглянуть на людское горе, будто оно могло перекинуться и на них. Лица ребенка и матери в дверном проеме, искавшие поддержки и сочувствия и не находившие ничего; скромная машина священника, въехавшая на обочину тротуара и распугавшая толпу фоторепортеров. Джеффри видел их снимки, читал сообщения в хронике на другой день после случившегося, потом наступало молчание, вплоть до самой развязки. Новость устаревала через двадцать четыре часа.

Моли Бога, чтобы там не оказался какой-нибудь напыщенный дурак!

Что ты имеешь в виду?

А то, что какой-нибудь болван, плотно позавтракав, захочет обсудить принципиальную сторону вопроса.

Что, что конкретно?

Эта обезьяна может сказать, что платить выкуп — неправильно, что ты должен выстоять, что если уступить сейчас, то что делать в следующий раз?!

Но они же не могут сказать так, неужели это возможно?

Да, Джеффри, это не они же сейчас здесь парятся. Они в своих апартаментах, а не в наручниках. Они могут побриться, а не получить кулаком по роже. Большинство из этих старперов знают об этой трахнутой стране только то, что видят в балансе.

Но они же не могут быть настолько глупы, этого просто не должно быть! Неужели они не знают, что делают с теми, за кого не платят выкуп, неужели они не знают этого?!

Успокойся, малыш. Они наверняка знают, а если не знают, обязательно найдется кто-нибудь кто скажет им об этом.

Ты уверен?

Конечно, уверен.

Откуда ты знаешь?

Я должен в это верить, иначе просто невозможно.

Солнце безжалостно нагревало крышу фургона, от этого раскалялись и внутренности машины, мчавшейся со скоростью сто десять километров в час на юг по автостраде дель Сол.

Посол Ее Величества Королевы Великобритании, хранивший в памяти прикосновение ее августейшей руки к своему правому плечу, целовавшим эту руку, достаивавшийся чести личной аудиенции у Королевы, был человеком, который преклонялся перед всеми и всяческими правилами и протокольными условностями. Он не смог скрыть своей неприязни, когда увидел запыхавшегося молодого Чарлзворта, встречавшего его у машины. Он был краток с Первым Секретарем, позволил ему сделать лишь краткое резюме и только поднял брови, шокированный его сообщением. Чарлзворт лязгал зубами, как следующая по пятам хозяина собака в ожидании пищи, но Посол, улыбнувшись в ответ на приветствие привратника, предложил подождать утренних газет, которые, возможно, прояснят ситуацию.

Чарлзворт сбежал вниз по охраняемой дорожке посольства. Он проклинал себя за сбивчивый доклад, за промах, допущенный при попытке вызвать интерес у своего начальника, сожалея, что вел себя, как нетерпеливый ребенок перед утомленным родителем. Он вспомнил, что сегодня Посол давал прием, почетным гостем на нем будет только что назначенный министр иностранных дел. Должны присутствовать главы дипломатического корпуса, кое-кто из высокопоставленных чиновников. По этому случаю достанут китайский фарфор и серебро. «У Посла свои приоритеты, — думал про себя Чарлзворт. — Суп не должен быть пересолен, тарелки должны быть теплыми, вино холодным, разговор умным». У него было слишком много своих забот, чтобы волноваться по поводу переживаний какой-то истеричной женщины и связанного полумертвого мужчины, переживавшего сейчас самый ужасный момент в своей жизни. Посол был слишком далеко от темных сторон жизни — и чтение газет со специальными пометками для него было в этом смысле вполне достаточным.

Чарлзворт выскочил на дорогу за ворота посольства и оказался перед оживленным дорожным потоком. Поймать в это время такси здесь было бы неожиданной удачей. Но оказалось, что и невозможное

иногда случается. К краю тротуара подъехал желтый «фиат», Чарлзворт лихорадочно взмахнул рукой и подбежал к остановившейся машине. На заднем сиденье он разглядел знакомое лицо. Это был «неутомимый» Хендерсон, он получил воинский крест в Корее бог знает сколько лет тому назад за что-то такое, о чем никто не имел представления. Хендерсон был подполковником, военным атташе.

Ему-то всегда удавалось взять такси, даже в полдень, чтобы съездить домой на обед. Чарлзворт не понимал, как можно это сделать, если, конечно, специально не устраивать западню.

— Торопитесь, молодой человек? — Чарлзворт ненавидел подобное обращение начальства по отношению к молодым. — Получил, что ли? Или нам объявили войну? — Взрыв смеха.

— Одного из наших похитили сегодня утром.

— Из посольства? — Хендерсон спокойно ждал сдачи с десятитысячной банкноты.

— Да нет, не из посольства, это вообще был бы конец света! Бизнесмен, он работает в Риме. Мне надо ехать к его жене.

— Бедняга, — без тени волнения произнес Хендерсон. Его бумажник был раскрыт, и он невозмутимо раскладывал купюры по отделениям. — Не повезло ему.

— Да, паршивая история. Это первый случай, когда похитили иностранца. Если не считать дела с мальчиком Гетти, но это совсем другое.

Хендерсон оставил дверь открытой для Чарлзворта.

— С нашей стороны ты будешь контролировать ход дела? Если что-то прояснится, дай знать. У меня в ближайшие три дня нет особых дел. Если тебе понадобится помощь, или надо будет обсудить с кем-то...

— Спасибо... большое спасибо... Ты так добр... Бастер...

Чарлзворт никогда раньше не называл его так, вообще не вел никаких разговоров с военными, кроме как о том, пойдет ли дождь и придется ли им ставить палатки во время ежегодно отмечаемого Дня рождения Королевы. Это предложение помощи было довольно глупым, но он все равно был благодарен, потому что ступал на камни, которых совсем не знал.

— Бедняга, — снова услышал он голос подполковника, когда закрывал за собой дверь такси.

Джанкарло шел, стараясь держаться в тени, прячась от солнца при любой возможности. Он шел по проспекту Королевы Маргариты, продвигаясь от квартала к кварталу. Он уже не способен был управлять своими ногами, они бежали сами по себе, хотя осознавал, что должен идти спокойно, чтобы не выдать себя, а это первое условие для того, чтобы исчезнуть, раствориться в толпе. Джанкарло чувствовал себя дезертиром.

Тень не приносила ему прохлады. Мертвящая, вонючая жара этого утра пронизала воздух, открытые участки его белой кожи покраснели, по телу текли противные струи пота, пропитавшего одежду. Это ужасно раздражало его. На улице ни ветерка. Сплошное пекло да еще выхлопные газы от автомобилей, ни одного дуновения, чтобы немного освежиться. Он хотел найти убежище в Университете, где мог бы встретить знакомые лица. Он надеялся, что там наступит конец этим бесконечным оглядкам на каждую появившуюся в поле зрения полицейскую машину. Это ощущение было новым для Джанкарло. Никогда прежде за ним не охотились, никогда он не был брошен на произвол судьбы, как сейчас.

Когда Джанкарло был в группе Франки Тантардини, НАП казалась ему огромной и могущественной организацией. Его окружали бесконечная сила и власть, когда он был рядом с ней; слова победы казались естественными в ее устах. Сейчас этого ореола безопасности нет, Энрико мертв и лежит лицом вниз в луже собственной крови, а Франка в руках полиции. Он инстинктивно искал спасения в Университете, который прежде как-то по-детски считал своим родным домом. Он ощущал усталость в ногах, боль в ступнях, тяжесть в грудной клетке — это было как полет в пропасть. Он свернул налево к площади Джорджио Фабрицио, потом направо. Он уже спотыкался от усталости, когда проходил мимо огромного, очень длинного здания больницы. Справа от него висели указатели направления для машин скорой помощи, привозивших больных по срочным вызовам. Для тех машин, которые, по-видимому, привозили и людей, оказавшихся жертвами Франки. У них были огнестрельные раны, и их срочно везли на операцию после того, как поработал 38-й калибр. Джанкарло видел мужчин в костюмах хирургов и медсестер в халатах, которые

прогуливались под деревьями в ожидании очередной сирены машины скорой помощи, готовые тут же отправлять больных в отделение срочных операций.

Проходя мимо больничного комплекса, Джанкарло во внезапной вспышке озарения понял, почему эти люди так ненавидели его, почему преследовали, почему посвятили большую часть своей жизни тому, чтобы покончить с ним. Никакой пощады, никакого милосердия, пока люди корчатся от боли на этих металлических больничных кроватях и кричат по ночам, зовя своих жен. Огромная армия была направлена против него и весь ее беспощадный, ничего не забывающий мозг.

Он уже как бы стал ничем. Лишенный имущества, общественного положения, значимости. Имевший лишь пистолет 38-го калибра и магазин к нему с восемью патронами.

Безо всякого плана, программы, без всяких наметок на будущее.

Вооруженный жестокой ненавистью к системе, которая в данный момент стремилась уничтожить его.

Лишенный дружбы, сообщников и своего жоака.

Вооруженный любовью женщины, благодаря которой он стал мужчиной. Любовью Франки Тантардини. Ведь должна же она была любить его, хотеть его, именно его, Джанкарло Баттистини, иначе он никогда не узнал бы ее постели, теплоты ее тела, ласк ее рук. Пусть это займет неделю, месяц или даже год, но он вырвет ее оттуда. Вырвет ее свободу, свободу птицы, пойманной в клетку. Потому что она любит его.

Огромные белые каменные стены Университета и его арки сделали ношу еще меньше ростом. Построенные для бессмертия, для того, чтобы стоять тысячелетия, они были символом благодарности рабочего класса власти черных рубашек и кожаных ботинок. Джанкарло увидел намалеванные на стенах цветными красками лозунги, которые обезображивали этот символ могущества до уровня, куда могла дотянуться человеческая рука. Выше этого уровня, куда уже не могла дотянуться рука протестующего, каменная стена была отмыта дочиста. Намалеванные лозунги в основном касались Автономии, а также выражали ненависть к правительству и его министрам, к партии христианских демократов, полиции, карабинерам, буржуазии. Кое-где можно было увидеть контуры сжатого кулака с вытянутыми первым и

вторым пальцами. Джанкарло подумал о том, что сможет найти здесь помощь в эту трудную для него минуту.

Перед ним простиралась широкая аллея между зданием научного и медицинского факультетов и административных корпусов. Многие двери были закрыты, окна захлопнуты, потому что учебный год закончился, и все экзамены прошли. Шесть недель назад жизнь здесь замерла. Но должны же остаться хоть несколько человек, по разным причинам не уехавшие на каникулы к родителям. Джанкарло побежал. Усталость будто спала с его ног, шаг удлинился. Он приблизился к невысокому холму.

* * *

Таксист, выказывая редкую для людей его профессии осторожность, медленно въехал на небольшой холмик, где, окружив «мерседес», стояли три полицейские машины. Чарлзворт увидел разбитое вдребезги стекло, его осколки валялись рядом, на дороге.

Полицейские, одетые в голубовато-лиловые брюки и голубые куртки, опоясанные тонким бордовым проводом, с надвинутыми на лоб касками, копошились вокруг этого разбитого автомобиля. Они снимали отпечатки пальцев с поверхности машины и отпечатки колес на дороге. Полицейским было слишком жарко, чтобы действовать с положенной энергией.

Их инертность придавала всей сцене какую-то обыденность — так, ничего особенного, обычные полицейские действия при похищении. Когда такси объезжало это скопление автомобилей, Чарлзворт заметил двух мужчин. Они, несмотря на гражданскую одежду, были единственными, кто здесь что-то значил. Всего двое, имевших право носить не форму, а обычную одежду. Чарлзворт вздохнул и выругался. Старик Карбони, со всей его учтивостью и предупредительностью, не обещал ничего, он знал ограниченность своих средств. А почему, собственно, они должны надрывать кишки — только потому, что похищенный в этот раз имел паспорт голубого цвета со львом, стоящим на задних лапах и английской надписью на первой странице? Карбони открыл Чарлзворту все карты, он сказал, что надо платить выкуп, что это не игрушки. Что может сделать

обычный полицейский, когда это дело стоит столько денег, сколько он не видел за всю свою жизнь, и его же собственный начальник сказал, что это такой бизнес, способ зарабатывать деньги?

Чарлзворт расплатился с шофером, вышел из машины и огляделся.

Широкая улица на покатой поверхности холма. Жилые дома с аккуратными лужайками перед ними, цветочные клумбы, за которыми тщательно ухаживали портье. Дома здесь были пятиэтажными, с большими террасами, увитыми плющом. Машины около домов были припаркованы впритык — своеобразные миниавтогородки. На пиджаке Чарлзворта остался след от пыльной дверцы такси, и горничная в накрахмаленном фартуке, выбивавшая на улице свою швабру, неодобрительно оглядела его. Здесь не чувствовалось признаков надвигающегося экономического кризиса, никаких следов бедности. Естественной реакцией на это богатство была намалеванная свастика и лозунг «Смерть фашистам!», который теперь тяжело будет соскрести с этих мраморных поверхностей.

Они все же неплохо устраивались, эти транснационалы. Если бы химическая корпорация могла позволить себе поселить здесь своего сотрудника, то, очевидно, проблем с деньгами у них не было. И какие-то подонки раскусили это, иначе Джеффри Харрисон сидел бы сейчас у себя в кабинете, распекая секретаршу за опоздание, поправляя галстук и готовясь к назначенной встрече. Все здесь говорило о деньгах, о больших деньгах, и эти сволочи почувствовали их

Чарлзворт вошел в холл, подошел к встревоженному и озабоченному портье, назвал себя и спросил, на какой этаж ему подняться. Лифт вздрогнул и медленно пополз наверх. Напротив входа в квартиру дежурили двое полицейских. Увидев дипломатический паспорт пришедшего, они вытянулись, при этом кобура с оружием выразительно качнулась. Чарлзворт ничего не сказал, только кивнул и нажал на кнопку звонка.

За дверью раздались мягкие спотыкающиеся шаги. Прошло какое-то время, пока щелкнули все четыре замка. Дверь приоткрылась дюйма на полтора, насколько позволяла цепочка. «Как крепость», — подумал Чарлзворт. Внутри было темно, и он не мог ничего рассмотреть сквозь приоткрытую дверь.

— Кто там? — раздался невидимый тонкий голос.

— Это Чарлзворт, Майкл Чарлзворт. Из посольства.

Пауза. Потом дверь закрылась. Он услышал, как цепочку вынули из гнезда. Дверь снова открылась, не настежь, но достаточно, чтобы его можно было разглядеть.

— Я Виолетта Харрисон. Спасибо, что пришли.

Он почти вздрогнул, как будто не ожидал, что голос может материализоваться, — это быстрое движение выдало его неловкость. Она вышла из полумрака, взяла его под локоть и подтолкнула по направлению к гостиной, где были опущены жалюзи и горели светильники, стоявшие на длинном столе. Он окинул взглядом кружева ее домашнего платья с большими цветами, вышитыми на спине, ее грудь и ноги, выделяющиеся при свете лампы соски. Его рука невольно сжалась, и он подумал: «Тебе стоило одеться как-то иначе, в такое утро, ведь ты же знала, что будут приходить люди».

В первый раз он увидел ее лицо, когда она села на стул и повернулась к нему. Хоть она и не оделась соответственно случаю, но лицо выдавало ее, она, видимо, достаточно долго проплакала, это было видно. Она, должно быть, плакала с того времени, как он позвонил ей. Веки ее набухли и покраснели. У нее был маленький вздернутый носик, довольно загорелый, веснушки на щеках побронзовели. Привлекательна, но не более того. Хорошо сложена, но не красавица. Его глаза изучали ее, и она ответила ему прямым взглядом, без тени смущения. Чарлзворт отвел глаза, слегка покраснев, пойманный, как школьник, будто его застали подсматривающего за женщиной, на которой одета прозрачная ночная рубашка.

— Мне очень жаль, что так получилось, миссис Харрисон, — наконец сказал он.

— Может быть, принести кофе?.. Правда, только растворимый.

— Благодарю вас, не надо.

— Может быть, чай? Я приготовлю. — Тонкий, далекий голос.

— Нет, спасибо, в самом деле, не хочу. Может быть, мне заварить для вас чашечку?

— Нет, я не пью чай. Хотите сигарету? — Она все еще пристально смотрела ему в глаза, как бы оценивая.

— Вы очень добры, но я не курю. — Он чувствовал себя неловко из-за того, что не хочет кофе, не хочет чая, не хочет сигареты.

Она пересели в кресло, обойдя стол сбоку. Там стояли оставшиеся еще с ночи бокалы и кофейные чашки. Пола ее халата завернулась и обнажила колено. Он тоже пересел в кресло, поглотившее его. Оно было настолько низким, что ковер оказался почти на уровне его носа. Женщина продолжала смотреть на него изучающе.

— Миссис Харрисон, сначала я должен вам представиться. В посольстве я занимаюсь вопросами политики, а также вопросами безопасности британских подданных, проживающих в Риме. Это те вопросы, которыми не занимается консульский отдел... — Чарлзворт, что с тобой? Ты что, отвечаешь на вопросы анкеты? Кончай о своей работе, переходи к делу. — Поэтому сегодня утром мне позвонил человек по фамилии Карбони, он занимает высокий пост в полиции Рима. Это было спустя всего несколько минут после похищения, он даже не мог сообщить мне тогда многих подробностей. Докторе Карбони уверил меня, что будет сделано все возможное, чтобы как можно раньше освободить вашего мужа.

— Это все, на что способны эти типы, — произнесла она медленно и как бы раздумывая.

Чарлзворт даже качнулся назад, как от удара, настолько он был сконфужен, и потерял нить разговора.

— Я только могу повторить... — Он заколебался. Он не ожидал такого поворота, они так не говорили в посольстве, и жены их не говорили, и подруги их жен тоже. Он был все-таки Первым Секретарем посольства, она должна бы выслушать его и быть благодарна за то, что он выбрал время и пришел навестить ее.

— Раз докторе Карбони сказал, что они сделают все возможное...

— А что все?

Чарлзворт сдержался.

— Это не очень разумно с вашей стороны в данных обстоятельствах, миссис Харрисон. Вам бы стоило...

— Я уже отплакалась, мистер Чарлзворт. Как раз перед вашим приходом. Больше этого делать не буду. Знаете, вам не стоило приходить сюда с этими пошлостями. Я благодарна за то, что вы пришли, но я не нуждаюсь в плече, на котором можно выплакаться, я хочу знать, что вы собираетесь предпринять. Что вы, а не эта вонючая итальянская полиция, собираетесь делать? И я хочу знать, кто будет платить?

Быстро, ничего не скажешь. Едва затянуты узлы на руках ее мужа, а она уже о деньгах. Боже всемогущий!

— Я могу рассказать вам о том, как это бывало раньше, — с трудом проговорил он, не скрывая холодности. — С итальянцами. Могу посоветовать, что можно предпринять и чем располагает посольство.

— Это именно то, что я хотела бы от вас услышать.

— В итальянских газетах похищения уже называют индустриальным потоком. Это довольно справедливо. С 1970 года уже более трехсот случаев. Но дело в том, что эти преступления совершают группы, очень отличающиеся друг от друга. Бывает, что это большие банды, хорошо организованные, с сильным центром, прекрасно подготовленные, с большой финансовой поддержкой. Их корни идут с юга, возможно, они находятся под крышей организации, которую мы называем Мафией. Я затрудняюсь дать определение, что такое мафия, — этим словом, по-моему, злоупотребляют. Судя по словарю, «мафия» означает искусство, жестокость, могущество и терпение. Если вашего мужа захватили именно эти люди, они пойдут на контакт и запросят выкуп. Скорее всего, это будет сделка: они получают деньги, и отпускают его. Это типичный случай, но длится все это довольно долго — они ведь будут тщательно проверять, чтобы их не накрыли.

— А если он попал именно к ним, как они будут с ним обращаться?

Чарлзворт ждал этого вопроса.

— Вероятно, довольно сносно. Его будут держать в сухом месте, не морить голодом, довольно комфортабельно. Будут следить, чтобы он был здоров. Может, в подвале какого-нибудь дома в сельской местности.

— До тех пор, пока не убедятся, что мы готовы заплатить?

— Да.

— А если они не будут уверены, что мы заплатим?

Чарлзворт посмотрел на нее тяжелым взглядом. Она сидела перед ним с опухшими глазами и размазанной по лицу тушью. Он подумал о том, как вела бы себя в такой ситуации его жена. Он любил ее и знал, что для нее это было бы ужасное несчастье. Она была бы беспомощна, как корабль, налетевший на скалы. Женщина, сидевшая перед ним,

была другой. Другой, потому что не несла на своих плечах участие и заботы.

— Тогда они убьют его.

Она даже не повела бровью, ни движения губ, ничего, что можно было бы заметить.

— А если мы пойдем в полицию и сдадим их всех этому мистеру Карбони, что тогда?

— Если они только заметят, что мы сотрудничаем с полицией, они тоже убьют его.

Он почувствовал, что ему неприятна и чужда эта женщина.

— Я хочу, чтобы вы поняли, миссис Харрисон, что люди, у которых сейчас находится ваш муж, не станут колебаться, оставлять его в живых или убить, если для них будет выгоднее убить.

Он помолчал, давая ей возможность осознать и обдумать то, что он ей сказал. Он нашел, что она изменилась. Признаки страха проявились в более частом вздымании грудной клетки и слабом шевелении пальцев.

— Но даже если мы заплатим, если корпорация заплатит, все равно нет никаких гарантий...

Она была ему глубоко антипатична.

— В таких делах не может быть никаких гарантий.

У него заныло в желудке. Он не мог заставить себя рассказать ей о Луизе ди Капуа, муж которой был мертв уже за два месяца до того, как было найдено его тело, а последнее письмо с требованием выкупа она получила за день до этого.

— Никаких гарантий, мы можем только надеяться...

Он услышал короткий, нервный смех.

— Сколько они попросят, мистер Чарлзворт? Сколько мой Джеффри стоит на итальянском рынке?

— Они запросят много больше, чем может их устроить. Стартовая цена может достичь даже пяти миллионов долларов, а конечная дойдет до двух. Но никак не менее миллиона.

— Которых у меня все равно нет. — Она заговорила быстрее и громче. — У меня нет их, вы понимаете? У Джеффри нет, и у его родителей нет. У нас нет таких денег.

— Выкуп не обязательно должны платить вы, это может сделать корпорация. Даже скорее всего, они ожидают, что заплатит

корпорация.

— Да это просто скупердяи, — бросила она ему. — Скупердяи и копеечные души.

Чарлзворт вспомнил фасад дома и оглядел внутреннее убранство квартиры.

— Я уверен, что они с честью поведут себя, когда мы им объясним ситуацию. Я намеревался поговорить с ними после того, как увижусь с вами. Я думаю, они правильно все оценят.

— А что сейчас? Что мне делать?

Вопрос был поставлен так, словно Чарлзворт был каким-то всезнающим гуру.

— Нам придется ждать первого контакта, возможно, по телефону. Через некоторое время, когда они решат, как обставить всю эту процедуру.

— И что же, я должна сидеть весь день у этого чертова телефона? Я даже не умею разговаривать на их дурацком языке. Только в пределах, необходимых для того, чтобы утром обойти магазины. Я даже не смогу понять, что они мне скажут. — Она постепенно впадала в истерику, выкрикивая все это. Чарлзворт совсем вжался в свое глубокое кресло, желая только одного — чтобы все это скорее кончилось.

— Мы можем дать объявление в газетах, что сообщение от них примет офис вашего мужа.

— Но это же итальяшки... Захотят ли они сделать это?

— У них обзор даже шире, чем у нас, они ведь живут с этим каждый день. Каждый из коллег вашего мужа знает, что то же самое может случиться в любой момент и с ним. Большинство из них каждое утро будут звонить женам сразу по прибытии на работу, просто, чтобы жена знала, что он в безопасности. Они знают об этом гораздо больше, чем вы или я, или руководство вашего мужа в Лондоне. Если вы хотите, чтобы ваш муж вернулся живым, вам потребуется помощь всех его друзей из офиса. Всех «этих проклятых итальяшек», как вы говорите.

Он чуть наклонился вперед в кресле, уцепившись за мягкие подлокотники. Зачем ты так, Чарлзворт? Может быть, она и глупая невежественная дура, но ты не должен выносить приговор. Ты не должен этого делать, это очень грубо. Ему вдруг стало стыдно, что он

разрушил остатки спокойствия, то самое, что призван был сберечь. Краска сошла с ее лица, это было следствием их разговора. Он не услышал ни хныканья, ни всхлипов. Только глаза, такие, какие бывают у человека, только что пережившего автокатастрофу, в которой сидевший с ним рядом человек погиб. Он смутно помнит, что произошло, но воедино все обрывки воспоминаний соединить не может.

— Миссис Харрисон, вы не должны чувствовать себя одинокой. В операции по освобождению вашего мужа будут участвовать очень многие. И вы должны верить, что все будет хорошо.

Он встал, немного помедлил и направился к двери.

Она продолжала сидеть в кресле и смотрела на него. Щеки ее побледнели, глаза округлились, колени были широко расставлены в стороны.

— Я ненавижу этот проклятый город, — произнесла она, — Я ненавижу его с того самого дня, как мы сюда приехали. Я ненавижу каждый час, проведенный здесь. Джеффри обещал мне, что мы не останемся здесь дольше, чем на год, что мы уедем домой. А сейчас вам надо идти, мистер Чарлзворт. Вы не должны задерживаться из-за меня. Спасибо, что пришли, спасибо за советы, спасибо всем.

— Я попрошу заехать к вам доктора. Он даст какое-нибудь лекарство. Я понимаю, что ужасное потрясение для вас — то, что произошло.

— Не беспокойтесь, я никому не хочу доставлять никаких неудобств.

— Все-таки я пришлю доктора.

— Не беспокойтесь, я буду хорошо себя вести. Сяду у телефона и буду ждать.

— У вас есть друзья, которые могли бы прийти и побыть с вами?

Прежняя улыбка появилась на ее подрагивающих губах.

— Друзья в этой вонючей дыре? Вы, очевидно, шутите...

Чарлзворт торопливо прошел к двери, бросив через плечо:

— Я все время буду у телефона, если что, звоните, не раздумывая, мне в посольство, номер есть в телефонной книге.

Пытаясь отпереть многочисленные замки, он услышал из гостиной ее голос:

— Вы придете еще, мистер Чарлзворт? Вы же придете еще навестить меня?

Он поспешно захлопнул за собой дверь, чтобы не слышать ее звенящих слов...

* * *

В течение почти шли минут полковник пытался выстроить в ряд все прибывающих журналистов и фоторепортеров. Он угрожал, уговаривал, ставил условия, сколько должно быть шагов от арестованной до их микрофонов и фотоаппаратов в тот момент, когда она будет здесь проходить. Наконец он, кажется, остался доволен результатами своих усилий, предпринимаемых на площади, расположенной во дворике полицейского участка.

— И помните, никаких интервью. Это абсолютно запрещено!

Последние слова он прокричал, махнув рукой в сторону полицейских, которые стояли в тени дверного проема.

Появившаяся Франка Тантардини шла, высоко подняв голову, со сжатыми губами, уставившись немигающими глазами на солнце. Цепь, свисавшая с ее наручников, была такой длинной, что при ходьбе касалась ее колен. Джинсы и блузка были запачканы грязью. Справа от нее стояла цепь из полицейских, ограждавшая девушку от натиска репортеров. Шедший рядом офицер крепко держал ее за локти. Это были уже не те люди, которые брали ее, не те, кто убивал Энрико Паникуччи. Те были секретными агентами, их нельзя было выставлять под прицел фотокамер. Эти же все были в форме, аккуратно одетые и причесанные, с начищенными ботинками. Они весьма гордились собой и вышагивали рядом с ней с величайшей важностью. Франка не обращала никакого внимания на раздававшиеся вопросы журналистов и продолжала идти до того места, где толпа была самой плотной, а плечи полицейских теснее всего прижимались друг к другу. Камеры репортеров здесь были ближе всего.

Она окинула толпу взглядом превосходства, выдернула правую руку из сжимавших ее рук офицера, резким движением выбросила ее в воздух, сжав кулак и как бы салютуя. Казалось, даже ее улыбка зазвенела от раздавшихся щелчков фотоаппаратов. Полицейский снова

схватил ее за руки и прижал их книзу. Затем она скрылась за дверью. Шоу закончилось. Полиция получила причитающуюся ей славу, фоторепортеры — снимки. Все были довольны. Этакое победное шествие, прошедшее, впрочем, довольно спокойно.

Из окна верхнего этажа, не видимый журналистам, за этим парадом наблюдал Франческо Веллоси. Рядом с ним стоял помощник министра.

— Сколько дерзости, настоящая львица! Великолепна даже в поражении! — с восхищением произнес помощник министра.

— Год в Мессине, максимум два, и она станет ручной, — неприязненно заметил Веллоси.

— Нет, она все-таки великолепна, чертовски хороша! Сколько ненависти, сколько гордости!

— Надо было пристрелить ее еще на улице. — На губах Веллоси застыли презрение и горькая усмешка.

* * *

Компьютерный поиск обладателя третьих отпечатков пальцев, найденных полицией в квартире — логове Франки, был быстрым и успешным. Правительство, бесконечно критикуемое за слабость в борьбе с преступностью, не поскупилось на это дорогое и современное оборудование, специально закупленное в Германии для борьбы с терроризмом. Распечатка принтера была короткой и ясной:

КРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ РИМА.

ДАТА: 25.7.80 РЕГ. НОМЕР: А419/В78 БАТТИСТИНИ ДЖАНКАРЛО
МАРКО, РОД. 12.3.60

ПРОЖ.: 82С, ВИА ПЕСАРО, ПЕСКАРА

ОРГАНИЗАЦИЯ БЕСПОРЯДКОВ,

ОСУЖДЕН НА 7 МЕСЯЦЕВ 11.5.79

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ СНЯТЫ 9.3.79

Более подробная информация будет получена позднее, но имя и его фотография будут лежать на столе у Франческо Веллоси к тому моменту, когда он вернется из полицейского участка. Снова поиски, приметы. Новая папка ляжет сверху на груду дел разыскиваемых полицией лиц.

Прошло несколько минут, прежде чем Джеффри Харрисон понял, что они едут уже не по гладкой поверхности автострады.

Запах хлороформа улетучился, оставшись только в его памяти, как один из спутников утреннего кошмара. Затхлая вонючая сырость пропитала его тело и конечности и стала уже привычной. Дыхание сквозь ткань капюшона несколько нормализовалось с течением времени, угарный газ от работающего двигателя машины можно было перетерпеть. Он долго пытался развязать стягивающие его путы, но потом решил бросить все это к чертям собачьим. Вместе с успокоением пришел и комфорт. Без слез, без борьбы, без отчаяния. Не стоит ему состязаться с ними, надо просто лежать, пусть все несется мимо, надо избавиться от этих дурацких фантазий, приходящих ему в голову. Он ничего не сможет сделать, чтобы изменить ситуацию. Поэтому он просто лежал, ощущая дребезжание и тряску движущегося автомобиля и понимая по этим толчкам, что теперь они едут по неровной извилистой дороге.

Он подумал о Виолетте, бедной старушке Виолетте. Она уже все знает, ей все рассказали, должно быть, в квартире полно полиции, а она кричит на них и плачет, и пока не придет кто-нибудь, кто говорит по-английски, она не поймет чего, от нее хотят. Бедная старушка Виолетта, она умоляла его не оставаться здесь до следующего лета — они провели здесь уже полтора года, она говорила, что это предел, хватит. Хотя она должна бы уже приспособиться к этой жизни, пойти на какой-то компромисс, сделать что-то для этого.

Конечно, жизнь здесь совсем не похожа на жизнь в Англии, но многие ездят за границу и как-то держатся. Ей надо было найти себе подруг для утреннего кофе, для прогулок по всем этим древним руинам. Неужели она не могла заставить себя сделать это?.. Хотя, впрочем, может, и не могла. Казалось, ничто ее не интересует — ни его работа, ни коллеги-сослуживцы, ни те несколько иностранцев, что жили по соседству. Она никогда никого не принимала, не сплетничала ни с кем из соседей, не могла признать того, что люди, говорящие на другом языке, тоже могли обладать достоинствами, быть умными,

добрыми или забавными. Она считала, что если они не британцы, то вполне могут вытереть руки об задницу.

Это было просто смехотворно, старушка Виолетта заперлась в своем замке на холме и не позволяла перебросить вниз мостик. Он пытался ее перевоспитать, ведь так? Да, Джеффри. А что, черт возьми, он мог еще сделать? Не мог же он вытолкнуть ее в дверь с картой города и запереть все окна и двери, чтобы она не могла вернуться домой до шести часов. Он вспомнил, как к ним в гости приезжали ее родители из Сток-он-Трента. Прежде они никогда не покидали Англию. Они даже не знали, можно ли здесь класть свои зубы на ночь в стакан с водой. Не могли справиться с клубками спагетти, падающими с их вилок во время обеда. Вспоминая потом этот их визит, они долго спорили, уже после того, как старики уехали. Он говорил ей, что она должна сделать над собой усилие и не жить, как крот в норе. Она говорила, что ненавидит все здесь, хочет уехать отсюда и вернуться в Англию. Он говорил ей, что надо проявить интерес к этому городу, съездить посмотреть на Ватикан, Колизей, стадион Италико — она отвечала, что повесится, если он заставит ее таскаться по этим музеям. Бедная старушка Виолетта! Она, должно быть, сходила с ума от тоски. Она даже не прикладывалась к бутылке, он каждый вечер проверял содержимое спиртного в доме — и джина, и Мартини Бьянко, и Тио Пепе. Она не могла даже пить!

Единственное, что, кажется, ей нравилось — это ходить на пляж, что было чертовски нелепо. К ее услугам был прекрасный тихий бассейн через дорогу от них. Все приличные семьи ходили туда загорать. Но она предпочитала пляж в Остии, куда надо было добираться на машине. Там было полно всяких нечистот и мазута, а рядом сидели итальянцы, поджаривавшиеся до черноты негритосов. Что-то необъяснимое! Сидеть там, когда не можешь переброситься ни с кем парой слов и вдобавок набрав песка в волосы. Бедная Виолетта, умирающая от скуки! Долгое время он даже не думал о ней, не так ли? Вот так, как теперь, прослеживая то, чем она занималась весь день. Но у него же просто не было времени. Кто-то ведь должен был зарабатывать ей на одежду, на еду. Здесь, в Риме, у него была чертовски хорошая работа! Прекрасные перспективы и гораздо большая зарплата, чем он мог надеяться. Она не желала этого

понимать. Он очень много работал, и у него не было сил даже на препирательства с ней, когда он вечером возвращался домой.

Мысли текли медленно, успокаивающие, интимные, выводя его из состояния кризиса, пока звук мотора снова не изменился. Машина тяжело ткнулась в жесткую поверхность дороги. Остановка. Без шума мотора голоса стали яснее. Умиротворенность исчезла, опять появилась дрожь. Он снова стал испуганным человеком, связанным, с кляпом во рту, натянутым на голову капюшоном, лишенный возможности видеть окружающий его мир. Способ существования, к которому он уже привык, прервался.

* * *

Машина свернула с автострады на полпути между Кассино и Капуа, проехала маленькое городишко Ваирано Скало, избегая выезжать на единственную широкую улицу и центральную площадь. Они повернули на восток на продуваемую ветрами горную дорогу, которая вела к деревушке Пьетрамелара. Там жили больше тысячи мужчин и женщин с чуть сдвинутыми мозгами и неболтливыми языками, у них не вызовет любопытства появление незнакомого автомобиля с нездешними номерами. Уже полчаса они стояли среди деревьев вдали от дороги, на некотором расстоянии от жилых домов.

* * *

Харрисон почувствовал, как напряглись его мускулы, стараясь подальше втянуть тело внутрь фургона. Он услышал грохот впереди и звук шагов по земле. Кто-то двигался вдоль боковой стенки фургона. Потом раздался звук открываемого замка и поворачиваемой ручки. Когда дверь открылась, ткань капюшона слегка затрепетала от движения воздуха, а пол заколебался от тяжести вошедшего. Джеффри почувствовал его, чужого и отвратительного, задевшего своим ботинком его колени и бедра.

Потом он почувствовал его руки на капюшоне, где-то на уровне подбородка и шеи, они снимали капюшон с его лица. Он хотел

закричать, извергнуть из себя что-то. Но его обуял страх. В ноздри ему ударил запах чеснока, а еще он ощутил ароматы сельской фермы.

Дневной свет, яркий, сияющий, затопил его, причинив такую боль, что он весь сморщился и попытался отвернуться. Он отворачивался не только от назойливо яркого солнца, но и от человека, сложившегося пополам под низкой крышей и маячившего над ним. Его ботинки были теперь рядом с его головой, грубые, тяжелые, давно нечищенные и скрипящие при ходьбе. На нем были старые бесформенные брюки с заплатами, в сальных пятнах. Рубашка из красного клетчатого материала, рукава завернуты высоко на мускулистых плечах. И властные немигающие глаза. Они смотрели сквозь черную ткань маски с для глаз отверстиями и грубо прорезанной дырой, обозначающей место расположения рта. Никакие попытки ничего не дадут Харрисону. Нигде не найти ему убежища. Руки, грубые, покрытые мозолями, вынули изо рта Харрисона кляп и залепили его клейкой лентой. Этот дикарь надорвал ее посередине, но сделал это так грубо, что оставил на коже огромную ссадину. Джеффри тяжело дышал, пытаясь сказать что-то, лицо при этом сморщилось, глаза наполнились слезами от острой боли.

Человек, насевавший на него сверху, не сказал ни слова, он укрепил ленту и отбросил ненужный остаток. В световом луче дверного проема появился еще один силуэт, и Харрисон увидел, как он проходит вперед.

У него в руке был отрезанный ломоть хлеба, на котором лежали зелень, помидоры, ветчина. Бутерброд был такой большой, толстый и соблазнительный, особенно если ты голоден. Хлеб очутился прямо напротив его рта. Он откусил немного и проглотил. Снова откусил, снова проглотил. Понемногу он начал осознавать окружающую его обстановку. Вкус пищи был таким, какой бывает только в сельской местности, и сильно отличался от городской еды. В воздухе не слышно городских звуков, только щебет птиц, которые были свободны и пели по собственной воле. Харрисон съел только половину сандвича, больше его желудок не мог принять, и отрицательно помотал головой. Один из мужчин небрежно бросил остатки пищи на землю. Они дали ему сделать большой глоток из бутылки с минеральной водой, с газом и пузырьками, образовавшимися от тряски при движении фургона. Всего один глоток, и бутылку убрали. Джеффри продолжал оцепенело

лежать, безо всякого сопротивления. Его рот снова заклеили лентой. Инстинктивно он придал своим глазам умоляющее выражение, они остались его единственным аргументом. Но ему снова надели на голову капюшон, и он погрузился в царство тьмы. Желудок перерабатывал пищу, только что проглоченную им, пустые кишки были сбиты с толку качеством продуктов. Он услышал, как задняя дверь захлопнулась, замок в ней повернулся, его тюремщики прошли в кабину. Мотор снова заработал.

Ни угроз, ни милости. Ни жестокости, ни комфорта.

Эти люди не проявили к нему никаких, даже микроскопических чувств. Грязные ублюдки, милосердие было незнакомо им! Держать с завязанными глазами человека, находящегося в таком ужасном состоянии, заставляющего себя терпеть, чтобы низ одежды оставался чистым. Вдобавок вытащить кляп изо рта и не перемолвиться с ним даже словом, не сделать ничего, что одно человеческое существо просто обязано сделать для другого человеческого существа. У того, что кормил его, на левой руке было обручальное кольцо. Значит у него была жена, которую он наверно, целовал, ласкал, любил, вероятно, и дети есть, они называют его папой и смеются. Ублюдок, вонючий ублюдок, он был лишен всякой жалости, всякое сострадание был убито в нем, не было ни слова внимания к нему как к существу, которое страдало, терзалось болью и одиночеством.

Помоги же мне, господи, дай мне шанс убить этого подонка, разможжить его голову камнем, чтобы все мозги вылетели из нее. Пусть он кричит, умоляет о пощаде, пусть брызжет кровь. Помоги мне господи, я хочу убить его! Я хочу услышать его вопли!

Но ты же никого никогда не обидел в своей жизни, ты даже не знаешь, как это делается.

Фургон тронулся с места.

* * *

Они медленно въехали в деревню, которая называлась Пьетрамелара. Водитель без труда нашел то, что им было нужно. Бар, рядом с которым висел знак, что здесь есть телефон-автомат. Один из них вышел из кабины, оставив там своего напарника, и почтительно

кивнул проходившему мимо местному священнику. Он, вероятно, торопился домой к обеду и улыбнулся ему в ответ. Разговор в баре не был прерван его приходом. Вошедший достал из кармана горсть жетонов для телефона-автомата, из нагрудного кармана вынул пачку сигарет. С внутренней стороны ее крышки был записан нужный ему номер телефона. Для разговора с Римом требовалось шесть жетонов. Код города он помнил — 06, а затем аккуратно набрал семь цифр, указанных на пачке. Услышав ответ, он произнес всего несколько слов — свое имя, название деревни и то, что поездка заняла восемь часов.

Были ли сложности?

Никаких.

На другом конце провода повесили трубку. Водитель фургона не знал даже, с кем говорит. Назад он шел, думая уже о дороге, которая предстояла. Ехать надо было долго, к самой подошве итальянского сапога, в горный край — Калабрию. Сегодня ночью он будет спать уже в собственном доме, прижавшись к прохладной груди своей жены.

После этого звонка те, кто организовал похищение Джеффри Харрисона, могли вступать в контакт с семьей англичанина. Теперь они были уверены, что их товар находится вне досягаемости полиции, что все кордоны и дорожные патрули успешно преодолены.

* * *

Клаудио стоял, засунув руки в карманы, посреди толпящихся группами провожающих. На их лицах была печать некоторого уныния, даже печали от расставания с поездом, только что скрывшимся за поворотом. Вот уже и не слышно шума от стука его колес. Марио и Ванни, устроившись в мягких креслах серого вагона с надписью РЕДЖИО КАЛАБРИА, уехали за девятьсот километров к югу. Они оставили Клаудио одного, тосковать без друзей. Для него это было все равно, что умереть — одному остаться в этом чужом бессердечном городе.

Он лишь один раз махнул рукой, просто, без всякой демонстрации, слабо шевельнул пальцами, так вяло, будто эта жара повлияла даже на его чувства, сумела извратить их.

Когда он вместе с Марио и Ванни шел вдоль платформы, то хотел, плюнув на все, тоже уехать вместе с ними. Но страх перед людьми из организации был так велик, что Клаудио тут же выкинул эти мысли из головы. Еще недавно он не относился так всерьез ко всем этим приказам и инструкциям. Но теперь он понимал, что за все приходится платить, может быть, даже собственными, пусть роскошными, похоронами, с двумя или больше священниками, с мальчиками, поющими в хоре, огромным количеством цветов, достаточным, наверно, чтобы завалить все кладбище, и таким количеством слез, что умершему и впрямь покажется, что его оплакивают. Поэтому Клаудио и остался, и слонялся теперь по перрону. Он поедет завтрашним поездом.

Он отвел глаза от опустевших рельс и направился к бару, где надеялся убить время за изрядной порцией пива, наблюдая, как ползут часовая и минутная стрелки часов.

Немного позже он снимет комнату где-нибудь недалеко от станции.

* * *

Бесполезно в лоб задавать вопросы.

Где те, кто участвовал в движении за Автономию? Где хоть кто-нибудь из них? Незнакомцу в случайном разговоре этого все равно никто не скажет. Он брел в пропотевшей и запачканной одежде, угнетенный и захваченный врасплох своим несчастьем. С факультета общественных наук он прошел на физический. Два часа Джанкарло бродил по университетскому комплексу. Среди тех, кто сидел и болтал на солнышке, кто прогуливался с книгами под мышкой, кто углубился в чтение учебных программ, не было никого, кого бы знал Джанкарло. Никого, кто мог бы, улыбнувшись и махнув рукой, направить его туда, где можно было найти хоть кого-то из Автономии.

Все еще настороженный и оглядывающийся по сторонам, он заколебался перед большими открытыми дверьми физического факультета, помедлив в тени ярко освещенной лестницы, которая вела вниз, в центральный дворик Университета. Он изучал его взглядом, как лиса, нюхающая носом воздух, прежде чем покинуть свою нору.

Джанкарло затрепетал и напрягся, когда в поле его зрения попала серая металлическая машина марки «альфасуд», запаркованная далеко в тени деревьев, вне освещенного солнцем пространства. Машина привлекла его внимание довольно высокой антенной, установленной над правым задним колесом, и тремя мужчинами, развалившимися на ее сиденьях. Двое были с бородами, третий гладко выбрит, но все трое слишком стары, чтобы быть студентами. Он наблюдал за машиной довольно долго, скрытый тенью лестницы, и видел, как они беспокойно ерзали и меняли позы, несмотря на комфортность сидений, что отражало их настроение, состояние подготовки к чему-то. Нет ничего странного, что здесь полиция, убеждал он себя, это место кишело всякой нечистью, в том числе и их информаторами, и не было никакой назойливости в том, как эти трое наблюдали за молодежью, попадавшей в поле их зрения. Вонючие ублюдки, они выдали себя возрастом и тем, что спрятали машину.

Но неужели они уже вычислили его и знают даже имя?

Этого не могло быть так скоро, ведь прошло лишь несколько часов. Надежда и отчаяние, возбуждение и страх одновременно пронеслись в его мозгу, когда он бежал к боковому выходу и прятался среди стоявших автобусов.

Вид трех мужчин, низко сидящих в своих креслах, остался в его воспаленном мозгу. Один с газетой, рука другого с зажженной сигаретой высунута в открытую форточку, у третьего глаза чуть приоткрыты. Они обратили его в бегство, положили конец этим безмятежным праздным поискам, теперь уже началась настоящая охота, и он не сможет безмятежно разглядывать машины и лица полицейских.

Поганые свиньи! Но время, когда он снова уверенно будет ходить по этой земле, придет! Они еще его узнают. Но когда, Джанкарло? Тогда, когда он отберет у них Франку Тантардини. Ты, Джанкарло? Боль застыла в глазах юноши, а за веками затаилась агония мести. Здесь было полно народу, и они не должны были видеть его отчаяние.

Он сел в автобус. Он выбрал его не из-за маршрута, а потому что это был единственный рейс, где не было кондуктора, собиравшего деньги за проезд и выдававшего билеты. Здесь билеты продавал автомат, который был установлен в расчете на честность пассажиров.

Сердце его прыгало, кровь бурлила в жилах. Он казался себе маленьким мальчиком, лишившимся защиты и удирающим.

* * *

Девушка в мятых джинсах и блузке с закатанными рукавами быстро подошла к лестнице, ведущей к факультету естественных наук. Она немного задержалась там, оглядевшись вокруг, а потом побежала вниз по лестнице и к серому «альфасуду». Не было ничего особенного в том, что она сразу определила, что это полицейская машина. Это мог бы сделать любой студент. Приблизившись к машине, она увидела, как настороженно встретили ее сидевшие там: сигарета была затушена, газета отброшена, спины распрямились. У окна водителя она замешкалась, видя, как пронзительно он посмотрел на нее — это было слишком людное место для передачи информации.

— Вы ищете юношу?

В ответ лишь усмешка одного из сидевших впереди, зажавшего еще одну сигарету.

— Темные вьющиеся волосы, джинсы, рубашка, невысокий, худощавый?..

Человек на заднем сиденье как бы ненароком раскрыл блокнот, в который что-то записал.

— Этот юноша недавно заходил в библиотеку. Он нервничал, это было заметно по его голосу, рукам...

Блокнот передали вперед, как бы тайно ожидая, что записанная информация будет опровергнута девушкой...

— ...он спросил о двух парнях из университета. Оба они из Автономии, оба арестованы после последнего выступления, больше трех месяцев тому назад.

После этих ее слов пассажир с переднего сиденья достал пистолет из бардачка, зарядил его, а сидевший сзади нащупал лежавший на полу автомат. Шофер лишь спросил:

— Куда он пошел?

— Я не знаю. По-моему, он направился в сторону комнаты отдыха.

Девушке пришлось отпрыгнуть от машины, так резко открылись ее двери. В карманах у полицейских были пистолеты, под светлой курткой одного из них — автомат. Все трое бежали к входу в здание факультета.

В течение часа они тщательно обыскивали все помещения университета вместе с прибывшей большой группой из отряда по борьбе с терроризмом. Конечно, они ругались при этом непотребными словами, но сознание того, что это тот самый, третий, из раскрытого ими логова, тот коротышка, поддерживало их. Это дело могло бы затянуться, мальчишку не взяли бы так скоро, если бы он не надумал заглянуть к своим друзьям в университет, друзьям, которые вот уже больше трех месяцев сидят за решеткой.

Этой ночью придется поработать, чтобы держать под наблюдением университет и его общежитие. Везде, где только можно затаиться, будут стоять молчаливые призраки. Пусть этот ублюдок только появится...

* * *

О телефонном звонке из Пьетрамелары было доложено капо. О первой стадии похищения англичанина он уже знал — все прошло прекрасно. Об этом ему сообщил радиоприемник, стоявший у него на столе. Официальное сообщение по этому поводу было передано с достойной похвалы скоростью по каналу РАИ ^[6].

Как они помогают нам, подумал он, как они облегчают наш труд! Сейчас груз уже движется по дорогам, где нет дорожных патрулей. Скоро будет дана команда приступить к переговорам с семьей и корпорацией и начнется улаживание финансовых вопросов. Заниматься этим будет специальный человек. Кусок они отхватят грандиозный, лакомый, добытый быстро, будто отрезанный хирургическим скальпелем.

Все это будет делать не он сам. Такой выдающийся человек, каким он себя считал, не может обременять себя деталями получения выкупа; он хорошо заплатил, поэтому все следы должны быть уничтожены, все концы спрятаны. Он вышел из дома, запер ключом дверь и по тротуару прошел к своей машине. Для долгих поездок на юг и в горную

деревушку, где жили его жена и дети, он использовал «дино феррари», что скрашивало утомительное расстояние до Гольфо ди Поликастро, где он обычно останавливался на полпути к своей семье. На морском берегу, в этом райском уголке его бизнес получал дополнительный толчок, он воочию мог видеть, для чего нужен этот плодоносящий источник дохода. Он продемонстрировал отличную фигуру, когда, атлетически поигрывая мышцами, сидел в свой низкий спортивный автомобиль. Сторонний наблюдатель не смог бы уловить ничего ни в его поведении, ни в одежде, что связывало бы этого человека с только что совершенным безжалостным преступлением. Он будет на побережье к вечеру, как раз вовремя, чтобы пригласить главу местной администрации на обед, а когда тот напьется и будет благодарить его со слезами на глазах за оказываемое внимание, капо уедет свою виллу в Аспромонте.

Он резко съехал с края обочины, чем привлек к себе внимание. Те, кто видел его в этот момент, почувствовали, что этот человек обласкан судьбой.

* * *

У Виолетты Харрисон не было ясного намерения пойти в этот день на пляж Остия. Ничего определенного в голове, даже желания избавиться от похоронного вида своей горничной. Если оставаться в доме, тогда надо было сидеть, курить и пить кофе, вздрагивая от каждого телефонного звонка. Она достала три недавно купленных ею купальных костюма типа бикини из ящика в своей спальне, один желтый, другой — черный и третий — розовый в черный горошек — и разложила их с несвойственной ей аккуратностью на покрывале, застилавшем постель. Она осмотрела их несколько фривольный вид.

— Это что, обрезки какие-то, что ли? — засмеялся Джеффри, когда увидел их впервые. — Ими вряд ли можно что-нибудь прикрыть.

Это было на прошлой неделе. Он шлепнул ее по заднице, поцеловал в щеку и больше даже не вспоминал об этом. Но все было написано на его лице. Зачем, мол, ты, старуха, хочешь влезть в эту одежду для тинэйджеров? Он устроился в кресле со стаканом в руке и пачкой счетов на коленях. Обрезки... В этот момент он держал между

пальцев ее последнюю покупку — розовый в черный горошек купальник. Она увидела его в витрине магазина, что рядом с рынком, он ей понравился, и она захотела купить его. Виолетта не стала обращать внимания на презрительный взгляд продавщицы, высокой девицы с маникюром и длинной прямой спиной. Эта надменная сука глазами сказала то, что пять часов спустя ее муж облек в слова.

Она только один раз надевала это розово-черное бикини. Только один раз, вчера, когда была на пляже и слушала звучащую вокруг враждебную речь. Она не могла понять ни слова, для нее это была смесь дурацкого бормотания, хихиканья и сумасшедших жестикуляций. Но это ей придавало даже какую-то самоуверенность. Это было ее тайное убежище. Среди всех этих людей, разбросанных вещей, стаканчиков от мороженого, пивных банок и пакетов от кока-колы это был ее островок, неизвестный холодному, основанному на деньгах миру обитателей Коллин Флеминг. Здесь она чувствовала себя восхитительно, чертовски восхитительно, солнце обжигало ее кожу, песок сыпался на лицо, но она этого не замечала. Ей это было необходимо для капельки счастья и невинного удовольствия. А тут еще этот глупый малыш, который начал с ней болтать. Все это было игрой, не так ли? Все это играло свою роль в этом сценарии свободы и спасения. Маленький глупыш пытался подцепить английскую матрону, достаточно старую, чтобы быть ему... ну, скажем, тетей. Он хотел снять ее, как какую-нибудь потаскушку на день! Потом он сказал, что снова будет там завтра днем.

Это не моя вина, Джеффри.

Что мне делать? Обтянуться черным, закрыть глаза очками «Полароид», чтобы никто не увидел, что я даже не всплакнула последние четыре часа? Поставить в гостиной цветы и надеть мягкие тапочки, чтобы не производить никакого шума, когда я буду ходить туда-сюда и содержать это проклятое место как выставочный павильон?

Что ты хочешь, чтобы я делала? Весь день сидела здесь и рыдала, или попросила приехать маму, чтобы она держала меня за руку и готовила чай? Я не хочу этого, Джеффри, не хочу! Не обижайся, Джеффри. Я просто не могу сидеть здесь, ты должен это понять, я не могу все это выносить. Я не такая уж сильная, вот что я хочу сказать...

Я не гожусь быть женой человека, который находится в центре внимания.

Но я и не бросаю тебя, ни в коем случае. Я останусь здесь, не пойду на пляж, буду ждать телефонного звонка. Это то, что я должна делать, ведь так? Я должна страдать вместе с тобой, хоть ты и не здесь, а где-то там. Ты боишься, Джеффри?.. Тут один приходил ко мне, какой-то идиот из посольства, он сказал, что они ничего тебе не сделают. Ну, не совсем так он сказал, но они и в самом деле ничего тебе не сделают, если все пойдет хорошо, если ничего не случится. Так он сказал.

Она взяла с покрывала бикини, состоявшее из маленьких треугольничков, связывающих их веревочек и застегивающихся ремешков. Смяв их с силой в руках, она расшвыряла купальники по углам, где все еще аккуратно стояли ботинки Джеффри.

Виолетта выбежала прочь из комнаты, будто пронзенная телефонным звонком. Чуть не сорвав дверь с петель, она поскользнулась на гладкой поверхности пола. Звонивший был терпелив, трель звонка наполнила квартиру, казалось, стены трескались, и звон выплывал через щели.

* * *

Кондиционер снова не работал.

Майкл Чарлзворт сидел в своем офисе, пиджак висел на спинке стула, галстук расслаблен, три верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Ничего удивительного, черт с ним, с кондиционером, надо ко всему относиться философски. Есть ли вообще шанс найти сейчас хорошо ухоженного мужчину, которому не пришлось снести собственной головой полстены, чтобы наполнить легкие воздухом и который не похож на остальных обитателей города, изнемогающих от жары?

Бумага прилипает, в ручке, которой он пишет, текут чернила, телефон, стоящий рядом, влажный от прикосновения его ладони. Тишина в здании перемежается шумом, Посол и его гости — за ленчем, секретари посольства исчезли в тенистых ресторанах на Порта

Пиа и Виа Номентана. Машинистки закрыли свои машинки, клерки — папки с делами. Чарлзворт продолжал свирепо писать.

Он начал со списка неотложных дел. Звонок Карбони в полицейское управление, убедиться, что в дневных газетах будет опубликовано сообщение о готовности корпорации, где работает Харрисон, вступить в контакт с похитителями. Как только он положил трубку, тут же раздался звонок от Виолетты Харрисон. Голос ее был бесстрастен. Он сразу подумал, что она наглоталась успокоительных, которые выписал доктор. Она сообщила о том, что ей позвонили, что звонивший говорил только по-итальянски, она кричала на него в трубку, он — на нее, и оба не понимали друг друга. Сейчас она была невозмутима, одурманенная наркотиком, и вежливость, с которой она говорила с Чарлзвортом, свидетельствовала о том, что лекарство принято ею уже несколько часов назад.

— Я просто не могу здесь сидеть, — сказала она, как будто это не имело к ней отношения. — Я не могу говорить по телефону. Надеюсь, вы понимаете.

Она попыталась связаться с Послом, передала через секретаршу свою просьбу и получила ответ, что старик будет рад увидеть ее где-нибудь в районе пяти, если ничего не изменится. До этого времени он не хотел бы, чтобы его беспокоили. По крайней мере, это ведь не вопрос о жизни и смерти. Пока еще.

Секретарша Посла была приятной девушкой, высокой, длинноногой, с прекрасной прической, благоухающая изысканными духами. Но она становилась непреклонной и даже неприятной, когда защищала своего шефа. Что значит вопрос о жизни и смерти? А разве это не тот самый случай, разве этот парень не лежит сейчас связанный где-то в дерьме, а вокруг него не шляются эти ублюдки, готовые убить его, если понадобится? Жизни и смерти? Но это же не касается старика, не в его привычках ради чего бы то ни было отказаться от хорошего ленча. Если быть честным, в этом нет ничего нового. Просто эта женщина, совершившая такую отважную попытку и грозящая внести хаос в эту спокойную прекрасную жизнь — не какая-то там особая шишка, имеющая связи среди членов парламента, или фигурирующая в списках приглашенных на посольских приемах. Но Майкл Чарлзворт не будет стоять в стороне, как гранитный столб, не пытаясь поддержать Виолетту Харрисон, не подставив ей своего

плеча, не подав даже носового платка утереть слезы. Она, конечно, ужасная женщина, со скверными манерами, однако ведь заслуживает же она хоть малейшего сострадания, не так ли, Майкл Чарлзворт? Он прикусил зубами нижнюю губу, когда снова засел за телефон.

— Уже прошло десять минут, как я заказывал Лондон, дорогуша. Десять минут, это уж слишком... — Обычно он называл ее мисс Фомен.

— Ничем не могу помочь, мистер Чарлзворт. Оператор с междугородней не отвечает. Вы же знаете здешнюю связь. — Голосок ее источал мед, она всю жизнь проработала на телефонной станции, отпуск обычно проводила где-нибудь в Уэльсе в отеле, когда там уже заканчивался сезон, а самым большим ее желанием было скинуть лет этак двадцать, и чтобы кто-нибудь в нее влюбился.

— Дорогуша, пожалуйста, для меня...

— Мистер Чарлзворт, вы же знаете, это не положено.

— Но для меня вы же можете это сделать... — В голосе его появилась игривость.

— Вы должны направить официальную просьбу. Одна из наших девушек освободится и подойдет к вам забрать заявление.

— Неужели вы не можете просто набрать номер? — Чарлзворт постепенно приходил в ярость.

— Сразу, как только у вас будет официальное заявление и девушка его доставит сюда.

— Но мне нужно сейчас, черт возьми. Набирайте немедленно, от этого зависит жизнь человека...

— Не надо ругаться, оскорбления вам не помогут.

— Дорогая, я прошу вас, наберите номер. Я пришлю вам официальную просьбу позднее. Это слишком серьезно, — этот разговор с Лондоном, и такие идиотки, как вы, только заставляют меня терять драгоценное время!

В трубке вдруг послышались щелчки. Что-то включилось, и Чарлзворт услышал звук набора номера. Затем раздался звонок зуммера. Раньше он никогда так не разговаривал с мисс Глэдис Фомен. Чарлзворт сомневался, что кто-нибудь вообще мог с ней так разговаривать.

Два сигнала зуммера и затем далекий, какой-то отстраненный голос девушки:

— Международная химическая корпорация. Вас слушают.

— С вами говорят из посольства Великобритании в Риме. Это Майкл Чарлзворт. Мне нужен директор.

Пауза. Что-то отсоединилось, затем связь снова появилась. Чарлзворт сидел за столом, изнемогающий от жары, и убеждал девушку-секретаря, что ему срочно нужно передать сообщение ее шефу и что она должна, черт возьми, нажать на кнопку селектора и переключить связь на него. Конечно, он может немного подождать, он может ждать весь день, черт тебя подери, почему бы и нет? Пусть ждет и Джеффри Харрисон.

— Адамс у телефона. Что вы хотите, мистер Чарлзворт? — Сэр Дэвид Адамс, собственной персоной, сам босс. Его голос был жестким, как бы предупреждая, что он не собирается попусту терять время.

— Вы очень любезны, что решили уделить время и поговорить со мной. Я должен сообщить, что ваш представитель в Риме, Джеффри Харрисон, похищен сегодня утром по дороге на работу. — Чарлзворт помолчал, затем откашлялся, а потом выложил все известные ему факты, то, что он узнал от Карбони. Это заняло немного времени.

— Я читал в газетах о подобных случаях, но признаюсь, думал, что это чисто итальянская проблема. — Его голос то и дело прерывался, как бы от помех на линии.

— Ваш сотрудник — первый похищенный из иностранцев.

— Это будет дорого стоить?

— Очень дорого, сэр Дэвид. — Что, кольнуло прямо в сердце? Чарлзворту стало смешно. Вы получите все официальные бумаги. Все будет организовано, заявление и все прочее.

— И все же, о какой сумме идет речь?

— Я думаю, они попросят четыре — пять миллионов долларов. — Он, наверно, сейчас взвился в своем черном кожаном кресле, какие обычно стоят в кабинетах в Сити. — Но можно поторговаться, хотя это и не легко для вашей корпорации — изображать бедность.

— А если мы не заплатим?

— Тогда вам придется раскошелиться на пожизненную пенсию для вдовы. Миссис Харрисон еще молодая женщина.

— Это будет решать правление. А что мы можем предпринять сейчас?

— Единственное, что вы должны сделать, это принять решение, и быстро. Для мистера Харрисона все может обернуться очень плохо, если те, кто его держит, решат, что вы ведете двойную игру. Возможно, вы в курсе, что в традициях этой страны платить выкуп, и если вы нарушите обычай, они не станут церемониться.

Если я этого не скажу, я не смогу помочь тебе, Джеффри Харрисон. Я представляю, как ты лежишь там сейчас, связанный. А на том конце провода молчание. Большой начальник оценивает ситуацию. На лице Майкла появилась кривая усмешка.

Когда сэр Дэвид Адамс заговорил снова, в его голосе появилась резкость:

— Это очень большие деньги, мистер Чарлзворт. Правление должно быть уверено, что это совершенно необходимо — уплатить сумму, которую вы называете. Оно может не одобрить этого. Кроме того, это и вопрос принципа — в нашей стране существует обычай не поддаваться на шантаж и вымогательство.

— Тогда примите решение, что из принципиальных соображений вы готовы пожертвовать жизнью мистера Харрисона. Может, до этого и не дойдет, но вероятность очень велика.

— Вы чересчур взволнованы, мистер Чарлзворт. — В голосе его звучало неодобрение. — Если мы примем решение об уплате выкупа, то кто будет всем этим заниматься?

— Лучше всего, если это будет ваш офис в Риме. Посольство не касается таких дел.

В ответ Майкл услышал приглушенный смех. Они разговаривали уже десять минут, десять минут обсуждали все плюсы и минусы того, стоит ли платить выкуп. Принципы или целесообразность? Обречь человека на муки ради интересов большинства или заключить позорную сделку, но спасти его жизнь. «Наверно, я неправильно поступаю, — подумал Чарлзворт, — наверно, действительно надо было занять жесткую позицию — никаких сделок, никаких контактов с похитителями, никаких компромиссов. Если дать им выкуп один раз, передать наполненный старыми купюрами дипломат где-нибудь в темном, укромном местечке, то кто знает, сколько еще ублюдков захочет повторить подобное?» Впрочем, это не его дело, он же ясно сказал, что посольство не вмешивается в такие дела, только стоит в стороне, как мраморный столб, и наблюдает сквозь свои стеклянные

стены с равнодушным интересом. Как раз поэтому сэр Дэвид Адамс, директор международной химической корпорации, расположенной в лондонском Сити, и рассмеялся, коротко, безрадостно, как бы заканчивая разговор:

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Чарлзворт. Вечером в Рим вылетит один из наших людей. Я скажу ему, чтобы он связался с вами.

Разговор закончился.

Майкл откинулся на спинку кресла. Теперь можно расслабиться. Он должен позвонить мисс Фомен, извиниться и послать ей завтра утром букет цветов. Снова звонок, проклятый телефон! Из полицейского управления сообщили, что в офисе корпорации на Виале Пастер был звонок с требованием двух миллионов долларов за выкуп Джеффри Харрисона. Никаких контактов с полицией, дальнейшие указания насчет выплаты денег будут даны через посредников. Дотторе Карбони на месте в это время не было, и он попросил, чтобы информацию передали синьору Чарлзворту. Взаимные извинения и благодарности завершили разговор.

Два миллиона долларов! Больше миллиона фунтов стерлингов по текущему курсу. Четыре миллиона швейцарских франков. Огромные цифры! Но меньше, чем он думал, — будто те, кто захватил Харрисона остановились на этой базовой цене, чтобы как можно скорее закончить операцию.

Майкл Чарлзворт передумал. Он лично извинится перед Глэдис Фомен. Он застегнул все пуговицы на рубашке, подтянул галстук, надел пиджак и медленно направился к выходу. Он думал о том, как он выглядит, этот Джеффри Харрисон, какой у него голос, приятно ли с ним провести время за обедом, какое у него чувство юмора. Он ощутил странное единение с человеком, которого совсем не знал и если бы не он, мог бы никогда не пересечься с этой химической корпорацией с другого края Европы и не спорил бы только что с ее шефом по поводу принципов и выплаты денежных выкупов. И даже представить бы себе этого не мог.

Автобусная станция Термини — это было самое подходящее место для Джанкарло.

Большой фронтон из белого камня, перед которым останавливались автобусы, сигналили такси. Здесь торговали всякими яркими безделушками, тысячи людей собирались каждое утро и вечером по дороге из дома на работу и обратно. Магазины, бары, рестораны были к услугам пассажиров. Их бесчисленное количество опутывало все пространство перед машинами, выезжавшими на автостраду. Тут были и бизнесмены отбывающие вечерним экспрессом в Турин, Милан или Неаполь. Детишки с мамашами ожидали рейса в курортные местечки типа Римини, Риччи или на южное побережье. Солдаты, моряки, летчики ждали автобуса, чтобы отправиться в свои казармы или, наоборот, к семьям — в эти дни как раз проходил очередной призыв в армию. Девочки с голыми коленками и скучающими лицами пили кофе из бумажных стаканчиков. Шум, движение, мелькающие лица и голоса с самыми разнообразными акцентами — ломбардским, пьемонтским, тосканским.

Усталый, умирающий от голода и жажды, Джанкарло медленно крался, все еще опасаясь преследования и приглядываясь к окружавшей его толпе. Место было для него отличное, именно из-за большого скопления народа. Полиции будет очень трудно выследить здесь какого-то невзрачного парнишку. Наповцы научили его, что в таких местах лучше всего замечать следы. В его усталости совсем не было чувства поражения, проигрыша, только неловкость, что он не смог достойно ответить тем, кто увел Франку Тантардини. Бледное нечистое лицо, щетина, грязные волосы, глаза запали. Он брел сквозь толпу мимо ларьков с детскими игрушками, мимо киосков с газетами и журналами, не слушая объявления об изменениях в расписании.

Во второй раз проходя мимо большого бара, он увидел мужчину, лицо которого показалось ему знакомым.

Он сделал еще несколько шагов, перебирая в памяти, где он мог видеть эту широкую физиономию, мощное тело, покатые плечи человека, склонившегося над столиком в баре. Джанкарло пришлось

перебрать многих, с кем он встречался в последнее время, пока наконец не вспомнил.

Они называли его Гигантом — это был он, тот мужчина в баре. Джанкарло вспомнил даже его имя — Клаудио. Фамилию, конечно, нет, но имя точно — Клаудио. Он тоже был в тюрьме Реджина Коэли в том самом крыле Б. Перед его глазами даже возникла картина, как он спускается по железной лестнице, а его шаги эхом отдаются в коридорах. В Реджино Коэли к Клаудио относились с уважением. Еще бы, его кулак был размером с хорошую порцию пиццы.

Джанкарло повернул назад, подошел к двери бара, остановился. Он ждал, пока их взгляды пересекутся. Наконец, опущенные веки Гиганта поднялись, и взгляд направился в сторону двери. Джанкарло улыбнулся и пошел вперед.

— Чао, Клаудио, — тихо сказал юноша.

Тот замер и впился в него глазами, но как будто не узнавал его.

— Хоть времени прошло и немало, но я думаю, ты помнишь меня,

Он прочел неуверенность на лице собеседника, видел, как нахмурилось его лицо, будто он изо всех сил пытался вспомнить имя этого мальчишки и место, где они могли с ним пересечься. Джанкарло напомнил:

— Королева небес — Реджина Коэли, Клаудио. Ты не помнишь меня, Клаудио? Не помнишь моих друзей? Мои друзья были политические, а я был у них под защитой.

— Мы не встречались, ты ошибся. — Но что-то в его отрицании было неубедительным, он огляделся вокруг.

— Но я же знаю, как тебя зовут. Я могу назвать номер камеры, где ты сидел и даже имена тех, кто там был вместе с тобой.

Полуулыбка играла на губах Джанкарло, прилив радости пробежал по его телу. Первый раз за этот день, за все эти долгие часы, прошедшие с того момента, когда он остался один, он почувствовал, что что-то забрезжило впереди.

— Давай выпьем по чашечке кофе, поговорим, и ты вспомнишь и меня, и моих друзей. Они сидели в политическом крыле Королевы небес, они там были люди влиятельные, и все еще сохраняют свое влияние.

Голос его затихал, он как бы хвастался своей родословной.

Клаудио засмеялся каким-то нервным смехом и посмотрел мимо юноши, словно хотел убедиться; что тот один и за ними никто не наблюдает. Он безо всяких объяснений прошел к девушке за стойкой, задев своими широкими плечами стоявших рядом мужчин. Джанкарло увидел толстую пачку банкнот, которую Клаудио вытащил из кармана, большинство из них были по тысяче лир. Это огромное количество денег совершенно заворожило юношу.

— Выпей пива со мной, — предложил Клаудио, когда отошел от стойки и вернулся к своему столику.

За первой кружкой они постепенно втянулись в неторопливый разговор, как бы приглядываясь друг к другу. Клаудио пытался понять, чего от него хотят. Джанкарло увиливал от прямых ответов и думал, как лучше воспользоваться привалившей ему удачей. Вторая кружка, потом третья, голова Клаудио все больше затуманивалась от выпитого, слова путались и им овладевало все большее чувство доверия к юноше.

К четвертой кружке рука Клаудио уже обнимала плечи Джанкарло, и они вместе склонились над дневным выпуском газеты. Там сообщалось о похищении британского бизнесмена по дороге из дома на работу. Это произошло сегодня утром. Джанкарло взглянул в лицо Гиганта, оно расплылось в улыбке.

Юноша был настороже, несмотря на все влитое в себя пиво. Он просмотрел глазами газетную страницу — что же могло так подействовать на Клаудио? Он припомнил, что тот был южанин, об этом свидетельствовал и его калабрийский акцент, он говорил, что ждет поезда, чтобы уехать из Рима. Джанкарло обратил внимание, что его довольный смех возник как раз тогда, когда они читали о похищении. Вот где был источник его денег, подумал про себя Джанкарло, вот где можно найти защиту. Гигант, видимо, тоже был беглецом, как и он сам. Джанкарло это понял.

— Ничего интересного, — с чрезмерным оттенком безразличия произнес Клаудио, как актер, старающийся остаться в тени рампы. — Вот только взяли одну шлюху, из ваших, из наповцев, это случилось утром, теперь вся полиция стоит на ушах... — Джанкарло остался невозмутимым. Клаудио провел своим пальцем по снимку Франки Тантардини, оставив на нем грязный след. — Она считалась лидером, а один из тех, кто ее охранял, был убит. Вот дура, взяла и высунулась

из своей норы прямо среди бела дня. Корова... Ты ее не знал? По виду с ней стоило познакомиться...

— Я встречал ее. — Джанкарло старался говорить как можно равнодушнее. — Я думаю, что за нее отомстят. В тюрьме она долго сидеть не будет, друзья вытащат ее оттуда. С нашими им не справиться. — На снимке голова Франки была высоко поднята, тугая грудь плотно обтянута, можно было даже разглядеть бугорки сосков, а на ее запястьях поблескивали замки от наручников.

— Это все пустая болтовня, малыш. Раз уж они сумели ее взять, сумеют и засадить как следует. А ничего сучка, хороша, — пробормотал Клаудио. Вдруг его будто озарило, пивные пары сразу улетучились, а лицо прямо на глазах засветилось интересом. — Так вот почему ты в бегах! Без денег, без еды, пиво тут пьешь за мой счет. Все потому, что ее взяли.

Джанкарло поднял на него взгляд и заглянул прямо в глубину зрачков.

— Все потому, что мне нужна помощь друга.

— Ты был с ней?

— Мне нужна помощь друга.

— Тебе некуда пойти, потому что ее взяли?

— Да, мне некуда пойти.

— Во всем Риме тебе негде укрыться?

— Я один, — сказал Джанкарло.

— А где же остальные, где твои друзья?

— У нас такая структура. Мы разделены на ячейки, это наш основной принцип.

Вокруг них в баре стоял шум и хаос. Их толкали под руки, вокруг раздавались крики, обращенные к официанту. В них слышались и юмор, и злоба, и безразличие. Но Джанкарло и Клаудио были отрезаны от всего этого, от всей этой толчеи.

— Тогда ты должен отправиться домой. — Голос Гиганта как будто помягчел, — Возвращайся к семье. Смывайся, пошли все к черту!

— За мной охотятся. Я был с ней, когда ее взяли. Того, другого, эти свиньи убили. Теперь они ищут меня. — Все его превосходство над Клаудио улетучилось. Джанкарло нужно было спрятаться, и он

мечтал найти покой, словно загнанное животное. — Весь день я пытаюсь уйти. А идти мне уже некуда.

— Я помню тебя, малыш. Ты все время торчал в их крыле. Ты ведь был у них под защитой. — Он прижался к плечу Джанкарло, и тот почувствовал дыхание Клаудио, запах пива и чеснока. — Ты вошел в их организацию, а сейчас обращаешься за помощью к дураку из калабрийской деревни, на которого тогда не обращал внимания и считал и сейчас считаешь глупой свиньей.

— Я не считаю тебя глупой свиньей. У тебя есть деньги. Ты не жертва эксплуатации и угнетения.

— У тебя открылись глаза, мой потерявшийся малыш. — В лице Клаудио появилось что-то холодное, бычье. — Ты выждал, когда я выпью побольше пива.

Джанкарло улыбнулся, стараясь сделать это как можно теплее, чтобы растопить его ледяной взгляд. Еще кружка пива, и Клаудио заговорил о комнате в отеле, о том, что надо бы съесть чего-нибудь мясного. Разыгрывая из себя покровителя, он обещал Джанкарло свою заботу и помощь хотя бы в ближайшие часы. Юношу заинтересовало, почему бы это, и он уступил, решив, что Гиганту ударило в голову выпитое пиво.

Политические движения типа наповцев ненавидели и презирали мафию и все ее щупальца. Для экстремистских левацких движений организованная преступность представляла опасность как источник неограниченного влияния на рабочий класс, которое базировалось на страхе и всевозможных репрессиях, что в свою очередь ослабляло наповцев, кроме того, мафиози имели своих людей в высших эшелонах власти. В той революционной борьбе, которую вел Джанкарло, под первыми номерами в списках врагов фигурировали как раз эти мафиозные бонзы, владевшие огромными деньгами и имуществом. Продажные и презренные!.. Поэтому вообще-то Клаудио был для Джанкарло противником, но ему пришлось смириться с этим, поскольку в данный момент ему была необходима хоть чья-то поддержка. К тому же, он постарается использовать его в своих целях. Если бы Клаудио был потрезвее, если бы его ограниченный разум был более осторожен, он не пошел бы на эту связь. Но сейчас Клаудио был слишком благодушен и утратил присущий ему инстинкт самосохранения.

В голове у Джанкарло уже стали зарождаться контуры будущего плана. Надо только как следует все обдумать, отшлифовать, чтобы получился идеальный вариант. Это был план, как освободить Франку. Джанкарло отчаянно тосковал по ней, по ее телу, ямочках на щеках, ослепительной улыбке, по ее бесстыдной любви. Он хотел ее так, что все его тело дрожало в пылу страсти, а в низу живота начинало ныть при воспоминании о ней. Франка, Франка!.. — это был его беззвучный крик.

Они шли, вдыхая влажный вечерний воздух. Активист подпольной террористической организации и похититель из мафии шли, обняв друг друга за плечи, голова к голове, оба, накачанные пивом, в поисках кафе, чтобы подкрепиться тарелкой спагетти.

* * *

Зажатая в дорожной пробке на Раккорде Аннуларе, где были заблокированы оба ряда и никуда нельзя было двинуться, Виолетта Харрисон извергала из себя крики возмущения и брань. За восемь минут ей удалось проехать лишь сотню метров. На заднем сиденье ее машины лежала пластиковая сумка со свернутым полотенцем. Она зло бросила его туда, когда обнаружила, что оно все было мятым и имело неопрятный вид. Под сумкой было аккуратно разложено розовое в горошек, ни разу не надеванное, бикини.

Она понимала, что должна оставаться дома, в своей квартире и сидеть у телефона. Это было бы самым правильным с ее стороны. Но желание освободиться от всего этого кошмара победило. Она вышла из дома, села в машину и поехала на пляж.

Ступая по песку голыми ногами, она осознавала, какую смехотворную картину представляет. Слегка прищурившись, она бросала взгляды на молодых парней с бронзовыми торсами, голыми ногами и мускулистыми плечами. Она явно искала кого-то, но найти не могла. Люди на пляже обращали на нее внимание, и она чувствовала себя униженной под их взглядами. Ведь она не какая-нибудь девчонка, а зрелая женщина — с широким лоном, налитыми бедрами, далеко уже не тонкой талией, и вот поддалась соблазну и пришла на пляж, чтобы снова встретиться с парнем, даже не зная его

имени. Солёные, злые слёзы безостановочно бежали по её щекам, когда она снова садилась в машину в уже наступивших сумерках.

Если бы она пришла пораньше, в то время, когда она обычно появлялась на пляже, возможно, он был бы ещё там. Мерзавец, он даже не подозревал, чем она пожертвовала, приехав сюда, чтобы увидеться с ним! Он не понимал, какую боль ей причинил. Тварь!..

Прости, Джеффри... Бог свидетель, это было выше моих сил... Я даже погладила бикини...

* * *

Майкл Чарлзворт ехал на велосипеде домой, без энтузиазма, не получая никакого удовольствия от легкости, с которой он обходил сбившиеся в пробку, медленно движущиеся автомобили, не обращая внимания на толчею. Обычно он наслаждался своим велосипедным превосходством, сегодня никаких эмоций это не вызывало.

Встреча с Послом прошла, как он и ожидал. Запас благодушия Его Превосходительства иссяк во время ленча. Теперь он точно придерживался функций, возложенных на посольство протоколом.

— В этом преступлении, каким является похищение человека, для нас нет поля деятельности, — заметил Посол, держа между пальцев зажжённую сигару. — Это дело самой корпорации, черт возьми. Они должны решить — платить или нет, и как вести переговоры. Лично я думаю, исходя из местных традиций, что у них нет выбора. К тому же корпорация может себе это позволить. Будем надеяться, что все это закончится так быстро, как только возможно в данной ситуации. Но не забудьте о юридических тонкостях. Если они не будут осторожны то могут вляпаться во всевозможные проблемы с законом. Это не значит, что я не переживаю за них, просто это чревато, и мы не должны вмешиваться. Поэтому я не вижу необходимости глубже влезать в это дело, пусть остальное делают те, кого это непосредственно касается.

Таким образом, к трону поднесли чашу с водой и из нее умыли руки. Чарлзворта вернули к анализу новой, недавно появившейся властной структуры в ЦК компартии Италии. Старик прав, конечно, он всегда прав. Выплата денежного выкупа может быть расценена как помощь и содействие уголовным преступникам, это слишком тонкий

лед для дипломатического вмешательства. Но под Джеффри Харрисоном лед был толстым и холодным, а в его спасательном жилете не было ни шерстинки. Бедняга... Джеффри Харрисон мог вычеркнуть имя Майкла Чарлзворта из списка своих ангелов-спасителей.

Он резко повернул руль налево, чуть склонив голову, пересек две полосы, игнорируя сигналы сирен. В этой стране надо действовать по их правилам. «Местные традиции, — подумал он. — Ключевая фраза дня».

* * *

В течение всего дня и вечером, когда уже наступили сумерки, Франческо Веллоси боролся с искушением. Наконец, в то время, когда он обычно отправлялся домой, он попросил свою секретаршу предупредить Квестуру, что выезжает к ним и будет присутствовать на допросе Франки Тантардини. Это было не обязательно для человека с его положением, ничего полезного ему там извлечь не удастся. И не ожидалось ничего такого, что требовало бы его личного присутствия. Все, что надо, он мог получить позже, из протокола допроса. Но Веллоси помнил, какое восхищение, даже почтение вызвала Франка у помощника министра, когда проходила перед толпой репортеров, как она сумела показать себя перед ними. Этот эпизод преследовал его весь день. Большинство из тех, кто прибывал сюда в ее положении, сразу теряли свою смелость, и все революционные идеи улетучивались из их головы. Это в равной степени относилось и к красным, и к коричневым, к этим маньякам — ультралевым и ультраправым. Но эта девушка была особенной. Горда, даже высокомерна! Как опытный полицейский, изучавший свое тяжелое ремесло в таких суровых школах, как Милан и Реджио, он посчитал своим профессиональным долгом присутствовать на ее допросе. Веллоси был уважаем коллегами за свою компетентность и точность в принятии решений. Только вид этой женщины у здания Квестуры вывел его из состояния равновесия. Два года они разыскивали ее, информация собиралась по крупицам, они вели наблюдение за зданиями, где рассчитывали ее захватить, но всегда их ожидало разочарование. Два года вилась эта ниточка, а

теперь, когда они ее взяли, чувства удовлетворения, что она наконец в их руках, не было.

За ним ехал целый эскорт машин, положенный ему по рангу, для обеспечения безопасности. Веллоси обдумывал ситуацию, приводя в порядок мысли. Что заставило эту женщину, Тантардини, пойти против всех, против того, что другие принимали? Где разорвалась связь, когда случилась эта перемена в ней? В тюрьмах их сидело больше пятисот, — и красных, и коричневых. Большинство, конечно, были мелкой рыбешкой, так, идиоты, отбросы общества, которые в жестокости видели единственный шанс для себя быть замеченными обществом.

Но эта женщина была другой. Слишком умна, слишком воспитана, слишком норовиста, чтобы быть этим стадом. Из хорошей семьи в Бергамо. Закончила монастырскую школу. Почему-то бросила все открывавшиеся перед ней возможности и родительские деньги. Да, это настоящий, серьезный противник. Она привлекла внимание Веллоси, заставив его забыть обо всем остальном. Эта женщина могла заставить мужчину преклоняться, падать на колени и страдать. «Она могла бы стереть меня в порошок, она одна, — думал он. — Могла бы иссушить рассудок, зажав между своих ног». В то же время ей мало что можно было предъявить, запугать, а тем более сломать ее было нечем.

— Мауро, я уже говорил это сегодня и хочу повторить снова. Надо было застрелить эту суку там, на улице. — Он спокойно говорил это своему шоферу, уверенный в нем, доверяя ему все свои мысли. — Когда мы взяли Ренато Курчио, то после этого было убито и покалечено в отместку больше, чем когда он был на свободе. Эти ублюдки теперь будут прикрываться ее именем. Они только сильнее сплотятся, когда мы упрячем за решетку Франку Тантардини. Мы можем посадить ее хоть в мессинскую тюрьму, даже выбросить ключ от камеры, это ничего не изменит. Если мыотрежем ее от других заключенных, это будет названо негуманным обращением, психическим воздействием. Если посадим ее к остальным, для нее это будет слишком легким наказанием. Эти радикалы будут вопить перед камерами все время, пока она будет сидеть в тюрьме. У нас была возможность сделать правильный ход, но мы ей не воспользовались. А, Мауро?

Ответа шофера не требовалось. Он лишь согласно кивнул. Все его внимание было сосредоточено на дороге. Он должен быть очень осторожным, чтобы и не слишком отрываться, и не приближаться к эскорту, ехавшему сзади.

— Они призывают к демонстрации, — продолжал свой монолог Веллоси. — Студентов, безработных, всех этих ублюдков, которые называются пролетарскими демократами, даже детей из студенческой Автономии. В общем, всякий сброд. Квестура запретила демонстрацию, ни шествие, ни митинг не разрешены, но эти крысы попрячутся в темноте, попробуй найди их. Убийство Энрико Паникуччи — их главный объединяющий лозунг. Они поломают там руки-ноги, побьют витрины магазинов, сожгут несколько машин и будут кричать о насилии государства по отношению к ним. А еще будут раздаваться возгласы в защиту Франки Тантардини, хотя те, кто будет это кричать, даже имени ее не слышали до сегодняшнего утра... Мауро, мне больно за Италию.

Шофер, чувствуя, что монолог окончен, снова кивнул, как бы поддерживая и одобряя то, что услышал. Если бы у Веллоси была семья — жена и дети, он не ощущал бы это так остро, сердце его не обливалось бы кровью. Но он был одинок, его домом был кабинет, обставленный мебелью, а семьей — те молодые люди, которых он посылал на улицы, в темноту, участвовать в этой кровавой войне.

Машина подъехала к заднему входу в Квестуру. Стоящие около нее офицеры отдали честь, узнав Веллоси.

Он не привык ждать. Трое встречавших склонили головы, когда он вышел из машины. Если дотторе Веллоси последует за ними, они пройдут прямо в комнату для допросов. Тантардини сейчас ужинает в тюремном блоке. Ей сразу же было задано несколько вопросов: как она отреагировала на них и гримаса на ее лице показали, что им немало известно. Сейчас они возобновят работу. Веллоси прошел за встретившими его офицерами по слабо освещенному коридору, вниз по лестнице, мимо охранников. Они спускались в самые недра здания Квестуры. Вот и комната, которая была их целью. Они пожали друг другу руки, и сопровождавшие оставили Веллоси. Остались только его люди, те, кто готов был и не боялся запачкать свои руки мерзостями этого подземного мира, насилием и контрнасилием, кому приходилось дышать не настоящим воздухом, а тем, что перегоняли сюда

устаревшие модели вентиляторов. В комнате было двое, обоих Веллоси знал, они были его выдвигенцами. Это были крутые ребята, квалифицированные, не склонные к душещипательным беседам. Они искусно вели допросы, не позволяли увильнуть от вопросов — такая сложилась у них репутация. А какие еще критерии нужно использовать при такой работе? Разве другие согласятся запачкать свои пальчики, чтобы защитить это зажившее общество? Радость охватила Веллоси, ведь это его коллеги, он был доволен ими и чувствовал себя рядом с ними легко.

Он жестом показал, что готов, и сел на потертый деревянный стул, в тени двери, где можно было видеть лица допрашиваемых. Арестованная не сможет его увидеть из-за яркого света, направленного ей прямо в глаза, как раз на то место, где она будет сидеть. Веллоси услышал приближающиеся шаги и весь напрягся, когда женщина, заслонив собой свет, вошла в комнату. Весь ее вид выражал безразличие. Она опустилась на стул. Вот он, враг, опасный противник, который был серьезной угрозой для всего общества, а между тем Веллоси видел перед собой угловатые плечи и лицо хорошенькой женщины с завязанными дешевым шарфом волосами. Грязные джинсы, нестираная блузка; губы, не тронутые помадой, выражали презрение и ненависть. Где же ее защитники, ее адъютанты? Где ее армия, полки, отряды? Где нашивки, обозначающие ее ранг? Веллоси молчал, и она не повернулась в его сторону. Он почувствовал себя любопытным наблюдателем, как на какой-то частной вечеринке.

Один из тех, кто вел допрос, развалясь, сидел напротив нее. Второй находился сзади, держа на коленях папку с ее делом и блокнот для записей. На столе не было никаких бумаг, что свидетельствовало, что задающий вопросы знает о ней все необходимое и ему не нужны никакие документы. Это тоже элемент воздействия во время допроса.

— Тебя накормили, Тантардини? — обычным голосом, безо всякой затаенной злости спросил первый.

Веллоси услышал, как она фыркнула с насмешкой. Это выдало ее скрытое напряжение.

— У тебя есть какие-нибудь претензии к пище?

Она не ответила.

— Тебя не обижали?

Веллоси увидел, как дернулись ее плечи. Мол, неважно, это не имеет никакого значения. Здесь у этой женщины не было аудитории, в зале суда она вела бы себя совсем по-другому.

— С тобой ведь хорошо обращались, никаких нарушений твоих конституционных прав не было? Не так ли, Тантардини? — Он посмеивался над ней, забавляясь этим, и вместе с тем соблюдая протокол.

Снова лишь пожатие плеч.

— Это не то, что ты ожидала? Я прав?

Она не ответила.

— Но мы используем разные подходы к таким, как вы.

Она отвернулась от него, рассчитывая сорвать с его лица эту маску самодовольства и благодушия.

— Если вы не причинили мне никакого вреда, то только потому, что боитесь. В таких лакеях, как вы, нет сострадания. Свиньям незнакомо чувство доброты. Вы подчиняетесь только страху. Страх руководит вами. Общество, которому вы служите, не может вас защитить. Если вы только коснетесь меня, хоть пальцем, хоть ногтем, вам конец. Поэтому вы и кормите меня. Поэтому и не прикасаетесь ко мне.

— Мы никого не боимся, Тантардини. По крайней мере, не таких сосунков. Возможно, мы осторожны, не более того, поэтому с такой заботой обращаемся с тобой. Наповцы не заслуживают какого-то особого отношения, это наша обычная работа.

— Вы так усердно гоняетесь за нами... Если мы такие безобидные, зачем вы тратите на нас столько времени.

Полицейский улыбался, еще не вступая в схватку, не вцепившись в нее как следует. Потом он наклонился вперед, и усмешка сошла с его лица.

— Когда закончится твой двадцатипятилетний срок, сколько тебе будет, Тантардини?

Веллоси увидел, как напряглась ее шея, ярко вспыхнула кожа.

— В вашем деле есть все сведения обо мне, сами посчитайте, — ответила она.

— Ты будешь уже старухой, Тантардини. Поблекшей, ссохшейся, тощей. Подрастут молодые, они займут твое место в обществе, они

никогда даже не услышат о какой-то Тантардини. Ты будешь казаться им динозавром. Древним существом, вымершей породой.

Наверно, это задело ее, он нащупал верную линию. Веллоси сидел, не выдавая себя, сдерживая дыхание, довольный, что она не подозревает о его присутствии. Франка молчала.

— Это твое будущее, то, что тебя ждет, Тантардини. Двадцать пять лет придется просидеть во имя революции. — Он монотонно продолжал: — Ты станешь старой каргой, когда освободишься, скучным символом этого периода нашей истории, представляющим интерес лишь для небольшой группы социологов, собирающих материал для программ РАИ. И все они будут поражаться твоей глупости. Такое вот будущее, Тантардини.

— Что ты будешь говорить, когда твои жирные ляжки изрешетят пули? — зашипела она, как кобра. — Когда к тебе придут мои товарищи, на которых не будут надеты наручники? Станешь также произносить свои речи?

— Не будет никаких пуль. Потому что ты и вся твоя ненависть будут похоронены за стенами Мессины, или Асины, или Фавиньяны. Подальше от других людей.

— Ты будешь лежать мертвым в луже собственной крови. Если эти пули попадут не в ноги, значит, они убьют тебя! — Она уже кричала, голос ее звенел по всей комнате. Веллоси увидел, как надулись вены у нее на шее. Ярость, гнев, ненависть. Настоящая львица, как окрестил ее чиновник.

— Будь осторожен, дружок. Не обольщайся бумажными победами, не хвастайся ими. У нас сильная рука. Мы будем преследовать вас, мы найдем вас.

— А где ты найдешь новых добровольцев в свою армию? Или вы будете набирать детей, прямо из детских садов?

— Ты получишь ответ... Однажды утром, когда будешь целовать жену. И когда пойдешь к школе встречать детей. Ты узнаешь силу пролетарских масс.

— Это все блеф, Тантардини. Пролетарские массы, революционная борьба, рабочее движение — все это болтовня. Чушь.

— Посмотрим. — Ее голос опустился до шепота. В кабинет повеяло холодом, так, что сидевший сзади и записывавший допрос

даже передернулся. Он был благодарен Богу, что сидел не впереди и не мог быть узнан впоследствии.

— Это все блеф, Тантардини, потому что нет никакой армии. Ты будешь воевать во главе больных детей. Что ты можешь противопоставить мне? Джанкарло Баттистини, этот, что ли, будет воевать?..

Ее лицо перекосила боль. Она чуть не закричала и впиалась глазами в лица наблюдавших за ней мужчин.

— Джанкарло? Так вот, вы думаете, из кого мы состоим? Из маленьких Джанкарло?

— У нас уже есть его имя, отпечатки пальцев, фотография. Куда он пошел, Тантардини?

— Что вы хотите от него, от маленького Джанкарло? Вы не выиграете войну, если поймаете его...

Впервые за время допроса, разозлившись, следователь ударил кулаком по столу.

— Нам нужен мальчишка! Тантардини, Паникуччи, Баттистини — мм хотим всю банду.

Она усмехнулась.

— Он ничего не представляет, — ни для вас, ни для нас. Сосунок, ему еще мамка нужна. Хорошо бросает бутылки с зажигательной смесью. Годится для демонстраций.

— Годится и для твоей постели, — парировал он.

— Даже ты можешь согдиться мне для постели. Даже ты, свинья, сойдешь в темноте, если рот оботрешь.

— Он был вместе с тобой во время убийства Цезаре Фулни, на фабрике.

— Сидел в машине, смотрел, писал в штаны. — Она снова засмеялась, как бы шутя.

Веллоси улыбался, сидя в своем уединении. Это был стоящий враг. Достойный противник.

— Куда он может пойти? — следователь начинал выходить из себя.

— Если хотите поймать Джанкарло прямо у порога мамочкиной двери, подождите, пока он замерзнет и проголодается.

Следователь пожал плечами, закрыл глаза, казалось, что он пробормотал что-то непристойное. Пальцы его сцепились, костяшки

побелели.

— Двадцать пять лет, Франка. Для мужчины и для женщины это может быть срок жизни. Ты знаешь, что можешь помочь нам, и мы можем помочь тебе.

— Ты мне наскучил.

Веллоси увидел выражение ненависти на тонких губах следователя.

— Каждый год я буду приходить и стоять во дворе тюрьмы, чтобы увидеть тебя, а ты будешь рассказывать мне, как я тебе наскучил.

— Я буду ждать тебя. Но однажды ты не сможешь придти на эти свидания, и тогда буду смеяться я. Ты услышишь меня, свинья, когда будешь лежать в могиле, заживо похороненный. Ты услышишь меня! Ты уже не будешь даже бояться, потому что все будет кончено...

— Ты просто безмозглая шлюха!..

Она небрежно махнула ему рукой.

— Я устала. Вы меня не интересуете, я хотела бы вернуться в свою комнату.

Она поднялась, прямая и гордая. Веллоси показалось, что она гипнотизирует допрашивающего, потому что тот обошел стол и открыл для нее дверь. Она вышла, не обернувшись, и после ее ухода комната показалась покинутой, лишенной человеческого присутствия. Тот, кто вел допрос, бросил на своего начальника беспомощный взгляд. Его лицо приобрело овечье выражение.

— Очень серьезная дама, — ответил Франческо Веллоси.

Лицо его сохраняло спокойное выражение как если бы он собирался с силами.

Последние четыре безмятежных года Арчи Карпентер состоял в штате ИСН. Четыре года его жизнь определялась часами работы в офисе, положенным обеденным перерывом, ежегодным отпуском в пять недель, выходными и праздничными днями. Его бывшие друзья-коллеги по предыдущей работе в Спецотделе Столичной Полиции звали его «старина Арчи». Когда тоска по друзьям настойчиво давала о себе знать, Карпентер отыскивал их в пивной за Скотланд-Ярдом, чтобы поболтать. Его вполне устраивала жизнь, похожая на тихую заводь среди потока ничем не примечательных событий. Итак, это был вечер полный травм. Сначала его вызвали к генеральному директору. Карпентер стоял с выражением озадаченности на лице во время брифинга, на котором сообщалось о похищении Джеффри Харрисона. Начальник отдела кадров вручил ему прямой и обратный билеты с открытой датой до Рима. В полном смущении его проводили до главного подъезда, где уже ждала служебная машина, чтобы доставить его в Хитроу. Прямо на самолет.

Но он не попал в Рим. Не прибыл по назначению. Арчи Карпентер стоял напротив табло с расписанием вылетов самолетов в Линате, международном аэропорту в Милане. В Риме стачка, сказали ему. Кабины экипажей самолетов пустовали, и Карпентер был счастлив выяснить это. Вероятно, был рейс и позже, и можно было бы подождать, как и все остальные. Несколько раз он спрашивал, можно ли приобрести билет на самолет, следующий ближайшим рейсом до Фьюмичино. Но ему только улыбались в ответ, и через двадцать минут он понял, что пожимание плечами человека в униформе может означать все, что угодно, или ничего — интерпретация свободная. Он прохаживался с проклятиями среди толп спящих пассажиров и снова возвращался к скопищу людей возле табло. Четыре года назад он бы не растерялся — принял бы какое-нибудь решение. Или уселся бы в кресле, пустив все на самотек, или отодрал все-таки свою задницу от кресла и сделал бы нечто — арендовал машину, взял такси до Центральной Станции, а затем — экспрессом до столицы. Но

энтузиазма у него уже поубавилось. Инициатива всегда оставляла горечь, а потому он шагал тяжелой поступью по залу и извергал проклятья.

Главный инспектор Спецотдела сыскной полиции и старший по званию был непосредственным начальником Арчи Карпентера, когда тот переместился в «индустрию», как любила говорить его жена в беседах с соседями. Все крупные фирмы в Сити отчаянно просили полицию, чтобы они защитили их от безрассудных терактов в Лондоне, ответственность за которые брала на себя Временная Ирландская Освободительная Армия. Напуганные до смерти, они видели бомбу чуть ли не в каждом почтовом отпращивании, положенном в почтовый ящик, искали взрывные устройства в коридорах и на подземных автомобильных стоянках, вели наблюдения за парнями, которые, как казалось, имели определенные намерения. ИСН, этот многонациональный колосс, включающий множество фабрик и учреждений, разбросанных почти по всему свету, имел всего лишь один маленький завод поблизости Боллимена в Северной Ирландии. Совет директоров постановил, что сложившаяся ситуация ставит обширный консорциум на грань риска, и это послужило достаточным основанием для того, чтобы выманить Арчи Карпентера из Спецотдела, где он корпел по шестнадцать часов в день, имея за это всего лишь два выходных. Для него был быстро найден кабинет — прекрасный, чистый, с кондиционером. Ему дали секретаршу, которая печатала бы его письма, определили пенсию, когда он состарится, и положили девять тысяч на его счет в банке. Это было похоже на длинный праздник. Не было больше слежек по зимним вечерам, не было митингов с полоумными политиками, в среду которых нужно было внедряться, не нужно было рекордно напиваться в ирландских пивнушках, не нужно было стоять рядом со вспыльчивыми арабами со «Смитом и Вессоном», засунутым за пояс. Ему потребовался один месяц, чтобы опечатать химический корпус и наладить систему сигнализации, которая свела возможность какой-либо опасности к минимуму. После всего этого все стало более чем комфортабельно. Оставалось совсем о немногом побеспокоиться, ну, скажем, иногда случались мелкие кражи из сейфов машинисток. Он ни на что не жаловался и ему ничего не хотелось менять.

Карпентер не был маленьким человеком. Напротив, у него были великолепные плечи, живот, который он избавил от обедов в столовых с тех пор, как стал работать в ИСН. Но они не принесли ему никакой пользы, когда толпа потенциальных пассажиров, среагировав на объявление по громкоговорителю, волной хлынула на регистрацию. Худощавые девчонки, оттолкнувшие его в сторону, парни со впалыми грудями, едва не сбившие его с ног. Ничего подобного он еще никогда не видел.

«Подождите минутку. Не будете ли так любезны. Знаете, Вы не должны так толкаться». Все это помогало ему слабо. Гнев Арчи Карпентера рос, щеки налились густой краской, и он рванул вперед, слегка удивляясь такому прогрессу. Благодаря своим острым коленкам и напору плеч, он, сопровождаемый пристальными взглядами, проделал проход. Довольно грубо, конечно, но не я первый начал, дорогая. А потому не криви свои чертовы губки и не щелкай пальцами. Небольшая победа была одержана, раз не оказалось другого более достойного соревнования.

Билет и посадочный талон у него на руках, шаг немного легче. Арчи Карпентер направился к контрольным воротам, отделяющим зал от коридора, ведущего на посадку. При виде полицейских его лицо искривилось от их безвкусицы. Эти бездельники выглядели так, как будто их посадили сюда на целую неделю — немодно заостренные ботинки и эти чертовы автоматы-пистолеты. Что они собираются с ними тут делать в таком переполненном людьми месте, как посадочный коридор. Что бы произошло, если бы они пустили эти штуки в ход? Бойня, Кровавое Воскресенье, работа в День Св. Валентина. Здесь нужны искусные стрелки. Отборные ребята, а не торговцы обоями.

Да, первые впечатления, Арчи, самые плохие. Если эта толпа должна освобождать Харрисона, тогда задерни шторку и забудь все. Он не раз носил оружие за свои восемь лет работы в Спецотделе, всегда под жилетом, и его сильно ранила экипировка, сползающая с груди этих парней.

В полнейшей темноте и без света луны DC-9 авиакомпании Алиталия оторвался от земли. Спустя несколько часов они должны быть в Риме, и тогда начнется история с очередью на обмен денег, и поиском встречающих его, и выяснением, заказан ли номер в отеле.

Кончай это чертово нытье, Арчи. Подумай о своем отпуске. Вспомни, что сказала жена. Ее мама привезла из Виареджио красивый кожаный кошелек в качестве рождественского подарка. Не забудь и ты привезти что-нибудь в таком же роде. Я еду не на курорт или на прогулку, дорогая. Но у тебя будет свободное время. Не для беготни по магазинам. Ну, чем-то ты увлекаешься? Сейчас нет времени на разговоры, дорогая. И нет у него чистого нижнего белья. Он пытался ей позвонить из вестибюля в химкорпусе, но передумал в последний момент и нежно повесил трубку. Стоило ли беспокоить ее слабое сердце. Разве мало найдется парней с Черчилльавеню, Мотспур Парк, которые могут отправиться за границу, имея при себе одну лишь зубную щетку?

Все это мелочи, Арчи Карпентер. Нечего выпить в полете. Кабина экипажа занята, но стачка продолжается.

Управляющий директор был вполне определен. Они все выплатили и заплатили быстро. В Головном офисе не желали проволочек. Местное руководство взялось все наладить и ему останется только наблюдать за порядком и посылать обратно отчеты. Единственное, что причиняло неудобства, так это выплаты наличными. Его на самом деле удивляла быстрота, с которой они приняли решение, нисколько не смущаясь при этом. Пятьдесят минут сидения в стесненном положении, без чтива, кроме данных из личного дела Харрисона с шестизначным штампом на внешней стороне. В деле была увеличенная фотография с паспорта, сделанная полтора года назад. Он выглядел вполне благоразумным парнем, с приятным, без особых примет, лицом. Такой сорт людей всегда представлял трудности для описания. Но затем Арчи Карпентер подумал, что и он сам имеет приятную и без особых примет внешность. А почему, собственно, он должен быть другим?

* * *

Они сорвали с него капюшон перед тем как вытолкнуть из кузова, что доставило ему глубокое облегчение после матерчатой маски, которая стягивала горло. Со рта тоже сняли пластырь, так же как это было сделано несколькими часами ранее во время кормежки.

Ослабили и ленту, стягивавшую его ноги, и кровь быстро потекла к ногам, больно покалывая. Все, что успел разглядеть Джеффри Харрисон в своей новой тюрьме, было выхвачено лучом фонарика, который держал один из людей в масках, пока они толкали его вперед по дороге, усыпанной мелкими камнями, через выжженную солнцем землю. Через несколько метров они подошли к темному контуру фермерского сарая. Луч блуждал по маленькому, крепкому строению без окон. Из расщелин раствора между грубо отесанными камнями росла сорная трава. Они поспешили втолкнуть его в дверь, и в свете луча напротив туго набитых сеном тюков показалась лестница. Никаких слов от похитителей, только тычки кулаков сказали ему, что надо забираться наверх, и он немедленно стал подниматься. Он ощутил тело другого человека ступенькой ниже, поддерживающего его, поскольку руки все еще были скованы за спиной наручниками.

Между крыши и верхним краем сеновала расстояние составляло четыре фута. Человек, стоявший сзади, толкнул его вперед. Затем рука, тронувшая за плечо, остановила его. Кто-то крепко взял его за запястье. Одно кольцо наручников открылось. Он посмотрел вверх на то, как торопливо работал человек в свете фонаря. Руку, за которую его все еще держали, вздернули вверх и защелкнули наручники, прикрепив их к стальной цепи, прибитой другим концом к железу крыши. Цепь имела такую толщину, что способна была удержать дворовую сторожевую собаку.

Джеффри Харрисон был брошен в «безопасное» место. Он был укрыт в отдаленном, уже давно заброшенном амбаре, используемом только для хранения зимнего корма скоту. Амбар находился в сотне метров от проселочной дороги, которая через километр за поворотом примыкала к гудронированному, с высокими накатами, шоссе, соединявшему город Палми с деревней Кателассе, что в предгорьях Аспромонте. В течение дня и большей части ночи фургон преодолел более девятисот километров.

К северо-востоку от амбара находилась деревенька Сан-Мартино, а к юго-востоку — Кастелассе. К северо-западу — Меликуччия и Сан Прокопио, к юго-западу — поселок Косолето. С крыши можно было различить тесно сомкнутые темнотой отдельные огоньки деревень, одиноко и ярко светящихся очагов обитания. Это была страна, где с вершин невысоких гор покрытых оливковыми рощами, временами

срывались небольшие камнепады. Это была территория пастухов, пасущих свои небольшие стада овец и коз, носящих с собой всегда обрезы для того, чтобы прогнать прочь чужестранца. Это была гористая земля Калабрии, с самым высоким уровнем преступности во всей Республике и с самым низким уровнем арестов. Это было примитивное, феодальное, замкнутое общество.

Лежа на тюках, Харрисон слышал тихие голоса двух мужчин, которые, судя по всему, хорошо знали друг друга и разговаривали только, чтобы скоротать время в долгие часы перехода.

Лишь для очистки совести он провел левой рукой по наручникам, потом ощупал пальцами цепь, приковывавшую его к балке, и потрогал без всякой надежды на успех висячий замок, который удерживал цепь на месте. Не было никакой возможности двинуться или ослабить наручники, чтобы освободить запястье, или то место, где крепилась цепь.

Теплая мягкость сена скоро его усыпила, и он свернулся калачиком на боку с поджатыми коленями. Его сознание замкнулось для всего внешнего, не допуская ни сна, ни кошмара. Он обрел мир, дыхание его стало спокойным и ровным, и он уже почти не двигался.

* * *

Столкновения распространились по всему историческому центру столицы. Под покровом темноты шайки молодых людей, малой численности и хорошо организованные, били стекла в витринах магазинов и поджигали машины. Ночной воздух приносил эхо грохота, когда бутылки с коктейлем Молотова ударялись о булыжники мостовой. Выли полицейские сирены и слышались отголоски выстрелов карабинеров, бросавших гранаты со слезоточивым газом на узких улицах. Ночь была полна шума уличной битвы и криков: «Смерть фашистам!», «Смерть убийцам Паникуччи!» и «Свобода Тантардини!»

Результатом было двадцать девять арестованных, пять травм полицейских, пострадало одиннадцать магазинов и восемнадцать машин.

Утром имя Франки Тантардини можно было видеть написанным большими буквами жидкой краской на стенах домов.

* * *

Его гости ушли. С обеденного стола представительского номера Дома ICN все убрали. Сэр Дэвид Адамс вернулся в свой офис. Среди недели он часто работал допоздна. В уикэнд уезжал за город. Высокопоставленные чиновники компании привыкли к его раскатистому голосу по телефону в любой час вплоть до момента, когда он очищал свой стол от всего и переходил дорогу в свою квартиру, чтобы чуточку соснуть, когда в этом нуждался.

В этот вечер его целью стал Директор Персонала, который взял отводную трубку, уже лежа в постели. Беседа, как и обычно, была точно в цель.

— Человек, которого мы послали в Рим, в порядке?

— Да, сэр Дэвид. Я проверил в Алиталии. Ему пришлось отправиться в Милан, но он ухитрился попасть в Рим.

— Вы звонили жене Харрисона?

— Не мог дозвониться. Пытался до того, как ушел из конторы, но это сделает тот парень, Карпенгер.

— Он будет поддерживать с ней связь?

— Первое, что он сделает утром, это дозвонится до нес.

— Как Харрисон сумеет справиться со всем этим? Человек из посольства, который мне звонил, как-то был не очень уверен в его действиях.

— Я просмотрел досье Харрисона, сэр Дэвид. Но немногое из него вынес. У него прекрасная репутация в компании... И это очевидно, если он занимал такой пост. Он человек цифр...

— Все это мне известно. Но как он поведет себя под таким нажимом. Как он это воспримет?

— Он прекрасно справляется, когда его поджимают дела. — Директор Персонала услышал вздох, означавший досаду, и который его ухо восприняло, как свист.

— Это человек, привыкший к развлечениям на свежем воздухе. Есть ли у него какое-нибудь хобби, записанное в досье?

— Нет, собственно говоря, сэр Дэвид, такого там нет. Есть только то, что он назвал сам — «чтение».

На другом конце линии послышалось фырканье.

— Вы знаете, что это значит. То, что он приходит домой, включает телевизор, выпивает три порции джина и отправляется спать. Человек, который в качестве хобби называет чтение, с моей точки зрения — евнух на отдыхе.

— Что вы хотите сказать?

— Что бедный зануда совсем не годится для той переделки, в которую угодил. Увидимся утром.

Сэр Дэвид Адамс дал отбой.

* * *

В ресторане, на северной окраине Рима, в отдалении от уличных стычек Джузеппе Карбони заставил свою объемную жену шаркать по свободному пространству площадки для танцев. Столы и стулья были сдвинуты назад и стояли у стен, чтобы освободить место для развлечения. Цыган-скрипач, молодой человек с ярким аккордеоном и его отец с гитарой играли для широкого ассортимента гостей.

Это было сборище друзей, которые встречались раз в год, и Карбони ценил его. Похищение Джеффри Харрисона не было для него основанием отказаться от радости провести веселый вечер на маскараде.

Он явился одетым в облачение привидения, его жена в содружестве со швейной машинкой соорудила этот костюм из старой белой простыни и наволочки с прорезями для глаз. Его одеяние вызвало громкие возгласы одобрения, как только он вошел. Жена была одета в костюм сардинской крестьянки. Они хорошо поели, основательно вылили вина, радуясь возможности короткой передышки, которую предоставила им эта ночь, оторвавшая от скучной кипы отчетов на письменном столе в Квестуре. Для Карбони такая компания была необходима. Помощник секретаря Министерства внутренних дел в костюме мыши с хвостом, свисающим вдоль хребта, танцевал плечом к плечу с ним. Через комнату депутат «от христианских демократов», о котором говорили, как о честолюбивом

человеке с хорошими связями, вцепился в бедра светловолосой красивой девушки, одетой в одну только тогу, состряпанную из американского флага. Эта была хорошая компания для Карбони, и ее стоило поддерживать. А какой смысл был оставаться в своей квартире и не отрывать ухо от телефонной трубки? В деле Харрисона еще не наступил момент действовать. Работать всегда легче, когда деньги уплачены, и рядом нет слезливых жен и каменнолицых законников, жалующихся в присутственных местах, что жизнь их близких и клиентов под угрозой из-за полицейского расследования.

Он мотнул головой в сторону помощника секретаря, зыркнул глазами на депутата из-под своей наволочки и толкнул жену вперед. Было мало вечеров когда он бывал свободен от неприятностей и осложнений. Он кивнул человеку, одетому в потускневший костюм наполеоновского драгуна, о котором говорили, что он проводил свободное время на вилле Председателя Совета Министров. В глазах отражался свет оплывающих свечей, вокруг слышались рассыпчатые раскаты смеха, сладостный звук скрипки. Движение, жизнь и радость. Официанты в белом влетали в ряды гостей, предлагая бокалы с бренди, стаканы с самбукой и амаро. Человек в театральном костюме оказался рядом с ним, сияя улыбками, рука Карбони на талии жены расслабилась. Карбони был готов приветствовать нарушителя интимности.

— Пожалуйста, простите, синьора Карбони, пожалуйста, извините меня. Могу я на минуту увести вашего мужа...?

— Он плохо танцует, — прозвенел ее голосок.

Человек в театральном костюме поцеловал ей руку и рассмеялся с ней вместе.

— Это ваш крест — быть замужем за полицейским. Всегда рядом оказывается кто-нибудь, кто отведет его в сторону и будет что-то шептать ему на ухо. Примите мои глубочайшие извинения за то, что я прерываю ваш танец.

— Примите благодарность моих ног.

Привидение и драгун оказались вместе в углу, так что их никто не мог услышать, и под шум болтовни и звуки музыки им удалось обрести иллюзию уединения.

— Докторе Карбони, примите мои извинения.

— Не стоит извиняться.

— Вы сейчас заняты с этой новой чумой, которая обрушилась на нас, — расследованием дела о похищениях.

— Это основной аспект нашей работы, хотя здесь она идет не так интенсивно, как на севере.

— И всегда проблема заключается в том, чтобы найти ключевые фигуры, я прав? Это они — самые нескгибаемые.

— Они надежно защищены, тщательно камуфлируют свою деятельность.

— Может быть, это ничего не значит, возможно, что это не мое дело... Но кое-что попало в сферу моего внимания. Эти сведения поступили из юридического отдела моей фирмы. У нас там есть блестящие молодые люди, и кое-что вызвало их интерес. В связи с этим появился конкурент.

Это тоже можно было предвидеть, подумал Карбони. Но если его сведения не будут переданы главе правительства, этот человек будет распространять слухи о том, что полицейский не прислушался к совету друга.

— Год назад я был на аукционе, где продавался участок для шале у Гольфод и Поликастро, поблизости от Сапри, и человек, который выступал против меня, назвал себя Маззотти, Антонио Маззотти. Для того, чтобы уладить дело надо было двести миллионов, и Маззотти выиграл. Он получил участок, а мне пришлось вложить свои деньги в другом месте. Но затем оказалось, что Маззотти не смог выполнить своих обязательств, говорили, что он не собрал требуемой суммы, преувеличив свои возможности, и меня уверили, что он продал участок себе в убыток. Вы знаете, дотторе, собственность — это сложная игра. Многие на ней обжигают пальчики. Мы больше о нем и не думали, решив, что это еще один любитель. Но две недели назад я снова участвовал в торгах — продавали участок, находящийся на юге от Сапри, в Марина де Маратеа. Там оказалось вполне подходящее место, где можно построить несколько шале... Но моих денег оказалось недостаточно. И вот вчера мои мальчики из юридического отдела сообщили мне, что эту землю купил Маззотти. Ну, в бизнесе так бывает, что человек быстро поправляет свои дела. Но дело в том, что он внес на банковский счет большую часть суммы из иностранного банка, из-за границы. Эти деньги пришли прямым ходом в руки этого Маззотти. Я попросил своих людей разузнать о нем побольше, и они

сегодня мне сообщили, что он из деревни Косолето в Калабрии. Он из бандитской части страны. Я спрашиваю себя, можно ли считать, что дело нечисто, если человек с холмов, имеющий мозги и трудолюбие, выбивается в люди. И говорю, в этом нет ничего подозрительного. Ничего. Но он заплатил иностранным чеком, дотторе. И вы согласитесь, что это необычно.

— Это необычно, — согласился Карбони. Он надеялся, что человек закончил, и хотел только одного — вернуться к музыке.

— И я подумал, что это дело для Гардия ди Финанце, если там были какие-то нарушения в пересылке денег.

— Вы не следите за моей мыслью. Мне нет дела до того, где этот парень хранит свои деньги и во что вкладывает. Меня интересует, откуда они у него. И почему источник его средств забил так внезапно.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы взяли на себя труд...

— Я еще никому не говорил о своем расследовании...

Легкий смешок.

— Утром я попробую навести некоторые справки, но вы понимаете, что я очень занят этим делом с похищением англичанина.

— Мне не хотелось бы, чтобы мое имя упоминалось в связи с этим делом.

— Даю вам слово, — сказал Карбони и вернулся к жене. Утром придется навести справки об Антонио Маззотти и попытаться разузнать, были ли тут какие-либо основания для подозрений, или разочарованный бизнесмен просто решил воспользоваться своим влиянием и привилегиями, чтобы помешать сопернику, который дважды обошел его.

Джузеппе Карбони стянул наволочку с лица на голову и выпил стакан охлажденного бренди «Сток», затем вытер лицо, снова надел свой капюшон и возобновил прерванный танец с женой в кругу на площадке.

* * *

Когда они добрались до комнаты на втором этаже по лестнице, делавшей поворот за поворотом (в таких пансионатах не бывает лифта), Джанкарло остановился, наблюдая попытки пьяного Клаудио вставить

ключ в замок на двери. Они сняли комнату в маленьком частном пансионе между Пьяцца Витторио Эмануэле и Пьяцца Данте с пустым холлом и обшарпанной конторкой с объявлением о том, что комнаты не сдаются на один час. Портье не задавал вопросов, но объяснил, что комната должна быть освобождена к полудню, положил в карман восемь тысяч лир, переданных ему Клаудио, предположив, что постояльцы принадлежат к все множающемуся клану гомосексуалистов.

На площадке Джанкарло, ожидавший, пока Клаудио шарил по двери, посмотрел на свои промокшие джинсы и матерчатые туфли, из которых сочилось вино. Он выливал его под стол в пиццерии. Он съел очень много, но почти ничего не пил, и теперь был трезв и бодр и готов к противоборству, которое сам выбрал. Калабрийцу потребовалась минута, в течение которой он сыпал проклятьями, для того, чтобы открыть дверь комнаты. Она была голой и нежилой. В ней стояли деревянный стол со стулом и одностворчатый платяной шкаф. На стене — гравюра с видом Рима в тонкой рамке. Их ждали две одинарных кровати, отделенные друг от друга низким столиком, на котором покоились закрытая библия и маленькая лампа. Клаудио качнулся вперед, как если бы для него теперь стало неважным, открыта ли дверь, и с яростной неуклюжестью принялся срывать с себя одежду, отлепляя ее от спины, рук и ног, а затем в одних подштанниках тяжело рухнул на серое покрывало. Джанкарло вытащил ключ из замка и запер дверь. Ключ положил в карман.

Холодный и углубленный в себя, потому что больше не надо было бежать, спастись бегством, Джанкарло с презрением поглядел на фигуру, распростертую на постели. Его взгляд пробежал по волосатым ногам и животу с валиком жира и поднялся ко рту, с трудом втягивавшим воздух. Он стоял довольно долго, чтобы убедиться другие жильцы спят. Лежащий казался Джанкарло животным, необразованным, неграмотным животным. С решимостью, которой у него было прежде, он пошарил рукой под подолом рубашки и вытащил P38 из-за пояса. На цыпочках молча он двинулся по линолеуму и остановился в двух метрах от постели. Он оказался достаточно близко от Клаудио и одновременно вне его досягаемости.

— Клаудио, ты слышишь меня? — спросил он напряженным шепотом.

В ответ только затрудненное прерывистое дыхание.

— Клаудио, я хочу с тобой поговорить.

Утробное урчание, выражавшее протест и раздражение.

— Клаудио, ты должен проснуться. У меня есть к тебе вопросы, свинья.

Теперь немного громче. Недостаточно чтобы заставить Клаудио повернуться, но достаточно, чтобы рассердить его и заставить пошевелить плечами раздраженно передернуть ими, как бы избавляясь от надоевшей блохи.

— Клаудио, проснись!

Глаза открылись, изумленно уставясь на предмет, который оказался совсем рядом с ними: протянутая рука с пистолетом. Мысль, которую он прочел в глазах мальчика, была ясна и пробилась даже сквозь пары пива, выпитого на станции, и вина — в пиццерии.

— Клаудио, ты должен знать, что смерть совсем близко от тебя. Я готов убить тебя, вот сейчас, когда ты лежишь на спине. Ты спасешься только, если скажешь мне все, что я хочу знать. Понимаешь, Клаудио?

Голос гудел в затуманенном мозгу лежащего на постели человека, а смысл сказанного, казалось, напоминал слова родителя, излагавшего ультиматум, который он собирался предложить своему ребенку. Пружины постели застонали, мощное тело мужчины начало шевелиться, меняя положение, когда он начал двигать головой назад и вперед, стараясь отодвинуться подальше от пистолета Джанкарло наблюдал, как Клаудио пытался справиться с силами и перейти от смутного сна к реальности, в которой присутствовала легкая фигурка с зажатым в руке пистолетом Р38... Юноша давил на него, нажимал, понимая, что момент для этого благоприятный.

— Тебе некуда податься, никто тебя не спасет. Я убью тебя, Клаудио, если ты не скажешь мне то, о чем я спрошу. Убью тебя и из тебя потечет кровь.

Юноша чувствовал себя как бы отделенным от произносимых им слов, отделенным звуками, которые слышало его ухо.

— Это Р38, Клаудио. Оружие бойцов НАП. Он заряжен и мне достаточно только нажать на спуск. Только нажать, и ты мертвец, и будешь гнить, пожираемый мухами. Ясно я говорю, Клаудио?

Мальчик не узнавал себя и силу, с которой он сжимал пистолет.

— Это Р38. Многие были убиты из него.

— Чего ты хочешь?

— Ответа.

— Не играй со мной, мальчик.

— Если я захочу с тобой поиграть, Клаудио, то я это сделаю. Если я захочу подразнить тебя, я это сделаю. У тебя нет ничего, кроме информации, которую я хочу от тебя получить. Дай ее мне, и будешь жить. Это или пуля из Р38.

Мальчик видел, что человек напрягается, стараясь услышать в ночной тишине какие-либо признаки жизни в доме. Его уши старались уловить что-нибудь, что дало бы ему надежду на спасение, и поняв, что пансион спал, окутанный ночью, он впал в тупое уныние. Большое тело Клаудио снова опрокинулось на постель, как если бы он признал себя побежденным, и пружины матраца застонали.

— Чего ты хочешь?

Он готов, подумал Джанкарло, готов, как и всегда.

— Хочу узнать, где спрятан этот человек, которого захватили сегодня утром.

Смысл произнесенного свалился на него, как стремительная снежная лавина на высотах Апеннин, и окутал его полностью.

— Если хочешь жить, Клаудио, ты должен сказать мне, где его найти. — Теперь полегче, поосторожней с этой жирной свиньей. Полуулыбка все еще держалась на лице Клаудио, потому что выпитое продолжало на него действовать, и самоконтроль, который помог бы ему скрыть первое, слабое удивление, смешанное с любопытством, отсутствовал.

— Как бы я мог это узнать?

— Ты это узнаешь. Потому что, если ты этого не сделаешь, умрешь.

— Я не привык к таким вещам.

— В таком случае ты мертвец, Клаудио. Мертвец, потому что глуп, мертвец, потому что не знаешь.

На пальцах ног со скоростью змеи Джанкарло качнулся вперед, и сделал выпад правой рукой, смысл которого стал понятен только в момент, когда дуло пистолета уперлось в ухо человека. Мгновение Джанкарло не двигался, потом провел дулом по испуганному дрожащему лицу и острая игла мушки содрала ленту кожи, пробравшись сквозь чашу щетины и волос. Клаудио попытался

ухватить пистолет но схватил только воздух, он опоздал, и снова откинулся на постель, а кровь заструилась вдоль его щеки.

— Клаудио, не стоит умирать из-за глупости и идиотизма. Ты, наверно, уже понял, что я больше не дитя, которого защищали в «Царице Небесной». Скажи мне, куда они забрали его. Скажи мне.

Требование ответа, резкое, повелительное, пробилось сквозь усталость и опьянение, струйка крови под его рукой, когда он прикоснулся к лицу, была очень убедительным доказательством.

— Они не говорят мне таких вещей.

— Клаудио, этого недостаточно, чтобы спастись.

— Не знаю. Богом клянусь, не знаю.

Джанкарло увидел, что маятник в своем качании доходит до предела в ту и другую сторону — в душе человека происходила борьба, он хотел выжить. Если бы он заговорил теперь, то непосредственная опасность, угрожавшая жизни в эту минуту, отступила бы, но на ее место пришел бы страх возмездия, угроза того, что рано или поздно месть организации обрушится на его тупую голову, и его предательство, таким образом даст лишь временное избавление. Юноша ощутил эту борьбу, попеременные победы, одерживаемые двумя армиями, ведущими войну в мозгу человека.

— Тогда ты умрешь из-за своего невежества.

С шумом, потому что механизм был несовершенен, Джанкарло взвел пальцем курок пистолета. Звук этот сопровождался эхом, раскатившимся по комнате. Это был мрачный и необратимый звук. Клаудио теперь сел на постели, опираясь на локти, рука его оторвалась от царапины. Глаза, огромные, как блюдца, вглядывались в полумрак, пот катился по его лбу ручейками. Он казался мрачным, жалким и побитым. Его внимание было приковано к неподвижному барабану и дулу, наставленному на его грудную клетку.

— Они забрали его в Меццо Джорно, — прошептал Клаудио, как человек, находившийся за бархатным занавесом исповедальни, у которого было много что сообщить Святому Отцу, но который боялся, чтобы кто-нибудь не подслушал его слов.

— Меццо Джорно — это полстраны. Куда они его упрятали на юге?

Джанкарло, будто киркой, пробил путь к этому человеку. Он подавил его. Он держал пойманную крысу в клетке и пока еще не

предлагал ей спастись.

— Они поехали в Аспромонте...

— Аспромонте простирается на сто километров, пересекая Калабрию. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Прошел все это расстояние крича, взывая и обыскивая все фермы, амбары, пещеры? Ты не ответил мне, Клаудио. — Он говорил, и голос его был похож на глубокий холод льда на холмах зимой.

— Мы в Аспромонте семья. Некоторые выполняют одну работу, другие другую в нашем деле. Они послали меня в Рим захватить его. Там были кузен и племянник кузена, которые должны были привезти его в Аспромонте, где его собирались держать. Там есть еще кто-то, кто должен караулить его...

— Где они будут его караулить? — Взведенный пистолет приблизился на дюйм к голове Клаудио.

— Клянусь Богом, клянусь душой Мадонны, я не знаю, где они будут его держать.

Юноша видел его явное отчаяние, чувствовал, что он открывает ему всю правду.

— Кто тот человек, который будет его караулить?

Это были первые и весьма слабые следы доброты в голосе юноши.

— Это брат моей жены. Его зовут Альберто Саммартино.

— Где он живет?

— На акварской дороге недалеко от Косолето.

— Я не знаю этих названий.

— Это большая дорога, которая ведет в горы от Синопли, а затем дальше в Делиануово. Между Акваро и Косолето расстояние в километр. С левой стороны там оливковый сад, это примерно в четырехстах метрах от Косолето, где дорога начинает взбираться в гору к деревне. Ты увидишь белый дом, стоящий в стороне от дороги. Там много собак и овец. У дома желтая машина, «альфа». Если ты отправишься туда, то найдешь Альберто.

— И он будет сторожить англичанина?

— Так они договорились.

— Может быть, ты только пытаешься сыграть со мной шутку.

— Клянусь пресвятой девой, нет.

— Ты свинья, Клаудио. Сопливая, хнычущая, трусливая свинья.

— Что ты теперь со мной сделаешь?

Побитая собака, он даже не знает, получил ли наказание сполна, и возможно ли еще вновь завоевать благоволение хозяина. На нижнем этаже кто-то спустил воду в туалете.

— Я привяжу тебя и оставлю здесь.

Обычный ответ.

— Повернись лицом к подушке. Держи руки за спиной.

Джанкарло наблюдал, как человек подтянул ноги к животу. На момент перед его глазами предстала смущенная улыбка на лице Клаудио, улыбка самосохранения, потому что он выиграл, поплатившись только царапиной на щеке. И теперь он исчез, спрятался в подушку и свою засаленную куртку.

Когда человек на кровати затих, Джанкарло быстро подошел к нему. Встал поудобнее, мускулы его напряглись. Крепко держа пистолет, он изо всей силы опустил его рукоятку на загорелую лысинку на макушке Клаудио. Отчаянная конвульсия заставила юношу переместить пистолет так, чтобы цель его не сдвинулась. Затем раздался звук, похожий на хруст яичной скорлупы, вскрик пружин кровати и дрожь дыхания, которое вскоре сбилось с ритма и угасло.

Джанкарло отступил назад. Прислушался — его окружала мучительная тишина. Не было слышно ни скрипа половицы, ни движения ноги на ступеньке лестницы. Все были в постелях, занятые со своими шлюхами и мальчиками. Кровь на стене позади кровати расплескалась, как если бы молекулы распались от взрывного удара, и струйки ее побежали вниз, образуя линии на крашеной штукатурке, а над самой высокой точкой их орбиты возвышалось улыбающееся и спокойное лицо Мадонны в пластиковой рамке с младенцем-херувимом. Юноша больше не взглянул на Клаудио.

Он почистил карман на бедре разбросанной по полу одеждой и на цыпочках пошел к двери. Повернул ключ, взял с собой надпись «не беспокоить», прикрепленную к наружной стороне дверной ручки, снова запер дверь и проскользнул вниз по лестнице. Портье он сказал, что его друг будет спать допоздна, а что сам он должен поспеть на ранний поезд в Милан. Портье кивнул, едва проснувшись от полудремы, в которую был погружен, сидя за конторкой.

Глубокой ночью по городу, где почти не было транспорта, который мог бы помешать его передвижениям, пересекая улицу за улицей,

Джанкарло Баттистини, как дух, направился в Термини.

Что я здесь делаю, Господи прости?

Это были первые мысли Арчи Карпентера. Он лежал голым под простыней, освещенный проникавшими сквозь слепые пластиковые планки лучами солнца. Он замолотил руками по висящему в воздухе облаку табачного дыма, плюнул, чтобы избавиться от запаха бренди, шедшего от стаканов, забытых на туалетном столе и подоконнике.

Арчи Карпентер сел в постели, стараясь привести мысли в порядок, и собрать все факты воедино. Половину этой проклятой ночи он провел с людьми из ICN. Всю дорогу из аэропорта в лимузине он слушал, а они говорили, он задавал вопросы, а они инструктировали его.

Убеждали большого дядю из Отдела химии в своей компетентности — так он это себе представлял. Они позаботились о его багаже в отеле. И сделали это, щелкнув пальцами — что было достаточно. А потом ввалились к нему в комнату, позвонили и потребовали бутылку коньяку, и эта вакханалия продолжалась до трех часов ночи и даже позже. Он проспал менее четырех часов и должен был расплачиваться за это головной болью и ясным сознанием, что появление и вмешательство Арчи Карпентера не имело шансов повлиять на решение проблем Джеффри Харрисона. Он выбрался из постели и ощутил слабость в ногах и оцепляющую боль в висках. Самое позднее, где-то около полуночи, они должны были развернуть свою деятельность в Мотспер Парк. Должны были, разве не так? С няньками, бравшими по фунту за час, у них не оставалось много времени, чтобы после мороженого и фруктового салата сесть на свои задницы и поболтать о ставках подоходного налога. И бренди по семь фунтов за бутылку, там не текло рекой, нет, не текло в этих пригородах. Быстро глотнуть его после кофе, и Мама и Папа отправлялись домой. У Карпентеров, правда, не было детей... и это было еще одно испытание, Арчи.

Но только не сейчас, старый бродяга.

Потребуется душ, чтобы смыть все это.

Рядом с кроватью, под пепельницей, полной окурков, лежал его блокнот. Он перелистал несколько страниц, чтобы найти номер телефона парня по имени Чарлзворт из Посольства, который ему дал управляющий, и сказал, что это может оказаться полезным. Он набрал номер и подождал ответа. Но чего можно было ожидать в этот час утра?

— Pronto, Чарлзворт.

— Мое имя Карпентер. Арчи Карпентер из ICN. Я начальник службы безопасности компании...

С каких пор у него появилось такое звание? Но это хорошо звучало и походило на визитную карточку, которую передают из рук в руки.

— Меня попросили приехать сюда и выяснить, что здесь происходит. Я хочу сказать, с этим парнем Харрисоном.

— Очень мило было с вашей стороны позвонить, но со вчерашнего вечера я несколько отстранился от этого дела.

— В Лондоне мне сказали, что именно вы занимаетесь этим делом. И меня просили передать вам благодарность от имени компании.

— Очень мило с вашей стороны, но не за что.

— В компании думают иначе. Я должен отправиться в EUR ^[7] где бы оно ни находилось, посетить жену Харрисона, поэтому мне хотелось бы встретиться с вами до того, как я этим займусь. Это первое, что я должен сделать.

Карпентер почувствовал некую нерешительность и даже уклончивость на другом конце линии.

— Не думаю, что могу вам сообщить многое.

— Даже если это входит в ваши обязанности?

Карпентер сжался, почувствовал себя холодным, бодрым, после действия бренди.

— Я разрываюсь между политикой и безопасностью. Безопасность не оставляет много времени, а письменный стол завален всяким политическим материалом. Я занят по уши.

— Так же, как Харрисон. — В голосе Карпентера прозвучал гнев.

К чему клонит этот проклятый идиот? Ведь он англичанин! Или нет?

— Имеет он право на содействие и помощь посольства?

— Имеет, — послышался осторожный ответ. — Но идут споры о том, на какую помощь он может рассчитывать, на ее размеры.

— Вы меня не поняли.

— Прошу прощения.

Карпендер закрыл глаза, гримасничая. Начни снова, Арчи, мой мальчик. Начни все сначала.

— Мистер Чарлзворт, давайте не будем попусту тратить наше время. Я не идиот и после ночи, проведенной с вашими местными ищейками, у меня все-таки не выходит из головы это похищение. Я знаю, что это непросто. Понимаю существующую опасность и то, что Харрисон на краю гибели. Знаю, что это вопрос не для обсуждения в гостиной и что акционеры не могут надеяться на то, что Харрисон чудом вернется и приветствует поцелуем свою милую женушку. Я знаю, какова опасность для Харрисона. Мне говорили об Амброзио, его убили, потому что с него сползла маска и он увидел своих похитителей. Я слышал, как они изрубили Микельанджело Амброзио в куски. Мне говорили о де Капуа. А теперь о другой стороне вопроса. Я прослужил восемь лет в Спецотделе до того, как перешел в Компанию. В Скотланд-Ярде я был старшим инспектором. Сейчас неподходящее время для подробных разъяснений.

В трубке послышался смех.

— Благодарю за вашу речь, мистер Карпендер.

— В чем же тогда дело?

— Я бы не хотел, чтобы то, что я скажу, где-нибудь повторялось.

— Я подписал эту чертову бумагу об официальной секретности, мистер Чарлзворт, так же, как и вы.

— Скучное дело стараться сохранить наши руки чистыми. Теоретически выплата выкупа — преступление, и нам повредит, если мы окажемся связанными с таким нарушением законности. С точки зрения посла, это частное дело, касающееся только компании и шайки итальянских преступников. Он не хочет, чтобы было очевидно, что мы сквозь пальцы смотрим на вымогательство, и считает, что любое вмешательство, ставшее достоянием общественности, может создать впечатление, будто мы готовы склониться и уступить любому преступному действию. Если Харрисон работал на Уайтхолл, мы не станем платить выкупа. Это ясно, как день.

— А болтовня в вашей епархии...

— Это, с точки зрения посла, означает причастность к делу.

— Это чертовски смешно, — пролаял Карпентер в трубку.

— Согласен, особенно в стране, где выкуп считается нормальным ведением дел. Если вы уже достаточно сведущи в этом вопросе, то, вероятно, слышали о человеке по имени Поммаричи в Милане. Он прокурор и пытался заморозить вклады жертв похищений, чтобы предотвратить выплату выкупа. Он проиграл... Семьи похищенных заявили, что он угрожает жизни их близких. Мы возвращаемся к законам джунглей. Так что же дает нам всем то, что посольство не хочет играть неблагоприятную роль? Неофициально мы можем помочь, но только негласно и неофициально. Вы меня слушаете?

Карпентер снова плюхнулся на кровать.

— Я вас слушаю и понимаю, мистер Чарлзворт.

— Позвоните мне сегодня днем. Мы перекусим где-нибудь в городе.

— Мне это подходит, — сказал Карпентер и повесил трубку. Бедняга Харрисон, но какова беспечность с его стороны. Позволить себя похитить и таким образом осложнить жизнь Компании. Не очень удачный номер, душа моя.

* * *

Погнутые деревянные ставни с облупившейся краской все еще годились для того, чтобы не пропускать свет, и их не поднимали допоздна в верхнем окне дома с узкой террасой, принадлежавшего шоферу Ванни. Шум, производимый детьми и машинами на вымощенной камнем улице, расположенной за большой дорогой, проходившей через Косолето, только убаюкивали человека, лежавшего в постели и испытывавшего от этого дремотное удовольствие.

Было уже около полуночи, когда он вернулся домой, но его усталое лицо светилось, и жена поняла, что путешествие было удачным. Она не спросила его, что это была за работа, была ли она опасной и что ему грозило, а вместо этого отправилась на кухню, потом принялась угождать ему, прижимаясь к его мускулистому животу в огромной постели, доставшейся ей в наследство от матери. Когда он уснул, она выскользнула из-под простынь и, не скрывая

возбуждения, стала рассматривать жесткую пачку банкнот, потом снова спрятала их в задний карман его брюк, небрежно брошенных на спинку стула. Он был для нее хорошим мужем и добрым человеком.

Пока она занималась своими делами внизу на кухне, Ванни нежился в постели, наслаждаясь ранними утренними часами. Для него еще не наступило время одеваться, набросить свежевыглаженную рубашку, начистить до блеска башмаки и направить свою машину в Пальми выпить кофе и посудачить с Марио, который, должно быть, приедет туда же, если только к этому времени проснется. Женщина Марио была животным, пожираемым грубой страстью, свойственной сицилийкам. Поэтому выпить утром кофе с Марио, можно было, если только ему удалось удовлетворить свою женщину, и у него хватило сил встать с постели.

А когда вернется Клаудио, возможно, их всех вызовут на виллу капо выпить по стаканчику кампари и побеседовать об оливковых деревьях, стадах коз и смерти какого-нибудь старика в деревне. Они не будут говорить ни о чем, что не будет иметь прямого и непосредственного отношения к ним, но будут улыбаться, разделяя свою общую тайну и каждый будет по-своему выражать, излучать особую гордость.

По крайней мере, еще часок Ванни мог понежиться в постели.

* * *

В Криминалпол, где находится отделение римской полиции, занимающееся судебной медициной, в отделе научной аналитики по крупнякам собирали улики. С центральной телефонной станции поступили данные обо всех телефонных звонках, сделанных ІСН в EUR, а также о звонках, поступавших на личный номер Харрисона. Одним из многообещающих путей подхода к охоте за похитителями была разработка банка голосов, запрограммированного для компьютера, выявляющего сходство. Электроника решила, что один и тот же человек звонил с требованием выкупа в ІСН и миссис Харрисон. В этом не было ничего особенного. У техников появился только некоторый интерес, когда они, скормив компьютерным мозгам десятки записей, сделанных во время перехвата многочисленных

разговоров, усмотрели в них черты сходства с самым свежим материалом. На дисплее появилось досье дела Марчетти. Делу было восемь с половиной месяцев. Был похищен четырехлетний мальчик. Украден у няни-иностранки в округе Авентино в Риме. Арестов по этому поводу не было. На месте не осталось никаких улик. Был выплачен выкуп в 250 миллионов. Банкноты помечены. Но не было обнаружено никаких признаков этих денег. Связь с Марчетти и звонки в случае с Харрисоном были сделаны одним человеком. Интерпретация голосовых данных основывалась на акценте, избличавшем жителя крайнего юга.

Ночная работа машин. Записи были посланы в Квестуру дожидаться прибытия Джузеппе Карбони.

* * *

Агенте ди Кустодие спешил из офицерской тюремной столовой к главным воротам тюрьмы Асинара. Он не съел завтрака, предназначенного для людей, возвращавшихся с ночной смены после того, как они поприсутствуют во время первой кормежки заключенных. Тяжесть послания, которое он должен был передать по контактному номеру телефону лежала на нем, подавляя приступы тошноты, вызванные страхом.

Его вербовка в качестве связного для ведущих членов НАП, содержащихся в тюрьме Асинара, когда у них возникала необходимость связаться с внешним миром, была давним делом. Так же, как барсук вынюхивает и выкапывает излюбленные корни, так и члены группы, находящиеся на свободе, вынюхали то затруднительное положение, в котором находился Агенте, и то, что его семья жила, посвятив все силы заботе о ребенке, страдающем заболеванием позвоночника. Отчеты о счетах докторам в городе Сассари на побережье вблизи от Сардинии шли на юг острова, где была расположена тюрьма. Ходили слухи о неспособности отца оплачивать визиты к врачам Рима и Милана, консультации специалистов.

Агенте созрел, как плод, — оставалось только сорвать его. В конвертах оказались уже использованные банкноты, деньги для его жены. Он избавился от долгов, расплачиваясь с врачами, — что-то

бормотал о помощи дальнего родственника. Ребенок не поправлялся, но совесть родителей теперь была чиста. Номера телефонов, по которым он должен был звонить, часто менялись, а таинственные послания шли сплошным потоком.

Из Асины, которая считалась самой надежной клеткой сил итальянского правосудия, побег считался невозможным. Это было место успокоения самых пламенных представителей мужского пола городской герильи, местопребывание тех, чье участие в вооруженных столкновениях против государства, было доказано. Когда-то здесь была колония, затем — тюрьма для немногих либералов, пытавшихся противостоят фашизму Муссолини, позже она обветшала и была переоборудована под место заключения новых врагов. Обновление и переоборудование были задуманы и осуществлены в магистрате Риккардо Пальма. Он хорошо выполнил свою работу и за это умер. Через Агента слова Начальника Штаба НАП могли пройти, минуя запертые двери камер, охраняемые коридоры с высокими и хорошо изолированными помещениями, худосочные дворики для прогулок, заслон из решеток и контролируемых электроникой двойных ворот с неподдающимися динамиту запорами. Такое сообщение было передано Агента, когда он выстраивал очередь заключенных на завтрак. Оно скользнуло в его руку и потонуло в море пота, выделенном его ладонью.

Миновав ворота и направляясь к дому для тюремной службы, где его ждали только волнение и боль, он прочел сообщение на клочке бумаги.

За Тантардини. Репрессалия. Номер четыре.

Агенте находился в тисках компромисса, он шел, как в тумане, терзаемый страхом и угрызениями совести, но как только он увидел бледное и измученное лицо жены, все эти чувства улетучились. Она приветствовала его у входной двери. Его ребенок умирал, жена теряла силы, но кому было до этого дело? Кто ему помог? Он небрежно поцеловал ее и прошел в комнату, чтобы переодеться. Потом молча посмотрел через полуоткрытую дверь на ребенка, спящего в своей кровати. В гражданской одежде, не давая никаких объяснений, он спустился вниз, в деревушку, позвонить по номеру, который ему дали. Он звонил в Порто Торрес, находившийся напротив, через узкий канал. Через день или два он будет смотреть по маленькому черно-белому

телевизору, стоящему в углу его гостиной, результаты своей деятельности курьера.

* * *

Давление переполненного мочевого пузыря наконец разбудило Джеффри Харрисона. Он потянулся, дернув рукой в наручнике, и чуть не вывихнул запястье, почувствовав тотчас же неудобство оттого, что спал в одежде. На нем был все тот же костюм, который он надел, собираясь на работу, на шее галстук, единственной уступкой обстоятельствам было то, что верхняя пуговица его рубашки была растегнута. Солнце еще не играло бликами на крыше амбара, и он замерз, даже дрожал. От его носков дурно пахло, и этот запах распространялся в замкнутом пространстве между балками потолка и тюками. Летом он всегда носил нейлоновые носки и, как только приходил вечером домой, менял их.

Он ведь не говорил на этом языке? Никогда не проходил курса Берлица. Единственное, что он мог сделать — заказать еду и приветствовать своих коллег по работе в начале дня. Так что он мог сказать людям в другой половине амбара? Ему хотелось помочиться, присесть на корточки и облегчиться, а он не знал, как об этом сказать. Исконные человеческие функции, исконный человеческий язык. Он не мог позволить себе запачкать брюки. Это было отвратительно и из-за безвыходности он закричал.

— Эй, вы там, идите сюда.

Он кричал по-английски, как если бы из-за его острой и неотложной нужды они должны были его понять. Они придут, Джеффри, захотят же они узнать, почему узник кричит: «Идите сюда». Внезапно он услышал движение, и голоса двоих мужчин приблизились. Послышался скрип двустворчатой двери амбара, которая была скрыта от него тюками, и приставная лестница задрожала под весом поднимающегося по ней человека. Сначала появился пистолет, черный и уродливый. Его держала крепкая и уверенная рука. Затем последовала голова, преображенная надетым на нее капюшоном со щелочками-прорезями для глаз. В полусвете это было мрачное и пугающее зрелище, пока за капюшоном не появились

узнаваемые части тела, плечи и мужской торс. Движения пистолета нельзя было не понять. Он подчинился приказу пистолета, которым махали перед его лицом, и шарахнулся назад, насколько позволила длина цепи. Он указал жестом на свою ширинку, потом свободной рукой обвел ягодицы. Гротескная пантомима. Голова в капюшоне дрогнула и исчезла за валиком сена.

Снизу раздалось шумное хихиканье, а потом появилось ведро, какими пользуются на фермах. Его подала невидимая рука. Старое и заржавленное, оно когда-то было оцинкованным. За ведром последовала сложенная пачка газет. Ему была предоставлена некоторая возможность побыть наедине с собой и он подтянул к себе ведро, повернулся спиной к лестнице и стал ощупывать свой ремень. Он чувствовал себя униженным и травмированным, одна рука его была поднята и прикована, и ему пришлось нелепо изогнуться над ведром. Он старался подстегнуть отправления своего тела, понукая свой мочевого пузырь и кишечник, заставляя их опорожниться, прежде чем глаза-прорези вернуться, чтобы посмеяться над его спущенными штанами и голым задом. Так поступает половина человечества, Джеффри, привыкай к этому. Боже, что за омерзительная вонь. Этот сандвич... вонь и газы. Вспомни этот сандвич, который тебе дали, кажется, вчера, его дали тебе мужчины в фургоне, проклятье для кишок. Он ощупью стал разыскивать бумагу. Она была влажной от утренней росы, должно быть, всю ночь пролежала где-то под открытым небом и теперь от этого разлезалась в руках. Ему захотелось кричать, плакать, хотелось, чтобы его пожалели. Харрисон попытался вытереться как можно чище, слезы жгли ему глаза, затем натянул нижнее белье и брюки, застегнул молнию и пояс.

— Я кончил. Можете придти и забрать это.

Движение, и все повторилось сначала. Как и раньше, приставили лестницу. Появились пистолет и капюшон. Он указал на ведро.

— Я им воспользовался. Можете забрать его.

Послышался утробный смех того, чье лицо было закрыто капюшоном, он затрясся от смеха, заходили ходуном его плечи, а капюшон начал подпрыгивать вверх и вниз, ныряя и поднимаясь, и он услышал приглушенный капюшоном возглас, выражающий веселье. Чертовски идиотская шутка, Джеффри. Ты видишь это, видишь, почему он разрывается от смеха? Ты попросил его, они дали его тебе и

оставили здесь. Они преподнесли тебе небольшой подарок и оно будет здесь стоять всего в нескольких ярдах от тебя. Оно будет вонять и гнить. Твоя собственная моча, твое дерьмо, твои отходы. Да, ты их здорово позабавил.

— Иди сюда! Иди сюда!

В свой призыв он вложил всю убедительность, на какую был способен. Вне всякого сомнения, это был тон приказа, и этого было достаточно, чтобы приостановить отступление капюшона. Смех прекратился.

— Иди сюда.

Снова появилась голова, потом плечи. Джеффри Харрисон откинулся назад, опираясь на левую ступню, а потом подался вперед так далеко, насколько допускала цепь. Он двинул своей правой ступней по ведру. Видел, как оно поднялось и извергло свое содержимое, ударившись о плечо человека, оно полилось, окатив его маску и выцветшую хлопчатобумажную рубашку. Маска и рубашка промокли, пятно расплывалось по ним, с них капала жидкость.

— Можешь забрать его, — хихикал Харрисон, — Теперь можешь получить это обратно.

Чего ради ты это сделал, да поможет тебе Бог!

Не знаю. Просто сделал и все.

Они же, черт возьми, убьют тебя, Джеффри Харрисон, они разорвут тебя на части.

Для того они и существуют, эти ублюдки, чтобы на них испражняться и мочиться.

Правильно, чертовски правильно. Но только, если у тебя за спиной целая армия. Ты идиот, Джеффри Харрисон.

Не знаю, почему я это сделал.

Но больше ты этого уже не сделаешь.

Они пришли вдвоем. Второй шел впереди, а тот, чья рубашка и капюшон были испачканы, стоял на лестнице позади. Ни слов, ни увещаний, никаких словесных упреков. Ничего, кроме ударов их кулаков и барабанной дроби сапог по его лицу и груди и нижней части живота, бедер и голеней. Они обрабатывали его так, будто он был боксерской грушей, свисающей с балки. Они тратили на него свою силу, пока не начали задыхаться, а он оставался мягким и безответным и не способным даже к минимальной самозащите. Злобные, мерзкие

твари, монстры, чудовища, творящие зло от безнаказанности. Харрисон свалился на солому, ощущая боль, эхом отдававшуюся во всем его теле, не желая облегчения, желая только смерти. Ныли ребра, превратившиеся в источник непроходящей боли. Когда с тобой случалось в жизни что-либо подобное, Джеффри? Никогда прежде, никогда, чтобы это могло считаться чем-то, заслуживающим внимания. И сегодня утром здесь не было этого подонка с калькулятором. Никого не было, кто мог бы видеть его, ободрить и рукоплескать ему. Только мышцы под ногами и вонь, исходящая от его тела, и сознание того, что рядом был человек, питавший к нему отвращение и который бы прервал его жизнь с такой же легкостью, с которой он очищал свои ноздри от их содержимого, если бы...

Он улыбнулся, несмотря на боль в челюстях и посмотрел на пустое ведро. Он расскажет об этом Виолетте, расскажет, как это происходило. Не то, что они сделали с ним потом, но все, что было до того.

Он попытался встать вертикально, колени его дрожали, а желудок все еще не успокоился.

— Вы животные, — закричал он. — Сопливые, слюнявые несчастные свиньи. Пригодные только для того, чтобы ворошить навоз, и вы это знаете.

Крик прокатился под низкими балками.

— Валяйтесь в своем дерьме и умывайтесь им, вы, свиньи. Втирайте его в свои рожи, потому что копать в дерьме — счастье для свиней. Дерьмо свиное, густое свиное дерьмо.

Он прислушался, ожидая нового нападения и услышал журчанье их голосов. Они не обращали на него внимания, игнорировали его. Он знал, что может кричать до тех пор, пока балки не разлетятся от крика, они этого не боялись. Он был отделен от всей известной цивилизации.

* * *

Не испытывая ни голода, ни жажды, онемевший от того, что убил этого огромного калабрийца, Джанкарло сидел на скамейке в Термини, коротая часы. Он был почти на пределе изнеможения, готов впасть в прерывистый тяжелый сон. Он сидел, закрыв лицо руками, опершись

локтями о колени, и думал о Франке. В Пескаре были девушки, дочери друзей отца и матери. Развешивающиеся юбки, крахмальные блузки, сапоги до колен и одобрительное кудахтанье матери, когда она выносила им угощение — сливочный кекс. Они хихикали и жили в неведении, с пустыми головами. На шее они носили золотые распятия и раздражались гневными тирадами, если он касался застежек на их одежде, пуговиц, молний или крючков.

В университете тоже были девушки. Они были ярче и старше, настоящие звезды. Они смотрели на него свысока, как на подростка. Он был некто, кого можно было взять ради компании в кино или на пляж, но от кого старались избавиться, когда темнело, когда доходило до дела. Пятна, прыщи и хихиканье, когда рот закрывают рукой. Но с Автономией все было иначе: девушки не искали новообращенных, не вербовали их, Джанкарло должен был показать себя и добиться одобрения. Впереди толпы, вырвавшись далеко вперед, он бежал с молочной бутылкой, в которой горела тряпка, и бросал в воздух коктейль Молотова. В борьбе за одобрение, он даже подвернул лодыжку. Запомнят ли они его теперь, девушки из Автономии? Джанкарло Баттистини не имел опыта иного, чем руки Франки, ее бедра, ее обволакивающее тепло. Это было испытание его знания. Он долго думал о ней. Франка с золотистыми грудями, на которых не было следов загара, Франка с сосками, как вишневые косточки, с плоским животом и уходящим вниз кратером. Франка с ее диким лесом перепуганных волос, в которых запутывались его пальцы. Та, которая выбрала его. Милая, милая, сладостная Франка. В его ушах все еще звучало ее дыхание, он вспоминал, как она металась по кровати, ее крик, когда она изнемогла.

Я иду, Франка. Верь мне. Он думал о Франке, когда станция начала оживать, двигаться и функционировать, принимать участие в жизни нового дня. Думая о Франке, он подошел к кассе и заплатил за проезд на скором поезде до Реджио. Думая о Франке, он вошел в вагон первого класса. Подальше от стада неаполитанцев и сицилийцев с их тюками и салатами, детьми и доводящими до галлюцинаций шумами споров и перебранок. Других пассажиров в купе не было. Он думал о Франке, когда поезд отошел от низкой платформы и пополз между подъездных путей, пересечений рельсов и высоких платформ, омытых

первыми лучами дня. Юноша откинулся назад, положив ноги на скамейку напротив и почувствовав, как Р38 давит на его спину.

Спеша через поля, заросшие травой, через тесно расположенные друг к другу виноградники, мимо маленьких городишек Систерна ди Латина и Сецце на холмах и Террацину на побережье, поезд ускорял свое движение. Телеграфные столбы сливались: приходилось отыскивать за окном пыльные и сухие горы и яркие небеса Аспромонте.

— Верь мне, Франка. Верь мне, потому что я иду.

Юноша говорил вслух, под стук колес.

— Завтра они узнают обо мне. Завтра они узнают мое имя. Завтра ты будешь гордиться своим маленьким лисенком.

В Квестуре мужчины в мундирах приветствовали едва замаскированными улыбками дотторе Джузеппе Карбони, выходявшего из машины.

Признаки проведенной им ночи были очевидны. Набрякшие, как у бульдога, глаза, щеки в пятнах, подбородок в царапинах от бритвы, плохо повязанный галстук. Он неуклюже проследовал в дверь, глядя прямо перед собой, как если бы опасался встретить на пути препятствие, и сел в лифт место того, чтобы подниматься по лестнице пешком. Карбони не ответил никому из тех, кто его приветствовал, пока он шел по коридору второго этажа. Не обращая ни на кого внимания, он был благодарен за то, что мог найти прибежище за своим письменным столом, что избавляло его от унижения встречи с коллегами. Они будут думать, что он всю ночь пропьянствовал и, шепчась и хихикая по его адресу, так и не узнают, что он ушел с вечеринки еще до двух часов и у себя дома упал в кресло с бокалом виски в руке, чтобы было легче просеивать в памяти события и картину этого последнего похищения. У него не было времени для размышлений, для анализа, как только он оказывался на работе, где звонили без передышки телефоны и потоком шли посетители всех сортов: скромные и высокого ранга. Поэтому за одним бокалом последовал второй, а потом эти бокалы слились, и количество выпитого достигло полбутылки, пока он старался проникнуть во все тайные закоулки проблемы, которая перед ним возникла. Он не ложился до тех пор, пока его жена, великолепная в своей развевающейся ночной сорочке, не потащила его в свою постель, но и тогда у него не было особой надежды на сон.

Он тяжело сел на стул и попросил по внутреннему телефону своего помощника. Через минуту помощник оказался рядом, елейный и масляный, готовый к любым услугам, явившийся с охапками папок, побитых и потрепанных коричневых картонных вместилищ целой горы бумаг, отпечатанных на машинке. Что дотторе считает самым важным делом дня?

Карбони вздрогнул, потому что острая боль пронизала его голову.

— Дело Харрисона. Больше ничего.

— У нас есть записи звонков миссис Харрисон и в ИСН. Запись звонка к миссис Харрисон была бесполезной. Она ничего не поняла и повесила трубку.

В углах рта помощника Карбони таилась усмешка.

— Первые ощутимые шаги в направлении вымогательства были предприняты, когда обратились к его компании. Поступил анализ голоса из Криминалпола, Они находят, что есть сходство между этим голосом и тем, который звонил, когда похитили ребенка Марчетти.

— В компанию обращались только раз?

— Да, это было одно сообщение, когда они пытались нащупать возможность выхода.

— Оставьте мне эти записи, — сказал Карбони, прикрыв глаза. Голова его кружилась. Ему не терпелось избавиться от этого умного и самоуверенного молодого человека.

Оставшись один, он много раз прослушал кассету. Закрыв лицо руками, отгородившись от шума транспорта, доносившегося сквозь открытые окна снизу, с улицы, он сидел, сконцентрировав все свое внимание и усилия на этом сообщении. Голос, неустоявшийся, жесткий, и полицейскому не нужно было объяснять, чтобы сразу же определить, что это был выговор человека с самого юга страны, из Калабрии, земли кланов мафиози. Откуда же еще? Робкий, плохо артикулированный выговор, зачитывающий послание, которое было для него специально записано, и это было нормально. Потом последовала запись первого телефонного обращения к семье Марчетти. Это был тот же голос: не требовалось компьютера, чтобы определить это сходство.

Теперь наступило время поработать с телефоном. Он промокнул шею носовым платком. Полчаса в офисе, а его рубашка уже промокла. Звонки подчиненным ничего не дали. С того момента, как накануне вечером он уехал из дома, больше не удалось раздобыть свидетелей-очевидцев. Было нечего заложить в машины, кроме самого общего описания, представленного единственной женщиной по имени Коллин Флеминг. Это были описания роста и сложения, а также общих черт одежды похитителей. Ни лиц, ни отпечатков пальцев, ни следов машины. Не поступило и информации из области эфемерных связей с

преступным миром, поддерживаемых самыми скромными элементами из состава отделения по борьбе похищениями. Не поступало ни слова, да никто и не ожидал информации, потому что дать какие-то сведения в этих обстоятельствах — означало обеспечить себе верный и быстрый путь в деревянный ящик. Не в первый раз с тех пор, как Джузеппе Карбони достиг своего высокого положения, он размышлял о ценности своей деятельности. Слуга общества, которое отказалось соблюдать обязательства. Слуга, которому не доверяли и которого не одобряли, слуга, пытающийся бороться за устои, которые отвергали толпы общества. Локхид, Фриули, Экко Италиана, Беличе, даже Квиринале, даже Президент. Скандалы: отвратительные, грязные, создававшие обманчивое впечатление, а виновными были представители высших эшелонов великой Мамы Италии. Итак, кому был нужен закон? Кому был выгоден порядок? Головная боль снова вернулась: последствия похмелья, пульсирующая боль, питаемая разочарованием. Он мог уйти на пенсию. Мог продолжать делать свое дело, и Президент повесил бы ему на шею медаль, а его уход на пенсию остался бы незамеченным и неважным.

Карбони хлопнул своей мощной рукой по столу, почувствовал, как в локте завибрировала боль, ему была приятна эта боль. Наступило время для некоторых великих мира сего отправиться за решетку, время надеть наручники на новых преступников, защелкнуть их на запястьях тех, кто наконец обнаружит признаки стыда, когда двери Реджина Коэли закроются за ними. Порывисто он нажал на кнопку интеркома и услышал шелковый голос своего помощника.

— Человек по имени Антонио Маззотти из Косолето в Калабрии. — Он старался отвлечься от самого важного вопроса дня, потому что не знал, куда направить энергию, которую хотел употребить на освобождение Харрисона. — У него есть офис в Риме. Он занимается спекуляциями земельной собственностью. Занимался кое-какими сделками по разработке участков в Гольфо ди Поликастро. Мне нужен номер телефона его офиса. Только номер. Я сам ему позвоню.

— Будет сделано, дотторе.

— Но не вечером или днем, — проворчал Карбони. — Сегодня утром.

— Конечно, дотторе. Звонили из фирмы Харрисона. Они хотели бы, чтобы вы встретились с неким Арчибальдом Карпентером. Он

начальник службы безопасности ИСН в Лондоне.

— Я приму его около двенадцати.

— Я сообщу в компанию.

— И давайте номер этого человека Маззотти, немедленно.

— Конечно, дотторе. — Голос задрожал. Карбони ненавидел его, хотел бы заменить его другим. — дотторе, новость еще об одном похищении. Из Париоли.

— Не могу этим заниматься. Пусть займется кто-нибудь еще.

— Они похитили племянника известного промышленника...

— Я сказал вам, у меня и так полно работы.

— Этот промышленник щедр к «Демократия Кристиана», помогает деньгами.

Карбони вздохнул. Это был вздох раздражения и покорности.

— Подайте к дверям мою машину, а, когда я вернусь, этот номер должен быть на моем столе. И я хочу принять этого Карпендера в двенадцать.

— Конечно, дотторе.

Карбони мстительно хлопнул по кнопке интеркома, отключая его, запер свой письменный стол и направился в коридор.

* * *

Далеко на Номентана Нуова среди высоких многоквартирных домов, которые планировщики старались сделать «доступными», затесались стоящие в ряд гаражи. Гаражи были бетонные с двустворчатыми покоробившимися дверьми. Они соседствовали с пустырями, бродячими собаками и мусорными кучами. Использовались очень немногие из них, потому что владельцы квартир считали, что они расположены слишком далеко от их входных дверей и не видны из окон, и потому не защищены от нападений вандалов и воров.

В основном гаражи были заброшенными и расположены далеко от квартир, наполненных движением и жизнью. Один из них был избран местом сборищ ячейки НАП, снят через посредника, но не для того, чтобы держать в нем машину, а для того, чтобы иметь место, пригодное для склада и для собраний. Там держали и оружие.

Пистолеты и автоматическое оружие получали с фабрик из стран с растяжимым политическим кредо. Там хранили также взрывчатку для каменоломен, поставляемую сочувствующими. Там же были коробки, полные пластинок с номерными знаками для машин.

Тут же держали спальные мешки и походные плиты, а также машину «Ронео» [8], которую использовали для выпуска коммюнике. Ничего из этого имущества нельзя было увидеть, даже если дверь оставалась беспечно открытой, потому что время потрудилось над этим гаражом. Если бы убрали с пола грязь, лишь тогда можно было бы различить на нем очертания люка. Они прорубили этот люк в цементе и выкопали под ним яму шириной в два метра, длиной в два с половиной и высотой в полтора. Узкая труба, проведенная с поверхности, служила для подачи воздуха. Это был тайник, приготовленный, чтобы служить укрытием в моменты наибольшей опасности, там скрывалось трое молодых людей, потому что миновал всего один день после того, как взяли Тантардини, и они покинули свои дома. Хотя она и была лидером, кто мог поручиться, что она не заговорит, если ее будут допрашивать? Темная и душная, яма служила укрытием для людей, которые вдыхали влажный и пахнущий плесенью воздух. Там сидели сын банкира, сын землевладельца и сын профессора экономики Университета Тренто.

Над их головами послышался заглушенный толщей бетона, но узнаваемый стук — резко постучали четыре раза в закрытые деревянные двери гаража. Они узнали этот знак, сигнал, что к ним прибыл курьер. Под прикрытием двери им просунули конверт, сообщение, отправленное четыремя часами раньше с острова из Асинара.

За Тантардини. Репрессалия. Номер четыре.

В яме среди бумаг ячейки находился листок с кодом, с помощью которого можно было расшифровать, что означает номер четыре. И это было как раз то, чем занялись молодые люди. Они подождали несколько минут, в тишине и темноте, прежде чем поднять люк и выползти наверх, чтобы найти и прочесть сообщение.

* * *

Когда утреннее солнце поднялось и начало сильно пригревать, раскаляя оцинкованную крышу над головой, они предоставили Харрисона самому себе. Не было ни пищи, ни воды, а у него не было ни мужества, ни сил позвать их. Он предпочел не рисковать, опасаясь новых побоев, и хранил молчание, дорожа своим покоем, прикованный цепью в этой духовке, которую они предназначили для него.

Его тело болело везде. Боль была медленно ползущей и переливающейся в избитых слоях мышц. И эта жара в сочетании с болью от рубцов и синяков опустошала его мозг, а его воображение становилось как бы замещалось пустотой. Купаясь в поту и жалости к себе, он тяжело опустился на сено и, ощущая запахи, исходившие от его собственного тела, коротал часы без надежды и предчувствий.

* * *

Джанкарло находился в состоянии полудремоты, блуждая между сном и бодрствованием. Он был расслаблен, потому что составленный план был оценен и одобрен им самим. Маленький, одинокий и изголодавшийся по действию, на которое решился, он инертно развалился на мягких подушках лицом к холодному и жесткому стеклу окна. Он не видел ничего, что было за окном, за пределами уютного купе несущегося вперед поезда.

День в Пескаре обещал быть жарким и окутанным пеленой дымки от моря, шумным и пыльным от проезжающих машин и шагов тысяч людей, которые приезжали, чтобы поджариваться на тонкой полоске песка между дорожкой для прогулок и водой. Лавка будет открыта, и его отец будет уличивать покупателей. Возможно, отец к этому времени уже узнает о своем мальчике. Возможно, к родителям придет полиция, они будут смущены, будут извиняться, потому его родители — уважаемые граждане. Отец будет его проклипать, мать плакать в платок. Интересно, закроют ли они лавку, если придет полиция и объявит со всей серьезностью и торжественностью, что маленький Джанкарло — член НАП и живет втайне с самой опасной женщиной в стране? Они его возненавидят. И мощная скала их ненависти будет основана на непонимании, колоссальном отсутствии понимания, почему он выбрал этот путь.

Глупые, мелкие, незначительные жалкие блохи. Джанкарло прокручивал эти слова в мозгу, пробовал их на язык. Пресмыкающиеся перед насквозь прогнившей и изжившей себя системой, всегда готовые подчиниться ей, ее покорные слуги.

Они сжимаются от страха за фасадом из ложных понятий. Он с гневом вспоминал свадьбу старшего брата. Набриоленные волосы и фимиам, бормотанье дряхлого священника, прием в отеле на берегу моря, который был не по карману ни родителям жениха, ни родителям невесты. Новые костюмы и модная стрижка мужчин, новые платья дам и драгоценности, вынутые ради такого случая из сейфа. Демонстрация расточительства и обмана. Поэтому Джанкарло ушел рано, бродил по вечернему городу, потом заперся в комнате и лежал в темноте до тех пор, пока отец не начал барабанить в дверь и орать о том, что он нанес оскорбление теткам, кузинам и друзьям. Джанкарло презирал отца за это, презирал его за этот пояс целомудрия конформизма. Противостоять им было потребностью нормального человека. Ежегодно им надо было добиться, чтобы к ним в гости пришел мэр, чтобы в лавку хоть раз зашел епископ, а после мессы в апреле их новенький сверкающий «БМВ» должен был благословить священник, за что получал вознаграждение. Они подтягивались, сцепляли на животе руки, повлажневшие от волнения, когда кто-нибудь из городских властей навещал их, чтобы обеспечить себе их голоса. Обычно это было развращенное маленькое пресмыкающееся, запускавшее рук в кассу существо, а они встречали его как Иисуса Сладчайшего. Их отношения уже нельзя было исправить. Нельзя подштопать и починить.

Юноша шептал свои оскорбления, иногда вслух, иногда беззвучно, выпуская пар, как спортсмены сгоняют вес с помощью бега. И потому остальную часть путешествия, в эти ранние часы утра, он чувствовал себя успокоенным и расслабившимся. Это было общество круговой поруки, кумовства, это были те, кого его отец знал по бизнесу, те, с кем вместе он ходил в школу, кто оказал ему когда-то услугу, показал ему путь к успеху, когда он был еще мальчиком. Это было общество «бустарелле» — взяточников — он помнил маленькие конверты со старыми банкнотами, которые разглаживались и с мурлыканьем передавались, проделывая путь в ратушу. Это было общество увиливания: общество неприятия долга по отношению к

слабым, эгоизма и самосохранения. Это было их общество, и он поклялся, что порвет с ним навсегда, и связующая сила родной крови была недостаточна, чтобы повлиять на его решимость.

Поезд продолжал катиться по рельсам. Неаполь остался позади.

Юноша, который, совершив убийство, не считал это чем-то особенным, который иногда улыбался, иногда смеялся, у которого не было спутника, Джанкарло Баттистини приближался к Реджио.

* * *

Крики уборщицы разнеслись по всей лестничной клетке. Эти крики заставили дневного портье пансиона взобраться по ступенькам настолько быстро, насколько позволяли его возраст и немощь. Когда он, задыхаясь, оказался на площадке верхнего этажа, женщина все еще стояла, склонившись к замочной скважине, — чистые сложенные простыни лежали у ее ног на полу. В одной руке она держала ведро, в другой метлу. Он выудил из кармана ключ, открыл дверь, бросил беглый взгляд, забормотал молитву и оттолкнул женщину от двери. Потом снова запер комнату на ключ и, ничего не объясняя, зашел вниз по лестнице поставить в известность владельцев пансиона и власти.

Карабинеры прибыли, сопровождаемые воплями сирен, выбежали из машины, оставив свою синюю мигалку включенной, пробежали через холл, грохоча тяжелыми сапогами, промчались по лестнице мимо открытых дверей тех, кого они разбудили и у кого вызвали изумление своим вторжением.

Одного взгляда невооруженным глазом на разнесенную голову и пятна крови было достаточно, чтобы убедить фельдфебеля, что надежды на спасение жизни не было никакой. Он послал одного из своих подчиненных в машину радировать с просьбой о подмоге, другому дал приказание стоять у двери и не допускать, чтобы на лестничной площадке собралась толпа из торговцев, солдат в отпуске, ожидавших более поздних дневных поездов, и проституток, составивших им компанию ночью. К тому времени, когда фельдфебель нашел документы убитого, раздалось завывание сирен,

предупреждавших всех, кто слышал, о возможных дальнейших неприятностях...

Внизу на улице было еще одно сборище, причем некоторые лица выражали сострадание. Среди них стоял и дневной портье, человек, который приобрел большую популярность благодаря тому, что он всем рассказывал, что видел.

* * *

Синий лимузин «фиат-132» провез Арчи Карпентера от Интернейшнл Кемикл Холдингз по старым выбитым мостовым центральной части Рима, хранившим до сих пор некоторые следы прежнего достоинства, к впечатляющей арке центрального входа в Квестуру. Как огромный убудский музей, подумал он. Здесь больше церквей на квадратный ярд, чем в любом другом известном ему месте: дюжины куполов. Всюду следы истории — в рынках, лавках, даже в женских лицах и фигурах — чертовское, фантастическое место. Непокколебимый, источающий шик — он это чувствовал, и в то же время грязный, зловонный. Мудрость и роскошь — грязь и зловоние. Женщины в летних платьях стоимостью в несколько сотен фунтов, пробирающиеся между мешками с отбросами, собаки, подыхающие прямо на мостовых главной улицы. Никогда и нигде он не видел ничего подобного. А теперь вот это место, штаб-квартира полиции города, огромное серое каменное здание, громада, покрытая голубиным пометом. Обмякший флаг, который отказывался держаться на шесте.

Он назвал клерку за конторкой у входной двери имя Карбони и показал свое удостоверение, где стояло его собственное имя. Он вынужден был это сделать, потому что, как только открыл рот, их лица стали непроницаемыми. Но, по-видимому, это имя что-то значило, потому что они щелкнули каблуками, кивнули и сделали знак рукой в направлении лифта.

Арчи Карпентер смеялся, закрывая рот рукой. А что если бы кто-нибудь из них вот так же явился в Ярды? Его бы заставили полчаса промаяться, пока они проверяли бы его данные, выясняли бы, назначена ли ему встреча, заставили бы его заполнить бланк в трех

экземплярах (два через копирку). И у него бы не было ни малейшего шанса, чтобы к нему обратились «дотторе», ни одного чертова шанса. Все это казалось немного странным, но и все утро происходило что-то странное, начиная с разговора с человеком из посольства, который отказывался говорить с ним до тех пор, пока он не вышел в пустую комнату офиса ICN и не набрал номера, который ему дали — а именно Виолетты Харрисон.

Да, он может приехать, если хочет. Если у него есть что сказать ей, в противном случае, она уйдет из дома. Карпендер настаивал: да, он должен с ней повидаться. Главное управление особенно настаивало на том, что он лично должен увериться в том, что все возможное было для нее сделано. В этом случае, сказала она, пусть приезжает, тогда она останется дома. Как если бы она оказывала ему услугу или честь. Шесть часов ему подойдет, они смогли бы выпить стаканчик чего-нибудь.

Ну, совсем не то, чего ты ожидал, верно, Арчи?

Они шли по коридорам, Карпендер на шаг позади своего сопровождающего, по бесконечному ковру, вытертому и потускневшему, вокруг слышалось стрекотанье пишущих машинок. Он окинул взглядом двоих мужчин, вышедших из офиса прямо перед ними, и звонко расцеловавшихся у него на глазах. Поворот за угол. Еще один коридор. Похоже на благотворительную прогулку.

И наконец они пришли. Молодой человек пожал ему руку и начал что-то лопотать на местном языке, а Карпендер улыбался и кивал, помня о хороших манерах. Дверь во внутреннее помещение распахнулась.

Мужчина, который из нее вышел, был невысок, очень тучен, но двигался со скоростью крокодила, учуявшего запах сырого мяса. В его левой руке были зажаты бумаги и магнитофон. Другая оставалась свободной, чтобы махать ею, подавая знаки, как это делает распорядитель на сцене, чтобы отмечать паузы в водопаде слов. Карпендер не понял фразы и застыл так, будто пустил корни в ковер. Оба они стояли совсем рядом, положив руки друг другу на плечи и настолько сблизив головы, что могли узнать сорт зубной пасты, которым пользовались. Что-то все же срабатывало. Он действовал так, как если бы поставил на фаворита в Айриш Свипстейк, и этим фаворитом был маленький человечек с большим пузом.

Переключение скоростей, — и они без усилий перешли на английский, бумаги и магнитофон переключались в руки помощника, и Джузеппе Карбони представился.

— Я Карбони. А вы Карпендер? Хорошо. Вы приехали из Лондона от ИСН? Отлично. Приехали в самый подходящий момент. Все хорошо. Идемте в мою комнату.

И не может быть плохо, подумал Карпендер, и последовал за фигурой, исчезнувшей во внутреннем офисе, где он оглянулся вокруг и слегка качнулся. Кабинет был массивным и безвкусным. Все в нем было безвкусно — и мебель, и ковры. На стенах гравюры с видами старого Рима, на окнах бархатные драпировки, портрет президента в рамке на письменном столе, наполовину потонувший в папках, образовавших своего рода Эверест.

— Карпендер, сегодня утром я горд. Сегодня утром я очень счастлив и сейчас скажу вам почему...

Карпендер склонил голову, следуя рутине, показал ему свои блестящие в улыбке зубы. Пусть все идет, как идет. Пусть плотина прорвется.

— Позвольте, я расскажу вам все, начиная со вчерашнего утра, когда я первый раз услышал о том, что случилось с вашим мистером Харрисоном, с того момента, когда я в первый раз позвонил в Посольство, потому что это дело обеспокоило и взволновало меня. Откровенно говоря, немногие из этих дел о похищениях меня волнуют. Большинство похищенных из очень богатых семей, и вы можете узнать из газет, сколько платят за освобождение близких. И после того, как их освобождают, многие из этих дел с энтузиазмом расследуются Гардия ди Финанце, нашей финансовой полицией. Можно удивляться тому, как это происходит в современном обществе, что отдельные лица могут собрать легально такие суммы. Для того, чтобы получить свободу, нужны сотни тысяч долларов. Эти люди очень мало нам помогают, так же, как и их семьи, пока заложника не выкупят, но и жертва после своего освобождения не оказывает содействия. Они нас отсекают, так что нам приходится работать на стороне, на обочине. Когда осуждают наше право на аресты, мне приходится попотеть, Карпендер, потому что мы работаем со связанными руками, практически действуем одной рукой.

— Понимаю, — сказал Карпентер. Он уже слышал это. Это шло вразрез со всем, чему его учили в полиции. От этого дурно пахло. Это было нестерпимо.

— Когда речь идет о детях, девочках-подростках, о невинных, это гораздо сложнее. Но ваш мистер Харрисон, он ведь рядовой бизнесмен. Я вовсе не хочу его унижить или очернить, но он самый обычный малый. Не занимает важного поста, небогат, у него нет специальной подготовки. Для него это шок, тяжелое испытание, может быть, с психологической точки зрения, даже катастрофа. Знаете, Карпентер, я не спал полночи из-за этого человека. Беспокоился о нем...

— Почему? — перебил Карпентер, отчасти от нетерпения, потому что новость, вызвавшая это словоизвержение, пока еще была ему неизвестна, отчасти потому, что этот словесный сироп был слишком вязок. Это был бенедиктин, а ему был нужен скотч.

— Вы надо мной смеетесь, смеетесь, потому что не верите, что я говорю это серьезно. Вам не довелось двадцать восемь лет прослужить полицейским в Италии. Если бы вы это испытали, вы поняли бы мои чувства. Харрисон чист. Харрисон не запятнан. Харрисон соблюдает законы. Он в нашей стране, как младенец, голый младенец. Он беззлобен и безгрешен и заслуживает нашей защиты. Вот почему я делаю все, чтобы выручить его.

— Благодарю вас, — Карпентер говорил искренне. Ему показалось, что он понял этого плохо выбритого потеющего человека, сидевшего напротив, и потеплел к нему.

— Вы приехали, чтобы наблюдать за выплатой чрезвычайной суммы за освобождение Харрисона. Вы поэтому приехали?

Карпентер покраснел.

— Это меня не смущает. Я сам дал вашему посольству такой совет. Но я хочу вам сказать, что, возможно, это и не потребуется. Возможно, это окажется не нужным.

Арчи Карпентера будто подбросило на стуле, он выпрямился, глядя прямо перед собой.

— Мы здесь пытаемся пользоваться современными методами. Мы стараемся, чтобы тот наш образ, который у вас сложился, не оправдался. Мы не спим в дневное, рабочее время. Мы не ленивы и не глупы. У нас, Карпентер, есть определенная сноровка. У нас есть

записи телефонных разговоров, звонков миссис Харрисон и в ICN. Компьютер переваривает их. Потом мы закладываем в машину другие записи звонков во время аналогичных событий. И находим идентичный голос. У нас оказываются два случая, когда контакт осуществлялся через одного и того же человека. Вы разбираетесь в полицейской работе?

— Я восемь лет проработал в Лондоне в Особом Отделе с Метрополитен Полис. Которую вы считаете ее политическим ответвлением, — сказал Карпентер с некоторой гордостью.

— Я знаю, что такое Особый Отдел.

Карпентер сверкнул зубами. Его щеки прорезали морщинки.

Карбони прореагировал, а потом снова ринулся в атаку:

— Итак, я нашел запись второго звонка, сделанного тем же лицом. Это означает, что речь не идет о новой группе. Я работаю против организации, которая давно уже действует. Мне это кое о чем говорит, не о многом, но кое о чем. И вот как раз сейчас я говорю с человеком из той же конторы, с коллегой. Вы знаете ситуацию. Человек в моем положении постоянно сталкивается с людьми, которые приходят нашептывать ему на ухо. Посмотрите на этого человека, говорят они, посмотрите на него и подумайте о нем. Все ли там в порядке? И, если он калабриец, если он с юга и у него много денег, свободных денег, то приглядитесь к нему повнимательнее. Сегодня утром я звоню в офис одного человека, занимающегося недвижимостью. Его контора в Риме. Но я не могу его застать. Он уехал по делам. Я должен говорить с его подчиненным.

Карбони помолчал. Как профессиональный актер, он молчал и ждал, когда Карпентер попросит его продолжать. Казалось, он наполняет легкие воздухом, как если бы десять минут непрерывной беседы, точнее, монолога, опустошили его.

— Вы знаете, Карпентер, что в нашем деле требуется удача, везение. Вы это знаете. Сегодня утром нам повезло. Вы видели меня в офисе, когда я обнимал этого маленького педанта. Он мне отвратителен. Он такой высокомерный и глумливый. Но я обнимал его потому что голос этого человека, который сказал мне, что его босс в Калабрии, был тот же самый, что и человека, который звонил в офис Харрисона.

Карпентер покивал головой в знак одобрения.

— Примите мои поздравления, мистер Карбони, искренние поздравления. Значит, вы покончили с этим делом.

— Не совсем, конечно. Я жду подтверждения машины.

Застенчивый взгляд через стол.

— Но ведь у вас нет сомнения.

— У меня ни малейших.

— Тогда снова примите мои поздравления.

— Но мы должны вести это дело очень тщательно и осторожно, Карпендер. Вы понимаете, что мы входим в область наблюдения и прослушивания. Если наша цель добиться возвращения вашего Харрисона, мы должны быть очень осмотрительны.

Резко и внезапно зазвонил телефон, прервав беседу мужчин. Карбони взял трубку, но даже с того места, где сидел Карпендер, он мог слышать скрипучий голос собеседника Карбони. Карбони что-то записывал в блокноте и, пока он писал, радостное возбуждение англичанина рассеивалось и сходило на нет. Он не хотел, чтобы ощущение победы и успеха уходило, а теперь был вынужден терпеть это вторжение в сладостный поток его мыслей и чувств. Карбони все писал и исписал две страницы, прежде чем без всяких изъятий любезности повесил трубку.

— Почему у вас такой взволнованный вид, Карпендер? Да, есть некоторые осложнения. Но они только делают нашу похлебку гуще. Был найден мертвым человек в маленьком отеле недалеко от железнодорожного вокзала. Его убили. Мы получили телефаксом его дело. Он был задержан в связи с обвинением в похищении, но главный свидетель отказался выступать на его процессе, и обвинение проиграло дело. Он из деревни Косолето, далеко на юге Калабрии, человек, которому я пытался дозвониться сегодня утром, из той же деревни. Образуется целая сеть, Карпендер. Эта сеть вязкая и липкая и из нее трудно что-нибудь вытянуть, даже тем, кто ее сплел.

— Думаю, вы предпочитаете пока не возбуждать надежд. Ни в Лондоне, ни у членов его семьи.

Карбони пожал плечами, и от этого задрожало все его тело, а пальцы пробежали по редким прядям волос на лбу.

— Я многое вам рассказал, но это конфиденциально.

— Я вам благодарен, это вы потратили на меня так много своего времени. Если бы я смог увидеться с вами завтра, мне это было бы

более чем приятно.

Арчи поднялся со стула. Он бы с радостью остался, потому что атмосфера расследования была заразительной, и он слишком долго был от нее отлучен.

— Приходите завтра в это же время, — сказал Карбони и засмеялся. Его смех был глубоким и удовлетворенным. Это был смех человека, который получал искреннее удовольствие от своей шлюхи, легко тратил деньги и ни о чем не жалел.

— Приходите завтра, и я кое-что вам расскажу.

— Нам следует поставить на лед бутылку шампанского.

Карпендер старался подыграть ему.

— Начиная с сегодняшнего утра, я не пью, — Карбони снова рассмеялся и пожал руку Карпендера своей влажной рукой с особой теплотой и дружелюбием.

* * *

В течение двух с половиной лет Франческо Веллоси соглашался на то, чтобы его сопровождал эскорт, его сопровождала «альфетта», в которой сидело трое из его собственного подразделения. Они всегда были сзади него в то время, как он совершал по четыре поездки ежедневно в Виминале и на свою квартиру, туда и обратно. Независимо от погоды, в солнечный и морозный день, летом и зимой они сопровождали его во всех его перемещениях.

В этот вечер к нему должны были придти кое-какие люди посидеть и выпить. Он сказал об этом Мауро своим спокойным, ровным голосом, глотая слова. Но позже он вернется к своему письменному столу. Не будет ли Мауро так любезен и не возьмет ли на себя координацию его эскорта? Эта просьба сопровождалась выразительным взглядом.

Теперь для Веллоси наступило время краткого отдыха до того, как придут его гости. Он не позволит им засиживаться допоздна, учитывая, что его стол завален бумагами. Когда он вошел в дом и оказался на попечении охранника, который жил с ним вместе, его моторизованный эскорт был отпущен. Но поскольку было известно,

что он вернется в свои офис позже, слышались проклятия людей, которые его сопровождали: их вечер снова был испорчен.

Тени ушли. Их увело за собой солнце, тихонько спустившееся в апельсиновый сад справа от него. Линии удлинлись, достигли своих крайних размеров и исчезли, оставив после себя дымку первой темноты. С их исчезновением среди деревьев и кустов стала быстро распространяться прохлада. Из своего укромного места Джанкарло видел эти деревья и кусты. Строение перед ним было не более чем черный силуэт неопределенных очертаний, на котором трудно было сфокусировать взгляд. Вокруг него шла перекличка ночных звуков, и они все множились, стараясь заглушить друг друга. Лай собаки на дальней ферме, гудение пчел, обезумевших в борьбе за последнюю каплю нектара из дикой жимолости, звон комаров, крик совы, невидимой на высоком дереве. Юноша не двигался, как если бы боялся, что любое движение его тела могло насторожить тех, кто находился менее чем в ста метрах от него. Еще не наступил момент, когда он должен был броситься вперед. Пусть темнота еще плотнее окутает землю, набросит свое покрывало на поля оливковые рощи и обнаженную скальную породу, уже наполовину погруженную во мрак. Мысли Джанкарло свернулись, как спираль и, робкие и нерешительные, когда они еще только зарождались в тряске скорого поезда, теперь почти обрели законченность. Они казались ему дикими и болезненными, когда только зарождались в мозгу. Теперь же приобрели определенную целостность, рисунок и ценность. Они заслуживали улыбки, маленький лисенок, заслуживали улыбки.

Никем не замеченный, он вышел с маленькой станции с широкими платформами на эспланаде Реджио и жадно глотнул воздуха с моря, принесенного ветром. Потом он смешался с потоком вышедших на этой станции пассажиров. Если здесь и была полиция, то Джанкарло ее не видел и не услышал резкого крика: стоп. Он вышел со станции и пошел в толпе людей, нагруженных чемоданами и веревочными сумками. Толпа распалась на множество ручейков, они заскользили в разных направлениях, становясь все тоньше и тоньше, пока наконец Джанкарло не остался один. В табачной лавке он купил

карту Калабрии. Названия были напечатаны разборчиво и хорошо запоминались. Синопли... Делиануова... Акваро... Косолето.

Он нашел их там, где красные ленты дорог начали извиваться, поднимаясь в предгорья Аспромонте, за окрашенной в зеленый цвет полоской побережья, далеко среди песчаных и коричневых тонов возвышенности.

Вскоре после полудня, когда время сиесты тяжестью навалилось на пустые улицы, Джанкарло нашел машину. Среди выкрашенных белых домов, слепящих своей белизной его незащищенные глаза, она была небрежно припаркована, как, если бы ее владелец опаздывал на важное свиданье, а не просто беспокоился, что не попадет на ленча. Царила жизнь Меццо Джиорно, страны полудня. Побелка покоробилась, потускнела и казалась заскорузлой на балконе дома, под которым был брошен красный «фиат-127». Прямо рядом с дверью на улицу, ключи в замке зажигания. Ставни закрыты, чтобы сохранить прохладу внутри дома; не плакал ребенок, не жаловалась бабушка, не было слышно музыки по радио. Он скользнул на сиденье водителя, высвободил ручной тормоз и медленно покатил под уклон, пока не оказался за углом, а потом включил двигатель. Он направился на север к длинному виадуку, туда, где мафиози накапливали свои состояния, вымогая деньги у тех, кто нуждался в перевозке материалов и оборудования и считал, что дешевле уступить, чем драться. Он ехал медленно, потому что таков был стиль езды калабрийца после ленча, а ему нельзя было привлекать к себе внимание, и эта необходимость оставалась столь же насущной, как прежде. Уже одно его лицо было проблемой. Оно было белым, словно покрытым тюремной бледностью. Это не было цветом лица уроженца юга, цветом обгорелого темного дерева, присущего тем, кто владел этой страной. Он проехал мимо знаков поворота на Галлико и Карнителло и стал взбираться вверх по дороге над морским каналом, отделявшим остров Сицилию от материка. На минуту он затормозил и пристально посмотрел влево, его взгляд задержался на Мессине, раскинувшейся на фоне лазурной воды.

Мессина была в дымке, ее очертания казались нечеткими. Она лежала на солнце среди обширных зеленых и ржавых парков и пустырей. Мессина, где они построили тюрьму для женщин. Это было то место, где они держали Ла Вианале, где Надя Курцио ждала своего

процесса, где, если ему не посчастливится, будет гнить и погибать его Франка. Он не мог видеть тюрьму, она не была видна на расстоянии в восемь километров морского пространства, но была там, и это прищпоривало его и подстегивало.

Скорость машины увеличилась. Мимо поворота налево к Сцилле и направо к Гамбари.

Он ехал сквозь гулкие туннели, пробитые в скалах, пробираясь все дальше вглубь. Синопли и Делиануова остались справа, и он направил маленький «фиат» в сторону от двойного переезда и начал подниматься по серпантину холмистой дороги. Через Санта Еуфимия д'Аспромонте, бесплодное и жалкое селение, где его появление пугало кур, кормившихся на гравийной дороге и вызывало лишь удивленное движение бровей у пожилых женщин в черных юбках и мужчин в темных костюмах, сидевших на пороге своих домов. Он проехал через Синопли, где погудел, чтобы разъехаться с автобусом, который забуксовал в облаке выхлопных газов на главной улице, и где лавки были закрыты на висячие замки и было еще слишком жарко и влажно, чтобы подростки вышли со своими пластиковыми футбольными мячами.

Это была горькая бесплодная земля, полная скал и обрывов, покрытая жесткими кустарниками и деревьями, способными расти даже на скудном слое почвы. Джанкарло продолжал движение вперед, пока не миновал узкий старый каменный мост через Вази и не въехал в Акваро. Возможно, кто-то видел, как он проезжал через деревню, но он не заметил никого, изучая повороты на карте, разложенной на пассажирском месте, и не ощутил опасности, которые могли подстергать его на этой извилистой дороге. Проехав еще полкилометра, он остановился. Здесь был перевалочный пункт, справа насыпан гравий, который использовали зимой, при гололедице. Немного дальше за поворотом между деревьями было укрытие, где, вероятно, по воскресеньям припарковывали машины охотники, а молодые люди проводили время с девицами, когда больше не могли страдать от клаустрофобии в своих комнатах под взглядом Мадонны, изображение которой висело обычно над камином. Джанкарло ухмыльнулся про себя. Неподходящий день для охотников, слишком ранний вечер для девиц. Но как раз подходящее место для него, чтобы

укрыть машину. Здесь ее нельзя было увидеть с дороги. Он проехал между деревьев, насколько допускала проселочная дорога.

По привычке, в тишине и покое машины, Джанкарло проверил свой Р38, погладил по всей длине его шелковистое дуло и вытер о рубашку все пятна с рукояти. У него было только восемь пуль, всего восемь, а сделать с их помощью надо было так много. Он легко выпрыгнул из машины, засунул пистолет за пояс и затерялся среди листвы деревьев.

Вдоль края дороги он прошел метров сто, отыскивая место, где деревья росли гуще. Через несколько минут он нашел удобную позицию обзора некогда белого дома, с которого теперь облупились краска и штукатурка. Эта лачуга как раз подходила для Джанкарло. Как для овец и коров. Она имела бы совсем средневековый вид, если бы не машина, припаркованная у наружной двери. Это был дом контадино, крестьянина. Из-за деревьев он видел его жену, сновавшую с ведром, и его полуодетых ребятишек, игравших с куском дерева.

Юноша удобнее устроился на куче палых листьев, и стал ждать когда появится брат жены Клаудио. Ждать оказалось недолго, хотя эта и было для него испытанием. Появился крупный мужчина с лысиной над плоским обветренным лбом. Щеки его были небриты, брюки держались на талии с помощью шнурка, рубашка порвана под мышками. Контадино? Джанкарло выплюнул это слово. Но ведь и он из пролетариев, правда? Он невесело улыбнулся. Слуга своих господ?

Юноша согласился с этим, удовлетворенный тем, что так просто решил идеологическое уравнение. Человек направился по проселочной дороге от дома к шоссе, неся пластиковый мешок. У шоссе он остановился, и глаза его скользнули по укрытию юноши. Человек прошел совсем близко от места, где лежал Джанкарло. Постепенно шаги его затихли. Джанкарло скользнул вслед за ним, как горноста́й, напрягая слух, внимательный к дальним шумам впереди. Его глаза были прикованы к сухим веточкам и листьям дуба, на которые он не должен был наступать.

Линия деревьев виднелась по краю пологого холма, за которым было поле, покрытое вмятинами, оставшимися после выпаса скота. В дальнем конце открытого пространства Джанкарло видел амбар из камня с покрасневшей от дождей железной крышей и двумя дверьми. Человек, за которым он последовал, встретился у амбара с другим,

вышедшим из правой двери. В руках у второго был одноствольный дробовик, оружие сельских жителей. Они немного поговорили до того, как мешок перешел в другие руки, и до юноши донесся взрыв смеха. Когда мужчина пошел обратно, Джанкарло растаял среди деревьев и подлеска, невидимый и неслышимый.

Когда опасность миновала он медленно пошел вперед к сухой каменной стене, окаймлявшей поле, и занял свой наблюдательный пост. Его переполняла безграничная гордость. Ему хотелось встать и прокричать слова вызова и ликования. Джанкарло Баттистини, запомните это имя, потому что он нашел англичанина из «транснационалов» и будет его эксплуатировать, как иностранные компании эксплуатировали пролетариат.

Позже Джанкарло начнет свое наступление, приближаясь к строению пядь за пядью. Позже. А теперь для него наступило время отдыха. Теперь он должен был расслабиться, если только сумеет. И помечтать... Видение бедер, теплых и влажных, кудрявящейся поросли и груди, на которых случалось лежать его голове, взорвалось и отдалось эхом в его мозгу. Он был один на земле, и на нем сходились клином мириады земных созданий. Он содрогнулся и понял, что не уснет.

* * *

Арчи Карпентера провели по квартире. Он постоял в нерешительности у двери спальни, успев бросить быстрый взгляд на розовое покрывало, посмотрел на картины на стенах и выразил свое мнение о том, как мило обставлена квартира. Она была странной, эта Виолетта Харрисон. Она делала вид, что все это естественно, когда вела его по мраморному полу, показывая то и другое, сообщая историю каждого предмета обстановки. Она налила ему напиток — джин и чуть-чуть тоника. Он видел, что ее рука дрожит, как у больной, и сознавал, что все это притворство. Да, это спокойствие и глупая болтовня — все было притворством. И только, когда он увидел ее дрожащую руку и то, как пальцы, будто когти, сжимали бутылку, у него зародилась к ней симпатия.

Раскованная и стройная, в свободном платье, она сидела на диване: ее формы вырисовывались так, что не было видно углов. Ты мог бы прижать к груди такую женщину, Арчи, притянуть ее к себе, и она вся была бы нежной и мягкой, и нигде на ее теле не было бы выпирающих костей. Когда он заговорил, то не смотрел ей в глаза, а только на вырез платья, где вниз начинали сбегать веснушки. Его костюм был слишком узким и жарким для римского лета. Очень странное платье она надела, неподходящее для такого момента.

— Вы должны знать, миссис Харрисон, что компания делает все возможное, чтобы вернуть вам Джеффри. Насколько позволяют человеческие силы, мы сделаем так, чтобы он как можно скорее очутился дома.

— Это очень любезно, — сказала она, и ее слова были не очень разборчивы. По-видимому, это был не первый ее коктейль за сегодняшний день. Ты не должен стоять, как проповедник, Арчи, и говорить людям, что они должны делать и как себя вести, особенно, когда весь их мир рушится.

— Все возможное, — напирал Карпентер. — Совет одобрил решение Управляющего выплатить выкуп. Он хочет, чтобы вы знали, что компания заплатит, сколько потребуется, чтобы заполучить вашего мужа назад. На этот счет вы можете не беспокоиться.

— Спасибо, — сказала она. Глядя на него, она подняла брови, чтобы показать, как она была впечатлена тем, что Совет готов взять на себя такое обязательство.

Черт возьми, подумал он, это прямо великолепно. Ну и грудь у нее, и ни следа пота там, где кончается декольте, а он потеет, как лошадь у финиша дерби.

— В настоящий момент мы не можем сделать многого, но коллеги вашего мужа по ИСН в Риме включились в дело, звонят по телефонам и отдают распоряжения по финансовой части. Возможно, что все это будет вне страны, что облегчит дело.

Он замолчал, отпил из своего бокала и увидел переливы ткани на ее платье, когда она скрестила ноги.

— Но вы должны еще немного потерпеть, миссис Харрисон, всего несколько дней. Мы не можем уладить дело за несколько часов.

— Я понимаю, мистер Карпентер.

— Вы ведете себя великолепно.

— Я пытаюсь жить так же, как и раньше, как, если бы Джеффри уехал по делам, в командировку.

Она слегка подалась вперед на своем стуле.

Что сказать теперь? На какую почву ступить? Карпендер глотнул.

— Есть ли что-нибудь, чего бы вы хотели? Чем я мог бы помочь?

— Сомневаюсь в этом, мистер Карпендер.

— События могут потребовать нескольких дней, но мы работаем на двух фронтах. Мы можем заплатить, в этом нет проблемы. В то же время нам помогает полиция, ведущая свое скромное следствие, они бросили на это дело свои лучшие силы...

— Зачем мне все это знать? — спросила она спокойно.

Карпендер сдержался.

— Я думал, вам интересно узнать, что происходит.

Успокойся, Арчи. У нее стресс. Видимость бесстрашия и спокойствия, а внутри черт знает что.

— Итак, вы сообщаете мне, что через недельку — другую я узнаю, войдет ли Джеффри в эту дверь или я никогда больше его не увижу.

— Думаю, нам надо надеяться на лучшее, миссис Харрисон. — Недостаток практики, Арчи. Забыл те чертовы годы, когда был окружным полицейским в форме и являлся с торжественной миной объявить жене, что ее старик сверзился с мопеда и не будет ли она так любезна поспешить увидеть его в больничной часовне.

Она будто осела, у нее полились слезы, которые сменились рыданиями. В ее придушенном голосе звучал протест, когда она заговорила:

— Вы ничего не знаете. Ничего, совсем ничего, черт бы вас побрал мистер Карпендер... Вы со мной обращаетесь, как с ребенком... Давай выпьем и будем считать, что этого не случилось... Что вы знаете об этом месте, мать вашу... Вы не знаете, где мой муж, вы не знаете, как его вызволить. Все, что вы знаете, это то, что «все возможно» и «огромные усилия», «лучшие люди брошены на это дело». Это только проклятые бром и валерьянка, будь вы неладны, мистер Карпендер...

— Это несправедливо, миссис Харрисон, и не браните меня...

— А вы не приходите сюда со своими пошлостями и не говорите что все будет замечательно...

— Черт побери, и не буду. Есть люди, которые не понимают, что им хотят помочь.

Карпендер заговорил повышенным тоном, его шея покраснела.

Он заставил себя подняться с места, одним глотком опрокинув остатки напитка.

— Когда к вам приходят и стараются вам помочь, площадной язык неуместен, — он не сумел с достоинством подняться со стула, не сумел удалиться быстро и благородно.

К тому времени, когда он уже стоял, она оказалась между ним и дверью, и у нее еще не высохли слезы, блестящие на фоне ее подкрашенного лица.

— Думаю, мне лучше уйти, — сказал он, неразборчиво произнося слова и понимая, что не сумел справиться со своей задачей.

— Если вы считаете, что вам следует уйти...

Ее карие, ореховые глаза, глубоко посаженные и затуманенные, с россыпями веснушек вокруг них... Он проследил, куда они спускались, куда вели...

— Джефффри совершенно бесполезен, знаете ли... — Ее рука поднялась, торопливо вытирая слезы, размазывая крем на лице, и оно снова озарилось улыбкой. Она как бы отделила себя от него занавесом, как это было, когда она показывала ему квартиру, принимая светскую позу. Послышался смешок, от которого у него зазвенело в ушах.

— Я вас не шокирую, мистер Карпендер? Он совершенно ни к чему не пригоден, во всяком случае для меня. Я не собираюсь вас смущать, но люди должны понимать друг друга. Вы так не думаете?

Одна ее рука скользнула под его пиджак, пальцы стали тереть его влажную рубашку, другая играла верхними пуговицами ее платья.

— Давайте не будем терять время, мистер Карпендер. Вы знаете географию этой квартиры, знаете, где моя комната. Не хотите ли отвести меня туда?

Ее ногти зарылись в его затылок, возбуждение спиралью поднималось вверх по его хребту.

— Пойдемте, мистер Карпендер. Вы ничего не можете сделать для Джефффри. Я тоже ничего не могу для него сделать. Давайте не будем притворяться. Давайте используем это время.

Она давила на его ребра, притягивая его ближе, ее рот и губы, подкрашенные бледной помадой, гипнотизировали его. Он чувствовал

запах ее дыхания, должно быть, она курила, а потом почистила зубы мятной пастой, перед его приходом.

— Я не могу остаться, — сказал Карпендер, чувствуя, что голос его звучит хрипло. Это шло из глубины, он барахтался в глубокой воде, и на мили не было видно спасательного плота.

— Я не могу остаться, мне надо идти.

Руки оставили в покое его спину и пуговицы, и она отступила в сторону, чтобы освободить ему путь в холл.

— И никаких колебаний, мистер Карпендер? — пробормотала она за его спиной. Он сражался с замками на двери, стремясь поскорее уйти и не справляясь с дверью: он был похож на человека, который в своем нетерпении не может расстегнуть бретельку бюстгальтера. — Вы потом не пожалеете?

Он чувствовал себя уязвленным, ему было стыдно, и он не знал, откуда эти чувства: от того, что он не оправдал ожиданий или от его высокой нравственности.

Арчи Карпендер, педант, наконец открыл дверь.

— Вы скучный сукин сын, мистер Карпендер, — сказала она ему вслед. — Настоящий маленький зануда. Если вы лучший из всех, кто у них есть, кого они послали, чтобы помочь моему мужу, то да поможет Бог моему бедняжке.

Дверь хлопнула. Он не стал ждать лифта, а побежал вниз, прыгая через две ступеньки.

* * *

В предвоенном Риме фашистская администрация иногда отдавала распоряжение оставлять свет в главных правительственных зданиях на всю ночь, и он горел долго после того, как бюрократия расходилась, чтобы уехать на своих трамваях и автобусах. Благодарное население должно было верить, что Государство трудится поздней ночью, и этот факт должен был его впечатлять. Дух обмана давно иссяк, и ему на смену пришло категорическое запрещение жечь свет зря и выключать ненужные лампы. Джузеппе Карбони был одним из немногих, работавших поздно ночью в затененном святилище Квестуры. Он без конца откладывал по телефону время своего обеда и всячески избегал

анафемы общения с силой, в которой видел своего главного соперника, — военными карабинерами. Полиция и карабинеры существовали, как насильственно соединенные в одной постели супруги, уложенные между коммунальными простынями закона и порядка. Соперничество было свирепым и ревнивым. Об успехе каждой стороны громогласно оповещали старшие офицеры, а слабые исполнительные власти испытывали удовлетворение, от того, что ни одна из сторон не получала перевеса. Это была рекомендация оставаться мало эффективным в деле и гарантия того, что всеобъемлющая полицейская сила государства, которую Италия сформировала за двадцать один год, будет несколько ослаблена.

Проблема, возникшая перед Карбони, и потребовавшая от него многих часов обдумывания и размышлений, состояла в том — следует ли ему положить прямо в руки оппозиции информацию о человеке по имени Маззотти, занимавшемся спекуляциями землей, или выждать. Этот человек находился на крайнем юге, по-видимому в деревне Косолето и за пределами карательных и административных мер полиции столицы Калабрии — Реджио. Косолето подлежал юрисдикции карабинеров маленького городишки Пальми. Карты, которые были перед ним, сообщили ему об этом. Он предпочел позволить человеку по имени Маззотти вернуться из Калабрии в Римский округ, где он будет доступен для полицейского расследования. Но если горилла Клаудио был связан с похищением англичанина Харрисона, то отчет об убийстве в Риме послужит только тому, что те, кто связан с этим делом, будут предупреждены об опасности. Возможно, в течение нескольких следующих часов имя убитого можно будет не сообщать, но только до утра следующего дня. Было несущественно, от чьей руки погиб этот верзила. Для Карбони было достаточно того, что это заставит группу похитителей пересмотреть свои планы. Он не мог медлить, но, если бы начал действовать сейчас и запросил бы помощи, чтобы обеспечить успех, то какая цена была бы деятельности Джузеппе Карбони? Тривиальные рукоплескания, но жертва и преступники в руках карабинеров в черных формах.

Достаточно, чтобы вызвать у человека слезы.

Он нарушил данный себе зарок и налил скотч из своего тайного запаса. Бутылка была припасена до времен торжеств и празднований

либо черной депрессии. Потом он позвонил в Пальми. Только один раз он поступится принципом своей профессиональной деятельности

Когда на его звонок ответили, голос Карбони загудел в тихих помещениях, он был слышен сквозь открытые двери и прокатился по пустым коридорам второго этажа Квестуры. Много раз ему пришлось представляться капитану карабинеров, потому что он должен был пуститься в подробные объяснения. Он особо подчеркнул важность дела Харрисона и то, как им обеспокоены высокие административные круги Рима. Дважды капитан выражал сомнения. Предлагавшиеся действия были слишком деликатным делом для его личного вмешательства: семья Маззотти имела вес в этих местах. Не следовало ли ему получить одобрение из магистрата? Карбони кричал все громче. Ревел в телефонную трубку, как бык. Вопрос был безотлагательным и не мог ждать выдачи санкций, ситуация была слишком шаткой, чтобы дожидаться утра и появления судьи в его конторе. Возможно, сила, которой Карбони нажимал на капитана, возымела действие, возможно, его прельстила мечта о славе. Он неохотно согласился. За домом Антонио Маззотти будет установлено наблюдение с трех часов утра. Его арестуют в восемь.

— И будьте осторожны. Не должно быть никаких подозрений, никаких предупреждений этому негодяю, — орал Карбони. — Одна маленькая ошибка, и мне конец, я отвечаю головой. Вы понимаете? Вы отправляете Маззотти в камеру в Пальми, а я к девяти буду в магистрате и отвезу его в Рим. Вы получите высокую оценку своей инициативы и умения быстро принимать решения. Этого не забудут.

Капитан выразил дотторе свою благодарность.

— Не стоит, сынок, не стоит. Желаю удачи.

Карбони положил трубку. На ней было черное блестящее пятно пота. Он вытер манжетой влагу со лба. Рим в разгаре лета — невозможное место для работы. Он запер на ключ свой письменный стол, выключил настольную лампу и направился в коридор. Для человека со столь обширным животом и бедрами его шаг был необычно пружинистым. Он ощутил острый аромат особым обонянием профессионального полицейского. Старый, привычный, превыше гордости и целесообразности. Это был запах дома — наступило время возвратиться домой к ужину и постели.

Джеффри Харрисон был лишен блага сна — ему было неудобно, его раздражали острые соломинки, вонзавшиеся в тело, ему мешали наручники на запястье. Похитители не оставили ему света, и тьма наступала, как только косые лучи солнца переставали проникать сквозь отверстия в крыше, оставленные гвоздями. Долгая тьма, усугублявшаяся отсутствием пищи. Наказание, думал он, наказание за то, что я опрокинул на него ведро. Как будто избиения было недостаточно. Его живот болел и стонал вслух, протестуя против такого лишения.

Он вытянулся на спине во всю длину. Цепь позволяла его правой руке свободно лежать на сене рядом с телом. Тихий и инертный, он иногда задремывал, коротая часы и минуты, не зная, сколько времени прошло и не задумываясь об этом. Иногда до него доносились голоса его стражей. Они были слабо слышны сквозь толщу разделявшей их перегородки амбара. Он мало что мог расслышать и после того, как один из них, тяжело ступая, вышел наружу и шумно помочился. После этого больше ничего не было слышно. Его слух и внимание были обострены шепотом и шорохом сновавших вокруг крыс и мышей, построивших свои гнезда в просветах между охапками сена под ним. Маленькие негодяи ели, околевали, спаривались и выметывали свое потомство, выполняя функции своей ограниченной, короткой жизни всего на несколько футов ниже него. Он думал, как они относятся к запаху и чужому присутствию в самом сердце своего мирка, вызывает ли это в них отвагу или любопытство и желание расследовать, кто вторгся в их жизнь. Он слышал каждое движение грызунов, вибрацию их маленьких лапок, которые становились бешено активными, когда у них возникала какая-нибудь потребность. Возможно, сегодня ночью здесь будут летучие мыши. Вероятно, они были здесь и прошлой ночью, но он спал слишком крепко и глубоко, чтобы заметить их. Теперь же все опасения, страхи и ненависть к летучим мышам ожили, когда он представил, как они будут метаться, проносясь мимо него, и он стал вспоминать и анализировать все, что ему было известно о них из фольклора, — что они царапаются, запутываются в волосах, переносят болезни...

Но вот возник новый звук.

Харрисон замер. Теперь он неподвижно лежал на спине. Пальцы его были сжаты. Глаза смотрели вверх в непроницаемую тьму.

Будто ударили футбольным мячом в стену, противоположную той, где отдыхали его тюремщики.

Боясь двинуться с места, не дыша, Харрисон прислушивался. Башмаки с мягкими подошвами легко прошагали по грязи за стеной. Человек шел медленно, как бы выбирая место, куда поставить ногу, прежде чем опереться на нее и перенести весь вес своего тела.

Дерево коснулось отягченной веткой грубого гранита, провело по нему, будто подул легкий ночной ветерок, — но Харрисон был в состоянии понять, что это было не то, что он слышал. Снаружи был человек, там молча украдкой к амбару пробирался чужой, стараясь не вызвать шума, не дать знать о своем приближении. Перед закатом кто-то приходил, он еще издали окликнул его тюремщиков, они обменялись приветствиями и поговорили. Теперь было что-то совсем иное.

Еще шаг.

На этот раз он звучал более отчетливо, как если бы нервы дали о себе знать, осторожность иссякла, а нетерпение возросло. Харрисон желал его продвижения вперед. Любой, кто пробирался так тихо по сухой траве и шероховатым камням, любой, кто шел так осторожно, определенно не испытывал ни любви, ни дружбы к людям, которые караулили его в дальнем помещении амбара.

Долгое, жестокое и насмешливое молчание, длительная пустота были мучительны для напряженно слушавшего Харрисона.

Каждый звук ночи, доносившийся до него, он отторгал, потому что не слышал того, что надеялся услышать. Последний звук шагов был отчетливым, но, возможно, человек испугался и остановился, чтобы прислушаться прежде, чем двинуться дальше. Все тело Харрисона стало влажным от пота. Кто это был? Кто пришел? Кто стал бы добираться до этого места?

Громкий звук, крик, предупреждавший об опасности, грохот выстрела из пистолета, разорванное эхо донеслись до Харрисона, докатившись снизу.

В темноте, разорванной фонарем, Джанкарло увидел, как человек, находившийся ближе к нему, качнулся вперед, и крик замер у него в

горле. На минуту он увидел выражение глаз второго человека — оно походило на выражение глаз кролика, попавшего в свет фар, а потом в воздухе просвистела брошенная в Джанкарло табуретка, и то, что он сумел увернуться от нее, приняв всю силу удара в плечо, спасло его. Как огромное темное пятно, человек метнулся на фоне стены, но его движения были медлительны, проникнуты ужасом и лишены надежды. У Джанкарло оставалось время до того, как человек попытался дотянуться до обреза. Крепко держа Р38 обеими руками, он чертыхнулся, когда ствол его пистолета дрогнул и плечо дернулось от боли. Человек бросил на него последний взгляд без надежды на спасение и потянулся за дробовиком преодолевая последние дюймы. Джанкарло выстрелил, на всякий случай дважды, и увидел, как его мишень опустилась на земляной пол.

Харрисон слышал ответное хныканье, стон, мольбу, может быть молитву до того, как приглушенное рыданье сменилось молчаньем.

Он все еще оставался неподвижным, непонимающим, оцепеневшим.

Где-то внизу открылась дверь, скрипя и протестуя, петли ее не поддавались от старости. Цепь между его рукой и крышей держала его крепко, не оставляя надежды на спасение. Что там происходит? Такой шум не могла произвести полиция. Все происходило бы совсем иначе, если бы здесь оказались полицейские. Всюду были бы слышны голоса, крики и команды. Его окликнули по имени.

— Аррисон, Аррисон!

Ему трудно было осознать происходящее. Речь прозвучала медленно и как бы нерешительно, почти как просьба.

— Где вы, Аррисон?

Голос юношеский, нервный. Молодой итальянец. Они никогда не могли приспособить свой язык, чтобы произносить его имя правильно: ни в офисе, ни на деловых встречах, ни в лавках, куда он заходил вместе с Виолеттой. В нем поднимался страх, как у младенца, лежащего в темноте и услышавшего приход чужого. Отвечать или не отвечать, обнаружить себя или не откликаться?

— Где вы, Аррисон? Говорите, скажите, где вы, Аррисон!

Его ответ вырвался произвольно, у него не было больше сил молчать.

— Наверху. Я здесь.

— Иду, Аррисон!

В его тяжеловесном и спотыкающемся английском был оттенок гордости. Дверь царапнула по полу, шаги утратили свою осторожность.

— Там есть кто-нибудь еще, Аррисон? Их было двое. Есть там кто-нибудь еще?

— Только двое. Их было только двое.

Он услышал глухой стук лестницы, приставляемой к стене сеновала.

— Спускайся, мы не должны здесь оставаться.

— Я не могу двинуться, они посадили меня на цепь.

Достаточно ли его английского, чтобы незнакомец понял ответ?

— Я здесь узник.

Язык Харрисона против его воли приобрел выговор незнакомца, ему казалось, что так иностранец поймет его лучше.

Две руки цепко ухватились за что-то у его ног, и он мог уже различить силуэт мужчины, поднимавшегося к нему. Он съежился и подался назад.

— Не бойся меня. Не пугайся меня, Аррисон.

Слабый мягкий голос школьника, в котором еще сохранились следы начального обучения чтению. Пальцы, ищущие и нащупывающие, прошлись по всему его телу, скользнули по талии, вбок и вверх к под мышке, а затем по локтю и к запястью и к стальному браслету наручников. Трепетный огонек зажигалки. Даже это слабое пламя позволило Джеффри Харрисону различить лицо и черты юноши среди коротких теней падавших на него. Небритое, бледное лицо с живыми и блестящими глазами. Образ, вызвавший представление о запахе хлеба с чесноком и сэндвичах с салатом.

— Подержи.

Юноша сунул в свободную руку Харрисона зажигалку.

— Отвернись.

Харрисон увидел в полутьме, как юноша вытаскивает пистолет. Узник отвернулся. Его уши чуть не разорвались от звука выстрела, после которого давление цепи на его запястье исчезло. Боль обожгла мышцу у плеча, но, когда его рука качнулась, оказалось, что она свободно свисает вдоль тела.

— Дело сделано, — сказал юноша, и в пламени зажигалки он различил тень его улыбки, жесткой и холодной. Он потянул Харрисона к приставной лестнице. Спуск вниз был затруднен, потому что Харрисон старался не причинить неудобства больному плечу, а руки итальянца были заняты пистолетом и зажигалкой. Наконец под ногами Харрисона оказалась утоптанная земля, но пальцы юноши по-прежнему твердо сжимали его руку. У двери они остановились, пальцы скользнули к его запястью, где был острый обломок кольца наручников, перебитого пулей. Когда он упал на землю, раздался слабый звон.

— Люди, которые меня караулили...?

— Я их убил.

Лицо оставалось невидимым, информация показалась неуместной.

— Обоих?

— Да, я убил их обоих.

Снаружи Харрисон содрогнулся от ночного воздуха, как если бы испарина на его лбу вдруг превратилась в лед. Дуновение свежего воздуха коснулось его волос и сдуло их с глаз. Он споткнулся о камень.

— Кто вы?

— Не ваше дело.

Хватка на его запястье была крепкой и решительной. Харрисон вспомнил мимолетное видение пистолета и позволил увлечь себя по неровной, полной чертополоха траве поля.

* * *

Свидетели нападения растаяли и исчезли с мостовой при первых пронзительных звуках сирен скорой помощи. Остались немногие, чтобы изложить свою версию того, что произошло, и сообщить полиции, занявшейся следствием, свои имена и адреса. Посреди дороги, повернутая под прямым углом к двум потокам транспорта, стояла «Альфа» Веллоси, попавшая в засаду. Мауро, шофер, лежал, бледный как смерть поперек рулевого колеса, голова его находилась рядом с изрешеченным пулями затемненным ветровым стеклом. На заднем сиденье, был Веллоси, наполовину сползший на пол. Обе его

руки сжимали пистолет, и он не мог унять дрожь своего тела. Его спасла укрепленная армированная дверь. Над его головой задние стекла образовали калейдоскоп осколков, отразивших все краски. Хотя это стекло тоже было особо прочным. Столь быстрым, столь живым, столь пугающим был момент нападения. Восемь лет работы в Сквадро Антитерроризмо, когда он не раз видел такие же машины и тела, как сейчас тело Мауро, не могли подготовить его к такому происшествию. Все, что он мог себе представить прежде, никак не соответствовало этому. Даже во время войны, в песчаных дюнах Сиди Баррани под артиллерийским огнем англичан не было такого ощущения: в закрытой машине он чувствовал себя крысой, попавшей в ловушку, а над его головой грохотали выстрелы. Стреляли из автомата.

Машина эскорта уткнулась капотом под задний бампер машины Веллоси. В ней уцелели все, и теперь они рассыпались вокруг, не выпуская автоматических пистолетов. Один прикрывал открытую дверцу пассажирского салона. Другой стоял в двери лавки. Третий человек из охраны Веллоси находился прямо посреди улицы. Освещали фарами. В любую секунду он готов был выстрелить, если тела, распростерты на асфальте, поднимутся и, несмотря на кровь и раны, из которых вываливались внутренности, снова попытаются вступить в схватку.

Только когда полиция блокировала улицу, Веллоси открыл дверцу и вышел. Он казался старым, почти дряхлым, шаги его были тяжелыми. Шел он с трудом.

— Сколько их здесь? — спросил он через улицу человека, который был его тенью и хранителем все эти три года, а жена его готовила для него, и дети были его крестниками.

— Их было трое, капо. Все мертвы. Они слишком долго задержались — хотели удостовериться, что попали в вас.

Он вышел на середину освещенной улицы, а его люди поспешили сомкнуться вокруг него, желая, чтобы он ушел, но готовые считаться с его настроением. Он внимательно смотрел сверху вниз на лица этих мальчиков, рагаци, гротескных, в угловатых позах, с оружием, валяющимся рядом с их сжатыми кулаками, с глазами, из которых ушла ненависть и осталась одна мука. Его глаза закрылись, а мускулы на щеках напряглись, словно он старался почерпнуть силу из какого-то отдаленного источника,

— Вот этот, — он указал на фигуру в джинсах и рубашке, запачканной кровью. — Я встречал его. Я ел в доме его отца. Мальчик пришел домой до того, как мы сели обедать. Его отец — банкир, Директор Контрацциони Финанциари, одного из банков на Вил дель Корсо.

Он неохотно повернулся, медля уйти, и голос его был громким, когда он обратился через улицу и мостовую к тем немногим, кто собрался и наблюдал за ним.

— Эта сука Тантардини выплевывает свой яд на детей. Злобная грязная сука.

Сев на краешек заднего сиденья в машине эскорта, Франческо Веллоси отправился в свой офис в Виминали.

Свет фар отражался от придорожных сосен, отбрасывая в стороны испуганные тени. Маленький «фиат» с двумя дверцами прорывался сквозь чернильную ночь, оставляя позади себя гроздь огней Косовето. Джанкарло выжимал из мотора все, что возможно, несмотря на вой шин, скрип переключателя скоростей и трение плеча Харрисона о его собственное. Теперь его целью было избавиться от пустоты темных дорог и полей, силуэтов деревьев и одиноких ферм. Он был городским мальчиком и впитал с молоком матери страх открытых пространств сельской местности, где знакомство не ограничивалось известным углом улицы, местной лавкой или нависавшим, как башня, межевым знаком.

Он ехал по узкой дороге к Семинаре, почти нечувствительный к присутствию молчаливого человека рядом, который, возможно, разглядывал пистолет, покоившийся на полочке открытого ящика для перчаток. Это был Р38, готовый и согласный действовать, даже если его магазин и был слегка разгружен стрельбой в амбаре. В его недрах оставалось еще достаточно патронов, чтобы быть смертельным оружием. Он мчался через Меликуччу, объятый сном город, где мужчины и женщины отправлялись спать рано, отяжелев от местного вина и пищи. Через Меликуччу — и дальше, прежде чем самые чуткие из спящих могли повернуться и подивиться скорости машины, нарушавшей тишину ночи. Он резко свернул направо в Сента Анна, потому что это была дорога на побережье, ведущая к главной магистрали.

Твое дело только начато. Поверь в это, Джанкарло. Это начало путешествия. Ямы. трясины — все еще впереди. Он замедлил движение, когда они подъезжали к Семинаре, городу, где люди могли еще бодрствовать, где следовало соблюдать осторожность. Он изучал карту на поле возле амбара, знал, что в городе одна улица. На ней должна быть мэрия.

Это было огромное строение, но ветхое, — на ремонт не находилось денег. Тяжелые двери были плотно заперты, здание зажато,

как сэндвич, между другими домами у центральной площади. Оно было освещено уличными фонарями. Он затормозил, и человек рядом с ним подался вперед, вытянув руки, чтобы ослабить толчок.

— Выйди из машины, — сказал Джанкарло. — Выйди из машины и положи руки на крышу. И стой тихо, потому что на тебя направлен пистолет.

Харрисон вылез. Его плечо все еще болело. И сделал, как ему было велено.

Джанкарло наблюдал, как он выпрямился, как согнулся и тряхнул головой, словно решал внутренний спор с самим собой. Он подумал, не побежит ли Харрисон или же он слишком смущен и сбит с толку, чтобы действовать. Джанкарло держал пистолет в руке, и в его позе была не агрессия, а предупреждение о возможных последствиях. Харрисон увидит РЗ8 и не станет вести себя, как идиот. Движения англичанина были медленными, как у карпа, пойманного сетью после длительной борьбы. С этим человеком у него будет мало проблем. С полочки он взял карандаш и клочок бумаги, на одной стороне которой были сделаны, по-видимому, хозяином машины, записи о покупке бензина.

— У нас это не займет много времени, Харрисон. Не шевелись, потому что если ты пошевелишься, это будет неразумно с твоей стороны. Я объясню тебе позже.

Со стороны Харрисона ответа не последовало. Он начал писать твердой рукой, как его научил в средней школе Пескары преподаватель, гордившийся своей каллиграфической аккуратностью. Слова быстро ложились на бумагу. У него было достаточно времени в поезде, чтобы обдумать и сформулировать требование.

Коммюнике I Нуклеи Армати Пролетари

Мы взяли в заложники английского преступника, представляющего транснациональный капитал, Джеффри Харрисона. Все, кто работает, способствуя успеху транснационального заговора, будь то итальянцы или иностранцы, — являются эксплуататорами и помехой на пути чаяний рабочих и пролетарской революции. Враг Харрисон в настоящее время содержится в Народной

тюрьме. Он будет казнен в 9:00 по средневропейскому времени 27 числа сего месяца, послезавтра, если узница Франка Тантардини, содержащаяся в концентрационном лагере, не будет освобождена и ей не дадут возможности уехать из Италии. Никаких других коммюнике или предупреждений не будет. Если Тантардини не освободят, приговор будет приведен в исполнение без жалости.

В память Паникуччи.

Победа за пролетариатом. Победа за рабочими. Смерть и поражение буржуазии, капиталистам и транснационалам.

Нуклеи Армати Пролетари

Джанкарло перечитал свой текст, напрягая глаза, чтобы видеть его в тусклом свете. Франка бы высказалась бы так же. Она довольна им, вполне довольна.

— Аррисон, у тебя нет какого-нибудь документа? Конверта, водительских прав? Он ткнул пистолетом в сторону англичанина, чтобы придать вес словам, и в ответ получил тонкий бумажник из набедренного кармана. Там были деньги, но он не обратил на них внимания и вытянул пластиковый футляр с кредитными карточками. Еврокарта, Америкэн Экспресс, Дайнерс Клуб. Америкэн Экспресс — это как раз то, что нужно.

— Может быть, когда-нибудь ты получишь их назад, Аррисон. Подсунь их под дверь вместе с бумагой. Для тебя важно, чтобы их нашли рано утром. Подсунь аккуратно, карточка должна быть вместе с запиской. Это тоже очень важно.

Джанкарло сложил листок бумаги и написал на внешней стороне большими печатными буквами символ «НАП». Он передал бумагу и кредитную карточку своему пленнику. Тот подсунул обе бумажки под главную дверь офиса мэра Семинары.

— Теперь ты поведешь машину, Аррисон, и будь осторожен, потому что я буду следить за тобой и потому что у меня пистолет. Я убил троих, чтобы добиться своей цели, ты должен это знать.

Джанкарло Баттистини скользнул на пассажирское место, освободив место водителя для Джеффри Харрисона. Их остановка в центре Семинары отняла у них не более трех минут.

Оттого, что теперь Джеффри Харрисон вел машину, шок и ступор стали проходить, высвобождая его ум.

Ни один из них не пытался завязать беседу, и это давало возможность Харрисону полностью отдаться езде, в то время как юноша рядом с ним в темноте сражался с картой, складывая ее и отмечая их маршрут. В то время, как минуты убегали, дурное настроение Харрисона тоже таяло. Пока что он не получил от юноши никаких объяснений, все еще оставалось неясным, но теперь опасность не казалась такой близкой и неотвратимой. Однако он постепенно осознал новую ситуацию. То, как рука сжимала его запястье, говорило ему о многом, а именно — что он снова узник и находится под строгим надзором. Пистолет же сказал ему еще больше — это было свидетельство молниеносного нападения, ярости и решимости в достижении цели. Было еще предупреждение в Семинаре, высказанное так, будто в виду не имелось ничего дурного:

— Я убил троих, чтобы добиться цели.

Трое убитых, чтобы Харрисон мог свободно вести машину сквозь теплую ночь мимо дорожных знаков в города, о которых он не слышал, вдоль ограниченных фонарями дорог, по которым никогда раньше не путешествовал. Снова узник, во второй раз. Заложник, учитывая подsunутую под дверь записку, где излагались условия его выдачи.

И тем не менее он не чувствовал страха перед пистолетом и юношей со склоненной головой рядом с ним, потому что его способность приходить в ужас была исчерпана. Он не испытывал нетерпения услышать обещанное объяснение. Вот они миновали Лауреану, пронеслись мимо высохшего русла реки. Харрисон старался заставить «фиат-127» унести его прочь от воспоминаний об амбаре в Косолето и мужчин в капюшонах и сапогах, наносивших жестокие удары по его телу. По его расчетам до рассвета еще оставалось несколько часов. У него не было искушения пожаловаться. Но мозг его был затуманен необходимостью вести машину дорогой, по краю которой мелькали огни фонарей. Изредка его внимание ослабевало, и, когда он оборачивался, то видел юношу, сидящего со сложенными руками и пистолетом под локтем с дулом, направленным ему под мышку.

Час по дороге вниз от Семинаре мимо знака поворота на Пиццо, и наконец молчание было прервано:

— У вас нет сигареты? — спросил Харрисон.

— У меня их очень немного.

Достаточно откровенно, подумал Харрисон.

— Я не выкурил ни одной за последние несколько дней, понимаете? Мне бы очень хотелось хоть одну.

— У меня их очень мало, — повторил юноша.

Харрисон не отрывал глаз от дороги.

— Я не спрашиваю, что, черт возьми, происходит, я не устраиваю скандала. Я жду, чтобы мне рассказали все, когда вы сочтете время подходящим. Все, что я прошу — это сигарету...

— Вы говорите слишком быстро для меня. Я не понимаю.

Маленькая гадина, притворяется, что не понимает. Непонимание чужого языка — удобное прикрытие.

— Я сказал только, что, может быть, вы поделились бы со мной сигаретой.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду то, что я бы мог покурить и вы тоже, а пока мы будем курить, вы можете все мне рассказать.

— Мы оба могли бы выкурить сигарету?

— Насколько мне известно, у меня нет заразных болезней.

Юноша неохотно полез в нагрудный карман своей рубашки, и углом глаза Харрисон увидел красную пачку. Она была туго набита или все-таки нет? Да, его не назовешь щедрым, этого типа. Вспыхнул огонек зажигалки. Медленно тлеющий фитилек сигареты, казалось сводил его с ума.

— Благодарю вас, — сказал Харрисон очень отчетливо, когда юноша передал ему сигарету. Первый контакт, первое проявление человечности.

Губы Харрисона сомкнулись на фильтре, он с силой втянул дым в легкие и ослабил нажим ноги на акселератор.

— Благодарю вас, — повторил Харрисон с чувством.

— Теперь ваша очередь. В этом не будет ничего смешного, я буду вести машину, а вы говорить. Так?

Харрисон быстро перевел взгляд с освещенных дорожных знаков и линий на лицо юноши, и сразу же заметил признаки сосредоточенности и хмурую складку на его лбу.

— Вы должны продолжать вести машину, — впервые он ощутил в его голосе тлеющую враждебность.

— Дайте мне, пожалуйста, сигарету еще раз.

Одна отчаянная затяжка, как воспоминание о пьяных минутах в английском пабе, когда на прилавке пиво, а хозяин собирает пустые стаканы.

— Как ваше имя?

— Джанкарло.

— А другое ваше имя. Что это такое «Джанкарло»? — Харрисон говорил так, будто они беседовали от нечего делать, и ответ был чем-то неважным и тривиальным.

— Вам его незачем знать.

— Как вам угодно. Я буду звать вас Джанкарло. Меня зовут Джеффри.

— Я знаю, как вас зовут. Аррисон. Это ваше имя.

Трудное продвижение вперед. Будто бежишь вверх по песчаному холму. Помни о стрелке, если не хочешь, чтобы из твоей под мышки полился кетчуп.

— Куда вы хотите ехать, Джанкарло?

— Вы должны вести машину в Рим. — В голосе молодого итальянца проскользнула неуверенность. Ему не хотелось, чтобы кто-то раскусил то, что он задумал.

— А как далеко до Рима?

— Возможно, километров восемьсот.

— О Боже!

— Вы все время будете вести машину. Мы остановимся отдохнуть, когда наступит день.

— Это чертовски далеко. Вы не смените меня за рулем?

— Я наблюдаю за вами. Так же, как и пистолет. А, Аррисон?

Итальянец насмеялся над ним.

— Я не забываю о пистолете. Джанкарло. Поверьте мне, я об этом помню. '

Надо начать сначала, попытаться использовать другой подход, Джеффри.

— Но вы говорите со мной, иначе я усну. Если это произойдет, мы оба окажемся в канаве. Харрисон, Джанкарло и пистолет, все мы будем в канаве. Мы должны найти какую-то тему для разговора.

— Ты устал?

— Не скажу, что я вполне бодр и свеж. — Харрисон позволил себе малую толику сарказма. — Ну что ж, для начала можем поговорить о вас.

Машина подпрыгивала и виляла на неровной дороге. Даже автострада, гордость моторизованного общества, была в состоянии ползучего разрушения. В недавнее время эта ее часть была покрыта заново, и человек, ведавший контрактами, хорошо заплатил за помощь людям в красивых и модных костюмах, интересовавшихся такими проектами. За привилегию проезда машин в этот район он был вынужден поплатиться тем, что его прибыли сильно снизились. Пришлось экономить на слое вновь укладываемого на дорогу тармака, который портили зимние дожди. Харрисон приткнулся к рулю.

— Я сказал тебе, что мое имя Джанкарло.

— Верно, — Харрисон не отрывал взгляда от ветрового стекла и дороги. Запахи их двоих тесно смешались и переплелись, объединяя их в единое целое, до тех пор, пока они не станут неразлучными.

— Мне девятнадцать лет.

— Так.

— Я не из этой части страны, и не из Рима.

Харрисону больше не требовалось отвечать. Запруда прорвалась и атмосфера в маленькой машине давала надежду на то, что беседа будет продолжаться.

— Я боец, Аррисон. Я боец за права и чаяния пролетарской революции. Наша группа борется против коррупции и загнивания общества. Ты живешь здесь и знаешь то, что видишь своими глазами, ты часть пены, накипи, Аррисон. Ты приехал сюда как представитель транснационалов, ты здесь надзираешь за рабочими, но у тебя нет обязательств перед итальянскими рабочими. Ты для них как пиявка.

Попытайся его понять, Джеффри, потому что сейчас не время спорить.

— Мы видим, как народ угнетают гангстеры «Демократия Кристиана», и мы боремся за то, чтобы их уничтожить. Коммунисты, которые должны быть голосом народа, в кармане у ДК. — Юноша дрожал, когда произносил эти слова, — казалось, они причиняли ему физическую боль.

— Понимаю, Джанкарло.

— В день, когда тебя захватили в Риме калабрийские свиньи, я был с лидером нашей ячейки. Нас подкараулила полиция. Они схватили нашего лидера, увели ее в цепях и окружили, держа наготове пистолеты. С нами был еще один человек — Паникуччи. Сначала он не придерживался нашей идеологии, но потом проникся ею и стал лоялен к нам и верен, как отважный лев. Они застрелили Паникуччи как собаку.

— А где были вы, Джанкарло?

— На улице напротив. Она попросила меня принести газеты. Я был слишком далеко от нее и не мог помочь.

— Понимаю. — Харрисон говорил тихо, подделываясь под настроение юноши, настроение поражения. Он не должен его унижать.

— Я не мог помочь. Я не мог ничего сделать.

Скоро эта маленькая дрянь расплатится, подумал Харрисон. Если бы пистолет не упирался ему в ребра, Джеффри Харрисон смеялся бы до колик. Сага о чертовом героизме. Напротив через дорогу покупал газеты. И какую же медаль тебе за это выдать? Быстро проскочили дорогу на Вибо Валентиа, прогрохотали по мосту, внизу блестела вода изголодавшейся от засухи реки Месимы.

— Расскажите мне о той, которую вы называете лидером.

— Это Франка. Она наш вождь. Она их ненавидит и борется с ними. Они будут ее мучить во имя своего дерьмового демократического государства. Они мерзавцы и будут ее мучить.

— И вы любите эту девушку, Джанкарло?

Казалось, от этого вопроса весь запал юноши пропал, испарился, как газ из проколотого шарика.

— Я люблю ее, — прошептал Джанкарло. — Я люблю ее, и она любит меня. Мы были вместе в постели.

— Понимаю ваши чувства, Джанкарло. Понимаю вас.

Ах ты проклятый лжец, Джеффри, когда в последний раз ты любил женщину? Сколько времени? Не так недавно, не на прошлой неделе. Чертов лжец. В самом начале это было с Виолеттой, это отчасти напоминало любовь, а?

Да, отчасти напоминало...

— Она красива. Она настоящая женщина. Очень красивая, очень сильная.

— Понимаю вас, Джанкарло.

— Я вызволю ее, я ее освобожу.

Машина свернула следуя за поворотом дороги к шлагбауму. Руки Харрисона вцепились в руль, затекли, стали неподатливыми и неуклюжими.

— Вы собираетесь ее освободить?

— Мы освободим ее вместе, Аррисон.

Харрисон уставился на него, буравя его глазами, не забывая время от времени смотреть на дорогу... Ущипни себя, лягни себя в зад. Отбрось одеяло и оденься. Это просто кошмарный сон. А что же еще? Он знал ответ, но все-таки спросил.

— Как вы собираетесь это сделать, Джанкарло?

— Вы со мной, Аррисон. Мы вместе. Они вернут мне мою Франку. а я верну им вас.

— Это не сработает так, как вы рассчитываете. Больше не сработает... после Моро...

— Вам следует надеяться, что сработает.

В его голосе снова появились ледяные нотки.

— После дела Моро не сработает. Они не пойдут на переговоры.

— В таком случае дело оборачивается плохо для вас, Аррисон.

— Где были вы, когда это случилось с Моро?

— В Римском университете.

— И что же, там не было никаких газет, черт бы их побрал?

— Я знаю, что случилось.

Харрисон почувствовал, что самоконтроль покидает его и постарался преодолеть себя. Его глаза больше не были прикованы к дороге, он повернул голову к юноше. Их носы, лица, небритые щеки, — все это было почти рядом, почти нераздельно.

— Если это ваш план, то он безумен.

— Это мой план.

— Они не примут его, это ясно и ребенку.

— Они сдадутся, потому что они слабы и мягкотелы, они расслабились, ожирели от излишеств. Они не могут выиграть, им не под силу бороться с мощью пролетариата. Они не могут противостоять революции рабочих. Когда мы уничтожим систему, об этом дне будут говорить.

Боже, как его убедить? Харрисон сказал спокойно, подчеркивая важность слов интонацией:

— Они не пойдут на уступки...

Юноша закричал:

— Если они мне ее не вернут, тогда я убью вас.

Вопль загнанной в ловушку горной кошки, и по подбородку Джанкарло потекла струйка слюны.

Боже мой, это не могло быть правдой. Не могло случиться с Джеффри Харрисоном. Он должен был как-то избавиться от его злобы и ненависти.

Харрисон резко подал машину вправо, нажал на тормоз и свистнул в унисон со скрипом шины. Машина остановилась. Пистолет теперь оказался у его шеи, вплотную прижатый к вене за ухом.

— Заводи двигатель, — прошипел Джанкарло.

— Веди машину сам, — пробормотал Харрисон, вжимаясь в свое сиденье и сложив руки на груди.

— Поезжай или я застрелю тебя...

— Как тебе угодно.

— Послушай, Харрисон. Слушай, что я скажу.

Рот вплотную приблизился к его уху, словно соревнуясь с пистолетом. Дыхание было горячим и порывистым.

— В Семинаре, в городской ратуше я оставил записку. Это коммюнике «Нуклеи Армати Пролетари». Когда его найдут, то прочтут очень внимательно. Это произойдет утром, когда придут люди. Рядом с запиской твоя карточка. По ней они поймут, что я захватил тебя, а позже утром они найдут амбар. Это будет подтверждением того, что я сообщаю правду, потому что они увидят там тела. Ты мне больше не нужен, Харрисон. Ты мне больше не нужен, пока они будут считать, что ты у меня. Я говорю ясно?

Так почему же он этого не делает, недоумевал Харрисон. Он, что, совсем лишен принципов и сострадания? Харрисон решил не спрашивать. Пистолет сильнее прижался к его коже, и сопротивление стало ослабевать. Ты ведь не поддашься запугиванию, Джеффри? Харрисон двинул рычаг передач, повернул ключ зажигания, и машина тронулась.

Позже они поговорят, поговорят, но не сейчас. Пройдет много минут, прежде чем они поговорят снова.

В том месте, где залегли карабинеры, поблизости от двухэтажной виллы Антони Маззотти они без труда могли подслушать рассказ женщины хозяину дома. Она была в состоянии, близком к истерике, и говорила, заикаясь. Разговор происходил прямо у входной двери. На ней было платье из хлопчатобумажной ткани, на плечах шерстяной платок, на ногах резиновые сапоги — все это она, по-видимому, набросила в спешке. Человек, с которым она говорила, был в пижамных брюках, поверх был надет халат. Наступила короткая пауза, во время которой Маззотти исчез в доме, оставив женщину одну. Лицо ее было на свету, так что карабинеры, хорошо знавшие население в округе, могли ее узнать. Когда Маззотти снова появился у двери, он уже был одет и нес двухствольный дробовик.

Пока они быстро шли вниз по дороге и по лесной тропинке, женщина крепко держалась за руку Маззотти, и значительную часть своего рассказа шептала ему в ухо, что помешало им услышать шаги людей, одетых в камуфлированные формы. Она слышала выстрелы в амбаре, а она знала, что ее муж должен был там дежурить ночью, знала, что он оставался в амбаре по поручению сеньора Маззотти. О том, что она там увидела, она говорить не могла, но от ее воя проснулись деревенские собаки.

Маззотти не делал попытки заставить ее замолчать, — чудовищность того, что она рассказала, потрясла и ошеломила его.

Когда карабинеры вошли в амбар, женщина бросилась ничком на тело мужа, ее руки ласкали его чудовищно обезображенную голову, она прижималась лицом к отверстию на виске величиной с монету. Маззотти, ослепленный светом фонарей, уронил дробовик на земляной пол. В затхлую комнату принесли еще фонари и нашли второе тело, лицо убитого было искажено изумлением и ужасом.

Дежурных оставили в амбаре до рассвета, а капитан поспешил со своими узниками к джипу.

Через несколько минут после прибытия в казармы Пальми, офицер позвонил в Рим, узнал номер домашнего телефона Джузеппе Карбони от несговорчивого ночного дежурного и поговорил с полицейским.

Карбони дважды задал один вопрос и дважды получил убийственный ответ.

— Там была цепь, свешивавшаяся с потолочной балки, а на ней часть разбитых наручников. Это было место, где они, должно быть, держали англичанина, но, когда мы пришли, его там не было.

* * *

Одинокая машина на пустой дороге, быстро несущаяся по Ауто дель Соль. Это было где-то близко к щиколотке Италии, позади остались ее каблук и пальцы ног. На большой скорости Джеффри Харрисон и Джанкарло Баттистини направлялись в Рим. Джеффри, Джанкарло и Р38.

Арчи Карпендер наконец уснул. Его комната в отеле была чудовищно жаркой, но у него не было желания жаловаться дирекции гостиницы на плохую работу кондиционера. Он выпил в ресторане больше, чем рассчитывал.

Майкл Чарлзворт искупал свою вину тем, что все время поддерживал уровень спиртного в стакане Карпендера. Сначала джин, за ним последовало вино, потом местный бренди. Речь шла о струнах, которые нельзя было трогать, об ограничениях действий и инициативы. Они долго и допоздна говорили о странном поведении миссис Харрисон, известной им обоим, которая вела себя так, как никто бы не стал себя вести в подобной ситуации, во всяком случае так они считали.

— Она невозможна, совершенно невозможна. Я просто не мог с ней разговаривать. Все, что я получил за то, что взял на себя труд прийти, был поток оскорблений.

— Это еще что, — сказал Карпендер, ухмыляясь. — Она чуть не изнасиловала меня.

— Это бы внесло некоторое разнообразие. Она, видимо, совсем помешалась.

— Я туда больше не пойду, во всяком случае, пока не втолкну в дверь старину Харрисона, прямо на нее, а потом убегу.

— Интересно, почему она не выбрала меня, — сказал Чарлзворт и принялся за работу над бутылкой бренди.

* * *

Виолетта Харрисон крепко спала. Она спала тихо и спокойно на постели, которую неделю за неделей, месяц за месяцем разделяла с мужем. Она легла спать рано, сбросив с себя всю одежду после бегства человека из Главной Конторы. Надела новую ночную рубашку, шелковую, отделанную кружевом, которая плотно облегла ее бедра. Она хотела спать, хотела отдохнуть, чтобы утром ее лицо не было изборождено морщинами усталости, чтобы вокруг глаз не было вороньих лапок.

Джеффри бы понял. Джеффри не осудил бы ее. Джеффри, где бы он ни был, не стал бы ее винить, не бросил бы в нее камня. Она больше не будет поздно задерживаться на пляже.

Широко разметав ноги, она крепко спала в эту ясную, яркую звездную ночь.

* * *

Держа маленькие фонарики, чтобы видеть дорогу, неуверенно передвигаясь, спотыкаясь, Ванни и Марио шли по лесной тропинке к скале над линией деревьев.

Молва о том, что случилось в амбаре и на вилле капо, быстро разнеслась в столь маленьком селении, как Косолето, но известие передавалось осторожно, как движение по нити, сплетенной пауком: тихий стук в дверь, слово, брошенное из окна или через улицу, или по телефону в тех домах, где были установлены такие приборы. Ванни наскоро набросил одежду, шепнул жене, куда отправляется, и побежал к дому Марио.

Они знали эту тропинку с детства, но скорость их бегства была такова, что не могло обойтись без синяков на щиколотках, царапинах на руках и непристойностей, которые они изрыгали гортанными голосами. За деревьями тропинка сужалась, становясь похожей на козью тропу, и для того, чтобы пройти, им приходилось высоко поднимать руки, раздвигая кусты.

— Кто там мог быть?

Ванни пожал плечами, не видя смысла в том, чтобы отвечать.

— Кто знал об амбаре?

Марио пожирала непроходящий шок и удивление — Безусловно, карабинеры не могли...

Ванни набрал воздуха в легкие: — Конечно.

— Так кто же это мог быть?

Ободренный ответом, Марио возобновил свои расспросы.

— Никто из деревни не осмелился бы это сделать. Они бы побоялись вендетты.

— Никто из нашей местности не сделал бы этого, никто, кто знает капо...

— Так кто же это мог быть?

— Кретин, откуда мне знать?

Они возобновили подъем, хотя шли медленнее и осторожнее, направляясь к пещере под откосом, тайном убежище Ванни.

После пяти утра осторожный стук в дверь разбудил Франческо Веллоси. На чердаке Виминале были угловые помещения, сделанные в потолке, где могли спать люди, дорожившие временем и имевшие его не очень много. После нападения он работал допоздна, успокаиваясь от вида бумаг, и ни он, ни его охрана не радовались тому, что он должен ехать обратно домой. И даже смерть его шофера Мауро не избавила его от желания побыть в уюте собственной квартиры. Поскольку стучавший проявлял упорство, он разрешил ему войти. Сидя на постели почти голый, со всклокоченными волосами и щетиной на подбородке, выросшей за несколько часов, он попытался сконцентрировать все свое внимание на посланце, с кожаной папкой в руках. Человек попросил извинения, он был полон раскаяния, что помешал дотторе. Ему передал папку человек из отдела операций, находившемся в подвальном помещении здания. Он ничего не знал о ее содержимом, его просто послали с поручением. Веллоси протянул руку, взял папку и махнул курьеру, что тот свободен. Когда дверь закрылась, он начал читать.

Это была объяснительная записка, написанная дежурным офицером, человеком, который не стал бы зря тратить время капо. Рабочие, которые должны были приходить в мэрию Семинаре в Калабрии в четыре часа утра, нашли эти бумаги. Послание, воспроизведенное и переданное по телексу, было тем текстом, который

они нашли вместе с кредитной карточкой Америкэн Экспресс на имя Джеффри Харрисона.

Для него было делом нескольких секунд — понять содержание коммюнике. Боже, сколько их еще придет, таких бумажек? Сколько еще времени будет продолжаться мука этих нелепостей в жизни бедной побитой потрепанной Италии? После дела Моро неужели все это начнется снова? Одеваясь одной рукой, бреясь электрической бритвой, розетка для которой была предусмотрительно помещена рядом с раковиной в ванной, Веллоси спешил навстречу приближающемуся дню.

Эти дураки должны знать, что уступок не будет. Если они не проявили слабости даже ради одного из влиятельнейших государственных деятелей Республики, неужели они теперь сломаются из-за какого-то бизнесмена, иностранца, жизнь которого, если пойти на их условия, не принесет никаких изменений? Идиоты, дураки, сумасшедшие — вот кто эти люди.

Почему?

Потому, что они должны знать, никаких уступок быть не может. А что, если их расчет правилен? Что, если их анализ болезней и страданий Италии был более точен и глубок, чем расчет Франческо Веллоси? Что, если они поняли, что страна не могла больше вынести напряжения ультиматумов, назначенных крайних сроков и фотографий предполагаемых вдов?

Понимал ли он силу Государства?

Они освободят Франку Тантардини только через его труп. Выпустить эту суку из Фьюмичино, поступиться ради нее конституцией... Нет, пока он на своем посту, пока он глава отдела по борьбе с терроризмом, — этого не будет. Плохо побритый, со все растущим раздражением он направился к лестнице, которая должна была привести его в офис. Его помощники будут еще дома в постелях. На рассвете встреча с министром, с прокурором, с генералами карабинеров, с людьми, ведающими делом Харрисона в Квестуре, — все это должно быть спланировано им самим.

Это дело может оказаться дорогой к инфаркту, сказал Веллоси себе, прямой и безошибочной дорогой. Он споткнулся на узкой ступеньке и громко выругался, ощущая свое бессилие.

Первые полосы света пробились и легли на подножия холмов и сереющую в полумгле дорогу прямо перед Харрисоном и Джанкарло. Кисть, пропитанная акварельными красками, легко прикоснулась к земле, разбавив мрак и смягчив его. Это был мрачный час наступающего дня, когда люди, не спавшие ночью, страшились часов иссушающей жары, что последуют за ним. Они ехали вниз по спирально спускавшейся с холмов дороге к пляжам Салерно.

В течение более чем часа они не разговаривали. Каждый был окутан своим непроницаемым злобным молчанием. Эта боязливая тишина поддавалась только убаюкивающему биению маленького мотора.

Харрисон размышлял, спал ли юноша — его дыхание было неровным, время от времени рядом с ним начиналось беспокойное движение. Это означало, что итальянцу неудобно и неспокойно. Может быть, думал он, попробовать разоружить его? Может быть. Солдат, человек действия, рискнул бы сделать резкое движение, быстро затормозить и так же быстро выхватить Р38. Но ты, Джеффри, не способен на это. Единственное бурное проявление его природы ограничилось тем, что он опрокинул ведро на одного из своих тюремщиков в амбаре. И то, что однажды он дал Виолетте пощечину. Только раз, но сильную. И это все Джеффри, это весь твой опыт агрессивных действий. В твоём химическом составе нет материи, из которой делаются герои, а вместо слова «герои» следует читать «чертовы идиоты». Джеффри Харрисон никогда в своей жизни не встречал искренне преданного делу «активиста» орудия политической борьбы. Это было нечто новое, о чем у него были весьма смутные и ограниченные представления. Да, он видел фотографии в газетах, и даже много их. Разыскиваемые полицией преступники захваченные преступники в наручниках, мертвые на мостовой. Но все эти образы в его памяти не имели никакого отношения к этому юноше.

Они не были глупы, в том числе и он. Он разработал план и выполнял его. Нашел тебя, когда половина полицейских сил в стране

занималась тем же и опоздала. Это не детище трущоб из развалюх с берегов Тибра. Трущобный парень не стал бы спорить, он просто убил бы за то, что Джеффри остановил машину.

— Джанкарло, я очень устал. Нам надо кое о чем поговорить. Если мы не будем разговаривать, я не смогу удержать машину на дороге.

Никакого внезапного движения, когда тишина в машине была нарушена. Значит, юноша не спал. Значит не было и возможности действия, от чего Харрисон почувствовал себя даже лучше.

— Ты ведешь машину очень хорошо, мы уже проехали больше половины пути. Много больше половины.

Голос юноши звучал бодро, он был готов к беседе.

Харрисон попытался его прощупать.

— Вы студент, Джанкарло?

— Был.

Для ответа достаточно, но ничего не дает.

— Что вы изучали?

Развлекай эту маленькую свинью, развлекай его и забавляй.

— Я изучал психологию в Римском университете. Не закончил первого курса. Когда студенты моего класса сдавали свои первые экзамены, я уже был политическим заключенным в тюрьме Реджина Коэли. Я входил в группу борьбы. Я боролся против буржуазной администрации, когда фашистская полиция посадила меня в тюрьму.

Неужели они не владеют другим языком, подумал Харрисон. Неужели их умственные способности атрофировались до того, что они могут только компилировать лозунги и манифесты?

— Откуда вы, Джанкарло? Где ваш дом?

— Мой дом был в тайном укрытии. Я жил там с Франкой. А до этого мой дом был в крыле «Б» тюрьмы Реджина Коэли, там где были мои друзья.

Харрисон спрашивал, не думая. Он был слишком усталым, чтобы выбирать слова, его горло пересохло и болело даже от такого ничтожного усилия.

— Где ваши родители, где вы провели детство? Это то, что я понимаю под словом «дом».

— Мы пользуемся разными понятиями, Аррисон. Я это не зову своим домом. Я был в путах...

И снова теплая слюна брызнула в лицо Харрисона.

— Я очень устал, Джанкарло. Я хочу разговаривать с вами без стычек. Я хочу вас понять. Но вам не обязательно говорить со мной на этом жаргоне.

Харрисон зевнул — не ради эффекта, не ради жеста.

Джанкарло громко рассмеялся. И это было первый раз, когда Харрисон услышал богатые дисконтные переливы.

— Ты притворяешься дураком, Аррисон. Я задам тебе вопрос. Ответишь правду, я буду тебя знать. Ответь мне — если бы ты был мальчиком в Италии, если бы ты пользовался привилегиями ДК, и однажды увидел детей в лохмотьях в населенных бедными кварталах, если бы ты увидел жалкие больницы, если бы ты увидел богатых, играющих на виллах и развлекающихся на яхтах, если бы ты увидел все это, ты не стал бы в ряды борцов? Это мой вопрос, Аррисон. Ты не стал бы борцом?

Теперь быстро рассветало, солнечные лучи ложились на дорогу, на автостраде появились другие машины. Они мчались мимо в ту и другую сторону.

— Я не стал бы борцом, Джанкарло, — сказал Харрисон медленно, и в нем снова всплыло ощущение сокрушающей усталости, а глаза его замигали от света фар, — У меня бы не хватило мужества сказать, что я прав и что мое слово — закон. Мне нужен был бы более веский аргумент, чем этот чертов пистолет.

— Поезжай и внимательно следи за дорогой.

Это было похоже на нападение рассерженной осы. Как если бы в гнездо ткнули палкой и поворошили бы ею в нем, вызвав ярость роя.

— Ты научишься у меня мужеству, Аррисон. Ты ему научишься в девять часов, если свиньи, на которых ты работаешь, как раб, не пойдут на уступки...

— Девять часов утра, — сказал Харрисон, как бы откуда-то издали, сосредоточив все свое внимание на хвостовых огнях перед ними, — Ты дал им слишком мало времени.

— Время только, чтобы они определили, чего ты заслуживаешь. — Теперь налево были двоящиеся огни Неаполитанской бухты. Харрисон повернул направо, следуя за белыми стрелками на дороге, показывавшими на север, в сторону Рима.

Еще один рассвет, еще одно яркое свежее утро, и Джузеппе Карбони, оживший от вкуса лимона во рту, прибыл на такси в Виминале.

* * *

Давно он не бывал в Министерстве. В течение многих месяцев у него не было причины покинуть непрестижную Квестуру ради величия «высокого стола», здания, где размещались Министр внутренних дел и его аппарат. Его подбородок упирался в галстук, глаза в башмаки, когда он расплачивался с шофером. Это было место, где только идиот чувствовал себя в безопасности, где ножи были наточены, а критика остра. Здесь правили бал социологи, криминологи и пенологи, и вопросы решались благодаря университетским дипломам и квалификации в соответствии с воспитанием и связями, потому что отсюда было недалеко до власти, настоящей власти, которой Квестура и не знала.

Карбони провели по лестнице вверх, дебютанта, посвящаемого в науку танца. Его настроение было скверным, а ум маловосприимчивым, когда он добрался до двери Веллоси, который его вызвал.

Он знал Веллоси по его званию и репутации. В Публика Сикурецца это имя было хорошо известно и связано с представлением о высокой честности и твердости, служившими к его украшению. Это было имя человека, начавшего чистить сточные каналы преступлений Реджио Калабрия, который санкционировал большое число арестов и не дрогнул перед запугиванием. Но сплетни приписывали ему и другие качества: что он наслаждался одобрением общества и искал света камер, микрофонов и блокнотов журналистов. Сам Карбони сторонился всего, что было связано с публичностью, и подозрительно относился к быстро завоеванным лаврам.

Но человек за письменным столом вызывал у него симпатию.

Веллоси был без пиджака, очки спущены на кончик носа, сигарета между губами мятая и влажная. Он держал ее с видом утомленного любовника. Галстук его был развязан, а пиджак висел на стуле на другом конце комнаты. Не было запаха лосьона для бритья. Не пахло

дезодорантом, а пепельница перед ним была полна окурков. Веллоси изучал бумаги громоздившиеся на письменном столе. Карбони подождал, потом кашлянул, это было обязательным напоминанием о его присутствии.

Глаза Веллоси остановились на нем.

— Докторе Карбони, благодарю за то, что пришли и так скоро. Я ожидал, что вы приедете не раньше, чем через час.

— Я приехал, как только оделся.

— Как вы знаете, Карбони, из этого офиса я руковожу делами подразделения по борьбе с терроризмом.

Дальше пошла скороговорка:

— Если можно разделить преступления таким образом, то можно сказать, что я ведаю скорее политическими, чем уголовными делами.

Было ощущение, что их время истечет прежде, чем они выяснят причину своей встречи. Карбони это не беспокоило.

— Мне кажется, я имею представление о работе, которой руководят из этого офиса.

— А теперь оказалось, что наши пути пересеклись, что случается редко. Редко уголовная деятельность бывает сплетена с терроризмом.

— Но это случилось, — ответил Карбони, уклончивый, наблюдательный, похожий на птицу на насесте.

— Похитили англичанина. Это случилось два дня назад. Я не ошибаюсь? — Подбородок Веллоси покоился на его руках, и он пристально смотрел через стол на англичанина из одной транснациональной компании, которая ведет свои дела в Италии. — Пожалуйста, скажите мне, Карбони, что вы думаете об этом деле?

Здесь было от чего насторожиться. Карбони помолчал, прежде чем ответить:

— У меня нет основания считать, что похищение не было работой уголовников. Стиль, скудные описания очевидцами людей, которые участвовали в похищении, говорят о возрасте, необычном для политических преступников. Они были в возрасте тридцать лет или старше. Требование выкупа было сделано в такой форме, что мы не могли не связать его с более ранними случаями похищения, далее была установлена связь с офисом торговца землей из Калабрии. Нет ничего, что заставило бы меня усомниться в том, что это уголовное преступление.

— Вам повезло. Вы много успели.

Карбони расслабился. Сидевший напротив говорил, как нормальное человеческое существо, отбросив мысли о своем более высоком ранге. Человек из Квестуры почувствовал, что он может выражать свои мысли свободно.

— Прошлой ночью мне удалось договориться с карабинерами из Пальми установить поблизости от Реджио наблюдение за этим торговцем землей. Его имя Маззотти. Он из деревни Косолето. Имеет связи с местными политиками. Я действовал, не имея ордера из магистрата, но время поджимало. Если мне будет позволено сделать отступление, то я хочу вам сообщить, что вчера в Римском пансионе нашли человека, забитого до смерти... Он привлекался к ответственности за похищения людей. Его семья из Косолето. Но я хочу вернуться к нашей теме. Карабинеры вели себя безукоризненно.

Карбони позволил себе слегка улыбнуться.

— Карабинеры следовали за Маззотти до амбара. Его привела туда женщина, услышавшая ночью какой-то шум. Там был убит ее муж, его застрелили с близкого расстояния в упор, второго человека тоже убили. Там обнаружили примятые охапки сена, а также цепь со сломанными наручниками. От них освободились с помощью выстрела из пистолета. Но следов Харрисона мы не нашли.

Веллоси кивнул головой: с картины сняли покров, а потом ее снова затянули занавесом.

— И какое же вы, Карбони, сделали заключение из всей этой информации?

— Кто-то пришел в амбар и убил двоих мужчин, потому что он решил забрать Харрисона и использовать его в каких-то своих целях. Его не собирались спасать, потому что с юга не поступало сообщений о прибытии Харрисона в полицию или в казармы карабинеров. Я проверил это, прежде чем уехать из дома. Пока еще у меня нет окончательного заключения.

Глава отдела борьбы с терроризмом качнулся вперед, понизил голос и сказал заговорщицким голосом, будто в этой комнате кто-нибудь мог их подслушивать:

— Прошлой ночью на меня было совершено нападение. Была устроена засада недалеко от моего дома. Мой шофер убит.

По тому, как лоб Карбони прорезали суровые морщины, Веллоси понял, что его собеседник ничего не знал об этом вечернем кошмаре и был до крайности изумлен.

— Мне посчастливилось уцелеть, я не получил ни царапины. Мы опознали свиней, которые убили моего шофера. Это наповцы, Карбони. Они были молодые, неопытные и поэтому умерли.

— Поздравляю вас со спасением, — прошептал Карбони.

— Я оплакиваю своего шофера. Он был моим другом много лет. Я считаю, что на меня напали в отместку за задержание этой женщины Франки Тантардини, которую захватил мой отряд в Корсо Франсиа. Она злобная сука, Карбони.

Спокойствие Карбони вернулось к нему.

— Ваши люди добились многого.

— Я еще ничего не сказал вам. Прежде чем оценивать мои действия, послушайте. Есть городок Семинара. Это в Калабрии. У меня нет карты, но, я уверен, что он недалеко от Косолето. Мы это выясним. Час назад под дверью мэра было обнаружено рукописное воззвание, скорее заявление. Оно не напечатано, но написано разборчиво. Исходит от НАП. К этой бумаге приложена кредитная карточка Харрисона. Они убьют его завтра утром в девять часов, если Тантардини не будет выпущена на свободу.

Карбони присвистнул. Весь воздух вышел из его легких. Он вертел ручку в пальцах обеих рук. Его блокнот оставался девственно чистым.

— Я допускаю такую возможность, Карбони. Наповцы добрались до вашего человека Клаудио. Получили от него информацию. Захватили Харрисона в месте, где его держал Маззотти. Теперь опасность для англичанина гораздо серьезнее.

Склонив голову, Карбони сидел на стуле совсем тихо, словно его ударили чем-то тяжелым по голове.

— Что было сделано сегодня утром, чтобы предотвратить их побег?

— Ничего не было сделано.

Изо рта Веллоси послышалось нечто, напоминающее рычание. Щеки его покраснели, как обожженные, а кожа на висках побелела.

— Ничего не было предпринято, потому что до тех пор, пока мы не сели за стол вместе, по этому вопросу не было диалога. У меня нет

армии. У меня нет власти над полицией и карабинерами. У меня нет ничего, чем я мог бы помешать бегству преступников. Я выдаю вам наповцев, а вы мне место, где спрячутся беглецы, и теперь мы можем начать игру.

Карбони говорил печально, опасаясь вызвать неудовольствие начальства.

— У них преимущество в пять часов по сравнению с нами.

Он покачал головой, как бы умножая в уме мили и минуты.

— Они уже могли проехать сотни миль в скоростной машине. Им открыто все Меццо Джиорно...

Он умолк, подавленный.

— Поднимите на ноги местных карабинеров, полицию, вдохните в них немного огня, пусть почувствуют, что под ними горячо.

Теперь Веллоси уже кричал, пожираемый идеей своей миссии. Каждый пункт своей речи он подкреплял ударом кулака по столу.

— Но это не входит в мою юрисдикцию...

— Чего вы хотите? Следовать всем правилам, и Харрисон окажется завтра в пять минут десятого утра мертвым в канаве. Отправляйтесь к себе на пятый этаж в Квестуру. Приведите в действие все свои компьютеры, все машины, пусть поработают.

Уступая, Карбони сказал:

— Могу я позвонить по вашему телефону, дотторе?

— Пожалуйста, и сразу же отправляйтесь. Вы не единственный занятый человек сегодня утром. Через сорок минут здесь будет Министр...

Карбони уже был на ногах, приведенный в состояние боевой готовности. Своими быстрыми потными пальцами он листал записную книжку, ища телефон Майкла Чарлзворта из Британского Посольства.

* * *

Раннее солнце не допускалось в приемную виллы Волконски. От него защищали опущенные шторы. Самый изысканный фарфор из коллекции редких фарфоровых изделий, принадлежавшей жене посла, был убран из комнаты, потому что вчера здесь был небольшой прием, а жена опасалась даже легких прикосновений своих гостей к этим

вещам. Однако здесь оставалось еще достаточно экземпляров, чтобы удовлетворить любопытство Чарлзворта и Карпентера, стоявших близко друг от друга в полумраке. Они приехали в резиденцию без приглашения и позже других, подстегнутые звонком Джузеппе Карбони. Карбони рассказал Чарлзворту все, что ему стало известно ночью. Дипломат выехал немедленно, захватив по дороге Карпентера. Слуга в белом пиджаке, не скрывая своего неодобрения в виду позднего часа, впустил их.

— Если бы мы сообщили ему с дороги по радио, — сказал Чарлзворт, сидя в машине, — то к нашему приезду были бы воздвигнуты баррикады, и он не впустил бы нас до начала работы в офисе.

Раздражение посла было очевидно. Он вошел в комнату, не пытаясь его скрыть. Лоб его был нахмурен, а подбородок выдавался вперед, и ястребиные глаза, зажатые между лбом и подбородком, как начинка сэндвича, выдавали досаду. Одет он был наспех — пиджак отсутствовал, были видны подтяжки, поддерживавшие брюки. Начало беседы было резким.

— Доброе утро, Чарлзворт. Я понял из вашей записки, которую вы послали мне навех, что вы хотели видеть меня по очень важному делу. Давайте не будем тратить попусту время.

Чарлзворт не дрогнул после того, как в него был выпущен этот заряд.

— Я привез с собой Арчи Карпентера. Он офицер службы безопасности Интернейшнл Кемикл Холдингз в Лондоне...

Глаза его превосходительства блеснули, и это было его единственным приветствием.

— ...мне только что позвонил дотторе Карбони из Квестуры. В деле Харрисона возникли тревожные и неприятные осложнения...

Карпентер сказал спокойно:

— Мы сочли, что вы должны знать о них, невзирая на неудобство этого часа.

Посол бросил на него взгляд, потом снова повернулся к Чарлзворту.

— Так давайте обсудим ситуацию.

— Полиция все время считала, что Харрисон был похищен мафией. Этой ночью выяснилось, что теперь он уже в руках другой

организации, а именно — «Нуклеи Армати Пролетари».

— Что вы хотите этим сказать?

— Что силы НАП насильственно отбили Харрисона у его похитителей, — сказал Чарлзворт терпеливо.

— Полиция предлагает такую версию? И мы должны этому верить? — Это было сказано с убийственным сарказмом.

— Да, сэр, — снова вмешался Карпендер. — Мы верим этой версии, потому что в морге на спине лежат трое, и это нас убеждает. Двое погибли от огнестрельных ранений, а третьему разбили голову.

Посол попятился, кашлянул, вытер голову носовым платком и махнул своим гостям, указывая на стулья.

— Каков же мотив? — спросил он просто.

В разговор вступил Чарлзворт.

— НАП требует, чтобы завтра к девяти часам утра итальянское правительство выпустило арестованную террористку Франку Тантардини...

Посол, сидевший далеко от них на затейливом резном стуле, подался вперед:

— О, мой Бог... Продолжайте, Чарлзворт. Ничего не смягчайте.

— Итальянское правительство должно выпустить арестованную террористку Франку Тантардини, а иначе Джеффри Харрисон будет убит. Через несколько минут Министр внутренних дел проведет свой первый брифинг. Я полагаю, что через двадцать минут вас пригласят в Виминале.

Все еще покачиваясь, обхватив голову своими усталыми старыми руками, Посол размышлял. Ни Чарлзворт, ни Карпендер не прерывали его мыслей. Соппротивление было сломлено. В течение целой минуты в молчании зрели ростки идей. Это молчание вызывало ощущение неловкости: Чарлзворт почувствовал, что его галстук повязан не так аккуратно, как следовало бы. Карпендер смотрел на свои нечищенные башмаки и развязавшийся шнурок.

Посол встряхнулся, как бы сбрасывая тяжесть.

— Решение должно принять итальянское правительство. Любое вмешательство, любой нажим с нашей стороны были бы неправильно поняты.

— Так вы предлагаете умыться руки в деле с Харрисоном? — Карпендер почувствовал, что краснеет, когда задавал этот вопрос. В

нем поднимался гнев.

— Я не думаю, что посол имел в виду именно это... — с несчастным видом вмешался Чарлзворт.

— Благодарю вас, Чарлзворт. но я сам могу пояснить свое высказывание, — сказал посол. — Мы не умываем руки. Не оставляем мистера Харрисона на милость судьбы, как вы выразились, мистер Карпентер. Мы просто считаемся с реальностью местных условий.

— Когда это было только уголовным делом, когда речь шла только о выкупе, о деньгах, тогда мы были готовы взаимодействовать...

— Ваша компания была готова вести переговоры, мистер Карпентер. Британское Министерство Иностранных дел оставалось в стороне.

— Какая, черт возьми, разница между выкупом в пару миллионов долларов и свободой одной женщины? — Из-за этого проклятого бренди, которым Чарлзворт его накачал, Карпентер не мог управлять собой и своей речью и соперничать с этим маленьким самодовольным трезвым ублюдком, сидевшим напротив. Он почувствовал свое бессилие.

— Не кричите на меня, мистер Карпентер.

Посол был холоден и отчужден на своем пьедестале.

— Ситуация, действительно, изменилась. Прежде, как вы справедливо заметили, речь шла только о деньгах. Теперь к этому добавляются принципы, а также суверенное достоинство Республики Италия. Немыслимо, чтобы правительство склонилось перед столь грубо выраженной угрозой и выпустило врага общественного порядка, женщину масштаба Тантардини. В равной степени немыслимо, чтобы правительство Великобритании оказывало давление в этом деле.

— Я снова повторяю, вы умываете руки в вопросе о судьбе Джеффри Харрисона. Вы готовы стать свидетелем того, как его принесут в жертву «достоинству Италии», какой бы дьявольской чепухой это ни оправдывалось.

Карпентер посмотрел на Чарлзворта, ища в нем союзника, но тот предвидя это, отвел взгляд.

— Благодарю вас, джентльмены, благодарю за то, что вы потратили свое время. Мне жаль, что вас потревожили и что ваш день начался чересчур рано и так скверно.

Карпентер встал, в углах его рта была пена.

— Вы толкаете нашего человека в болото, надеваете на него цепь и думаете, что все это чертовски замечательно.

Черты посла являли собой бесстрастную маску, он поудобнее уселся на своем стуле.

— Мы только учитываем реальное положение дел, считаемся с ситуацией. Реальность диктует нам единственный вывод: если в этом деле будут проигравшие, из двоих придется выбирать кого-то одного. Джеффри Харрисона или Республику Италию. Жизнь одного человека имеет меньшее значение, чем длительный вред, который может быть нанесен общественному порядку и политической ситуации великой демократической страны. Вот как я это себе представляю, мистер Карпентер.

— Это куча дерьма...

— Ваша грубость не оскорбляет меня и не помогает Харрисону.

— Думаю, нам пора идти, Арчи. — Чарлзворт уже стоял. — Увидимся позже в офисе, сэр.

Когда они вышли на солнечный свет и направились к машине, Чарлзворт увидел, что по лицу Арчи Карпентера катятся слезы.

* * *

В течение нескольких минут Харрисон наблюдал, как стрелка на индикаторе уровня горючего подрагивала, упираясь в левый угол циферблата, показывая, что горючее на исходе, что его почти нет. Пусто. Он раздумывал о том, как отнесется юноша к его сообщению о том, что скоро машина станет бесполезной. Как лучше поступить — надо ли его поставить в известность о том, что их движению угрожает неминуемое препятствие, или просто продолжать вести машину до тех пор, пока мотор не начнет кашлять и не замрет. Все зависело оттого, чего хотел он сам: сражения или временного сохранения ситуации. Скажи ему, что они вот-вот остановятся на бесплодном и жестком уступе и, возможно, итальянец не впадет в панику, а задумается, что предпринять. От неожиданного препятствия юноша может сломаться, у него начнется кризис, а это опасно из-за присутствия Р38...

Тот же вечный вопрос, Джеффри, та же прежняя ситуация. Противостоять или поддаться? Ничего половинчатого. И тот же

вечный ответ, Джеффри. Не раскачивай, не качай маятник. Не опрокидывай ведро нечистот ему в лицо, потому что это кратчайший путь к боли, а пистолет рядом и заряжен.

— Нам не удастся ехать дальше, Джанкарло.

Хотя Харрисон говорил тихо, в безмолвии машины слова его раскатились, как гром. Юноша рядом с ним выпрямился, изменив позу. Дуло пистолета глубже зарылось в ребра Харрисона, как бы требуя объяснений.

— У нас почти на исходе бензин.

Голова мальчика в кудрявых спутанных волосах метнулась мимо груди Харрисона, чтобы посмотреть на циферблат. Харрисон подался назад на своем сиденье, освободив для него пространство, и услышал, что его дыхание участилось.

— Там немного осталось, в этой старушке, Джанкарло. Возможно, всего на несколько миль.

Юноша поднял голову, его свободная рука почесала подбородок, как если бы это могло вызвать вдохновение, подсказать правильное решение.

— Это не моя вина, Джанкарло.

— Молчи, — огрызнулся юноша.

Было слышно только дыхание, смешивавшееся с ровным мурлыканьем маленького мотора, и для Харрисона тоже наступило время размышлять и взвешивать. За столь разными фасадами мужчина и юноша таили одинаковые мысли. Повлияет остановка на безопасность путешествия? С каким риском для Джанкарло это сопряжено: возможно ли его опознание и преследование? Возрастает ли возможность побега для пленника? Но решение предстоит принимать не только юноше, но и тебе, Джеффри. Ему не удастся сохранить такую же бдительность, если вас остановят на дороге при проезде мимо пункта сбора дорожной пошлины, когда вы будете искать заправочную станцию. На горизонте замаячили возможности, возможность побега или борьбы. Потом он выстрелит.

Непременно?

Полной уверенности нет, но такая вероятность остается.

Это недостойный выход из ситуации — ползком, трусливо.

Ради Христа, это ведь, черт возьми, не состязание в мужестве. Речь идет о моей чертовой жизни. Ведь в мой живот упирается Р38.

Над моей шеей навис топор. Сейчас не время красивых жестов.

Нет, ты не решишься сопротивляться, сражаться. Может быть, только, если представится стопроцентная возможность.

— Мы повернем от Монте Кассино.

Джанкарло очнулся от своих грез и прервал внутренний спор Харрисона с самим собой.

Высоко над ними, справа от автострады, горделиво возвышался монастырь — прибежище вдов из разных стран, мужья которых пали много лет назад на полях сражений. Машина рванулась мимо дорожных знаков поворота

Джанкарло приподнялся на сиденье, вытащил из набедренного кармана пачку денег.

— Я не подумал о бензине, — засмеялся он суетливо и нервно. Теперь кран был закручен до отказа: ни струйки слабости из него не пробивалось.

— Аррисон, не глупи. Ты заплатишь пошлину за право проезда по автостраде. Пистолет все время будет нацелен на тебя. Тебе плевать, что случится со мной, но ты должен думать о себе. Если сделаешь глупость, умрешь. То, что и я умру, тебе не поможет. Понимаешь, Аррисон?

— Да, Джанкарло.

Харрисон вывернул руль направо, почувствовав, как под ним шуршат шины. У ворот пункта сбора дорожной пошлины он затормозил. Джанкарло снова сел на свое место и расправил свой легкий пиджак, чтобы нижняя часть руки не была заметна. Дуло пистолета с силой уткнулось в бок Харрисона.

— Не вступай в разговор.

— А что, если со мной заговорят? — спросил Харрисон, заикаясь. Напряжение, исходившее от юноши, было заразительным.

— Если будет нужно, я сам с ним поговорю... Смотри, если ты что-то задумал, я убью тебя.

— Я знаю, Джанкарло.

Возможно, но только если представится случай. Ты ведь знаешь ответ, Джеффри. Он нажал на тормоз, когда кабина пункта сбора дорожной пошлины замаячила перед ним. Почти отвернувшись, он протянул банкноту в окошечко.

— Grazie.

Этот голос испугал Харрисона. Снова контакт с реальной и непрекращающейся жизнью, с чем-то ясным и знакомым. Его взгляд последовал за рукой, он не увидел лица. Оно не появилось в поле его зрения он видел только руку, темную, покрытую волосами, с грязной, запачканной жиром ладонью. Эта рука приняла у него деньги и исчезла, а потом появилась снова с горстью монет в ладони. Такого случая больше не представится. В бок ему упирался пистолет, а человек даже не видел их лиц. Голос за его спиной был пронзительным:

— Una staxione de servizio, per benzina?

— Cinquen cento metri.

— Grazie.

— Prego. [9]

Шлагбаум подняли, Харрисон включил мотор. Может, ему надо было что-то предпринять? Но дуло пистолета по-прежнему давило на него, царапало кожу. Для тех, кто не знает, что это такое, все нормально. Пусть бы они посидели здесь, на его месте, и нашли собственный ответ на вопрос о том, что такое трусость.

Через несколько минут впереди загорелись огни бензозаправочной станции, мешаясь с лучами восходящего солнца.

— Ты точно следуешь моим инструкциям.

— Да, Джанкарло.

— Поезжай к дальней колонке.

В том месте, где было потемнее от заслонявшего солнце здания, Харрисон остановился. Джанкарло ждал до тех пор, пока он не нажал на ручной тормоз, переведя машину на нейтральный ход, прежде чем выдернуть ключи зажигания. Потом резко распахнул дверцу со своей стороны, захлопнул ее и затрусил вокруг машины, пока не оказался у дверцы со стороны Харрисона. Он приспустил свой анорак на талию и закутался в него с невинным видом, не вызывающим никаких подозрений.

Харрисон увидел человека в синем комбинезоне, неспеша шедшего навстречу машине.

— Venti mila lire di benzina, per favore.

— Si. [10]

Заглянет ли он в машину, заставит ли любопытство, взлелеянное долгими часами одиночества, отвернуться от юноши, стоящего рядом с

дверцей водителя, и поинтересоваться тем, кто сидит в машине? Теперь как раз наступает спасительный момент, Джеффри. Теперь, только теперь, не жди следующего случая.

Как?

Распахни дверцу, врежь ею по телу Джанкарло. Ты собьешь его с ног, он упадет, поскользнется. На сколько ты выведешь его из строя? Этого будет достаточно для того, чтобы убежать. Наверняка? Ну, не наверняка. Но это шанс. А как далеко ты успеешь убежать, прежде чем он снова окажется на ногах? На пять метров? Потом он выстрелит. И не промахнется, нет, этот малый не промахнется... А кто здесь есть еще, кроме полусонного идиота с закрытыми глазами?

Джанкарло передал человеку деньги и подождал, пока он отойдет. Потом зашипел в окно машины:

— Я сейчас обойду машину. Если ты двинешься, буду стрелять. Сквозь стекло, это не препятствие. Не двигайся, Аррисон.

Джеффри Харрисон почувствовал, как по его коленям и голениям, растекается страшная слабость, захватывая и желудок. Он смочил языком губы. Ты бы уже был мертв, Джеффри, если бы попытался что-то сделать. И ты это знаешь. Разве нет?

Ему казалось, что он это знает. Казалось, что он ведет себя разумно, как умный человек, ответственность которого подпитывается образованием и опытом. Не упустил ли он единственный шанс?

Когда они миновали монастырь на Монте Кассино, Джанкарло приказал Харрисону свернуть с автострады. Они быстро проехали маленький городишко, похожий на безликий кроличий садок, и направились на север. Миновали мрачное кладбище времен войны, где были похоронены немецкие солдаты, павшие в боях задолго до рождения Джанкарло и Харрисона. Вскоре машина затерялась среди изгородей из дрока, покрытых ярко-желтыми цветами. Конечно, сюда могли забрести пастухи, присматривавшие за стадами коз, но, по мнению Джанкарло, можно было рискнуть. Наконец, они могли отдохнуть среди травы, буйного чертополоха и кустов на склонах холма. Рим лежал на расстоянии ста двадцати пяти километров. Они проделали большой путь и хорошо развлеклись.

Когда машина остановилась, Джанкарло стал действовать стремительно.

С гибким шнуром, который он нашел в отделении для перчаток, в одной руке, и пистолетом — в другой он последовал за Харрисоном между кустами дрока. Он велел ему опуститься на землю, беззлобно толкнув в живот, потом, встав на колени и держа пистолет между ног, связал его руки за спиной. Потом то же самое проделал с ногами, туго стянув их шнуром в щиколотках. Для верности завязав узел, он отошел на несколько шагов и шумно помочился в траву. С запозданием спохватился, что не предоставил этой привилегии англичанину, но пожал плечами и выбросил это из головы. Он не испытывал к своему узнику никаких чувств. Этот человек был только средством, которое поможет ему приблизиться к его Франке.

Глаза Харрисона уже были закрыты, дыхание стало глубоким и ровным, потому что он заснул. Джанкарло наблюдал, как медленно поднимались и опадали его плечи. Он положил пистолет на траву и погладил пряжку на поясе, а потом эластичную подкладку на поясе трусов. Франка. Дорогая, сладостная, прекрасная Франка. Я иду, Франка. Мы будем вместе, всегда вместе, Франка, и ты будешь меня любить за то, что я сделал для тебя. Люби меня, моя прекрасная. Люби меня.

Джанкарло опустился на траву. Солнце играло на его лице. Подул легкий ветерок. Было слышно, как в траве гудят насекомые, а в кустах поют птицы. P38 был под рукой, и юноша был предельно спокоен.

Спящий Джанкарло выглядел совсем ребенком, измученным, усталым, с издерганными нервами. Он свернулся калачиком. Его подлинный возраст выдавала только чрезмерная худоба. Левая рука закрывала лицо от поднимающегося солнца, а правая зарылась в траву. Пальцы затерялись в листьях и стеблях, по-прежнему твердо сжимая рукоять Р38.

Он видел сны.

Он грезил об успехе, о подвигах. В его лихорадочном мозгу толпились картины триумфа. Мужчины в синих «фиатах», несущиеся со своим эскортом к общественным зданиям столицы, прокладывая путь сквозь лавины камер и микрофонов с гневными словами на устах. Комнаты, синие от густого дыма и споров, где все разговоры о Джанкарло Баттистини и Франке Тантардини и НАП. В воздухе — кризис. Кризис, зародыш хаоса. Кризис, посеянный и зачатый семенем маленького лисенка. Перед государственными мужами уже разложены бумага и перья приготовленные помощниками. Официальные печати с орлами будут всей тяжестью давить на каракули подписей... Будет отдан приказ, освобождена Франка, вырвана из рук врага рукой ее возлюбленного. Такой приказ будет отдан, в сонном и беспокойном мозгу Джанкарло это не вызывало сомнений. Потому что он сделал так много... он зашел так далеко.

Он сделал так много, и они не могли лишиться его удовольствия получить награду. Среди образов спящего в поле юноши был еще один. Тюремные ворота, закрывающие небо и затеняющие улицу и двери, которые медленно распахнутся, отворяемые против их воли руками Джанкарло. Там была колонна полицейских машин, звучали сирены и горели огни полицейских мигалок, и в это июльское утро свет был ярким-ярким, в утро освобождения и возвращения его Франки. Она сидела среди них, как королева. В ее глазах было презрение к дубинкам и пистолетам.

Это будет величайшая победа, которую когда-либо одерживало движение НАП. Он любил себя, любил свой сон. И во сне Джанкарло

стал шарить правой рукой, стараясь удержать воспоминание о Франке, о ее теле и омытой солнцем коже.

Но чары рассеялись. Зеркало треснуло. Сон отлетел со скоростью тигра, потревоженного у водооя, пятно света, воспоминание и рябь. Потерянный и разбитый, он исчез, был разрушен. Дрожа от гнева, Джанкарло сел.

— Джанкарло, Джанкарло, — звал его Джеффри Харрисон. — Я хочу помочиться, но не могу с этими путами.

Харрисон увидел ярость на лице юноши, вены на его шее рельефно обозначились. Напряженность чувств этой маленькой свиньи напугала его. Он попытался отползти назад, чтобы избежать столкновения.

— Мне надо помочиться, Джанкарло. Я прошу не так уж много.

Юноша встал, с минуту не совсем уверенно держась на ногах, потом собрался с силами. Он огляделся кругом, рассматривая окрестности, словно они были ему совсем незнакомы и ему надо было их оглядеть, чтобы убедиться в собственной безопасности. Он разглядывал длинную полосу, уходящую к горизонту, поля и отдаленные строения ферм мысленно деля их на сектора, чтобы изучить внимательнее. Харрисон видел, что юноша хорошо отдохнул, сон оживил его. В его спокойствии было что-то медлительное, напоминающее неторопливость рабочего, и вместе с тем что-то очень зловещее. Харрисон подумал: лучше было намочить штаны, чем будить его.

Джанкарло подошел к нему, его ноги легко ступали по упругой траве, избегая камней. Его рука с пистолетом была вытянута, он целился в грудь Харрисона.

— Не беспокойся, Джанкарло, я не играю в героя.

Итальянец подошел к Харрисону сзади. Отчетливо слышался шорох его шагов.

— Будь хорошим мальчиком, Джанкарло. Ты не знаешь, как это бывает. Я сейчас лопну, черт возьми...

Удар правой парусиновой туфли Джанкарло был свирепым. Носок врезался ему в спину, в плоть, образующую защитную стенку, предохраняющую почки. Боль была мгновенной, за первым пинком последовал еще один, сопровождавшийся столь же острой болью. Все они слились в один удар, и Харрисон повалился на бок.

— Ты маленькая свинья. Подлая... злобная... маленькая свинья...

Слова вылетали с выдыхаемым воздухом, голос был напряженным хриплым, Харрисон не мог глубоко вздохнуть. Снова боль — последствия побоев в амбаре были еще чувствительны. Боль прежних ушибов смешивалась с болью новых. Харрисон посмотрел вверх в глаза юноши, в них было что-то животное, примитивное. Где они их делают, этих чертовых ублюдков? Где эта поточная линия? Где фабрика, штампующая этих омертвевших, черствых и жестоких людей. Где этот чертов камень, под которым выводятся эти змееныши?

Медленно и осторожно юноша нагнулся за спиной Харрисона и, не отрывая дула пистолета, образующего вмятину на гладкой и безволосой коже за ухом, свободной рукой стал развязывать шнур. Это было делом нескольких минут, и Харрисон почувствовал, как освободились его запястья и лодыжки, и в них заструилась кровь. Он не стал дожидаться, когда ему разрешат встать, и неуверенно поднялся на ноги, затем пьяной походкой прошел полдюжины шагов и расстегнул молнию. Мощно бьющая струя и благо опорожнения. Вот к чему это теперь свелось: десять минут переговоров, побои, пистолет, приставленный к затылку — и все из-за того, что он хотел помочиться. Его столкнули в выгребную яму, низвели до состояния животного. Он смотрел вниз на прозрачную, отражающую свет лужицу у своих ног, и через минуту с изумлением увидел между двумя небольшими волнами черты своего озабоченного и напряженного лица.

Джеффри, мы хотим домой. Мы не бойцы, старина, мы не похожи на тех, кто может сидеть в преддверии ада под ударами и толчками ветра. Мы — бедный маленький бизнесмен, которому плевать на эксплуатацию, революцию и права пролетариата, бедный маленький чертов бизнесмен, который хочет бороться только за выработку, продукцию и сырье, за то, что дает возможность оплачивать летний отпуск и одежду для Виолетты и добыть еще несколько гиней, чтобы их можно было добавить к вдовьей материнской пенсии. Это не наша война, Джеффри, не наша чертова борьба.

Харрисон встряхнулся, качнулся, застегнул молнию и повернулся так, что смог посмотреть за спину. Его движения были осторожными, рассчитанными на то, чтобы не вызвать тревоги. Джанкарло наблюдал за ним, бесстрастный и столь же эмоциональный, как свежесмысленная стена. Они оба, лишенные чувства родства и

взаимной симпатии, смотрели друг на друга. Он убьет тебя так же легко, как раздавил бы стрекозу, Джеффри, и это не вызовет у него никаких чувств, не потревожит его сна. Вот почему он не расположен к общению, потому что ублюдок не нуждается в нем.

— Что мы будем делать теперь? — спросил Харрисон слабым голосом.

Джанкарло засмеялся, открывая рот так, что Харрисон увидел пломбы на его зубах и почувствовал зловоние его дыхания. Так, — подумал Харрисон, — евреи шли в телячьи вагоны на запасных путях без борьбы, демонстрируя покорность своим стражам. Понимаешь теперь, Джеффри, как они отказывались от сопротивления? У тебя нет мужества, парень. И ты знаешь это, и это мучительно.

Он открыл дверцу машины. Джанкарло обошел вокруг и Р38 занял привычное положение, упершись в его ребра.

Харрисон направил машину к дороге.

* * *

В свете фар, которые на фоне яркого утра казались бледными, белая «альфетта» спустилась по пологому гребню с шоссе за Виминале. Точно такая же машина с непрозрачными, как бы затуманенными стеклами толщиной в полдюйма и с укрепленным корпусом следовала сразу же за ней. Она походила на обеспокоенного терьера, который боится упустить добычу. Единственный среди членов итальянского правительства, Министр внутренних дел отказался от синего, как полночь, «фиата-132» после похищения Президента своей партии. Для него и его телохранителей был выделен пуленепробиваемый транспорт. Как-то министр прилюдно заявил, что ему отвратительна герметически закрытая капсула, в которой его перевозили из части города в другую в разгар душного лета. Но после хора протестующих голосов и нападения на столь уязвимую машину Моро и уничтожения его эскорта, состоявшего из пяти человек, вкус и предпочтения Министра уже не имели особого значения.

Под завывание сирен и в сопровождении мотоциклистов «альфетта» прорывалась вперед. Шофер сторбился, сконцентрировав все свое внимание на дороге, левая рука его лежала на руле, правая

свободно покоилась на переключателе скоростей. Рядом с шофером старший охранник Министра баюкал на коленях свой короткоствольный автоматический пистолет, рядом находился запасной магазин, еще два лежали на полу между его ступней.

Для Министра и его гостя, Британского Посла, беседа была трудной. Каждый держался за страховочный ремень со своей стороны салона. Посол ехал по приглашению Министра, его попросили присутствовать в последнюю минуту. Будет ли ему угодно послушать отчет о деле бизнесмена Харрисона во время переезда от офиса министра до резиденции Премьера? Где-то позади среди римских улиц затерялся посольский «роллс-ройс», который должен был забрать посла из Палаццо Чиги.

Будучи общественными деятелями, оба были одеты в строгие костюмы. На итальянце был красный шелковый галстук поверх синей рубашки. Посол предпочитал широкие цветные полосы, соответствовавшие его кавалерийской форме времен войны. Оба задыхались от жары в закрытой машине, и Министр не скрывал раздражения тем, что стал причиной неудобства своего гостя. Но посол отмахнулся от его извинений и слегка щелкнул языком, чтобы показать, что эту проблему обсуждать неуместно.

В отличие от многих своих коллег Министр говорил по-английски бегло, лишь с небольшим средиземноморским акцентом. Он был образованным и просвещенным человеком, профессором права, автором многих книг. Дорогой он объяснял послу сложившуюся ситуацию.

— Итак, сэр, мы теперь столкнулись с другим кошмаром. Нам предстоит еще одно путешествие в бездну отчаяния, как и после убийства нашего друга Альдо Моро, хотя мы надеялись, что это никогда больше не повторится. Для всех нас здесь, в Совете министров и в Директорате «Демократия Кристиана» решение отвернуться от нашего друга было горьким и мучительным. Тогда мы все молили о знаке свыше. Все, сэр. Мы все ходили в церковь напротив на Пьяцца Гезу и все, как один, опускались на колени и молили Бога о знамении. Если он ниспослал его нам, то в особой форме. И его посланцем оказался Берлингуэр, генеральный секретарь Коммунистической Партии, который сообщил, что взаимопонимание между нашей партией и его, находящееся в зачаточном состоянии, не выдержит

шатаний. Коммунистическая Партия поставила условие: никаких уступок Красным Бригадам. Требование выпустить тринадцать заключенных, названных ими, было отвергнуто. И шанс спасти одного из великих людей нашей страны, был нами упущен. Кто может сказать на чьей стороне оказалась победа, а на чьей поражение в нашей борьбе с «бригадовцами»?

Министр промокнул пятно пота на шее надушенным носовым платком. Запах одеколona был достаточно ощутим, чтобы оскорбить обоняние посла. Монолог с изложением ситуации сегодняшнего дня продолжился:

— Теперь мы снова должны принимать решение. И прежде всего решить, будем ли следовать тем же правилам, что и прежде, или наш ответ будет иным. В данном случае заложник — не итальянец, он не общественный деятель, которого можно было бы обвинить в нынешнем состоянии общества, в несчастьях, постигших страну. Не буду их перечислять. Перейду к природе требования выкупа. Требуют выпустить только одну узницу, только одну. На тринадцать мы не могли согласиться, но это мы, пожалуй, можем проглотить, хотя кость застрянет в горле.

Посол задумчиво раскачивался на своем сиденье. Они срезали путь по извилистому холму от Квиринале и с шумом пронеслись, пересекая Пьяцца Венеция и распугивая туристов, похожих в своих джинсах и коротких рубашках на рои саранчи. На этой стадии посол не может себе позволить дать ответ, не может до тех пор, пока от него не потребуют высказать его особое мнение.

Министр вздохнул, как если бы надеялся, что бремя его ответственности разделят, и с сожалением понял, что должен продолжать.

— Нам было бы крайне огорчительно потерять вашего мистера Харрисона и просто нестерпимо выпустить эту женщину Тантардини. Мы считаем, что должны сделать все, что в наших силах, чтобы спасти мистера Харрисона. Дилемма состоит в том, заключает ли эта формула «все, что в наших силах», вмешательство в процесс судопроизводства, направленный против Тантардини.

Посол созерцал свои руки, лежащие на коленях.

— С учетом того, господин Министр, что решение должно исходить от итальянского правительства.

— Вы предоставляете решение вопроса нам одним?

Посол отозвался, как бы отвечая затверженный урок:

— Все остальное было бы грубейшим вмешательством во внутренние дела давнего и уважаемого друга.

Министр улыбнулся, но как-то мрачно и безрадостно.

— У нас очень мало времени, господин Посол. Поэтому мои вопросы вам будут кратки. Чтобы не было никаких недоразумений.

— Согласен.

Министр попробовал свой вопрос на вкус прежде, чем его задать. Это был главный вопрос, ради которого он пригласил Посла сопровождать его.

— Есть ли вероятность, что Правительство Ее Величества обратится к нам с призывом пойти на сделку с этой женщиной Тантардини, чтобы спасти жизнь Харрисона?

— Весьма маловероятно. — Ответ Посла был уверенным и решительным.

— Мы бы не хотели принять какой-либо план действий, а потом получить от Уайтхолла просьбу поискать иной подход.

— Повторяю, Министр, это весьма маловероятно, чтобы мы просили освободить Тантардини.

Министр посмотрел на Посла своими измученными голубыми глазами. Его рот выражал недоумение.

— Вы жесткие люди... Вы высоко цените принципы. В нашем обществе они не имеют особой цены.

— Мое правительство не считает правильным потакать требованиям террористов.

— Я предложу Вам другую гипотезу. Если мы откажемся вступать в переговоры с наповцами о возможности предоставить свободу Тантардини и в результате этого Харрисон умрет, сильно ли будут нас критиковать в Британии за нашу жесткую линию, «ля линия дура», как мы это называем?

— Весьма маловероятно. — Посол выдержал вопросительный взгляд Министра, не дрогнув. Его ответ был четким, как пистолетный выстрел.

— Мы не сильная страна, Посол, мы предпочитаем обходить препятствия, попадающиеся на пути. Мы не обладаем ментальностью

вашей кавалерии и не бросаюся на врага с саблями наперевес. Мы предпочитаем с ним не встречаться...

Машина остановилась, шофер и телохранитель откинулись назад чтобы отпереть задние дверцы. Снаружи в вымощенном камнем дворе Палаццо Чиги Посол вдохнул чистый, свежий воздух и промокнул руки о складку на брюках.

Министр, не переставая говорить, деловито повел Посла в центр двора, где светило яркое солнце и не было никого, кто мог бы подслушать их разговор.

Министр крепко держал Посла за локоть.

— Без просьбы вашего правительства у нашего кабинета нет даже предлога обсуждать возможность вариантов для Тантардини. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Конечно.

— Вы цените принципиальную точку зрения?

— Мы ценим именно такой подход, — ответил Посол спокойно и без эмоций.

Министр продолжал нажимать:

— Принцип... даже, когда единственно, кто выиграет, окажется Республика Италия...

— Тем не менее это будет важно для нас. — Посол поправил галстук, ослабив его. — Сегодня рано утром ко мне приходил человек, представитель фирмы Харрисона, и я сказал ему то же, что и вам. Он назвал меня Пилатом, сказал, что я умываю руки, не принимая участия в судьбе этого человека. Возможно, он прав. Я могу только высказать свое мнение, но думаю, что оно будет ратифицировано Лондоном.

Министр, все еще мрачный, не выпуская руки Посла, сказал:

— Если Вы отказываетесь освободить Тантардини, я не думаю, что мы еще увидим Харрисона.

Посол серьезно кивнул, принимая эту точку зрения.

— Я передам ваше мнение в Уайтхолл.

Двое мужчин стояли рядом, Посол был намного выше. Высоко над ними портреты на старинных фресках, равнодушно взирали на них, как бы игнорируя их столь не важные для хода истории планы. Оба вспотели, но были слишком заняты разговором, чтобы вытирать бисеринки пота.

— У нас есть взаимопонимание, друг мой. Я скажу своим коллегам, что Британская сторона не просит о сделке, как и о какой-либо торговле или переговорах... И что бы ни случилось... на нашей стороне победа принципов...

Посол прервал его речь коротким придушенным смешком:

— Я уверен, что Министерство обороны послало бы специальное подразделение, как это было сделано в случае с Моро. Оно могло бы быть здесь уже сегодня днем, если бы только это могло помочь.

Министр, казалось, фыркнул, выразив свое мнение о бессмысленности таких действий, и направился к широким ступеням лестницы Палаццо.

* * *

Те, кто в это утро пришел поздно к своим письменным столам на второй этаж здания в Виминале, убедились, что коридоры и офисы стали местом повальной оживленной деятельности. Веллоси сновал по комнатам, выясняя, насколько бюрократам и полицейским необходимы их рабочие места и драгоценные телефоны, и в тех случаях, когда не находил удовлетворительного ответа, отдавал приказания очистить места и сажал тем своих подчиненных. К десяти он обеспечил себе пять дополнительных помещений, все они находились недалеко от его собственного офиса, так что его люди могли услышать его, если бы он их позвал. Техники из подвала были заняты: они протягивали сеть кабелей и проводов, ставили передатчики и приемники, которые обеспечивали бы постоянный доступ к контрольному центру Квестуры и офису Карбони. Кое-кто из обездоленных слонялся в коридорах. Они выглядели прилизанными в своих костюмах и чистых рубашках и сладко улыбались, глядя на суету и движение тех, кто участвовал в работе, кипевшем рядом с ними. Они давали себе клятву добиться того, чтобы голову Веллоси принесли на блюде, если ему не удастся доставить Джеффри Харрисона свободным и невредимым к следующему утру. Обычно такого в Виминале не наблюдалось. Шум, повышенные голоса, телефонные звонки, радиосигналы — все смешалось и слилось в коридоре. Веллоси метался среди источников этой неразберихи. Он сказал судье, что тот — помеха и препятствие

делу, генералу карабинеров, что, если он не пошлет подмогу в Косолето, то ему очень скоро придется уйти в отставку, упрямому редактору самой крупной социалистической газеты в городе, что его голову следовало бы спустить в унитаз, и чтобы он не путался под ногами, и послал за новой порцией сигарет, кофе и сэндвичей.

Операция и расследование были начаты в лихорадочном темпе, обескураживавшем всех, кто был в стороне от этого эпицентра деятельности. Все те, кто принимал в ней участие и те, кто праздно наблюдал, прикрывая рукой усмешку, могли согласиться в одном: настроение на втором этаже здания Виминале было из ряда вон выходящим, хотя очень немногие знали содержание телефонной беседы Веллоси с Министром, говорившим из приемной конференц-зала в Палаццо Чиги. Только круг доверенных лиц был в курсе этой беседы, тех, кто проявил твердость и на кого Веллоси мог положиться, если бы ему потребовались совет или помощь.

Он хлопнул телефонной трубкой, опуская ее на рычаг, едва пробормотав слова благодарности Министру, и обратился к тем, кто находился в комнате с ним рядом.

— Они твердо стоят на своем, наши власть имущие. Люди вилянья и компромисса выдерживают свою линию. Тантардини остается в своей камере и будет там гнить.

Те четверо, что его слушали, поняли значение этого политического решения и улыбнулись друг другу улыбкой мрачного удовлетворения, затем опустили плечи, подняли брови и положили свои блокноты и справочники внутренних телефонов.

По мере того, как его команда суежилась, задавала вопросы и кричала в телефоны, начала поступать информация. Формы и образы начали возникать из калейдоскопа тайны и тупиков, с которых начался день. Фотографии наповцев, находившихся на свободе, были разложены на столе портье пансиона, где было найдено тело Клаудио. Он не хотел быть замешанным в это дело, этот пожилой человек, работа которого требовала, чтобы он держал язык на привязи и выбрасывал из памяти все, что видел. Он просмотрел множество фотографий, не проявляя к ним никакого интереса, лишь бормоча что-то о несовершенстве своей памяти, о том, что она его подводит. Однако проблеск интереса свел на нет его нежелание сотрудничать, и детектив увидел то, что портье пытался скрыть, — этот интерес выдал его. То

была работа полицейского фотографа — на обороте фотографии было напечатано имя Джанкарло Баттистини и информация о нем.

Какое имя он назвал? Какой документ предъявил? Что было на нем надето? Когда он прибыл? В какое время? Когда покинул пансион? Эти вопросы посыпались на старика в линиялой форме, пока наконец его сдержанность не была преодолена и он не рассказал полиции то, что она хотела знать. Полученная информация внесла новое оживление в группу Веллоси, подстегнула их нравственное чувство и заставила продолжать действовать.

— Это недалеко от станции, — орал Веллоси по телефону, обращаясь к мажжиоре Пубблика Сикурецца, — Совсем рядом со станцией этот пансион. Покажите фотографию Баттистини в кассах, работникам на платформах. Проверьте все поезда, которые отошли вчера утром в Реджио. Найдите контролеров этих поездов, узнайте их имена, где они сейчас. Суньте им под нос его фотографию.

В его речи было столько обязательности, столько льстивости, столько угроз, что в течение целой минуты Джузеппе Карбони стоял в дверях офиса Веллоси, никем не замечаемый. Он выжидал своего часа, благоприятного момента. И это, думал он, было сделано им добровольно, ради этого он оставил свой стол в Квестуре и, незванный, пришел в Виминале. Веллоси готов был ринуться в новый обход, искать и науськивать своих людей, когда неожиданно налетел на плотную стену, фигуру полицейского.

— Карбони, примите мои извинения, — рассмеялся Веллоси. — Мы здесь очень заняты, работаем изо всех сил...

— Блестяще, Веллоси, блестяще.

Взвешенный ответ, терпимый и спокойный.

— ...Вы извините, что у нас такая горячка, но мы выявили важную связь...

— Блестяще.

— Этот мальчик из НАП, Баттистини, тот, которого мы упустили, когда взяли Тантардини. Это суть проблемы. Это он убил гориллу в отеле. Мы это установили, а также то, что Клаудио был среди тех, кто захватил вашего Харрисона... Мы не сидели, сложа руки.

— Блестяще.

Веллоси увидел улыбку на лице Карбони, как будто этот человек взял книгу и убедился, что она ему знакома. Его открытие не встретило

признания. Оно не было воспринято как победа.

— А вы тоже делаете успехи, Карбони?

Победоносный тон Веллоси был несколько сбит. Он обуздал себя.

— Скажите мне.

Карбони провел главу группы борьбы с терроризмом к своему письменному столу. Своими толстыми закругленными пальцами он извлек из аккуратного чемоданчика два факсимильных документа. Положил их на стол. Небрежно отодвинул горы рукописных заметок, которые накопились здесь с утра. Пальцем Карбони ткнул в верхний листок.

— Это заявление, полученное полицией от Баттистини более восьми месяцев назад... после его ареста из-за участия в студенческих беспорядках. Внизу его подпись.

— Я это видел, — сказал Веллоси лаконично.

Карбони вытянул снизу другой листок.

— Это заявление наповца, найденное в Семинаре вместе с кредитной карточкой Харрисона. Посмотрите на почерк, Веллоси, посмотрите внимательно.

Нос Веллоси находился в нескольких дюймах от бумаг, которые он поднес к свету.

— Проверено. В Криминалполис они проверили это машинами. Ученые не сомневаются в идентичности

Карбони наслаждался моментом — лучшим за все время его профессиональной деятельности. Он находился среди богов, среди принцев элитных сил, боровшихся с подрывными элементами и говорил им о чем-то, чего они еще не видели и не знали.

— Джанкарло Баттистини, девятнадцати лет, родился в Пескаре, бросил университет, стажер НАП, это он захватил Джеффри Харрисона. Харрисон в руках Баттистини, и я осмеливаюсь утверждать, что это предел и размеры всего заговора.

Веллоси упал на свой стул. В комнате воцарилась тишина. Тишина распространилась в коридоре и примыкающих помещениях. Люди в рубашках с сигаретами и пластиковыми кружками с кофе столпились в дверях.

— Возможно ли, чтобы один человек, почти мальчик, мог все это осуществить?

— Веллоси, но ведь это произошло.

Лицо Карбони светилось от удовольствия.

— Я не собираюсь вам перечить, но вы должны знать, что мы просеяли все отчеты об украденных машинах из окрестностей города Реджио. Их немного, во всяком случае таких, которые бы подходили. Два «чинквеченто», но они для этой цели слишком малы. Одна машина «БМВ», но она слишком бросается в глаза. Недалеко от станции Реджио, в нескольких минутах ходьбы оттуда, как сообщают, примерно через девяносто минут после прихода скорого поезда из Рима, украдена красная машина — «один-два-семь». Возникает проблема с блокированием дорог, потому что мы не знаем, где их блокировать, но, если сообщить по радио и подключить телевизионные полуденные новости, тогда, возможно...

— Замолчите, Карбони, — сказал Веллоси спокойно. Он потянулся к Карбони, обхватил его обеими руками за шею и притянул его плохо выбритое лицо к себе. Их щеки соприкоснулись. Это был поцелуй друзей и равных.

— Вы гений, Карбони, никак не меньше.

Карбони покраснел, повернулся на каблуках и исчез сделав на прощанье легкий знак рукой. Он разворошил этот муравейник Веллоси, изменил все направление поисков.

— Ну, не стойте тут, — взорвался Веллоси, обращаясь к своим коллегам. — Мы позволили любителю показать нам, что происходит, указать на то, что само лезло в глаза. За день мы получили больше, чем с Моро сумели сделать за месяц. Используйте это.

Но на Моро у него было время. На Харрисона оставалось всего двадцать четыре часа до истечения срока ультиматума.

Веллоси копался в своих бумагах до тех пор, пока не нашел фотографию Баттистини. Он разглядывал линию рта и челюсти, то, как посажены глаза, стараясь наверстать тем самым время, собираясь с мыслями, планируя, что сделать за оставшиеся часы, чтобы ничего не упустить и собрать все инструменты полицейского ремесла воедино.

— Этот маленький подонок может быть где угодно, — Веллоси выругался и потянулся за своим кофе, который уже остыл.

Он должен вернуться назад к исходным данным, к глубоким и спокойным мыслям среди окружавшего его шума, к анализу тех минимальных фактических материалов и улик, которыми располагал.

Вернуться к лицу Баттистини, вытянуть из этих черт ответ, который позволит решить задачу.

Джанкарло Баттистини, который был заключен в тюрьму в Риме после обучения в столичном университете, ставший членом ячейки НАП в этом городе. Могли ли быть у него связи с сельской глубинкой? Вероятно это или нет? Веллоси сплетал пальцы. Ответ был очевиден. Джанкарло не должен был ничего знать о Калабрии. Городской мальчик и чужак в Меццо Джиорно.

Он резко обернулся к коллеге, который поспешил погасить сигарету, оставить свой кофе и подойти к нему.

— Баттистини не надеется выжить в провинции. Это не соответствует его жизненному опыту. Верно?

— Верно.

— Он попытается вернуться в город?

— Возможно.

— Судя по файлам компьютера, он был связан только с Римом и следовательно, попытается вернуться сюда?

— Возможно.

— Он оторвался от Пескары. С Пескарой его ничто не связывает. И, если он вернется обратно в Рим, то должен добираться машиной, потому что не сможет везти узника поездом.

— Вероятно.

Веллоси увлекся:

— Если он поедет машиной, то должен решить для себя, ехать ли по скоростной автостраде или для него безопаснее ехать медленнее и по старым дорогам.

— Я думаю, он выберет автостраду.

Веллоси хлопнул кулаком по ладони другой руки.

— И ему придется останавливаться...

— Чтобы заправиться...

— Он должен будет останавливаться.

— Конечно.

— На заправочной станции на автостраде или съехать с нее и воспользоваться пунктом сбора дорожной пошлины, или станцией в стороне от главной дороги.

— Если он едет в Рим, машиной, и по автостраде, тогда такое допущение правильно.

Веллоси оттолкнул свой стул, поднялся в полный рост и закричал:
— Поработайте на заправочных станциях и пунктах сбора дорожной пошлины на автостраде. По обе стороны от Неаполя. Позвоните Карбони и скажите ему об этом.

Его коллеги уже больше не было рядом.

Веллоси снова плюхнулся на стул. Не было никого, чтобы похвалить его, улыбнуться ему, хлопнуть по спине и поздравить.

Про себя он снова и снова бормотал:

— Мальчик вернется в город, мальчик вернется в Рим.

В то время, как различные подразделения и отряды сил безопасности старались привести себя в состояние готовности, маленький красный «фиат» проскользнул незамеченным через пункт сбора дорожной пошлины на терминале автострады в Рома Сюд и направился к Раккордо Аннуляре, кольцевой дороге, охватывающей столицу.

Так как малозаметная, ничем не примечательная машина прошла через пункт сбора дорожной пошлины, шансы выявить ее, и так весьма слабые, были сведены к минимуму.

Два человека обменивались время от времени отрывочными замечаниями, предпочитая думать про себя в замкнутом пространстве машины. После того, как боль в спине несколько утихла, Джеффри Харрисон вел машину с отрешенным и безмятежным видом, словно беспокойство и озабоченность оставили его. Его ум оцепенел, мозг омертвел. Он производил все необходимые действия автоматически, стараясь держать машину на центральной полосе и ехать с постоянной скоростью. Дважды — на бензозаправочной станции и в пункте сбора дорожной пошлины, говорил он себе, была возможность вырваться из машины. Но воля к свободе была подавлена. Он покорно сидел за рулем, не глядя на бензозаправщика и не избегая его. Тот завинтил крышку бака и вытер ветровое стекло. Он хранил молчание и тогда, когда молодой человек в пункте сбора дорожной пошлины передавал ему сдачу через открытое окно.

Сломленный и слишком разбитый, чтобы плакать, чересчур затюканный, чтобы сопротивляться, Харрисон вел машину, объезжая город с восточной стороны.

* * *

В это утро настроение Виолетты Харрисон менялось от подавленного угрызениями совести до вызывающего и дерзкого.

Она лежала в постели, свернувшись клубочком, представляя то узника-мужа, то этого загорелого мальчика с плоским животом и жилистыми ногами, покрытыми волосами. И тот и другой образ причиняли ей боль.

Если бы она могла найти на пляже этого мальчика снова и соблазнить его, это была бы не первая ее измена, не вторая и не третья. Для нее это был обычный способ получать облегчение, когда напряжение становилось непосильным. Это не имело ничего общего с ее любовью к Джеффри, какой бы смысл не вкладывался в слово «любовь». Это не имело никакого отношения к тому, что она была его женой и разделяла его жизнь. Все это не имело никакого отношения к ее семейной жизни. Но где-то внутри у нее находился клапан, под которым скапливался пар, и у нее был способ сбрасывать его: извиваться под чужаком, не беря на себя никаких обязательств, не испытывая никакой привязанности.

Был этот ирландский бармен из Ивсхэм в Ворчестершире, которого она нашла через день после того, как Джеффри, в то время молодой специалист, сказал ей, что в отчетных книгах были несоответствия и что отдел Главного Бухгалтера возлагает за них ответственность на него. Подозрения на его счет не оправдались, но это произошло уже после того, как Виолетта провела день в осеннем поле с человеком, имени которого она так никогда и не узнала.

Был этот парень из Уэст-Энда, водитель автобуса в Далстоне, с которым она встретилась в Восточной части Лондона после того вечера в пятницу, когда Джеффри пришел домой и сказал, что за ленчем он слишком много выпил и сказал начальнику своего отдела, чтобы тот заткнул свою работу туда, где смердит. В понедельник утром Джеффри извинился, его извинения были приняты с улыбками и рукопожатиями, и он никогда не узнал о том, что в воскресенье утром Виолетта провела два часа в отеле близ железной дороги недалеко от Кингз Кросс в объятиях мускулистого парня, который называл ее «дарагая» и кусал ее плечи.

Были и другие моменты кризиса, когда сильнее, когда слабее. Некое паллиативное средство, некое бегство от действительности, но Джеффри не подозревал об этом. Она была в этом уверена и благодарна за это. Она вспомнила, как однажды видела по телевизору жену британского губернатора островной колонии, которая только что

овдовела. Ее мужа зверски убили, когда поздним вечером он гулял в саду резиденции. Женщина была усталой и бледной, сидела на диване со своими дочерьми и отвечала на вопросы перед камерой, сохраняя спокойствие и достоинство. Будь это я, подумала Виолетта, я была бы в постели с шофером. Она знала эту свою особенность, ненавидела ее и говорила себе, что у нее нет сил сопротивляться этой склонности. И если Джеффри об этом не знал и не страдал от этого, то какое это имело значение? Кому еще было до этого дело?

В Риме у нее не было любовника. Хотя, бог знает, были времена когда она надеялась получить облегчение, выгибая спину и ощущая мощный напор в недрах своего тела. Но здесь никого не было. До тех пор, пока она не оказалась на пляже, она даже не позволяла себе воспользоваться удобным случаем. Изолированная и запертая в квартире, как в коконе, где никогда не звонил телефон, не звучал дверной звонок, она была защищена от хищников.

Она оделась с заученной тщательностью, как если бы опасалась измять бикини и верхнюю одежду и как если бы забыла, что ей придется сидеть в машине за рулем во время часового путешествия в Остию или Фрегене или Санта Маринелла. Павлиниха, огорченная из-за своей скудной раскраски. Бикини было новым, а платье куплено месяц назад, но еще ни разу не было надето. Туалет, предназначенный для падения. Она свободно распустила волосы, сидя за своим туалетным столиком, перед зеркалом, сознавая свое возбуждение и дрожь, которые пришли вместе с наркотиком, с размышлениями о том, о чем не следует говорить вслух. Это был единственный жест независимости, который Виолетта Харрисон могла себе позволить — забраться в свою маленькую машину, проехать по дороге и растратить и наказать себя по собственному соизволению, в выбранный ею самый момент и в соответствии со своим собственным сценарием. Как бы Джеффри отнесся к этому, если бы знал? Возможно, ему было бы неприятно. А, может быть, и нет. Но это не имело значения, потому что Джеффри не знал. Джеффри был далеко, связан, как цыпленок, со щетиной на лице и пистолетом у виска. Джеффри будет думать о ней. Он будет представлять ее лицо так ясно, как она сама видела его в зеркале. Джеффри будет мысленно льнуть к ней, вспоминая только хорошие минуты. Именно в такой момент угрызения совести одерживали верх над вызовом. Именно в такой

момент она испытывала боль, когда потребность становилась очень сильной, а она сама слабела, была неспособна сопротивляться. Под аккуратно зачесанными набок светлыми волосами появились потеки от слез.

Она услышала телефонный звонок. Длинные, пронзительные звонки звали ее на кухню. Возможно, это звонила мать из Лондона, чтобы узнать, как чувствует себя ее крошка, и спросить, знает ли она о том, что о них написано во всех газетах. А, может быть, это был тот несчастный ублюдок, который звонил раньше и тараторил на непонятном языке. Этот звон не оставлял ее в покое, не прекращался, он заставил ее подняться с низкого стула и пройти через дверь к телефонному аппарату. При каждом шаге она надеялась, что телефон перестанет звонить и молила бога об этом. Но ее мольбы не были услышаны. Телефон продолжал звонить.

— Виолетта Харрисон. Кто говорит?

Это был Карпендер. Арчи Карпендер из ИСН.

— Доброе утро, мистер Карпендер.

Уверенность быстро возвращалась к ней, потому что это был тот маленький человечек, который бежал от нее.

Слышала ли она свежую информацию о своем муже?

— Я ничего не слышала со вчерашнего вечера. Не читаю итальянских газет. Из посольства мне не звонили.

Она должна знать, что теперь ее муж находится в руках группы политических экстремистов. К правительству обратились с требованием выпустить заключенную до девяти часов завтрашнего утра. Она должна знать — если это требование не будет удовлетворено, то они угрожают убить ее мужа.

Виолетта покачнулась на подушечках ступней. Ее глаза были закрыты, обе руки сжимали телефонную трубку. Ей казалось, что боль скапливалась у нее на висках и жгла голову где-то глубоко внутри.

Она слушает?

Слабый неуверенный голос:

— Я слушаю, мистер Карпендер. Я слушаю.

Вся эта история носит скандальный характер. Посольство не шевельнет и пальцем.

Она об этом знала? Могла этому поверить? Джеффри был сброшен со счетов, сдан в архив, и предоставлен некомпетентной

итальянской полиции, которая и ведет дело.

Теперь в ее голосе зазвучал страх, он стал пронзительнее.

— Но ведь все было согласовано. Все было согласовано. Разве нет? Компания была готова заплатить. Ведь итальянцы здесь были ни при чем.

Теперь все изменилось. Деньги были только одной стороной. Это было легко и не представляло проблемы. Теперь все иначе. Потому что теперь это стало вопросом принципа. Они сказали, что не пойдут на уступки террористам, так как условие выпустить узницу неприемлемо.

— Но какое отношение имеет этот ублюдский принцип к Джеффри? Они что, хотят, чтобы его убили?

Она уже кричала в телефон. Ее голос стал хриплым и пронзительным. Они говорят, что это такое же дело, как история со Шпейером в Германии и с Моро здесь. Они сказали, что не могут капитулировать. Они употребили такие слова, как шантаж и такие выражения, как «честь государства». Это то, что они сказали, и посольство будет поддерживать их во всем.

— Но это значит, что они убьют Джеффри...

Ее истерия росла постепенно, она утратила контроль над собой и в голосе ее неожиданно прорвался смех...

— Они не могут так просто принести его в жертву. В этом проклятом месте уже в течение многих лет не соблюдаются принципы. Такого слова просто нет в этом чертовом языке. Они не могут его здесь и выговорить.

Карпентер собирался вызвать Главную Контору в Лондоне. Они это так не оставят. Она может положиться на его слово. Он перезвонит ей в пределах часа. Пусть не отходит от телефона.

Ее голос поднялся до самого высокого доступного для нее тона, до самой пронзительной ноты. Теперь это было результатом испытанного ею унижения.

— Вы не могли бы приехать и повидать меня, мистер Карпентер? Она хочет, чтобы он приехал к ней на квартиру?

— Вы не могли бы приехать и рассказать мне, что происходит? Да, на квартиру.

Нет, у него деловое свидание, неотложное деловое свидание. Она должна понять, у него и так хлопот полон рот. Но он перезвонит ей, как только у него появится, что сказать.

Теперь вступил в силу следующий цикл ее постоянно меняющегося настроения. Ее крикливое и слезливое настроение прошло. Голос снова стал холодным, проникнутым показной уверенностью.

— Не звоните больше, мистер Карпентер, потому что меня не будет дома. Возможно, я вернусь сегодня вечером. Благодарю вас за то, что вы поставили меня в известность о том, что происходит. Благодарю вас за то, что вы мне сообщили, что должно случиться с Джеффри.

Прежде чем он собрался ответить, она повесила трубку.

Виолетта прошла в спальню, смахнула со спинки стула купальное полотенце и нижнее белье, которое бросила на пол вчера вечером. Она кинула их в сумку для покупок, и направилась к лифту.

* * *

Через сорок минут после того, как красный «фиат» въехал на Раккордо с его засаженными розовыми и белыми олеандрами тротуарами, Джанкарло жестом показал Харрисону, чтобы тот повернул направо. Это было место пересечения с Виа Кассиа — они находились на расстоянии пяти миль от его дома. Харрисону было странно находиться в окружении знакомого городского пейзажа. Он пережил минуту нерешительности, но подчинился приказанию, не задавая вопросов. Молчание, которое для них обоих было теперь прибежищем и уже не носило такого гнетущего характера, все не прерывалось.

Они неплохо проводили время. Джанкарло даже подумал, что жизненные силы водителя удивительны.

Сбавили скорость, с которой ехали по Раккордо, и теперь двинулись медленно по извилистой дороге, загроможденной грузовиками и нетерпеливыми легковыми машинами. Улица была обрамлена домами с квартирами, перегруженными всевозможными бытовыми удобствами. Несколько раз они останавливались в пробках бампер к бамперу с другими машинами. Харрисон сидел пассивно, не зная, куда они направляются и не желая ни о чем спрашивать.

На всем протяжении Реджио Калабрия вдоль автострады, ведущей в Рим, патрульные машины дорожной полиции и карабинеры начали игру «поиски иголки в стоге сена», высматривая красный «фиат», самую популярную модель машины. Десятки владельцев высаживали из машин «фиат-127» под направленными на них автоматическими пистолетами — их обыскивали, требовали предъявления документов, а лица изучали и сравнивали с фотографиями Баттистини и Харрисона. Дороги были блокированы, и каждый пикет насчитывал не менее дюжины вооруженных людей: этого было вполне достаточно, чтобы обеспечить прикрытие группам с электронными камерами РАИ.

Концентрация людской силы была согласована. В пункте сбора дорожной пошлины в Монте Кассино запомнили «фиат» подходящего размера и цвета. Молодой человек попросил заправиться.

Это был небольшой успех но достаточный для того, чтобы аппетит полиции разгорелся в местах поблизости от Монте Кассино. Владелец гаража был опрошен в своей конторе.

Да, он может им сказать, кто в это время занимался колонкой. И даже сообщить домашний адрес этого человека. Накануне вечером он заступил в ночную смену, а после собирался повезти своих внуков в горы. Нет, он не знает куда именно. Он только экспансивно махнул рукой в направлении затянутого дымкой горизонта и пожал плечами.

Из Рима были вызваны вертолеты. Военные двухмоторные машины для переброски личного состава были заполнены вооруженными людьми, потеющими в закрытых кабинах на горячей, как духовка, взлетной полосе. Четырехместные машины — корректировщики получили приказ лететь низко над землей, над высокими горными грядами и долинами. Грузовики с полицейскими получали координаты, отмеченные на крупномасштабных картах, на которых был запечатлен весь обширный район.

Белые стены монастыря смотрели сверху вниз на бесплодную деятельность, в то время, как крики разгоряченных людей, офицеров, означали, что в этом обширном пространстве найти террориста и машину с пленником — задача не из легких.

Но доля везения, на которую давала надежду рутинная работа, все же заставляла продолжать охоту, придавая ей новый задор, новую напряженность.

Молодой человек в пункте сбора дорожной пошлины в Рома Сюд после шестичасовой смены влез в автобус, направлявшийся к его дому, там залез под душ, оделся и сел на кухне за сыр и фрукты перед тем, как лечь в постель и отдохнуть. Его дочь младенческого возраста сегодня часто плакала, поэтому у него не было уверенности, что он правильно расслышал описание двоих мужчин, передававшееся по радио. Деталь, которой строго придерживались, на которую делался упор и от которой он не мог отделаться, заставляла мужчин в униформах и костюмах шарить по воздуху без особой надежды на успех, но Джузеппе Карбони был хозяином в своем офисе и старался во что бы то ни стало отблагодарить молодого человека, который взял на себя труд позвонить в ближайший полицейский участок. После одиннадцати утра время помчалось вскачь, но Карбони требовал терпения от своих подчиненных. Была предъявлена фотография, портрет Джеффри Харрисона, и молодой человек кивал, улыбался и ждал похвалы. Было странно, сказал он Карбони, что человек в дорогой рубашке был небритым, на воротничке его были сальные пятна, а волосы казались непричесанными.

Комната Карбони как бы распалась на секции, разделенная движением, позволяя свидетелю долго и внимательно смотреть на фотографию.

Телефоны, телексы, радиоприемники, все это теперь было введено в действие в стремлении охватить Рим кольцом. Приказ был: закрыть его, блокировать дороги к Л'Аквила на востоке, на Фиренце на севере. Стянуть всех людей из района Монте Коссино, вернуть их в столицу. Карбони привел это все в движение. Потом вернулся к молодому человеку.

— Так с этим человеком был юноша, просто рагаццо?

— Думаю, да...

— Но насчет того, кто старше, вы уверены?

— Это он давал мне деньги. Трудно разглядеть того, кто находится в машине с того места, где мы сидим в кабинах.

Хороший свидетель не стал бы утверждать того, в чем не был уверен. Карбони заменил фотографию Харрисона фотографией Джанкарло Баттистини.

— Мог это быть вот этот мальчик? Мог он быть пассажиром?

— Сожалею, дотторе, но, право, я не видел лица пассажира.

Карбони настаивал:

— Но, может быть, вы хоть что-нибудь вспомните о пассажире?

— На нем были джинсы... они обтягивали его очень туго, это я помню. У него были худые ноги. Он, должно быть, молод...

Сборщик дорожной пошлины осекся, опустил голову, хмурясь и стараясь собраться с мыслями. Он устал, и мысли приходили медленно. Незаметно для него Карбони поднял руку, чтобы предотвратить возможное вмешательство в их беседу тех, кто сейчас просачивался в комнату...

— Он заплатил, этот шофер, заплатил большой купюрой, и, когда я давал ему сдачу, он передал ее пассажиру, но руки пассажира были под легкой курткой, которая лежала между ними. Это я мог видеть из своей кабины. Шофер уронил сдачу на куртку. Они не сказали ни слова, а потом он поехал дальше.

На лице Карбони изобразилась мука. Присутствующим он сообщил:

— Там пистолет, вот почему Харрисон ведет машину. Потому что мальчишка Баттистини держит пистолет, прижатым вплотную к его телу.

Молодого человека из Рома Сюд отослали домой.

Пицца для компьютера, для систем рассеянной информации, и с каждым листком бумаги, на котором был отпечатан текст и который покидал его офис, Карбони все больше суетился и строил больше планов.

— Скажите им, чтобы проявляли осторожность. Ради Бога, пусть будут осторожны. Скажите им, что парень уже убил троих за сорок восемь часов и готов убить снова.

В чертах Джузеппе Карбони не было самодовольства, не было эйфории. Географически они вычислили свою дичь до точности, составлявшей тривиальные несколько квадратных километров, но эта почва, как он с печалью сознавал, не была благоприятной. Охотиться за человеком и его узником в огромном городе, населенном четырьмя миллионами граждан, было нелегко.

Обещание удачи пришло к усталому полицейскому на дороге и покинуло его на огромных перекрестках, где не было сигнальных знаков.

Он потянулся к телефону и набрал номер Франческо Веллоси.

В полдень люди, содержащиеся на острове Асинара, с максимальной осторожностью выпускались из камер и им давалась возможность выстроиться в очередь в общественной столовой и получить ленч из пасты и мяса. Это делалось под строгим надзором. Беседы не были запрещены.

Осужденные на долгий срок — до двадцати лет, либо пожизненно до естественной смерти, имели в своих камерах радиоточки. За тяжелыми дверьми и зарешеченными окнами они узнали новость о похищении Джеффри Харрисона и об ультиматуме, условием которого была свобода для Франки Тантардини. Они узнали также о неудавшемся покушении на Франческо Веллоси.

Несколько человек сели поближе к лидеру НАП. Кто этот Баттистини, спрашивали они. Это имя было во всех бюллетенях новостей, передававшихся в течение последнего часа. Каковы размеры инфраструктуры организации, в которой он работал? Капо, духовный лидер движения, лидер в силу интеллекта и готовности к насилию, пожимал плечами, разводил руками и спокойно отвечал, что никогда не слышал о юноше и не санкционировал его действия.

Некоторые чувствовали, что он одержим манией секретности, но были и такие, кто шваркал своими стальными подносами, чувствуя обескураженность человека, претендовавшего на абсолютное руководство НАП из своей камеры на острове.

Одно дело отдавать приказы, и совсем другое выполнять их. Многие сотрудники Квестуры и Виминале подкрепили распоряжение окружить город и блокировать подступы к нему своими, именами и авторитетом. Надо было передать экстренные сообщения о предпринимаемых мерах, но было не так-то просто добиться желаемого масштаба действий от полиции и военных. Какие дороги следовало считать жизненно важными, какие районы подходили больше для концентрации сил, где на улицах города следовало соблюдать максимальную бдительность? Эти вопросы требовали времени, чтобы на них можно было компетентно ответить, а время было таким капиталом, который можно было потерять безвозвратно.

«Фиат» свернул с главной дороги Кассиа у деревни Ля Торта, проехал еще пятнадцать километров и снова повернул. При этом была

выбрана более узкая дорога, которая огибала город на холме Браччиано и вела к глубокому синему вулканическому озеру под скоплением беспорядочно разбросанных серых каменных домов. Теперь машина находилась на расстоянии сорока километров от столицы. Здесь о бомбах, убийствах и похищениях узнавали только из газет и телевизионных бюллетеней. Это было селение мелких фермеров, лавочников, бизнесменов, людей, ценивших свой покой, пивших свое вино и задергивавших занавески, спасаясь от ветра буйства и жестокости, хаоса и взяток, ветра, дувшего с большой дороги и тревожившего их поля. Джанкарло сделал резкое движение, указав на открытые ворота, проделанные в каменной стене и заросшие терном, — слева от дороги и примерно в четырехстах метрах от кромки воды. Местность была с двух сторон окаймлена лесом тяжелолистных дубов и сикомор. Джанкарло пошел на риск путешествовать столь далеко среди бела дня, но он был достаточно уверен в безопасности. Достаточно бодр после того, как ему удалось зайти так далеко. Он был уверен, что переиграл аппарат безопасности страны. На краю поля он сделал Харрисону знак остановиться, оглянулся вокруг и они двинулись к месту, где держали скот зимой, спасая его от ярости дождей и ветров. В машине стало совсем темно, когда Харрисон наконец нажал на тормоз и выключил мотор. Место было выбрано правильно, поскольку не было заметно с дороги. Джанкарло решительно схватил ключи, презрительно улыбнулся своему шоферу и некоторое время наблюдал за ним, держа пистолет на взводе. Наконец вышел из машины.

Он потянулся, расправил едва развитую грудную клетку, наслаждаясь солнцем, проникавшим сквозь потолок из листьев и оставлявшем пятна на траве.

— Ты собираешься убить меня здесь? — спросил Харрисон.

— Только если к девяти часам завтрашнего утра они не отдадут мне Франку.

С тех пор, как они съехали с автострады, это было первое обращенное к Харрисону слово, которое произнес Джанкарло.

Интернейшнл Кемикл Холдингз, имевшее представительство в тридцати двух странах Первого и Третьего Мира, поддерживало тесные связи с Министерством иностранных дел и Министерством по делам содружества, а также с Министерством Развития за границей. Члены Совета и главные исполнители были частыми гостями на обедах, когда требовалось одеваться строго и повязывать черные галстуки. Обычно такие обеды устраивались правительством для делегатов, приезжавших в качестве гостей. Их включали в списки почетных гостей, приглашаемых на Новый Год и юбилеи, и работа компании до известной степени рассматривалась, как продолжение британской внешней политики. Обычно пакет помощи новому независимому члену Содружества содержал ссуду, необходимую для того, чтобы начать работу нового завода ИСН.

Сэр Дэвид Адамс был хорошо известен министру как бизнесмен, далекий от партийной политики и как светский гость, заслуживавший того, чтобы его ценили за легкость обращения и юмор в любой компании. В блокноте для записи телефонных звонков на письменном столе сэра Дэвида в башенном блоке в Сити находился номер прямой связи с Министром Иностранных дел. Он провел немало минут, размышляя над сообщением Арчи Карпентера из Рима до того, как начал поиски этого номера телефона в своем блокноте. Его соединили с личным секретарем, приняли к сведению его просьбу и обещали непродолжительную встречу с Министром перед ленчем.

Рабочий кабинет Министра показался сэру Дэвиду заброшенной комнатой. Он бы не потерпел такой конторы у себя. Потрепанные бархатные драпировки, мебель, как из музея, и письменный стол, вполне пригодный для игры в бильярд. Он бы пригласил одного из этих молодых ребят — декораторов с ведром белой краски, повесил бы несколько новых картин, на пол постлал бы что-нибудь, представлявшее продукцию восьмидесятих годов, а не этих прыгающих тигров из Амритсара. Его заставили дожидаться не слишком долго, поэтому он не успел продумать до конца план переоборудования офиса.

Они сидели напротив друг друга в пышных креслах с высокими спинками. Для Министра был подан кампари с содовой, для Директора — джин с французской минеральной водой. Не было помощников, не было стенографисток.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, господин Министр. Звонок моего человека оттуда вызвал у меня шок. Мой парень, а он не дурак, твердо стоит на земле, говорит, что Посол будто бы сказал итальянцам, что, насколько он знает Уайтхолл, там отнесутся к этой новой фазе в деле Харрисона как если бы он был итальянский бизнесмен. Мне кажется, это уж чересчур.

Сэр Дэвид тянул напиток мелкими глотками, достаточными только, чтобы увлажнить язык.

— Вы немного упрощаете, Дэвид. Это не вся история.

Министр улыбнулся из-за бульдожьих, свисающих складок своих щек.

— Реальная ситуация заключается в том, что старший член Итальянского кабинета, но это, конечно, конфиденциальные сведения, запросил нас через посла в то время, когда итальянцы принимали предварительные, но очень важные решения относительно подхода к проблеме. Они хотели узнать, будет ли правительство Ее Величества настаивать на том, чтобы отпустить на свободу террористку, и таким образом спасти вашего парня. Это ведь разные вещи, правда?

— Если не считать того, что суть у них одна и та же. Я сформулирую это иначе и спрошу вас, какую инициативу проявляет британское правительство, чтобы обеспечить благополучие Джеффри Харрисона, что оно делает, чтобы он был жив и здоров и вернулся невредимым?

Еще один маленький глоточек, еще одно слабое сотрясение линии жидкости в стакане.

— Вы должны знать, что может быть только один ответ. Не может быть никакой инициативы, нацеленной на вмешательство во внутренние дела Италии.

— Вы можете намекнуть, что желательно заполучить нашего человека назад безотносительно к тому, откроет ли это требование дверь тюрьмы для женщины, которую они там держат.

— Дэвид, у меня полно назначенных встреч. — В этом упреке прозвучала суровая нотка. — Я должен был бы сейчас присутствовать на одной из них, но передал свои полномочия помощнику. Если я совершаю такой поступок, пожалуйста, будьте любезны слушать меня, когда я к вам обращаюсь.

— Принято. Извинения и притом искренние.

Наклон головы министра показал, что он удовлетворен.

— Италия не соперник в делах, Дэвид. Это не соревнующаяся с нами компания... Если она падет, если она обанкротится нравственно или в финансовом отношении, если она окажется сильно ослабленной, члены Палаты Общин не встанут и не будут рукоплескать и махать своими бумагами в знак одобрения, как это делают ваши акционеры. Это вовсе не место для веселых иностранцев, Дэвид, джиголо и весельчаков, старающихся ущипнуть девушку за задницу. Это государственная держава Запада, член НАТО, седьмая промышленная страна мира. Вы это знаете лучше меня. Когда возникает неприятная ситуация, мы не получаем от этого удовольствия. Мы делаем все от нас зависящее, чтобы ее выправить, мы поддерживаем друзей, если они в этом нуждаются, а друг нуждается в поддержке, когда оказывается на коленях. Дело Моро очень им повредило. Государству угрожали, требуя выкуп, сама система демократии оказалась под угрозой. Но они держались твердо, и из-за этого проиграли, пожертвовали лидером высокого класса.

— Прекрасная речь, министр, и сделает вам честь в Палате в день, когда компания будет хоронить Джеффри Харрисона. Вы пришлете венок. Пришлете?

Двое мужчин смотрели друг на друга. От контрударов у них кровоточили носы и припухли глаза, а впереди было еще много раундов.

— Это недостойно вас, Дэвид. Вы ведь мудрый человек. Зачем вам глумиться надо мной? Когда немец исчез в Северной Ирландии, тот, кого мы так и не нашли, Бонн не набрасывался на тогдашнего министра иностранных дел. Когда голландец Херрема был похищен в Эйре, Гаага выразила полное одобрение всем мерам, которые предпринял Дублин.

— Вы все еще пытаетесь укрыться, — сказал сэр Дэвид Адамс, которого не так-то легко было сбить с толку и лишить боевого задора. Он бросил своего противника на канаты. Такова была его давняя привычка. — Вы все еще пытаетесь укрыться за завесой бессмысленных протокольных фраз. Я хочу выручить молодого и не в чем ни виноватого человека, я хочу вернуть его жене. Мне плевать на итальянский терроризм, мне плевать на итальянскую демократию. Я там занимался бизнесом и знаю, что это за страна. Я знаю, сколько

наших платежей попадает в банк Милана, знаю, сколько попадает в Цюрих. Я знаю о яхтах, взятках и виллах. Я понимаю, почему у них возникла проблема городской герильи, которая обосновалась прямо на ступеньках их крыльца. Это мерзкое клановое общество, которое не может само справиться со своими проблемами и не вам бросать англичанина в сточную канаву только для того, чтобы преподать этим людям урок принципиальности или как вы там это называете.

— Вы не слушаете меня, Дэвид.

Тон министра иностранных дел был ледяным, но под замороженной улыбкой скрывался гнев.

— Они пожертвовали одним из своих главных послевоенных лидеров, списали его, и сделали это только из принципа.

— Мы ходим кругами.

— Вы сами это начали.

Сэр Дэвид отхлебнул из своего стакана. Нетерпение взяло верх, и он наполовину опорожнил его.

— Я пытаюсь вам объяснить господин Министр, что вы можете кое-что сделать, что вовсе не ущемит «принципы»...

Он как бы перекатывал это слово во рту, пробуя его на вкус.

— Вы через своих друзей в Риме можете узнать, каково значение этой женщины, для движения герильи. И давайте не будем становиться на пьедестал. Я знаю недавнюю историю своей страны Северная Ирландия, верно? Мы опустошили Лонг Кеш, когда проявляли свою политическую инициативу, когда выгнали на улицы «Провизионалов» с их бомбами и терактами. И что тогда случилось с нашими принципами? Мы предоставили их лидерам свободу действий. Мы отправили палестинскую девушку Лейлу Халид домой из чистой любезности на реактивном самолете королевских ВВС. Мы вовсе не блюдем нашу лилейную белизну. Мы можем гнуться, когда это нам выгодно...

— Кто из нас произносит речи, Дэвид?

— Не ерничайте, министр. Моему парню осталось жить менее двадцати четырех часов.

Глаза сэра Дэвида Адамса буравили собеседника, показывая, что он не пойдет на уступки.

— Италия сможет выжить, если эта женщина не будет сидеть в тюрьме, она переживет это...

Он прервал свою речь в ответ на легкий стук в дверь за его спиной. На лицах обоих мужчин было заметно раздражение, оттого что их беседу прервали. Министр посмотрел на часы. Молодой человек без пиджака и в клубном галстуке, скользнул через комнату с телексом в руке. Он передал его министру без объяснений и исчез так же безмолвно, как появился. В комнате стояла тишина, пока министр читал сообщение. На лбу министра прорезались морщины, губы его сжались.

— Это о деле Харрисона. Поэтому они прервали наш разговор.

В его голосе не было эмоций. Только признаки старения и печаль.

— Он в руках у молодого психопата, который уже убил троих за два дня. По прогнозу итальянцев он убьет вашего человека, не колеблясь, без всякого сострадания, как только истечет срок ультиматума. Женщину, о которой идет речь, зовут Франка Тантардини. В Риме ее считают главной активисткой движения, ей предъявлены обвинения в убийстве, покушении на убийство, вооруженном восстании. Они завели на нее целую книгу. Наше посольство сообщает, что, по их данным, несколько самых высокопоставленных и уважаемых офицеров итальянской службы общественной безопасности уйдут в отставку, как только ее освободят. В дополнение к этому Итальянская Коммунистическая Партия выпустила заявление, в котором ставит условием правительству, чтобы оно не заключало никаких сделок с террористами.

Министр смотрел через комнату на помрачневшее лицо бизнесмена.

— Это не в наших силах, Дэвид. Британское правительство не может себе позволить вмешиваться. Я очень сожалею.

Сэр Дэвид Адамс поднялся со стула. Он был чуть более шести футов ростом, — величественный и красивый мужчина, не привыкший к поражениям.

— Так вы не забудете про венок, министр?

И он вышел, оставив свой стакан не допитым на маленьком столике рядом со своим стулом.

Майкл Чарлзворт из своего офиса и Арчи Карпентер из комнаты отеля разговаривали по телефону. Эти двое людей, столь отличавшиеся по происхождению, принадлежавшие к разным социальным группам,

кажется, предпочитали разговаривать друг с другом потому, что их сближало чувство беспомощности. Оба были лишены возможности что-либо предпринять. Они могли только слушать радио, что Чарлзворт и делал, просматривать газеты, а также разглядывать фотографии Баттистини, появившиеся во всех дневных изданиях, что делал Карпенгер.

— Не следовало ли тебе быть у Виолетты Харрисон? — спросил Чарлзворт.

— Я звонил ей сегодня утром, сказал, что перезвоню позже, и она попросила не беспокоить ее...

— Слава Богу, в мои обязанности не входит держать ее за руку.

— В мои тоже, — огрызнулся Карпенгер.

— Может быть. — Чарлзворт оставил эту тему, не высказав свою мысль. Он ощущал отчаяние человека, который был послан сюда, чтобы принимать решения, двигать горы и чувствовал, что терпит поражение.

— Приходи-ка лучше сегодня вечером ужинать с нами.

— С удовольствием.

Чарлзворт вернулся к своему радио, задумчиво переключая три программы трех служб РАИ. Они свидетельствовали о деятельности, спешке и усилиях, но в них не было ничего существенного.

* * *

На поиски места, которое бы удовлетворяло Джанкарло, ушло полных тридцать минут. Он гнал Харрисона в чашу леса, используя его, как плуг, чтобы расчищать путь между молодыми деревцами, хлеставшими наподобие кнута, бившими по глазам, и по рукам. Наконец они остановились у гигантского сваленного дуба, образовавшего большую прогалину, и что-то вроде отверстия в земле между его поднятыми вверх корнями. Неглубокую яму можно было найти только, если споткнуться о самый ее край.

Джанкарло методично повторил упражнение, которое он уже проделывал рано утром. Он связал гибким шнуром лодыжки Харрисона, потом — запястья рук за спиной. Оставшийся шнур он использовал, чтобы сделать петлю вокруг самых крепких корней,

нависших над землей наподобие крыши. Если бы Харрисон лежал спокойно, он мог бы отдыхать на боку, при этом ощущая даже некоторый комфорт. Если бы ему вздумалось двинуться или он попытался освободиться от своих пут, тонкий и крепкий шнур впился бы в его тело. Джанкарло специально завязал такие узлы, чтобы наградой за попытку двинуться, была острая боль. Единственным «усовершенствованием» по сравнению с утренней операцией был платок из кармана Джеффри, свернутый, как канат, протянутый между его зубами и завязанный за ушами.

Когда работа была закончена, Джанкарло отступил назад и полюбовался ею. Он собирался раздобыть немного пищи. Харрисон не должен беспокоиться. Он будет отсутствовать недолго.

Через минуту он затерялся между деревьев, теней и косо падавших лучей света.

Поле зрения Джеффри Харрисона было минимальным. Оно включало только пологую дугу, в пределах которой были видны десятка два древесных стволов, отяжелевших от извести и гниющей коры, свисавшей хлопьями над краем небольшого кратера, в котором он лежал. Над ним и вокруг него текла, буйствовала жизнь обитателей этой части леса: пара дятлов с возмущенными криками гонялась за сойкой, вторгшейся в чужие пределы, крошечная птичка петтироссо с красной грудкой пыталась достать из-под коры личинок и насекомых. Молодой кролик стрелой метнулся между деревьев, приведенный в ужас краткой встречей с ловким горностаем. Ветер шумел в вершинах деревьев, где ветки сходились и шуршали друг о друга, но это было высоко, за пределами его зрения. Великое действо леса. Все спешили по своим делам, и только он, беспомощный и испуганный, лежал неподвижно.

Но мозг его не был затуманен. Само уединение леса, окружавшее его, пробудило его чувства, сделало восприимчивым к каждому звуку, вплоть до падения одинокого листа. Усыпляющее действие бесконечных миль езды по автостраде проходило. Но за ним пришло обостренное осознание своего положения. В нем что-то зашевелилось, появилось желание действовать, но он отдавал себе отчет в том, насколько ограничены его возможности. Он попытался шевельнуть руками, чтобы определить, насколько тугими были узлы и можно ли растянуть гибкий шнур, покрытый пластиком. Но он лишь вспотел и понял, что узлы были завязаны мастерски и ослабить их не удастся. Так что же ты собираешься делать, Джеффри? Будешь продолжать сидеть, как индейка в клетке, ожидающая сочельника и момента, когда нагреется печь? Так и будешь лежать на боку в надежде, что смерть будет быстрой и безболезненной? Надо было что-то предпринять в машине или на бензозаправочной станции, либо в пунктах сбора дорожной пошлины, или когда поток транспорта задержал их на Кассии. У тебя был шанс, когда вы сидели рядом, тело к телу, в машине.

Что бы он сделал, этот бесценный Джанкарло? Может быть, выстрелил, а может быть, и нет, полной уверенности на этот счет не было. Все равно, это было бы лучше, чем то, что он испытывал теперь.

А можно ли было что-то сделать в машине? Он ведь держал дверцу запертой, а чтобы открыть ее, требовалось время, дополнительное движение — и значит, он успел бы выстрелить.

Идиот ты, Джефффри Харрисон, чертов идиот. Неважно было, сколько времени требовалось на то, чтобы открыть дверцу, потому что к тому времени он уже был выжат, как лимон, а у тебя вес чуть не вдвое больше, он же недокормленное маленькое пугало.

Но ты этого не сделал, Джефффри, и нет смысла мечтать, нет смысла разыгрывать из себя героя. Ты проворонил свой шанс, предпочитая сидеть в машине, ждать и гадать, что случится.

Теперь ты понимаешь это. Ты почти спятил от страха, у тебя болят яйца и грудь, и тебе хочется плакать от жалости к себе. Ты так запуган, что потерял голову.

Теперь ты по-настоящему испугался! Потому, что это занавес и финал. Так ведь? Его охватило отчаяние. Ни одного шанса на то, что эта чертова Франка получит свободу, нет. Все это только в воображении этого маленького педанта. Они не выпустят ее, такую крутую девицу. Ведь они ухлопали месяцы, чтобы надеть на нее наручники. И это не оставляет шанса для тебя, Джефффри. Осталось лишь помолиться...

Он снова собрался заплакать. Ему только тридцать шесть лет. Что он сделал, в чем провинился?

И снова не то, Джефффри. Ты пьешь кровь масс, распинаешь рабочий народ.

Это же бред, безумие.

Но не для этого паренька, не для маленького мистера Джанкарло Баттистини, который собирается снести половину твоей башки, чтобы доказать, что это именно так.

Харрисон лежал с плотно закрытыми глазами, борясь с подступающими к горлу рыданиями. Мерзкий вкус хлопчатобумажного носового платка во рту вызывал тошноту. Его охватил ужас, что он задохнется в собственной блевотине. Что за гнусная смерть!

Виолетта, милая, проклятая Виолетта, моя жена. Хочу быть с тобой дорога. Хочу, чтобы ты забрала меня отсюда. Виолетта, пожалуйста, пожалуйста, не отдавай меня им.

Недалеко от его головы хрустнула маленькая веточка. Харрисон мгновенно открыл глаза, его тело дернулось, ему удалось смахнуть слезы.

В десяти футах от него оказалась пара детских сапог высотой до колена, на щиколотках они были запачканы засохшей грязью, исцарапаны шипами ежевики. Это было миниатюрное повторение костюма взрослого фермера. Из сапог торчали крошечные мешковатые брюки, протертые на коленях до дыр, ткань выцвела от солнца и стирки. Он медленно повернул голову, поднял ее и глотнул, благословляя клетчатую спортивную рубашку с кое-как застегнутыми пуговицами и небрежно закатанными рукавами. Появилась тоненькая бронзовая шейка и юное чистое лицо ребенка, живущего на лоне природы и привыкшего подставлять лицо ветру. Харрисон опустил вниз и вжался в землю. Слава тебе, Господи. Бог мой, ангел. Белые ризы, крылья и нимб. Слава Богу. Он ощутил дрожь, спазму облегчения, пробежавшую по всему телу... Но она быстро прошла, ведь Джанкарло ушел ненадолго, только за едой. Давай, детка, я люблю тебя. Делай что-нибудь, не торчи здесь. Ты очень славный, ты это знаешь. Но не торчи здесь целый день.

Он снова посмотрел в лицо ребенка: почему малыш просто стоит, стоит тихо и неподвижно. Как статуя Пана, в трех шагах от него.

Ничего не говорит, лицо его серьезно, в глазах настороженность. Давай, парень, не бойся. Он попытался повернуться так, чтобы были видны пути на запястьях — напрасная трата времени: ребенок мог видеть лишь кляп у него во рту и связанные ноги. Маленькие ножки отступили, движение Джеффри обескуражило его. Что это, черт возьми, с ребенком? А чего ты ожидал, Джеффри? Что твоя мама тебе говорила, когда ты был маленьким и уходил в поля и леса поиграть или выходил пройтись по улице и скрывался за рядами домов? Не разговаривай с чужими, кругом бродят странные люди, не принимай от них сладости.

Харрисон уставился на мальчика, смотрел и пытался понять. Шесть или семь лет, глубокие и серьезные глаза, удивленный, грустно сжатый рот, руки, теребящие ткань брюк. Не идиот, не слабоумный, но

не решается подойти к человеку, лежащему в скрюченной позе. Это запретный плод. Как только мог, Джефффри Харрисон, невзирая на кляп во рту, попытался улыбнуться ребенку и сделать знак головой, чтобы он подошел поближе. Но ответной реакции не последовало. Он одиночка, самодостаточная крошечная личность. И он не примет жевательную резинку от человека, которого не знает. Но это не может так кончиться. Пожалуйста, не теперь, Боже. Пожалуйста, Боже, не надо таких шуток. Да, на установление контакта нужно время. Но времени не было, ведь Джанкарло ушел ненадолго, только за едой. Что этот подонок сделает с ребенком? Подумай об этом, Джефффри, подумай... Что сделает Джанкарло с ребенком, если застанет его здесь, его, живого свидетеля? Спешите, малыш, быстро подойдите ко мне. Не только моя жизнь висит на волоске, но и твоя тоже.

Джефффри Харрисон знал, что не имеет права втягивать в эту историю ребенка, что это частное дело его и Джанкарло. Но он снова сделал знак головой, и его щеки поверх тряпки изрезали морщинки, как он предполагал, приветственной улыбки.

Ребенок смотрел на него, без улыбки или страха, и маленькие сапоги стояли как вкопанные, он не качнулся ни вперед, ни назад. Да, на взаимопонимание потребуется много времени, а Джанкарло мог вернуться до того, как дело будет сделано.

На лесистых холмах у озера в Браччиано множество съехавшихся на отдых молодых людей разбили лагерь, поставили палатки. Поэтому молодой, заросший щетиной человек, появившийся на берегу не вызвал никакого интереса. Был пик сезона отпусков, и для многих прохладные и тенистые склоны, глубокое озеро в кратере вулкана представляли более привлекательное место для отдыха, чем переполненные пляжи изысканных курортов.

До тех, кто выехал из города хотя бы на время, бюллетени новостей не доходили: они не слушали радио и не читали газет. В лавке Джанкарло не привлек внимания, несмотря на то, что купил бритву из пластика, пену для бритья в форме аэрозоля и шесть розеток, наполненных сыром и помидорами.

Из лавки он направился в туалет небольшой траттории, устроенной на непрочных подпорках, прямо в серой пыли пляжа. Брился он осторожно, щетина на его лице была густой и можно было порезаться новым лезвием. Конечно, при отсутствии горячей воды

чисто выбриться не удастся, но и этого будет достаточно, чтобы изменить его внешность и отделить ее от образа, запечатлевшегося в памяти тех, кто его уже видел и рассматривал при встрече. Он как-то читал, что искусство успешного ускользания от преследователя состоит в переодевании, смене джинсов и куртки на темный костюм и галстук. Он поверил этому. Кто будет искать фанатика среди хорошо одетых и ухоженных? Он улыбнулся себе, как бы наслаждаясь титулом, который сам себе даровал. Фанатик. Много ярлыков они раздают тем, кто сидит в Директорате Демократия Кристиана и в Центральном комитете Итальянской Коммунистической Партии.

Его настроение улучшилось после бритья. Но были еще лавки, которые следовало посетить. Он купил носки и легкую рубашку с короткими рукавами, на которой было изображение замка Браччиано пятнадцатого века, нависавшего над деревней. Свою старую одежду он закинул в мусорный бак. Он остановился дальше и купил с лотка для газет дневной выпуск «Иль Мессаджеро». Посмотрел на портрет Джеффри Харрисона, держа страницу у самого лица. Это был портрет самой компании: безмятежный и прилизанный, безобидный и ограниченный, излучающий успех. На внутренней странице помещалась информация, которая и была ему необходима, ради которой он купил газету. Там было полное изложение охоты на него со всеми фактами, известными к двум часам утра, а также называлось имя полицейского, который вел это дело. Дотторе Джузеппе Карбони, работник Квестуры. Губы Джанкарло изогнулись, выражая его презрение к противнику. Среди мелочи, позвякивающей в его кармане, было четыре жетона. Достаточно для того, что он задумал. Теперь он разыскивал бар или тратторию, где была бы изолированная телефонная будка, потому что он не хотел, чтобы его подслушали, когда он будет звонить. В баре, мимо которого он проходил, было два общественных телефона, но они были открытыми и просто прикреплены к стене, а в этом случае он не мог бы считать себя в безопасности и уединении.

Поэтому он пошел дальше и шел до тех пор, пока не добрался до ресторана при клубе в конце полукилометровой эспланады. Там была закрытая телефонная будка в холле, ведущем с улицы во внутреннее святилище ресторана. Ему пришлось подождать несколько минут, пока

две хихикающие девушки кончили свой разговор. Они и не взглянули на хрупкого юношу когда, громко разговаривая, выбежали из будки.

Эти телефоны, расположенные не так уж далеко от Рима, были снабжены столичными телефонными справочниками. Он перелистал справочник, первые страницы замусоленного издания, водя по ним ногтем, пробежал глазами адреса и номера, входившие в список под заглавием «Комиссариат Полицейской Службы». В конце страницы он нашел то, что нужно: Квестура Сентрале — в. ди С. Витале 15 /4686/.

Он даст им бой, сделает так, как хотела бы Франка, даст бой прямо у дверей Квестуры, где они сидят со своими файлами, компьютерами и шрифтами. Они услышат о Джанкарло, эти поденщики и лакеи, услышат его имя! Он дрожал, натянутый, как бич, когда тот взвивается над спиной лошади и ударяет по ней. Его сведенная конвульсией рука дрожала, и в ней глухо позвякивали жетоны.

* * *

Не очень близко и не так уж далеко от Харрисона ребенок сел. Он скрестил ноги, локти его уперлись в колени, руками он поддерживал подбородок: детсадовская поза, ребенок, слушающий объяснения учителя.

Будто ты чертово животное, Джефффри, а он нашел полумертвую лису в силке, и у него есть терпение подождать и посмотреть, что произойдет.

Ребенок терпелив, готов ждать часами, слишком юн, у него нет чувства убегающего времени. Попытки Харрисона подзвать его поближе, заставить эти маленькие тонкие пальчики поработать над узлами его пут оказались неудачными. Все его кивки и жесты, которые он пытался делать головой, игнорировались, кроме одного раза, когда его сильные корчи вызвали выражение страха на лице ребенка. Его стройное тело как бы окаменело, и он был готов убежать. Не возбуждайся: Харрисон это понял. Ради Бога, не угрожай ему даже глазами. Надо задержать ребенка здесь, надо добиться его доверия, надо его улестить.

Ты хочешь удержать его здесь, Джеффри, в то время, как Джанкарло вот-вот вернется? Джанкарло со своим Р38 возвращается с едой, а ты пытаешься удержать ребенка здесь.

Боже, не знаю, а минуты уходят, а стрелки скользят по циферблату часов на его запястье.

На лице ребенка отразилась чуть ли не печаль, когда Харрисон попытался заглянуть в его глубины. Он, должно быть, ребенок с фермы, достаточно самостоятельный, полагающийся на себя, в своих развлечениях, дитя лесов, и обязан лояльностью только своим родителям. Славное дитя. Такого можно встретить на возвышенностях Йоркшира или торфяных болотах Девона, или на дальних побережьях Ирландии. Бог знает, как найти общий язык с этим занудой. Не могу ни напугать его, ни расположить к себе. Если бы у него был собственный ребенок, но Виолетта сказала, что ее фигура... Не могу винить эту чертову Виолетту, не ее вина, что ты не знаешь, как разговаривать с детьми.

Надежда покидала Харрисона. Движения его головы замедлились, и он заметил, что когда становится инертным, в глазах ребенка застывает скука. Так он уйдет, поднимется с земли и побредет своей дорогой. Именно так он и сделает: лежи спокойно, пусть он заскучает и, моли Бога, чтобы он ушел до того, как вернется Джанкарло: это спасет малыша. Это был достойный выход, вроде нырянья в одежде в ледяную воду, чтобы спасти младенца.

Боже, я не хочу, чтобы он уходил. Страх, ужас, что ребенок его оставит, снова вернулись, и он опять стал кивать головой и пытаться пантомимой изображать клоуна. Ненавидя себя, он старался в своем лихорадочном взгляде выразить призыв к ребенку подойти ближе. В это время он слышал шаги. Возвращался Джанкарло.

* * *

— Квестура слушает.

Джанкарло нажал на кнопку, что позволило жетону упасть в недра машины.

— Квестура...

— Будьте любезны, офис дотторе Джузеппе Карбони.

— Минутку...

— Благодарю вас...

— Не стоит благодарности.

Минута неопределенности, щелчки переключения. Пот ручьями стекал по груди Джанкарло.

— Да...

— Могу я поговорить с дотторе Джузеппе Карбони?

— Сейчас он очень занят. А о чем вы хотите поговорить?

— О деле англичанина Аррисона...

— Не могу ли я быть вам полезен? Я работаю в офисе дотторе Карбони.

— Я должен поговорить с ним самим. Это важно.

Были слышны звуки всех звонков в офисе Карбони.

Джанкарло сознавал, что все они регистрируются, но, если звонки не вызывали сомнений, то процедура слежения едва ли была автоматической. Он старался говорить спокойно и размеренно.

— Минутку... Кто звонит?

Джанкарло вспыхнул:

— Это не имеет значения.

— Минутку.

Снова ожидание. Он опустил в аппарат еще один жетон. Невесело улыбнулся. Неподходящее время упустить возможность поговорить из-за того, что не хватит монет. Последние две он сжимал в руке. Более чем достаточно. Он вздрогнул, сжимая трубку.

— Говорит Карбони. Чем могу быть вам полезен?

Казалось, что голос исходит откуда-то издалека, на линии был слышен шепот, как если бы там накопилась огромная усталость и тяжелая покорность.

— Слушайте внимательно, Карбони. Не перебивайте. Это представитель Нуклеи Армати Пролетари...

Говори четко, Джанкарло, Помни, что ты им наносишь удар. Помни, что ты их ранишь, как если бы пистолет Р38 направляла уверенная рука Франки.

—...Мы захватили англичанина. Если Франка Тантардини не будет выпущена из тюрьмы и ей не позволят покинуть территорию Италии и уехать в дружественную социалистическую державу до девяти часов завтрашнего утра, — транснационал Аррисон будет казнен за его

преступления против пролетариата. Это все, Карбони. Мы перезвоним сегодня вечером. И когда вас попросят к телефону, нас должны соединить немедленно и в вашей комнате должна находиться Франка Тантардини. Мы сами с ней поговорим. Если связи не будет, если там не будет товарища Тантардини, чтобы мы могли поговорить с ней, Аррисон будет убит. Мы позвоним вам сегодня вечером в восемь...

Часы на его руке показывали, что он проговорил сорок секунд с момента, когда назвал источник коммуникации. И система слежения уже была включена. Безумие, Джанкарло, безумие. Это поведение дурака. — ...Вам понятно?

— Благодарю вас, Джанкарло.

Голова юноши метнулась вперед, белые бескровные пальцы вцепились в пластиковую телефонную трубку. Он выдохнул шепотом:

— Как вы узнали?

— Мы знаем много, Джанкарло. Джанкарло Баттистини. Родился в Пескаре. Отец держит там лавку готового платья. Рост метр шестьдесят восемь. Вес в момент, когда выходил из тюрьмы Реджина Коэли — шестьдесят один килограмм. Позвони снова, Джанкарло...

Часы показывали, что прошло еще двадцать секунд. Потерянное время. Джанкарло огрызнулся:

— Она должна там быть. У вас на этом телефоне будет товарищ Тантардини?

— Если тебе это приятно.

— Не сомневайтесь в нас. Если мы говорим, что убьем Аррисона, не сомневайтесь, мы так и сделаем.

— Я верю, что вы его убьете, Джанкарло. Это будет неумно, но я верю, что вы на это способны...

Указательным пальцем Джанкарло надавил на крючок рядом с телефонной коробкой, ощутил, как ослабевает давление, прежде, чем звук подтвердил ему, что разговор окончен. Франка говорила, что им требуется две минуты, чтобы проследить, откуда был сделан звонок. Он закончил разговор раньше, не дал им такой возможности. Сумел ограничить время. Он вышел из ресторана в яркий солнечный день, колени его были ватными, дыхание учащенным, сознание в смятении. Они должны были бы пресмыкаться перед ним, но этого не было. Они должны были бы склониться, но держались прямо. Возможно, там где—

то внизу его живота уже таилось чуждое и нездоровое предощущение неизбежности поражения.

Но это чувство скоро прошло. Он выпятил подбородок, и глаза его засверкали. Он заторопился назад по пыльной дороге, возвращаясь в лес.

* * *

Прошло более часа с тех пор, как пришел ребенок, а на его лице все еще было выражение заинтересованности.

Харрисон больше не двигался, не пытался заставить мальчика подойти ближе. Пытался, ты бедный ублюдок, пытался, и знаешь это. По нему ползали муравьи. Здоровые чудовища, укусы которых были ошеломляюще сильными, они кусали, уходили, возвращались, звали друзей, потому что гора пищи была беззащитной и забавной. И за все это время ребенок не проронил ни единого слова.

Уходи, ты, маленький зануда, уходи, беги к своей маме и чаю. От тебя мне все равно никакого толку. У этого малыша была хорошенькая мордашка, на лбу прорезаны линии, будто он был младенцем-мучеником с витража в церкви. Виолетта, заметив такое личико, как у этого паренька, впала бы в экстаз, стала бы ерошить его волосы и ворковать с ним. Почему ребенок не отвечает. Ему все равно? Он пойдет в церковь, этот пострел, в воскресенье утром, и волосы его будут причесаны, а лицо вымыто, он весь будет сиять от красного костюмчика до начищенных сандалий и белых носочков, возможно, он будет распевать в хоре и даже не вспомнит странного человека в лесу, человека с безумным взглядом и телом, подергивающимся от страха. Он будет в церкви... если Джанкарло вернется не так скоро.

Ребенок вздрогнул, как насторожившийся кролик, быстро вскочил на ноги, легко, со свойственной юности упругостью.

Для Харрисона не осталось ничего, кроме летаргического движения леса.

Ребенок начал отодвигаться в сторону, а Харрисон, замороженный, наблюдал, потому что под сапогами, которые скользили по сухим листьям и веточкам, не было слышно ни единого звука. Его место, подумал Харрисон, тут — среди животных и птиц. Вероятно, он не

знает, как выглядит классная комната, потому что здесь его место для игр. Он видел, как ребенок уходит, видел, как его легкое тело сливается с бледно-серыми линиями древесных стволов. Когда мальчик был уже у самого края его поля зрения, Харрисон увидел, как он опустился на колени, раздвинул листья папоротника и ветки молодых деревьев, чтобы они не били его по лицу и плечам. Ребенок удалился меньше чем на двадцать ярдов, но, когда он скрылся среди кустарника, Харрисон напрягся, чтобы проследить глазами место его укрытия. Появился Джанкарло, который старался двигаться осторожно, но, казалось, не находил места, куда можно было бы бесшумно поставить ногу. Он и был источником шума, потревожившего мальчика.

Он быстро приближался с пистолетом в руке и коричневым бумажным мешком, зажатым свободной рукой под мышкой. Он был насторожен, шарил глазами между стволов деревьев, не находя ничего, что вызывало бы тревогу. Опустившись на колени, засунул пистолет за пояс штанов. Чисто выбритое лицо и яркая рубашка с короткими рукавами придавали ему невинный вид. Харрисон еще не видел его таким.

— Еда. Я еще тоже ничего не ел. Мы оба умираем с голоду.

Раздался легкий смешок, и Джанкарло наклонился вперед, руки его скользнули под голову Харрисона и развязали носовой платок. Он вытащил его и бросил рядом.

Харрисон сплюнул, вытолкнув слюну языком. Вытер рот. Все еще согнувшись, Джанкарло прыгнул, приземлившись на дно ямы, и начал деловито и быстро развязывать шнур на запястьях Харрисона.

— Лучше, да? Лучше?

Харрисон вглядывался в его лицо, силясь понять неуловимое изменение в атмосфере. После долгих часов молчания в машине, после побоев ранним утром это новое веяние было для него слишком сложным, чтобы понять его.

— Что ты раздобыл для нас поесть? — спросил он вяло, потирая запястья, чтобы восстановить кровообращение. А какое, черт возьми это имеет значение? Разве это важно.

— Немного. Хлеб с сыром и салат. Заморить червячка.

— Очень хорошо.

— Я разговаривал с человеком, который пытается тебя найти. Это дурак из Квестуры. Я звонил ему. Сказал, что случится, если они не освободят Франку к завтрашнему утру.

Джанкарло вытащил из пакета круглый рогалик без сыра и протянул Харрисону. Затем с гордостью произнес.

— Он попытался втянуть меня в разговор, чтобы дать им время засечь меня, но это старая штучка. Сегодня вечером ты не услышишь сирен, Аррисон. Я также сказал ему, что хотел бы поговорить с Франкой сегодня вечером и что они должны доставить ее в офис.

Банальная глупая болтовня двух мужчин, которые пробыли вместе слишком долго и которых эта тишина стала угнетать.

— Что, ты сказал, случится, если они не освободят Франку?

Слова Харрисона звучали, как невнятное бормотанье, из-за того, что рот его был набит хлебом и салатом.

— Я сказал им, что ты будешь казнен.

— Ты им это сказал?

— Я сказал, что убью тебя.

— И что они ответили? — Харрисон продолжал есть. Слова их обоих были слишком нереальными, чтобы представлять какой-то вес.

— Имя человека, который за тобой охотится — Карбони. Я говорил только с ним. Он ничего не сказал.

— Он сказал, что Франка будет освобождена?

— Он не дал ответа.

Джанкарло улыбнулся. В его вымытом и побритом лице была какая-то теплота, какое-то даже очарование.

— Он не ответил ни на один из моих вопросов. Ты представляешь, он знает мое имя, знает, кто я и с кем он разговаривает. Ему это было приятно. Он был польщен, этот человек, Карбони. Это правда, я говорю серьезно, совершенно серьезно, Аррисон. Мне будет жаль убивать тебя. Я бы этого не хотел.

Джеффри Харрисону было слишком трудно это понять. Однажды во дворе за домом его отца они наблюдали за курами, которые гуляли вдоль забора, тогда они решали, которую из них съесть, и он пытался объяснить выбранной птице, что в их выборе не было ничего личного, никакого зла.

— Тебе это не поможет, если ты меня застрелишь, — Харрисон пытался сохранять спокойствие, пытался смягчить и успокоить его,

разговаривая с ним.

— Есть правило: каждый раз, когда ты угрожаешь, то должен выполнить свою угрозу, если хочешь, чтобы тебе верили. Понимаешь это, Аррисон? Я говорю, что убью тебя, если мне не дадут того, что я прошу, и должен это сделать, если мое условие не выполнят. Это правильно. Ты понимаешь, Аррисон?

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты имеешь право знать.

Харрисон повернул голову. Это было медленное ненарочитое движение, оглядел деревья перед собой, и вдруг среди деревьев его взгляд уловил синюю и белую клетку рубашки этого идиота — парнишки, который сидел там, где только что был Джанкарло.

— Они отдадут тебе твою Франку, Джанкарло?

— Нет, — сказал он просто, его рука нырнула в мешок, и он передал Харрисону еще один рогалик. Подумав, добавил:

— Нет, не думаю. Но я должен попытаться, верно, Аррисон? Ты согласен, что я должен попытаться?

* * *

С прибытием из Виминоле Франческо Веллоси совещание на высшем уровне в офисе Карбони можно было начинать. Перед тем, как приехал глава группы борьбы с терроризмом, прибыл Министр внутренних дел, а до него — судья, который успешно манипулировал мнением собратьев по профессии, добиваясь, чтобы ему поручили вести расследование.

Все они были усталыми и слишком подавленными, чтобы болтать. Для начала они начали обсуждать вопрос приоритетов, а министр в это время сидел с опущенной головой, потому что знал — наказанием за провал попытки арестовать террориста будет отставка, и среди окружавших его людей не мог найти таких, у кого был бы стимул проявить инициативу. Было много вопросов, заслуживавших обсуждения.

Следует ли представить Совету Министров рекомендацию отказаться от рассмотрения вопроса об освобождении Франки

Тантардини? Следует ли разрешить ей поговорить по телефону с Баттистини?

По крайней мере, два жетона было использовано во время телефонного разговора. Звонок был сделан не из Рима, а из сельской местности. Главной силой, следившей за отправлением закона, были карабинеры. Будут ли теперь они вести дальше поисковую операцию или общее руководство будет по-прежнему осуществлять полиция?

Был ли смысл войти в контакт с секретариатом Ватикана, чтобы узнать, имеет ли Его Святейшество возможность использовать обращение, подобное тому, которое было сделано папой Павлом VI ради спасения жизни Альдо Моро?

Должен ли Председатель Совета Министров выступить по радио с обращением к стране?

Почему оказалось невозможным получить более подробную информацию с того места, откуда был сделан телефонный звонок?

Многое из этого было не нужно, на это бессмысленно уходило время, что нарушало концентрацию внимания людей, находившихся в комнате. В то же время нужно было уяснить, нет ли опасности провала завтрашней операции. При таком исходе репутации многих существенно пострадают, а, возможно, и будут погублены совсем. Следует защитить тылы. В конце концов Джузеппе Карбони, самому младшему в иерархии, было дано то, что можно было бы определить как свободу действия. Ему придавались подразделения связи (чтобы он имел возможность контактировать с Криминалполлом), карабинеров и вооруженных сил. Если операция увенчается успехом, тогда все те, кто ввел в действие силы по поисковой операции, выдвинутся на передний план. Если операция окажется неудачной, то плечи опустятся, головы будут повернуты в другую сторону, и Карбони останется в одиночестве. Когда совещание окончилось и все поднялись из-за стола, комната быстро опустела. Казалось, что несчастье уже коснулось этих стен и оставило свои следы на их штукатурке. Стоя у стола и слабо улыбаясь в спину удаляющегося Министра, Карбони размышлял о том, как мало было выиграно, и сколько времени растрчено зря.

— Смотрите на это под другим углом зрения, — сказал Веллоси, обнимая Карбони за плечи. — В нас, пытающихся спасти Харрисона,

мало сходства, но это и не главное. Главное, что мы найдем эту накипь...

— Вы говорите так, будто мы перешли на военное положение, — пробормотал Карбони.

— Имеет значение только то, что мы нашли эту мразь, и завтра или через месяц, или через год уничтожим его. Он и не доживет до Асины.

— Они тянут нас вниз, Веллоси.

— Но это как раз та почва, на которой мы с ними контактируем, боремся и побеждаем.

— Если в такое время можно добиться победы... Я не очень в этом уверен.

— Думайте о настоящем, Карбони. Найдите мне Баттистини. — Веллоси сжал его руку и вышел в дверь.

* * *

В месте для парковки машин перед трагаторией Виолетта Харрисон припарковала машину. Она сделала это неаккуратно, не избежав всплеска движения и протеста перегруженного мотора. Стоянка была предназначена для хозяев трагатории, но она возьмет чашку кофе, и, возможно, полграфина белого вина, и это умилюстит официантов в белых рубашках, уверит их в ее праве на место. Веранда трагатории находилась позади здания. Она быстро прошла через деревянное строение с покоробившейся железной крышей, мимо кухни, где поддерживали огонь, чтобы жарить барашка и телятину. Она посидит за бамбуковой ширмой и отсюда сможет понаблюдать за мальчиками на пляже.

Она казалась умиротворенной, спокойной, но очки «Полярроид» на ее лице скрывали покрасневшие глаза. Для мира у нее была заготовлена поза покоя и умиротворения, не позволявшая увидеть то, что скрывалось внутри. Она сидела за столом и ждала. Иногда поворачивала голову и смотрела вниз, обыскивая взглядом пляж, — она была по-прежнему одержима навязчивой идеей.

В огромной сонной столице было послеполуденное время. Свирепая жара охватывала тела немногих римлян, апатично двигавшихся по источающим жар улицам. Для пешеходов почти не было защиты от солнца. Даже высокие здания 19-го века на Корсо не давали тени. Мостовые, покинутые жителями, были предоставлены потным, изнывающим от жары туристам. Судорожно сжимающие в руках карты, изучающие путеводители, облизывающие мороженое, они ощупью пробирались от руины к руине, выражая свое восхищение на пронзительном японском, трубном американском и повелительном немецком.

Словно иностранец в собственном городе, Джузеппе Карбони нетерпеливо пробирался среди праздно шатающихся зевак. Он пересек маленькую площадь перед церковью с колоннадой и заторопился к центральному входу в церковь Сан Пьетро в Винколи. Посетители стояли плотно, плечо к плечу, сбившись в группы вокруг своих гидов. У них были серьезные и торжественные лица, в то время как они впитывали культуру и промокали свои влажные от пота подмышки. Карбони сказали, что он найдет здесь Франческо Веллоси. Церковь Сан Пьетро в Цепях — это место, где трепетно хранят цепи святого, сверкающие и покрытые темной краской внутри золоченого ковчежца со стеклянной крышкой. Центральный неф был занят группами, впитывающими обязательную информацию: возраст здания, даты реставрации, историю гробницы Юлия Второго, гладкой скульптуры, изображавшей бородатого мускулистого Моисея работы Микеланджело. В проходах, в более узких нефах, где туристы уступали место молящимся, там, где тени были гуще, где высокие свечи горели неровно, где с улицы входили женщины в черном, чтобы помолиться, Карбони мог разыскать своего человека.

В правом нефе он и увидел Веллоси, в третьем ряду, стоящего на коленях, сгорбившись, на красной подушечке. Непреклонный руководитель борьбы с терроризмом сейчас склонился в молитве по своему убитому шоферу, которого должны были хоронить нынче

утром. То, что Веллоси выбрал эту церковь, не было удивительно. На тех самых ступенях, по которым только что поднялся Карбони, карабинеры застрелили Антонио ля Мушио и захватили террористок Ля Вьенале и Салерно. Это место было для него символом триумфа и победы, оно должно было вдохновлять тех, кто боролся с подпольными врагами, подрывавшими систему и насаждавшими анархию.

Карбони не стал мешать. Он пересек проход к маленькому боковому алтарю и стал ждать с руками, скрещенными на животе. Голоса гидов казались отдаленными, шелест десятков ног был почти не слышен. Место спокойствия. Место, где можно было стряхнуть на несколько бесценных минут груз страха и отчаяния, отягощавший обоих мужчин. Карбони, подогнув пальцы ног, наблюдал и ждал, забыв о времени, которое уходило безвозвратно. Карбони обуздал себя: он должен быть благодарен, если не больше, за то, что ему удалось ускользнуть из-за своего письменного стола, от своих помощников, телефонов и бесконечных компьютерных распечаток.

Внезапно Веллоси поднялся с колен и сел на скамью. Карбони бросился к нему и сел рядом. Когда их глаза встретились, Карбони смог увидеть, что человек отдохнул, что его освежило очищение молитвой.

— Простите меня, капо, что я пришел сюда, чтобы разыскать вас.

— Ничего, Карбони. Я пришел сказать несколько слов молитвы за моего Мауро...

— Хорошее место. — Карбони говорил тихо и одобрительно.

— Здесь мы убили крысу, уничтожили Ля Мушио... Это хорошее место, чтобы придти сюда поговорить с другом.

— Подходящее, чтобы вспомнить успех. Катастрофы обременяют и мертвят.

На губах Веллоси появилась кривая усмешка:

— С катастрофами мы хорошо знакомы, а успех — это звезда, которую мы ищем.

— И очень часто облака закрывают звезду... ее редко бывает видно.

Оба говорили шепотом, как и подобает в церкви. Веллоси наслаждался передышкой, пока Карбони готовился сообщить ему цель своего визита.

Послышался глубокий вздох Карбони. Это был вздох человека, готовящегося прыгнуть в зимнее море с волнореза, предварительно сбросив одежду и полотенце.

— Мы долго говорили на этом совещании, — ринулся в бой Карбони. — Достаточно долго, чтобы уладить все важные вопросы, но в конце концов мы ничего не решили, ничего, кроме факта, что ответственность берет на себя Джузеппе Карбони...

— Вы ожидали чего-то другого?

— Может быть, да, может быть, нет. — Карбони смотрел прямо перед собой, пока говорил, и видел высохшую, костлявую женщину в черном, которая тихо шептала что-то у алтаря.

— Такое собрание — это фарс, болтовня людей, которые словопрениями хотят сделать все, чтобы избавиться от ответственности и взвалить ее на мои плечи.

— Они достаточно широкие для этого, — хихикнул Веллоси. — Вам следует работать в Виминале, быстро научитесь тогда распознавать, что нормально, а что приемлемо.

— Мы разрешим этой женщине Тантардини поговорить с ее любовником? — Голос Карбони теперь звучал резче, лицедейство было окончено. Веллоси ответил ему, и тон его был совсем иной: улыбка увяла, в голосе звучала свирепость.

— Я ненавижу эту суку. Поверьте мне, дорогой друг, я ее ненавижу. Я молюсь Иисусу сладчайшему, чтобы мы могли убить ее на улице.

— Понятно, но помочь этому нельзя.

Веллоси спросил отрывисто:

— Что вам нужнее всего?

— Сейчас у меня ничего нет. Я только знаю, что рано утром Баттистини был недалеко от Рима. Я знаю, что он перемещался. У меня нет надежды на то, чтобы добраться до него раньше, чем завтра утром.

Его решимость, казалось, иссякла.

— Итак, вы должны выследить и найти его. Если сука будет здесь и поговорит с ним, у ваших инженеров будет возможность...

— Так она должна с ним поговорить?

— Вы должны ее заставить. — В голосе Веллоси появилась ворчливая нота, как если бы их разговор дошел до непристойностей.

— Если бы я попросил ее об этом, — она плюнула бы мне в лицо.

Карбони оглянулся в ответ на протестующий кашель тех, кто возражал против повышенных голосов, вторгавшихся в их молитвы. Он встал, Веллоси последовал его примеру, вместе они прошли по боковому проходу между колоннадой и стульями.

— Что бы вы ей сказали?

— Это вам решать.

— Я пришел за помощью, Веллоси.

— Я не могу вам помочь. Вы должны сообразить, вычислить ее, когда увидите. Когда вы ее увидите, поймете, почему я не могу вам помочь.

Теперь на Веллоси не действовала тишина церкви.

— Она отравы, и вы должны понимать, какие последствия повлечет за собой то, что вы включите ее в свою игру.

Карбони так же внимательно смотрел на Веллоси, как тот на него, пока они стояли в огромных раскрытых дверях. Маленькая и пухлая фигурка, которую подавляли рост, открытое и волевое лицо коллеги. С минуту он взвешивал свои слова.

— Она заставляет вас нервничать. Даже из своей камеры в Ребиббиа она вас пугает.

Ни возражений, ни изъявлений протеста не последовало. Веллоси просто сказал:

— Будьте осторожны, Карбони, помните, что я вам сказал. Опасайтесь этой суки.

* * *

В течение дня мало что произошло в отношениях между Джеффри Харрисоном и Джанкарло Баттистини. Руки Харрисона не были связаны, но его единственным движением было — отгонять мух и смахивать муравьев с тела и ног. Должно быть, он поспал, безусловно он подремал в этом полумраке. Джанкарло все время наблюдал за ним, небрежно и ненавязчиво, а пистолет покоился на листьях поблизости. Летнее солнце стояло высоко и жгло даже сквозь полог листвы. Оно было достаточно жарким, чтобы от него пожухли все листья, даже если бы переменялся ветер. Липкий, страдающий от

жары, чувствуя себя побежденным, Харрисон превратился в нечто ленивое, бездумное, принадлежащее этому миру. Его ум был свободен от мыслей и надежд. Присутствие клетчатой сине-белой рубашки в нескольких ярдах от них среди подлеска, за спиной Джанкарло, не давало надежд на спасение. Это был еще один свидетель его беспомощности, еще один зритель. Потребности тела заставили Харрисона снова заговорить.

— Зов природы, Джанкарло.

Смешно, что он ощущал неловкость. Он ведь не мог пользоваться языком туалетной комнаты мужского клуба. Не мог сказать: я хочу срать, Джанкарло. Я хочу наложить кучу дерьма, Джанкарло. Он не хотел сказать это и в другой форме и боялся запачкать брюки.

— Я уже давно не делал этого.

Джанкарло поглядел на него с любопытством, как бы испытывая новый бастион своего могущества. Великий человек из транснациональной компании снова должен просить у Джанкарло разрешения, потому что иначе от него будет вонять, а это повредит его достоинству, и он перестанет быть человеком со значением и положением. Кошка и мышка. Мальчик и бабочка со сломанным крылом. Джанкарло дразнил его насмешливым и наигранным недоверием:

— Может, ты пытаешься обмануть меня, Аррисон.

— Право, Джанкарло. Мне надо удалиться. Я не разыгрываю тебя.

— Юношу слегка тронуло его отчаяние:

— Может, ты попытаешься удрать от меня?

— Обещаю, это не шутка... Я быстро.

— Что ты должен сказать в этом случае, Аррисон? Что тебя учили говорить, когда ты просишь о чем-нибудь?

— Пожалуйста, Джанкарло...

Юноша улыбнулся, ухмылка заиграла на его губах.

— И ты хочешь уйти под деревья, где тебя не будет видно. Ты думаешь, здесь много народу, который может тебя увидеть?

— Пожалуйста, Джанкарло.

Юноша был удовлетворен. Еще одна победа, еще одна демонстрация силы. Достаточно, его самолюбие было удовлетворено. Он оставил Р38 на земле и медленно, не торопясь, двинулся к

Харрисону. Было делом нескольких секунд развязать эластичный шнур, который привязывал лодыжки Харрисона к корням дерева.

— Отойдешь только на четыре или на пять метров, не больше, Аррисон, не больше.

— Ты не освободишь мне ноги?

Джанкарло еще больше развеселился.

— Ползи, Аррисон, и следи за тем, куда ставишь руки.

Харрисон еще раз посмотрел мимо Джанкарло на то место, где было укрытие ребенка. Сквозь листья и ветки еще были видны цветные пятна его рубашки. От бессилия рождался гнев. Маленький подонок. Как чертов щенок, слишком юный, чтобы его тренировать, который останавливается на месте и шалит, и не идет к тебе. На руках и коленях Харрисон полз, изображая из себя домашнее животное, к куче березовых стволов.

— Не слишком далеко, Аррисон.

Это был насмешливый и издевательский окрик.

От его коленей оставался след на листьях и поверхности земли, пока он не оказался частично скрытым деревьями. Он спустил брюки, сел на корточки, используя руки для опоры и почувствовал, как уходит сжатие и боль. Боже, какое облегчение. Чертова свобода. И чертов запах тоже.

— Пожалуйста, Джанкарло, у тебя нет бумаги?

Из-за деревьев раздался всплеск смеха.

— У меня нет для тебя биде. У меня нет аэрозоля, чтобы ты мог попрыскать под мышками. Но бумага найдется.

Униженный, Харрисон поблагодарил его и снова повторил слова благодарности, когда мешок из-под рогаликов, брошенный с большой точностью, приземлился у его ног.

Он привел себя в порядок, натянул брюки, счистил с них грязь на использованную бумагу и потащился к своему тюремщику и к своей тюрьме. Он полз к утоптанной почве пещерки, лег там, заняв привычное положение, податливый, не способный к сопротивлению, с руками, сложенными за спиной.

— Закрой глаза, — раздалась команда. Какой у него шанс на сопротивление, когда связаны ноги? Ничего, только боль и ничего больше. Он крепко сжал веки и услышал только легкие звуки шагов Джанкарло, а потом его руки свирепо вцепились в запястья Харрисона,

он почувствовал нажим колена на спину, и гибкий шнур крепко и жестко обвился вокруг его плоти.

Давление прекратилось, и снова послышался насмешливый голос:
— Можешь открыть глаза.

Над краем кратера Харрисон увидел стоящего Джанкарло, который наблюдал за ним, уперев руки в бедра.

В его улыбке, выражении рта и тусклом блеске глаз было что-то бездумное и бессмысленное.

— Получаешь удовольствие, Джанкарло. В этом есть что-то нездоровое. Это значит, что ты болен...

— Теперь мы произнесем грандиозную речь.

Глумление мальчишки, пустота, подстегнутая контактом.

— Обращаться с кем-либо так означает деградацию. Ты сумасшедший, чертов псих. Знаешь, что это значит... ты безумен, Джанкарло, ты уже перескочил за черту.

Зачем это говорить? Зачем беспокоиться? Какое, черт возьми, значение это имеет?

— Понимаю, что ты говоришь.

Юношу, кажется, это не затронуло.

— Ты стал животным, Джанкарло. Порочным, заразным, маленьким... — Джанкарло повернулся к нему спиной с заученной медлительностью и тщательностью.

— Я не слушаю речей. Я не обязан тебя слушать.

— Почему бы тебе не сделать это сейчас?

Шепот страсти, без пыла. Слова второго боксера на ринге, когда он уже навиделся крови и готов сдаться.

— Потому что еще не время. Потому что я не готов.

— Я снова повторяю, Джанкарло, ты получаешь от этого удовольствие. Ты, должно быть, чувствуешь себя ребенком, играющим в игры взрослых. Ты это чувствовал, когда убивал тех людей в амбаре? Легкая разминка, да? Что ты собираешься сделать, когда убьешь меня, спустишь свои чертовы штаны...?

Глаза Джанкарло сузились. На его слабо выраженном лбу углубились морщинки, он нахмурился. Его голос прозвучал, как дуновение ветра среди деревьев.

— Ты ничего о нас не знаешь. Ничего. Ты не можешь знать, почему человек уходит в подполье «сотта терра», почему человек

отбрасывает все привязанности, которыми люди так дорожат, забывает свое вонючее гнездо, почему человек сражается, чтобы разрушить прогнившую систему. Ты самодоволен, благополучен, ты разжирел, ты слеп. Ты ничего не знаешь о борьбе пролетариата.

Наполовину погруженный в грязь Харрисон кричал:

— Дурацкие клише. Попугайная болтовня, которой ты научился в сточных канавах.

— Ты не облегчаешь свое положение.

Пытаясь изобразить суровость, Харрисон крикнул:

— Давай покончим с этим.

— Я сказал им, что это будет в девять утра, если я не получу свою Франку. Я подожду до девяти. Это мое слово. То, что я подержу тебя до этого времени, не повредит мне.

Джанкарло отошел на несколько шагов и прекратил дискуссию. Обратился к своим внутренним ресурсам, ушел из пределов досягаемости Харрисона.

И он прав, Джеффри, ты ничего о них не знаешь, вообще ничего не знаешь об этой новой породе, которая пока еще в зародыше. Ничего о ненависти, втиснутой в этот ум. И нет помощи, нет спасения, кавалерия на этот раз не придет тебе на помощь. Ты уже труп, Джеффри. Все.

Харрисон смотрел в серо-зеленую дымку переплетающихся ветвей и листьев молодых деревьев и чувствовал, что впадает в величайшее одиночество. Он не мог видеть ребенка. Возможно, дело было в его глазах, возможно, он смотрел в другое место, но он больше не находил клетчатой рубашки, хотя всматривался в тень леса так, что у него заболели глаза.

* * *

На столе уже стоял второй графин, опустошенный ею.

А мальчика все не было. Официанты подали ленч, сделали знак своим патронам и сняли скатерти со столов, сбитых из деревянных планок Виолетта Харрисон, казалось, не замечала этого. С заученной вежливостью они ждали, пока она играя, выпьет мелкими глотками последний стакан вина. На большом цирковом колесе, которое все

время крутилось у не в мозгу, надежда сменялась отчаянием, а молодые люди на пляже сновали мимо. Они были прямыми, загорелыми от ветра и солнца и бесконечных ударов песчинок, с уверенными и наглыми глазами и зачесанными вниз волосами. Любой бы подошел для ее цели. Она увидела мальчика далеко на пляже, шагавшего между двумя товарищами. Тотчас же узнала его.

— Пожалуйста, дайте мой счет.

Она порылась в сумочке, ища деньги, сделала знак официанту, что сдачи не надо, и встала, очаровательно улыбаясь. Выйдя из ресторанчика, она двинулась походкой, которую сама бы определила как небрежную. Пошла так, что ее путь должен был пересечься с дорожкой, по которой шел мальчик.

Она не смотрела направо, откуда он должен был появиться, но держала голову высоко и прямо и глядела на синее море с белыми пятнами пены.

Она продолжала идти, ожидая приветствия, пожираемая все растущей, расползающейся по всему телу нервозностью.

— Английская леди, добрый день.

Она обернулась, зарываясь сандалиями в теплый песок. Не то, чтобы она могла продемонстрировать изумление, но, когда его голос раздался почти за ее спиной, он врезался в ее сознание и обжег его.

— А, это вы.

Как еще она могла бы себя повести? Как придумать умный ответ, если единственное, чего вы ждете — это жеребец, необходимый для полчасовой оживленной анонимной деятельности?

— Я не ожидал увидеть вас здесь снова.

— Это общественный пляж.

Не отпугивай его. Слишком банально, Виолетта. Ты будешь ненавидеть и проклинать себя. — Я прихожу сюда довольно часто.

Она заметила, что мальчик сделал едва заметный жест руками, щелкнув указательным и большим пальцами, давая двоим другим понять, чтобы они предоставили его самому себе. Рядом, совсем близко, но не соприкасаясь, не вступая в контакт пальцами рук, не дотрагиваясь друг до друга бедрами, они вместе двинулись к морю.

— Вы хотели бы поплавать, сеньора?

Он также говорил бы с подругой своей матери, — подумала Виолетта.

— Пока еще нет. Я думала немного полежать на пляже.

— Дайте мне ваше полотенце.

Она покопалась в своей сумке и вытащила его. Он расстелил его на песке и сделал ей знак сесть, потом сел рядом. Там было недостаточно пространства для двоих, если бы им вздумалось разделить его.

Его купальный костюм был коротким, и гротескно обтягивал выпуклости его тела. Понимаешь, Джеффри. Их бедра соприкоснулись. Ты не бросишь в меня камня, Джеффри.

— Меня зовут Марко.

Джеффри не узнает. Таково было правило. Никаких ударов ниже пояса. Никаких сведений, значит, и никакой обиды.

— Я Виолетта.

— По-английски это означает название цветка, да? Думаю, очень красивый цветок.

Я знаю, ты один, Джеффри. Я тоже одна. Ты не можешь двинуться, не можешь ничего сделать. Я тоже не могу.

— Я сказала это в прошлый раз, когда мы встретились, и была права. Ты очень нахальный парень, Марко.

Он улыбнулся ей, отделенный несколькими дюймами полотенца. Реклама зубной пасты. Улыбка ребенка, которого взяли в магазин, и он знает, что сегодня его день рождения, знает, что если будет терпеливым, получит свой подарок.

* * *

— Который час, Джанкарло?

— Больше пяти.

Юноша погрузился в собственную бездну молчания. Ему надо было о многом подумать, о многом поразмыслить.

Оставалось менее трех часов до срока, который он сам поставил себе. Менее трех часов до того, как он поговорит снова со своей Франкой. Проблемы и варианты осаждали его ограниченный интеллект. Если они удовлетворят его требование, если они согласятся на обмен, куда он полетит? Алжир, Ливия, Ирак или Народная Республика Йемен? Примет ли его какая-нибудь из этих стран? И как

выбирать юноше, который никогда не был за пределами Италии. Как он сможет гарантировать ее и свою безопасность, если им разрешат увидаться в аэропорту? Каковы возможности этих свиней, которые борются с терроризмом? Может быть, они выберут для обстрела галерею независимо от наличия узника? Для него было очень трудно переварить это. Эти трудности слишком велики, они просто всеобъемлющи. Это была великая группа краснобригадцев, участвовавших в операции с Моро, а теперь все они сидели в Асинаре, запертые в камерах, конченные люди. В то время, как он рассматривал и взвешивал каждую карту в своей колоде, каждый фокус, росло сознание того, какая гора проблем громоздится перед ним. Начать с гавани, начать отсюда, потому что, если им некуда будет податься — они пропали. Им нужна страна, где они смогут обосноваться, начать жизнь сначала. Арабская страна? Что еще? Но даже их собственные люди сейчас были смущены и обескуражены. Он видел фотографии грузовиков, блокировавших дороги в Алжире, Бенгази и Триполи, если бы они это сделали, когда их арабский брат искал пристанища...

Слишком поздно, чтобы отвечать на вопросы. Время для ответов было до того, как Клаудио вошел в свою комнату в пансионе, до того, как скорый поезд помчал его к Реджио, до того, как в ужасе завопили калабрийцы.

Возможно, все это и не имело значения.

Знал ли он, что никакого обмена не будет? А если не будет обмена, то чего тогда руководство захочет от него?

Он мучился в своем чистилище, и ему становилось все хуже в тисках дилеммы. В чем же победа, в чем результат этого побоища? Тело его Аррисона в канаве, голова, разлетающаяся от пули Р38. Или он выпустит своего узника спокойно идти по дороге с коммунике в кармане, которое будет опубликовано в утренней «Paese Sera» и «Il Messagero»? Что лучше для пролетарской революции? В чем победа?

Что хотели доказать бригадовцы, когда убили Альдо Моро на покрытом слизью пляже Фочене?

Он был достаточно взрослым только для вопросов, слишком юн, чтобы найти на них ответы. Если он не найдет ответов, он не увидит больше свою Франку. Разве что через двадцать лет, а это значит никогда. Прошло всего три дня с тех пор, как его руки блуждали по ее коже, как ее золотистая головка лежала на его животе. И лишиться

этого на всю жизнь. Юноша ощутил приступ боли. Ничего не бывает просто, легко. Вот почему товарищи, участвующие в борьбе, тверды, как сталь, эта же сталь и во Франке Тантардини, и в мужчинах, которые сидят в тюрьме на острове. А в чем же сила Джанкарло Баттистини, в двадцатый год его жизни, любовника Тантардини, сына буржуа, члена НАП? Двенадцать часов, медленных и тягучих часов, и он получит ответ.

Он сжал руки так, что побелели суставы. Джанкарло дожидался минуты, когда он сможет оставить Харрисона и пробраться на берег озера Браччиано.

* * *

В комнате отеля Арчи Карпенгер слушал краткое и четкое резюме Майкла Чарлзворта. Голос казался далеким, и слышимость была плохая. Ситуация ухудшилась. Агентства Рейтер и ЮПИ ^[11] сообщали в своих телеграммах, что Джанкарло Баттистини, которого охарактеризовали как стажера НАП, позвонил по телефону в Квестуру, чтобы еще раз повторить условия ультиматума.

— Не знаю, как итальянцы допустили, чтобы такая информация ушла за пределы страны, но здесь не бывает ничего надежного. Кажется, Баттистини готов осуществить свои угрозы. Там полная депрессия в виду того, что дело принимает такой оборот, — сказал Чарлзворт.

Сдерживая себя, как ныряльщик, экономящий кислород, Карпенгер дослушал до конца. Потом последовал взрыв.

— Так что же вы все-таки делаете?

— Все, что делали раньше, Арчи. Ничего не изменилось.

— Черт бы вас всех побрал!

— Можешь, конечно, считать и так, — сказал примирительно Чарлзворт. — Если хочешь.

— А что, можно смотреть на это как-то иначе? Черт возьми!

— Сквернословие не помогает, Арчи. Ты ведь сам разговаривал с послем, он объяснил тебе ситуацию. Позже его вызывал Лондон. Я это слышал. Они его поддерживают.

— Он списал со счетов моего человека.

— Театральность тоже не приносит пользы. Я сожалею, очень сожалею. Мы все сожалеем... И все-таки приходи сегодня вечером поужинать.

— Хочешь, чтобы я пришел?

— Приходи и помоги нам разделаться с бутылкой. Ты пытался связаться с его женой?

— Я снова звонил, сделал над собой усилие, это было чертовски трудно, но я сделал. Телефон не ответил.

— Это мерзкое дело, Арчи, но не думай, что ты один надел на себя власяницу. Ты знаешь, мы ее разделяем с тобой.

Чарлзворт повесил трубку.

Арчи Карпентер застелил постель, причесался, поправил узел галстука и надел пиджак. Он спустился на лифте вниз, вышел через центральный коридор и парадную дверь отеля, раздраженно перешагивая через наваленные кучами чемоданы только что прибывших туристов. Вызвал такси и попросил отвезти его в Квестуру. Был ранний летний вечер, машины, мчавшиеся домой, обещали ему волнующую и оживленную поездку среди пешеходов и пересечений улиц, забитых транспортом.

Но Карпентер едва замечал это. Телефонный звонок из справочного бюро привел к тому, что его провели по лестнице в офис Джузеппе Карбони, превращенный теперь в тактический центр кризиса.

Рубашки с короткими рукавами, табачный дым, стаканы с кофе, на три четверти пустая бутылка скотча, лица, изборожденные морщинами усталости, вой электрических вентиляторов, болтовня телетайпов, и круглый, оживленный Карбони, излучающий энергию, в центре всего этого. Карпентер помедлил у двери, его увидели и сделали ему знак рукой.

— Входите, Карпентер. Входите и посмотрите на наши скромные усилия, — закричал ему Карбони.

Это был старый мир, знакомые запахи. Пункт оказания неотложной помощи в разгар работы. Здесь было нечто, и Карпентер мог это ощутить и впитать. Он чувствовал себя человеком, вторгнувшимся на чужую территорию, и в то же время как бы дома, среди людей, которые внушали ему симпатию. Будто часы стали отсчитывать время назад, когда он осторожно проходил мимо столов с

горами бумаг, среди фотографий, прикрепленных клейкой лентой к стенам, на которых были потрясенные и испуганные лица, мимо телефонов, которые звонили и требовали ответа.

— Я не хочу мешать...

— Но вы не можете и дальше сидеть один в комнате отеля?

— Похоже на то, мистер Карбони.

— И вы пришли сюда, потому что все, с кем вы разговариваете, сообщают вам скверные новости или не сообщают ничего, а вы надеетесь, что я скажу вам что-нибудь новое?

В нем есть что-то располагающее, подумал Карпентер. Слишком тучный, страшен как смертный грех, грязные ногти, рубашка нестираная, но чертовски хороший человек.

— Мне это действует на нервы — сидеть и ничего не делать... Вы знаете, как это бывает?

— Я вас просвещу, Карпентер.

Карбони надел пиджак, потом повернулся, чтобы пролаять то, что Карпентеру показалось дюжиной разных инструкции, адресованных разным лицам одновременно. Затем он обратился к Карпентеру:

— Я покажу вам нашего врага. Вы узнаете, с кем мы боремся. Я знаю, вы, полицейские из Англии, организованные и скрупулезные люди. Вы считаете себя лучшими в мире...

— Я больше не полицейский.

— Но вы сохранили свою ментальность. Это осталось при вас.

Карбони засмеялся, не улыбаясь. Это было похоже на нервный тик.

— Все остальные представители человечества идиоты, второсортные люди. Я понимаю. Пойдемте со мной, друг мой. Мы проедем через город к тюрьме Ребиббиа. Мы там держим эту женщину Тантардини и я должен сыграть роль таксиста и привезти ее сюда, потому что этот маленький Джанкарло требует этого и мы должны его улещивать...

Карпентер почувствовал в этом человеке все усиливающийся гнев и подумал, какой выход он себе отыщет. Снова послышался его смех, от которого заколыхались валики плоти на щеках.

— ...Я должен его улещивать, потому что, если он не поговорит с Тантардини, ваш Харрисон — мертвец. Я здесь, чтобы его спасти, и сделаю все, что в моих скромных силах, чтобы его спасти.

— Я и не сомневался в этом, сэр.

Карпентер сказал это голосом, в котором прозвучало уважение, — потому что это был профессионал, это был человек, которому было не все равно.

— Поэтому пойдем поведем ее. Узнаете вашего врага. Вы ведь так говорите в Англии? Чем легче вы его узнаете, тем лучше с ним сражаться.

Карбони ухватил Карпентера за руку и направил к двери.

— Вы увидите, что на этой стадии мы рискуем многим. Но не говорите мне, что в Лондоне такого никогда не случилось. Не говорите, что там вы всегда были на высоте.

— У нас бывали и черные дни.

— У нас есть опыт, но мы знавали и черные дни. Но сегодняшний немножко чернее обычного.

Его рука все еще сжимала руку Карпентера, и тот последовал за ним по коридору.

* * *

На капоте маленького красного «фиата» ребенок начертал пальчиком буквы своего имени: они были хорошо заметны на грязи, покрывавшей краску. Сначала ему показалось странным, что машина зачем-то въехала с поля под покров деревьев, и он дважды обошел ее прежде, чем решился приблизиться. Он заглянул внутрь, восхищаясь блестящей новизной кожи сидений, позволил своей руке скользнуть по яркой хромированной дверной ручке и ощутить, как она подалась под его нажимом. Но он не осмелился залезть в машину, сесть на водительское место и подержаться за руль, как ему бы хотелось. Зато он написал свое имя крупными печатными буквами, которые были немножко неровными.

Закончив работу, он потерял к ней интерес и двинулся дальше, потому что солнце скользило по небу, и он немного задержался по дороге домой только для того, чтобы нарвать у изгороди цветов для матери. У него не было чувства времени, но прохлада, поднимавшаяся от травы, приносимая посвежевшим ветром, заставила его уйти. Он

затрусил между жующими коровами, крепко сжимая в руке стебли цветов, любясь их красками.

То, что его мать и отец очень беспокоятся о нем, было вне пределов понимания его юного ума.

Арчи Карпентер и Джузеппе Карбони стояли во дворе тюрьмы, в глубине, далеко от высоких вращающихся ворот, кольцом окруженные стенами, сторожевыми башнями и людьми, патрулировавшими переходы с ружьями в руках, готовыми выстрелить. Тюрьма Ребиббиа, сказал Карбони, была максимально надежным местом. Карпентеру она показалась внушающим страх и вообще чудовищным местом. Даже на воздухе, где гулял ветер, стоял запах кухонь, туалетов и людей, находящихся в заточении.

— Она здесь пробудет еще только один день, — сказал Карбони. — Потом мы переведем ее в Мессину, где она будет ждать суда. Если будет на то божья воля, пройдет много месяцев, прежде чем ей снова позволят выйти на свет.

— Это ведь не ваша повседневная работа? Обычно вы имеете дело не с этими людьми? — последовал вежливый вопрос Карпентера.

— Я из криминальной полиции, а она ничего не имеет общего с политикой. Для полицейского это банка с червями. Но почему-то все хотят, чтобы я принял на себя ответственность за это дело. Есть другие, которые подходят для этой цели гораздо больше, чем я, но они не пошевелили пальцем.

На лице Карбони отразилась загнанная вглубь печаль и покорность.

— Но так уж мы здесь живем. Таково наше общество. Мы не падаем ниц и не виляем хвостами, и не просим, чтобы нам дали самое трудное дело, потому что именно оно — путь к славе и продвижению по службе, когда риск поражения гораздо больше, чем надежда на выигрыш. Мы, Карпентер, хотим выжить. Вы это узнаете.

Он осекся, теперь все его внимание было направлено на боковую дверь маленького здания, которое стояло напротив пятиэтажного башенного блока, где помещались камеры. Впереди шли карабинеры с автоматами, за ними следовали офицеры с колодками от медалей, дальше шла заключенная. Именно звон цепей, показавшийся Карпентеру странным и неожиданно нарушившим тишину, сказал о появлении Франки Тантардини, которая казалась меньше ростом от

соседства со столькими высокими мужчинами. Цветок, задушенный сорняками. Карпендер пожал плечами. Прекрати копаться в политике, Арчи. Но она недурна. При ней пара аппетитных бедер.

На лице женщины не было страха. Боевой корабль под парами, гордый и устрашающий. Лицо, которое заставило Джанкарло ринуться в пучину.

— Впечатляющая женщина, мистер Карбони.

— Если находить впечатляющей психопатку, Карпендер, потому что это как раз тот случай.

Ты позволил себе слишком много, Арчи. Принял эту экскурсию как должное, как то, что тебе полагается по праву. Ты здесь мальчик из работного дома, которого взяли на благотворительную прогулку, и прими это как особую любезность. И помни, зачем они тебя сюда привезли — показать врага, Арчи, врага Государства.

Они наблюдали, как Франку Тантардини провели в серый фургон без окон вместе с ее тюремщиками, а вокруг них было движение и шум машин эскорта. Таких машин было четыре, их задние окна были опущены и щетинились автоматами.

Задняя стенка фургона была открыта, и Карбони быстро вошел внутрь, за ним последовал Карпендер, как и подобает дисциплинированному человеку, сдержанно и с достоинством.

— Когда речь идет об этих людях, мы особенно чувствительны.

— Примите мои извинения. Это было замечание идиота.

— Благодарю вас.

Мелькнула и тут же пропала полуулыбка, и черты его снова приняли сосредоточенное выражение человека за работой. Карбони протянул Карпендеру руку, чтобы помочь ему забраться внутрь. Там было два ряда скамеек вдоль боковых стенок, женщина расположилась в углу подальше от двери. Освещался фургон одной лампочкой забранной стальной сеткой. Карбони пошарил у себя на поясе и вытащил короткоствольный пистолет, без комментариев передал его эскорту, сидевшему на расстоянии от арестантки.

— Вы вооружены, Карпендер?

— Нет.

Он покраснел, будто его уличили в непрофессионализме.

Фургон двинулся сначала медленно, затем ускоряя движение, и эхо сирен впереди и сзади заполнило звуками небольшое пространство

внутри.

— Идите сюда и садитесь рядом.

Карбони, держась рукой за потолок, старался сохранить равновесие, сражаясь с ускользящим под ногами полом, он наконец сел на скамью рядом с женщиной.

Карпенгер занял место напротив нее.

Тантардини равнодушно посмотрела на него.

— Франка. — Полицейский произнес ее имя так, будто ему это было мучительно, как если бы потом ему захотелось прополоскать рот.

— Я Карбони из Квестуры. Я занимаюсь расследованием похищения английского бизнесмена Джеффри Харрисона...

— Меня и в этом обвиняют? — Она непринужденно рассмеялась. — Неужели любое преступление в Риме теперь приписывается этой ужасной страшной Тантардини?

— Послушайте меня, Франка. Слушайте и не перебивайте...

Его речь была быстрой, и говорил он по-итальянски. Поэтому Карпенгер не понимал его. Его внимание приковывало только спокойное яркое лицо женщины.

— Выслушайте меня. Его захватила группа калабрийцев. Но теперь его у нее отбили, и он находится в руках вашего Джанкарло.

Снова смех и яркая алмазная улыбка.

— Баттистини что, сообщил об этом в письме?..

— Он убил трех человек, провез Харрисона через полстраны.

Карбони буравил ее своими маленькими поросычьими глазками.

Жара в фургоне была непереносимой, и он вытер лицо мокрым платком.

— Баттистини держит англичанина в Риме и требует вашей свободы в обмен на жизнь своего пленника.

На этот раз в ее голосе прозвучала нотка изумления.

— Баттистини все это проделал?

— Сам, во всяком случае мы так считаем.

Это было уже почти хихиканье.

— Так зачем вы явились ко мне?

— Сейчас вы едете в мой офис. Через час с небольшим, точнее через восемьдесят минут, Баттистини будет звонить в этот офис. Он требует, чтобы ему дали поговорить с вами. Мы согласились...

Карпендер видел, как напряглось тело женщины. Видел рябь мускулов на фоне ткани ее джинсов.

— Он очень молод, этот мальчик. Слишком молод. Скажу вам честно, Франка: если Харрисону будет причинен вред, Джанкарло убьют там, где застанут.

— Зачем говорить об этом мне?

— Он был вашим любовником, Франка. — Слова эти Карбони произнес с омерзением. — Вы облекли в форму его телячью любовь. Он это делает ради вас.

Фургон поехал медленнее, это значило, что они приближаются к северо-восточной части Рима. Сирены яростно вопили, требуя, чтобы фургон пропустили вперед. Карпендер наблюдал за женщиной, впавшей в молчание, как если бы она обдумывала, что ей сказали.

Их всех окутывало покрывало теплого воздуха, и с ее лба от линии волос по красиво вырезанному носу струился пот.

— Что вы мне предлагаете?

— Я предлагаю вам шанс спасти жизнь Баттистини. Он не вашего поля ягода, Франка. Он не человек наповцев, он еще мальчик. Вы пробудете в тюрьме много лет, не менее двадцати. Помогите нам сейчас, и это будет принято во внимание во время вашего процесса. К вам отнесутся со снисхождением.

Будто под действием инстинкта ее рот презрительно искривился, но потом принял прежние нежные женственные очертания.

— Вы просите меня обеспечить безопасность англичанина?

— Да, мы именно этого просим.

— И я буду говорить с Джанкарло?

— Вы будете с ним говорить.

Карбони жестко посмотрел на нее, ожидая ответа, понимая, что многое в его будущем зависит от этих нескольких минут беседы. Ее кожа была белой, как бледная кожа жителей подземелья, волосы аккуратно причесаны, но она казалась усталой до изнеможения.

— Он очень молод, — пробормотала женщина. — Всего лишь мальчик. Всего лишь пара неуклюжих маленьких рук...

— Благодарю вас, Франка. Ваш поступок будет вознагражден.

Карпендер не знал, о чем они договорились. Карбони откинулся назад на своем неудобном сиденье, опираясь на металлическую стенку, а Тантардини сидела очень тихо, и только ее пальцы играли звеньями

цепи, прикрепленной к ее запястьям. Она тоже не носила бюстгальтера. Чертовски прекрасное зрелище. Должно быть, ее блузка села во время последней стирки. Брось это, Арчи.

Карбони казался довольным. Видимо, они пришли к какому-то согласию.

Фургон теперь ехал к внутреннему городу со стабильной скоростью.

* * *

Только когда последний из них шумно протопал через низкие желтые кусты дрока под соснами, Виолетта Харрисон снова раскрыла глаза. Под деревьями было слишком темно, чтобы она могла видеть, но еще долго слышала шум его спотыкающихся шагов и то, как он звал товарищей. Боль в ее теле была сильной и острой, и ее коже становилось холодно. Но холод был ничто по сравнению с мучительными ранами, нанесенными ей мальчиком Марко и его друзьями. Хуже всего было там, где на ее бедрах сливались белизна и загар, в верхней нежной части бедер. Там, где образуются синяки. Она не плакала. Была за пределом слез и угрызения. Ее внимание сейчас сосредоточилось только на том, что она пыталась оценить силу боли. Царапины на ее лице болели, там, где ногти вцепились в ее щеки, когда она извивалась и пыталась сбросить их с себя, жесткие выступы земли глубоко впивались в нежную мякоть ее ягодиц.

Сначала все было так, как она это спланировала, как диктовала ее фантазия.

Она и мальчик Марко ушли вместе от жары пляжа в тень сосновою полога. Узкая тропинка среди кустов дрока, которые хлестали ее по голым ногам ниже каймы ее свободного пляжного платья, привела их к месту, которое было скрыто, где кустарник образовал крепостную стену интимности. Опустившись на землю, она сняла платье через голову. Слов или приглашения не требовалось, потому что все было предназначено оставаться недосказанным и безмолвным. Сначала верхняя часть купального костюма бикини. Она ослабила застежку, но руки ее прыгали от волнения. Потом она сняла чашечки купальника, и увидела, что мальчик задыхается, что он

обезумел. Его пальцы схватили ее, и Виолетта Харрисон легла на спину, предлагая ему себя, предоставляя свое тело. Пальцы на гладкой коже ее живота и спускающиеся ниже, ощупывающие ее, ищущие ее, и она, запустившая руки в темные кудрявые волосы. И тогда она услышала хихиканье тех, кто за ними наблюдал, она испугалась, закрыла руками грудь, скрестив их на груди, но они налетели, как гиены на добычу. Каждый из двоих держал ее за руку, а Марко раздвигал ее колени, ранил ее ногтями и стаскивая с нее тонкую ткань трусиков-бикини. Нежная почтительная улыбка исчезла с лица Марко, и она увидела обнаженные зубы крысы. Сначала Марко, проникший в нее глубоко и грубо, причинил ей боль, потому что она не была готова. А когда он истратил свои силы, подошла очередь его первого друга, ее рот зажали рукой, а руки прижали к земле и держали прижатыми, как при распятии. За первым другом последовал второй, потом снова Марко, и за это время не было сказано ни слова. Только движение бедер и избыток их возбуждения, потому что они делали нечто запретное. Это было слишком хорошо, чтобы пропустить случай, удачу Марко. И было справедливо, что он разделил ее с друзьями. Последний даже не справился с задачей и, когда она плюнула ему в лицо, а его друзья подбадривали его криками, он провел ногтями по ее щеке, и она почувствовала, как теплая кровь стекает по коже. Он откатился от нее и только смотрел, как двое других мальчиков совершали насилие.

Слезы придут позже, дома, в ее квартире, в их доме, когда она будет снова думать о Джеффри.

Она встала, нетвердо держась на ослабевших ногах, и сказала громко:

— Да поможет мне Бог, чтобы он никогда не узнал.

А что, если это было время, когда он готовился к смерти, что, если это был момент, когда он цеплялся за образ Виолетты? Что, если именно теперь он искал ее, когда она шла по тропинке в незнакомом лесу, и одежда ее была смята, скромность оскорблена, когда над ней насмеялись и надругались?

Господи, пожалуйста, пусть он никогда не узнает. Никогда. Она ведь даже не поговорила с ним, когда он уходил из дома в то утро. Она лежала в постели, в туго облежавшей ее ночной рубашке, слыша, как

он двигался по квартире, но она не окликнула его, потому что никогда этого не делала, потому что они говорили только о банальных вещах.

— Прости меня, Джеффри. Пожалуйста, пожалуйста.

Только если Джеффри умрет, он никогда не узнает. Только тогда она будет уверена, что сохранит свою тайну. А он должен жить, потому что она предала его и совсем не годилась для вдовьего траура, для лицемерия соболезнований. Она должна заставить его жить. Иногда случается, что пациент, страдающий от безнадежной внутренней болезни, выздоравливает. Всегда есть надежда. Всегда есть шанс. И тогда он узнает. Если не случится чудо, он узнает.

Виолетта Харрисон бежала по ковру из сосновых иголок. Боль травм уступила место большей боли, муке стыда и унижения. Она обогнула темную тратторию, окна ее были закрыты ставнями, и побежала к стоянке машин. Ее рука нырнула в сумку, стала шарить среди косметики в поисках ключей от машины. Когда она села на водительское место и завела мотор, то дрожала от слез, которым не давала пролиться.

— Вернись домой, Джеффри. Даже, если там никого нет. Вернись домой, мой храбрый, мой милый, вернись домой.

* * *

— Прощай, Аррисон.

Джанкарло едва мог различить своего пленника на фоне грязной темной земли ямы.

— Прощай, Джанкарло.

Слабый голос, лишенный надежды.

— Я скоро вернусь.

Как если бы Харрисона надо было подбодрить, как если бы вся мука его тяжкого испытания заключалась в страхе остаться одному в темноте. Слабое движение теплоты и дружеский толчок в бок. Неужели уверенность юноши слабела, неужели она его покидала?

Джанкарло заскользил по тропе, ощупывая растопыренными руками низкие ветки. В запасе было много времени.

Он зашел так далеко, и все-таки где была мера его успеха? Стебель ежевики уцепился за его брюки. Он оторвал его от себя. Ведь

он выдвинул требование свободы для Франки? Его лодыжка подвернулась, когда он споткнулся о торчащий корень. Р38 зарылся в кожу на его талии, подтверждение того, что это была единственная сила, способная убедить, его единственное право быть услышанным и понятым в большом городе, нежащемся в южном летнем вечере.

* * *

Дыхание темноты ощущалось в огромном дворе Квестуры. Фары и огни на крышах конвойных машин, сопровождавших фургон от тюрьмы Ребиббиа, демонстрировали неотложность продвижения, когда они проезжали под аркой со стороны улицы в место парковки. Крики, бегущие люди, дополнительные пистолеты, когда фургон подъезжал своей тыльной стороной к открытой двери, которая вела прямо в коридор в камере. Среди тех, кто работал поздно ночью в городской штаб-квартире полиции, было много спешивших вниз по лестнице и высывавшихся из окон верхних этажей, чтобы хоть краешком глаза увидеть «Ля Тантардини». Они были скудно вознаграждены: их взорам предстал только кусочек ее блузки, так что они смогли разглядеть ее цвет, когда ее провели через расстояние в несколько футов, отделявшее фургон от двери здания, и она исчезла.

Карбони не последовал за ней, а остался стоять в центре двора, среди разворачивающихся и выстраивающихся машин, которые искали место для парковки. Арчи Карпендер стоял в нескольких футах от него, чувствуя, что полицейский предпочитает его обществу собственные мысли.

Она уже давно скрылась из вида, когда Карбони стряхнул оцепенение и повернулся к Карпендеру.

— Вы не поняли, что произошло между нами?

— Сожалею, но не понял ни слова.

— Я буду краток...

Карбони двинулся к главному входу в здание, не обращая внимания на тех, кто наблюдал за ним как за объектом, представляющим вторичный интерес, теперь, когда женщина ушла.

— Юноша будет звонить в восемь. Я должен засечь этот звонок. Я должен знать, откуда он звонит. Для того, чтобы засечь звонок, я

должен располагать временем.

Лицо Карбони выдавало беспокойство.

— Я сказал ей, что если Харрисон пострадает, мы убьем Баттистини, где бы ни нашли его, но что если она нам поможет, в суде ей будет оказано снисхождение.

— Но вы не имеете власти гарантировать ей это.

— Верно, Карпендер, совсем не имею. Но сейчас им надо поговорить о многом, и есть шанс засечь его. У меня нет выбора. Я должен положиться на надежность процедуры слежения.

Карпендер говорил спокойно.

— У вас только один вариант. Освободить Тантардини в обмен на жизнь Харрисона.

— Не шутите со мной, Карпендер. Сейчас не время для шуток. Шутить будем позже, когда все будет кончено.

Они остановились у наружной двери офиса Карбони. Ответ рвался из горла Карпендера, но он подавил его, и в первый раз подумал, каким нелепым кажется этим людям предложение, столь прямое и ясное, продиктованное здравым смыслом.

— Желаю удачи, мистер Карбони.

— Только удачи... Вы, англичане, скупитесь на любезность.

Они вошли в офис, и Карпендер быстро оценил вставшее в воздухе настроение: он был чувствителен к атмосфере. Головы были опущены, ноги стояли плоско, возникало ощущение мрачности и подавленности. Это была личная группа Карбони и, если они не верили в успех, то кто такой для них был он, чтобы предложить что-то невероятное. Карпендер наблюдал, как Карбони двигался среди импровизированных письменных столов и телепринтеров в наружной комнате, тихо разговаривая со своими людьми. Он видел ряд людей, качающих головами, слышал, что они печально что-то бормочут, по-видимому, реагируя на что-то отрицательно. Будто он делал обход в палате больных раком, и никто не ждал добрых вестей, никто не чувствовал облегчения, ни у кого не прекращалась боль, никто не надеялся выкарабкаться.

Бедняга, подумал Карпендер.

У Карбони вырвался долгий тяжелый вздох, и он плюхнулся на стул за своим письменным столом. Потом хлопнул рукой по кремовой

телефонной трубке, и жест этот носил театральный, даже трагедийный характер.

— Позвоните Веллоси. Попросите его прибыть сюда. Не в эту самую комнату... но попросите быть поблизости.

Он потер усталые глаза. — Теперь приведите ее сюда. Приведите Тантардини.

* * *

Ребенок увернулся от грубой, приготовившейся к удару руки матери.

Он был ловок и увертлив и ускользнул от удара. Полевые цветы оказались разбросанными на каменных плитах кухонного пола, а он помчался по коридору в свою спальню.

— Весь день я кричала и звала тебя из дома...

— Я был только в лесу, мама, — Его голос звучал пронзительно, потому что он был испуган. Голос раздавался из святилища его комнаты.

— Я даже пошла в поле и оторвала от дела твоего отца... он тоже звал тебя... и потерял столько времени, когда был так занят...

Она не последовала за ним, и он не чувствовал себя в безопасности.

— Мама, в лесу я видел...

Голос его матери снова загремел, доносясь до него, как волна прибоя, когда она передразнивала его фальцетом.

— Я видел лису... Я видел кролика... Я следил за полетом ястреба.

— Сегодня ты не получишь ужина. Надевай ночную рубашку. Я чуть не заболела от беспокойства.

Он ждал, пытаясь определить, насколько она рассердилась, потом в оправдание, стараясь подольститься, сказал:

— Мама, в лесу я видел...

Она снова грубо перебила его.

— Перестань болтать, молчи и отправляйся спать. И после ужина не будешь сидеть с папой. Чтобы я больше ни звука не слышала от тебя, а иначе я тебе покажу...

— Но, мама...

— Я тебе задам...

— Спокойной ночи, мама, и пусть Пресвятая Дева хранит тебя и папу сегодня ночью.

Голос был слабеньким, плавность речи нарушалась плачем, слезы катились по гладким щекам малыша. Мать прикусила нижнюю губу. Конечно, зря она накричала на маленького ребенка. У него было так мало игрушек, и куда еще он мог пойти, кроме, как в лес или в поле с отцом? Осенью будет лучше, когда он пойдет в школу. Но она была напугана его отсутствием, и утешала себя тем, что ее наказание пойдет ему на пользу. Она вернулась к своему занятию — ей надо было приготовить ужин для мужа.

* * *

По всему городу и пригородам силы безопасности раскинули свои сети. Более пятисот машин — грузовиков и фургонов — были выведены на улицы. На них были цвета Примо Селере, и Сквadra Воланте, и Сквadra Мобиле. Другие же были украшены ярко-синими цветами карабинеров. Были и машины без опознавательных цветов. Из секретной службы. Правительственные службы готовы были по первому сигналу ринуться куда им укажут, если инженеры, располагавшиеся в подвальном помещении Квестуры смогут указать на карте место, откуда звонил Джанкарло Баттистини. Моторы работали вхолостую, водители постоянно сверяли часы, на задних сиденьях машин и металлическом полу фургонов лежали автоматы. Огромная армия, обреченная бездействовать до момента, когда поступят приказы и инструкции, без которых она окажется беспомощной и бесполезной силой.

На пятом этаже Квестуры в центре контроля техники исчерпали все возможные цвета огней, которыми они отмечали на настенной карте положение машин перехвата. Время подползло к восьми часам, замирали разговоры и движение, оставался только бессмысленный гул аэрокондиционной системы.

Мрачный Франческо Веллоси, выглядящий не моложе своего возраста, прошел от центрального входа Виминале до своей машины, которая ждала его в верхней части полукруглой подъездной аллеи.

Люди, которые должны были сопровождать его в Квестуру, ерзали на сиденьях автомобиля, предназначенного последовать за его машиной. Усевшись на заднем сиденье, он услышал звяканье оружия. Из комнаты наверху за ним наблюдал Министр. Когда он уехал, Министр возобновил свое хождение по ковру, напоминающее метание тигра в клетке. Он будет узнавать по телефону о том, что произойдет ночью.

* * *

Ничто не задержало Джанкарло. Яркий лунный свет освещал ему путь. Поток транспорта был непрерывен, конечно, здесь и должны были быть машины, потому что это был летний курорт недалеко от Рима, и ни один шофер не усмотрел бы чего-нибудь необычного в молодом человеке с длинными волосами, похожем на студента, в рубашке с короткими рукавами и в джинсах, которые были униформой безработных. Потому он и не старался прятаться от спящих лучей фар.

Он спускался вниз по холму, пока не увидел отражение огней трагтории и баров, дрожащих на гладкой поверхности воды.

Только иногда он украдкой бросал взгляды на медленнодвигающиеся стрелки часов. Эти дураки с их женами и девицами, они узнают о Джанкарло Баттистини. Те, кто нетерпеливо пробежал мимо него к своим машинам, узнают о нем завтра. Завтра они будут знать его имя, они будут перекачивать его на языке и пробовать на вкус, и будут пытаться узнать как, что и почему.

Мостовые поблизости от озера были заполнены теми, кто бесцельно фланировал вместе с толпой. Они не смотрели на юношу. Они чувствовали что ни их жизни, ни бизнесу ничто не угрожало и не обращали на него внимания.

Киоск в ресторане, где помещался телефон, был пуст. Он снова взглянул на часы. Терпение, Джанкарло, еще несколько минут. Он вытащил жетоны из узла в платке, в который они были завязаны. Изнутри слышались шум и приобретенное за деньги ликование.

Оттуда, где он стоял, отделенный стеклянными стенами кабинки, ему были видны рты, лопающиеся от еды, руки, хватающие бутылки с вином, животы, раскачивающиеся над столами. Завтра они не будут

кричать и хохотать. Завтра они будут говорить о Джанкарло Баттистини до тех пор, пока новость не поглотит их, не сожжет их — и это будет достигнуто одним звуком его имени. Его имени!

* * *

Отец ребенка пришел в свой фермерский дом с каменными стенами и оцинкованной крышей, когда свет померк и больше нельзя было работать в поле. Усталый человек, которого клонило ко сну, он хотел получить ужин, сесть на свой стул к телевизору отдаться отдыху.

Жена отчитывала его за позднее возвращение и, попилив некоторое время, поцеловала слегка, будто клюнула, в его огрубевшую, покрытую волосами щеку. Для нее он был хорошим человеком, работающим и несущим бремя ответственности, лояльным к своей семье, зависящим только от силы своих мускулов, благодаря которым он зарабатывал на жизнь на жестких склонах холма, где были его поля. Скоро должен быть готов его ужин, и она принесет его на подносе в гостиную, где стоит старый телевизор, представляющий им мир в черно-белых тонах, телевизор, гордо возвышающийся на грубом деревянном столе. Может быть, позже мальчик сможет посидеть с ним, потому что ее гнев прошел вместе со страхом за него. Но это будет возможно только, если он не заснет.

Он не ответил, когда она ему рассказывала о позднем возвращении ребенка и о наказании, просто пожал плечами и повернулся к раковине смыть дневную грязь. Она занималась домашними делами, и ему не хотелось вмешиваться в них. Услышав, что он уселся, она поспешила к плите, сняла с нее большую серую металлическую сковороду и слила с пасты дымящуюся жидкость, а сквозь открытую дверь в это время слышалась музыка, предваряющая передачу вечерних новостей по телевизору.

Она не пошла смотреть новости вместе с мужем. Целый день все радиоканалы были заполнены одним сообщением из города — это было похоже на помешательство. Городские люди, городские проблемы. Они не имели отношения к женщине, живущей на ферме, которая ежедневно драила каменные полы, у которой никогда не было полного кошелька, но зато был странный трудный ребенок, которого

надо вырастить. Она положила пасту на тарелку, залила ее ярко-красным томатным соусом и посыпала тертым сыром, потом отнесла мужу и поставила на стол. Она почувствовала удовлетворение, увидев его счастливую и довольную улыбку. Он стряхнул с себя усталость, сел прямо, и его вилка быстро заработала, окунаясь в гору спагетти, каждый из которых, залитый томатным соусом и жиром, был длиною с угря.

На экране появились фотографии мужчины с тщательно причесанными волосами, в хорошо завязанном галстуке и с улыбкой, в которой просматривалась ответственность и намек на успех. Они сменились фотографиями юноши, лицо которого демонстрировало вызов и готовность к борьбе. У него был взгляд арестанта. Была там также фотография машины и карта Меццо Джиорно... Она не стала задерживать на этом свое внимание.

— Животные, — сказала она и вернулась к своей кухне и работе.

* * *

На скорости в сто сорок километров Виолетта Харрисон неслась по двухполосной дороге Раккордо.

Ее сумочка лежала на сиденье рядом, но она даже не позаботилась вытащить квадратный кружевной носовой платок, чтобы вытереть свои распухшие, полные слез глаза. В ее мыслях был только Джеффри, только человек, с которым она жила дерьмовой бесцветной жизнью и которого теперь в своем страхе она любила больше, чем кого бы то ни было прежде. Обязательства по отношению к Джеффри, скучному маленькому человечку, с которым она в течение двенадцати лет делила дом и постель, теперь были главным. К Джеффри, который полировал до блеска свои башмаки, приносил из офиса работу домой и который считал, что брак — это женщина, поджидающая его возвращения с дальних границ, стоящая у двери со стаканом джина. Джеффри, который не знал, что такое смех. Бедный маленький Джеффри. А она была в руках этих свиней, а перед тем прижималась к этому незнакомцу, на битком набитом пляже и смотрела на его тело, рельефно выделяющееся под купальным костюмом, и думала, что ее молитвы услышаны.

За травой и страховочными перилами дороги мимо нее проносились машины, поглощаемые ночью, их ослепительные фары исчезали из поля зрения так быстро, как и появлялись. Свет расплывался перед ее глазами, блестел и отражался во влаге, плясал затуманивая зрение, опрокидывался каскадами и взмывал к звездам, как пыль аэрозоля.

Вот почему за Аурелией на повороте от Раккордо она не заметила дорожного знака, предупреждавшего о конце двухполосной дороги. Она не обратила внимания на огромные стрелки, нанесенные краской на тармаке, и не увидела приближающихся огней грузовика с фруктами, направлявшегося в Неаполь.

Столкновение было мгновенным, шум и скорость отупляющими, послышался вой разрываемого металла ее машины. Удар был кратким, потом ее машину отбросило, как если бы она ничего не весила. Машина поднялась высоко в воздух, прежде чем обрушиться вниз искалеченной и неузнаваемой на середину дороги.

В последние краткие секунды жизни в оцепеневшем мозгу жены Харрисона отобразилось лицо Джеффри, его линии и контуры. На ее языке замер звук его имени.

В это время с побережья возвращалось много машин. Многие из сидевших за рулем готовы были проклинать невидимый источник пробок, образовавшихся на дороге по обе стороны от места происшествия. Но, когда они увидели причину проволоочки, то содрогнулись и отвели глаза.

* * *

Лицом к письменному столу Карбони на жестком неудобном стуле сидела Франка Тантардини. Она сидела, прямая, не обращающая внимания на мужчин, сновавших вокруг, глядя в окно, в темную бездну, за незадернутыми шторами. Пальцы ее рук были переплетены на коленях, цепи сняты и в эти минуты она больше походила на невесту, чем на узницу. Она не отвечала, когда ее привели в комнату, и Карбони отвел ее в угол и говорил с ней шепотом, так что его подчиненные не слышали их разговора.

Арчи Карпендер смотрел на нее, не отрываясь. Она была непохожа на тех, с кем ему приходилось иметь дело, когда он служил в Специальном Отделе в Лондоне. Его карьера охватывала годы до ирландских событий, до того, как бомбы начали взрываться всерьез. В те дни Карпендер видел мало хорошего, потому что его больше всего занимали чреватые последствиями махинации торговых стюардов, воинствующие марксисты и старый источник вдохновения — Советская торговая делегация из Хайгейта. Его отделение было старым, почти археологическим образцом, застывшим в ледяном веке до того, как стала известна новая техника борьбы с городскими террористами. Борец герильи был для Арчи Карпендера новым явлением, о чем он знал только из газет и телевизионных передач. Сейчас ему казалось, что в этой женщине не было ничего такого, что позволяло бы поставить ее на пьедестал. А чего ты ожидал, Арчи? Рубашки с короткими рукавами в духе Че Гевары и серпа и молота, вытатуированных на лбу?

Телефон на письменном столе Карбони зазвонил.

Действительно трудно предвидеть, что произойдет. Преступники по всему миру одинаковы. Политические и уголовные. Они становятся большими, перекормленными шаловливыми детьми, когда вдыхают воздух свободы. Несчастливыми маленькими ублюдками, когда за ними захлопывается дверь, и им предстоит просидеть двадцать лет на тюремной койке.

Карбони схватил трубку, чуть не выдернув ее из аппарата.

— Карбони.

— Это тот звонок, которого вы ждали, дотторе.

— Соедините.

* * *

В телефонной будке отсутствовала лампочка. В полутьме Джанкарло следил за секундной стрелкой на своих часах: она двигалась медленно. Он знал о том, какое время ему требовалось, и какая таится опасность в этом разговоре. Одной рукой он держал трубку, плотно прижатую к правому уху. Шум ресторана оглушал.

— Карбони слушает.

Голос исчезал и вновь возникал в металлическом шуме.

— Баттистини.

Он назвал собственное имя, его раздражало притворство.

— Добрый вечер, Джанкарло.

— У меня мало времени...

— У тебя столько времени, сколько тебе понадобится, Джанкарло.

Пот струился ручьями по лицу юноши.

— Вы удовлетворите требования Нуклеи Армати Пролетари...?

Голос его осекся.

— Требования Джанкарло Баттистини — еще не требования наповцев.

— Мы принадлежим к одному движению, мы...

Он замолк, поглощенный тиканьем часов на руке, которое влекло его к поражению.

— Ты слышишь, Джанкарло?

Юноша колебался. Сорок секунд уже прошло, сорок секунд из двух минут, которые требовались для того, чтобы выследить его.

— Я требую свободы Франки... если вы дорожите жизнью Аррисона, вы должны на это пойти...

— Это очень сложный вопрос, Джанкарло. С ним связано очень много проблем.

В его ответах было ужасное мертвенное спокойствие. Он бросил вызов, но не мог припереть их к стенке и оставить в таком положении.

Прошло уже около минуты.

— У меня только один вопрос, Карбони: да или нет?

В искаженном голосе впервые послышалась нотка беспокойства, шум дыхания смешивался с атмосферными помехами.

— Здесь Франка, чтобы поговорить с тобой, Джанкарло.

— Да или нет, это мой вопрос.

Прошло уже больше минуты: стрелка начала проходить второй круг.

— Сейчас с тобой поговорит Франка.

Глаза всех присутствующих в комнате обратились к лицу Франки Тантардини.

Карбони прижимал телефонный микрофон к рубашке, вглядывался в женщину, будто старался увидеть, что у нее глубоко в мыслях, но видел только лишенные эмоций гордые, спокойные глаза, и

знал, что это решающий момент. По выражению ее рта и положению рук, которые лежали спокойно, не выказывая нетерпения, ничего нельзя было прочесть. Полная тишина, и атмосфера будто свинцовой тяжести, которую даже не знающий итальянского языка Карпенгер, мог почувствовать и которой страшился.

— Я доверяю вам, Франка.

Это были едва слышные слова, и рука Карбони с телефонной трубкой потянулась навстречу руке Тантардини.

Теперь в ее улыбке были беззаботность и небрежность. Что-то почти человеческое. Длинные стройные пальцы потянулись к толстым обрубкам Карбони. Когда она заговорила, голос ее звучал ясно, это был голос образованного человека, в нем не было ничего грубого, никакого слэнга, ничего от языка отбросов общества.

Дочь состоятельных родителей из Бергамо.

— Это Франка, мой маленький лисенок... не перебивай меня. Слушай. Слушай меня и дай закончить. Сделай так, как я тебе скажу, точно так, как я тебе скажу. Они просили меня приказать тебе, чтобы ты сдался. Они просили меня сказать тебе, чтобы ты отпустил англичанина...

Карбони тихонько скользнул глазами по своим часам. С момента начала разговора прошла минута и двадцать секунд. Он представлял, как суетятся сейчас работники Квестуры. Выделение коммуникации, оценка процесса набора цифр, прослеживание соединения обратно к его источнику. Он напрягся и подался вперед, чтобы лучше слышать ее слова.

— Ты просил о моей свободе, лисенок. Послушай меня. Свободы не будет. Это я говорю тебе, Джанкарло. Это последний...

Это было делом минуты. Франка поднялась на ноги, держа правую руку высоко над головой, кулак, сжатый в жесте салюта. Лицо, искаженное ненавистью. Мышцы шеи рельефно выступили, как трубы канализации.

— Убей его, Джанкарло! Убей свинью!

Они вскочили на ноги, попытались до нее добраться, но она рванулась, как удар хлыста, к трубке на столе Карбони и вырвала телефонный шнур из стены. Они свалили ее на пол. Маленькие человечки в комнате пинали и били безучастное тело женщины, а

Карбони и Карпендер, отделенные от этой группы толпой с разных сторон, оставались на месте и пытались оценить размеры катастрофы.

— Отвезите ее назад в Риббиа, я не хочу, чтобы на ней были синяки... Ничего не должно быть видно, никаких отметин.

В его голосе был ужасный ледяной холод, как если бы эта шоковая волна предательства сломала Джузеппе Карбони.

Зазвонил другой телефон. Он поднял трубку, приложил к уху и оперся всем весом на локоть. Слушая, он наблюдал, как Франку Тантардини выносили из его офиса. Карбони кивнул, так как информация, которую он получил, не требовала благодарности.

— Это из подвала. Я обещал дать в их распоряжение две минуты, чтобы засечь его. Но оказалась только минута сорок секунд. Говорят, что этого недостаточно. Я подвел вашего человека, Карпендер. Я его подвел... Они ничего вам не дали? — рявкнул Карпендер.

— Только то, что он говорил из северной части города.

Карпендер встал и пошел к двери. Ему хотелось сказать что-нибудь язвительное, выместить неудачу, но он не мог найти в себе слов. Нельзя бить собаку, которая и так уже хромот, у которой на шее парша. Ему было нечего сказать. Ведь они были взрослыми людьми. Не детьми, которых можно запугать. Все взрослые, и все старались, и все столкнулись с этой заразой, которая их так беспощадно пожирала.

— Я отправляюсь к Чарлзвурту. Это парень из посольства. Вы меня можете найти там... Пока.

— Я буду здесь.

Конечно, он будет. Куда ему еще деваться? Для Джузеппе Карбони не будет свободного от пошлины посольского скотча, и он не может захлопнуть дверь перед проблемой с надежностью в семьдесят процентов. Карпендер может уйти и не посмотреть на Карбони, что он и сделал, пройдя по коридору к лестнице.

Через внутреннюю дверь в святилище вошел Франческо Веллоси. На его лице была неприкрытая ненависть, жестокая и всепоглощающая, что свидетельствовало о том, что он слышал слова Тантардини.

— Я говорил вам, Карбони, чтобы вы были осторожны, говорил вам...

— Вы говорили мне...

Появился проблеск сочувствия:

— Есть что-нибудь?

— В настоящий момент ничего существенного, ничего имеющего значение.

Обняв друг друга за талию, как бы утешая друг друга, двое мужчин вышли из комнаты и направились к забранному проволочной сеткой лифту, чтобы подняться на пятый этаж.

Они могли обеспечить прослеживание на расстоянии немногим более трех тысяч пятисот квадратных километров от Витербо на севере до Ля Сторта на юге, в то время как заданным пределом для них был прибрежный городок Чивиттавеккиа, а восточным — автострада Рим-Флоренция. Это было то, что могли обеспечить техники, располагавшиеся в подвальных помещениях. Это была слишком большая площадь, чтобы открыть охоту на человека, слишком большая, чтобы двое мужчин могли распрямить плечи.

Когда они вышли из лифта, Веллоси тихо сказал:

— Они вас распнут, они скажут, что она не должна была разговаривать со своим сообщником, что вы не должны были ей этого позволять.

— Это был единственный шанс заставить его поговорить подольше.

— Кто это вспомнит? Вас разорвут на части, Карбони, это будет развлечение для диких собак.

Все еще обнимая друг друга и сблизив лица, они посмотрели друг на друга: Карбони вверх, а Веллоси вниз. Их взгляды встретились.

— Но вы остаетесь со мной, Веллоси.

Только улыбка, только рука напряглась и сжалась в кулак на рубашке Карбони, и они прошли в центр операции.

* * *

Головка ребенка с победоносной улыбкой на лице появилась в двери кухни.

— Мама, — жалобный оклик. — Можно мне посидеть с папой?

— Сегодня ты был плохим мальчиком.

— Прости, мама...

У нее не было сил с ним бороться. Ей было приятно, что мальчик вышел из своей комнаты, преодолев стыд, и теперь ее гнев прошел, но она все же попыталась его шлепнуть. Бог знает, они оба боготворили своего сына.

— Папа устал.

Она слышала равномерный отдаленный храп, поглощенная пища разливалась по его телу теплом, он старался восстановить потраченную за день энергию.

— Ты можешь с ним посидеть, но не беспокой его, не буди его...

Ребенок не стал ждать, чтобы мать передумала. На своих легких босых ножках с развевающейся свободной пижамой он побежал через кухню в гостиную.

Мать прислушалась.

— Папа, ты спишь? Папа, можно я расскажу тебе, что я видел в лесу? Папа, пожалуйста...

Она схватила полотенце и ринулась через комнату, окутанная пеной раздражения, и зашипела на него из дверного проема так, что ее шипенье стало слышно на диване, где ребенок примостился рядом со спящим отцом.

— Что я тебе сказала? Чтобы ты его не будил. Еще одно слово и пойдешь в постель. Оставь папу в покое. Поговоришь с папой утром.

— Да, мама. Можно мне посмотреть программу?

На старом экране показывали концерт, гармонию нот, страдающую от искажения старым телевизором. Она кивнула головой. Это разрешалось. Для мальчика было полезно сидеть рядом с отцом.

— Но не буди папу... и не спорь, когда я позову тебя ложиться спать.

Звук шагов возвращающегося Джанкарло издали донесся до Джеффри Харрисона. Его возвращение было неуклюжим и шумным, словно тишина и осторожность больше не имели значения. Шум распространялся в тишине леса, где никакой звук не мог соперничать с хрустом ветки под ногой, с шелестом палого листа. Сможет ли он по лицу юноши, когда тот вернется, определить его настроение и меру опасности? Будет это благословением или новой мукой? Лучше узнать об этом пораньше, пока юноша еще далеко от него, лучше узнать новости, пока это существо еще далеко.

Говорят, некоторые люди умирают хорошо, другие плохо. Харрисон вспомнил, как в детстве читал в журналах рассказы о казнях в тюрьме. Там говорилось, что некоторые кричали, другие шли с высоко поднятой головой, а иных даже приходилось нести. Были и такие, что шли сами и благодарили людей, находившихся вокруг, за любезность. Какая чертова разница в этом? Кто посмотрит на освежеванную свинью, свисающую с крюка мясника и скажет:

— Эта свинья умерла достойно, это можно видеть по выражению ее рыла, она была отважной тварью и поступила правильно. Кто, глядя на труп, думает, как человек умер?

А ты, Джеффри, будешь ползать и пресмыкаться, потому что такой уж ты есть. Ты конформист, способный уступать и идти на компромиссы. Таким и должен быть, разве не так? Именно так ты и занимаешься бизнесом, а ты ведь способен заниматься бизнесом, Джеффри. И именно поэтому Интернейшнл Кемикал Холдингз послала тебя сюда, послала, чтобы ты лежал на боку со щетиной, отросшей на щеках, запахом от носков и штанов, с ощущением голода в животе и болью в запястьях. И сейчас этот мальчишка идет, чтобы убить тебя. Ползай, Джеффри, изображай ящерицу, ползай на брюхе, оставляя следы на палой листве и ветках. Именно так ты привык вести дела. Ты знаешь, когда должен выиграть, когда проиграть, и, если это поражение, подставь щеку и скажи сладостные слова, чтобы спасти хоть что-нибудь для акционеров своей компании. Проклятые акционеры. Жирные бабы из Хемпстеда, в драгоценностях, с

пуделями, владеющие апартаментами с лифтом, а мужья их давно почтили в бозе. Для вас, для вас, суки, для вас и из-за вас я лежу здесь и слушаю, как он приближается.

Ведь были же моменты, когда ты мог постараться удрать, Джеффри. В машине, когда рядом было много людей, и каждый раз ты останавливался на полдороге... Боже, неужели ты опять будешь все это припоминать? Это мир взрослых, Джеффри. Здесь больше нет няни. Нет никого, чтобы спасти тебя, кроме тебя самого. Почему маленький Джанкарло не паникует, почему он не наложил в штаны, зная, что его время истекает? Потому что он во что-то верит. Это вера. Она имеет для него значение.

А у Джеффри Харрисона нет кредо. За что борется Джеффри Харрисон? За какие принципы? Где армия его соратников, которые будут оплакивать гибель одного из них?

Еще один чертов несчастный случай, Джеффри, и в Главной Конторе будет публичное изъявление печали, и некоторые будут чесать в головах и пытаться вспомнить парня, который уехал за границу, потому что там больше платят. Но не рассчитывай, что у кого-нибудь появятся мокрые пятна на промокашке или на кожаных папках, или, что будут приспущены флаги.

Вспомни бар в Гольф-Клубе «Олджиата». Красные лица и долгая выпивка. Много джина. Люди, которые всегда правы, всегда все знают. Их мнения тверды и незыблемы. Вспомни бар Гольф-Клуба, где унижался Альдо Моро и весь мир мог это видеть, откуда он посылал отчаянные письма друзьям, чтобы они похлопотали в правительстве и сохранили его жизнь, не отдали его на съедение Красным Бригадам.

Недостойное поведение. У этого человека нет достоинства. Чего же ожидать от таких людей? Достаточно вернуться в Северную Африку, показать им штык, и у вас окажется больше узников, чем вы способны прокормить,

Что за прекрасная свинская уверенность членов Гольф Клуба. Они сделают из тебя винегрет, Джеффри. Человек, который ползал на коленях со слезами на щеках, рыдал и умолял, цепляясь за ноги мальчишки вдвое моложе себя.

Надо сражаться с ними, показать им, что ничего подобного не будет. Это единственный способ победить эту накипь.

Джанкарло был очень близко, его голос пронзал темноту.

— Они хотят, чтобы ты умер, Аррисон.

Харрисон, пытаясь повернуться к мальчику лицом, начал извиваться и растягивать шнур, связывавший его запястья. Он ухитрился повернуться на несколько дюймов.

— Что ты хочешь сказать?

— Они ничего не сделают, чтобы спасти тебя.

— Что они сказали?

— Они только пытались выиграть время, чтобы можно было проследить, откуда звонок.

— А что сказала Франка?

Харрисон не видел Джанкарло, он обращался к тем.

— Франка велела мне убить тебя. Она сказала, они ее не выпустят. Она сказала, чтобы я тебя убил...

Послышался шепот Харрисона. Он походил на проколотый мешок из-под кукурузы, из которого высыпалось содержимое.

— Франка это сказала?

Нет, Джеффри, это проклятый сон. Это не реальность. Это фантазия.

— Я тебе не враг, Джанкарло. Я ничего не сделал, чтобы обидеть тебя.

Где же лицо ублюдка, скрыто в темноте? Как ты можешь пресмыкаться перед мальчишкой без лица, как ты можешь чего-то от него добиться со своим страхом и отчаянием?

— Я никогда не пытался тебе навредить...

— Франка сказала, что я должен тебя убить.

— Христа ради, Джанкарло. Я не враг итальянского пролетариата. Я не стою на пути вашей революции.

— Ты символ угнетения и эксплуатации.

— Ты будто читаешь из телефонной книги. Эти слова не имеют никакого смысла. Ты не можешь отнять жизнь ради лозунга.

Тот же самый цедающий слова голос, та же жестокость в невидимых глазах.

— Революции не бывает без крови. Речь не только о твоей крови. Это борьба, Аррисон. Мы умираем на улицах за то, что мы называем борьбой. Мы встречаемся лицом к лицу со смертью в концентрационных лагерях режима. Они должны отбывать в Мессине двадцать лет...

— Не говори мне о других людях.

Сон стал проходить, ночной кошмар таять.

— Тебе это не поможет, если ты меня убьешь. Ты должен это видеть, Джанкарло. Пожалуйста скажи, что ты можешь это видеть...

— Ты сентиментален, Аррисон. Ты принадлежишь к среднему классу, к компании транснационалов, у тебя есть квартира на холме... Разве у тебя нет причин защищать этот порядок? Разве у тебя нет оснований защищать эксплуатацию? Я презираю тебя.

Сразу же наступило молчание, потому что убийственные слова мальчика попали в цель. Харрисон оставил свои усилия, лежал тихо и слышал, как Джанкарло опустился на землю в двенадцати футах от бункера. Мужчина и юноша погрузились в свои мысли.

Подползи к нему, Джеффри. Это не жизнь Гольф-Клуба, забудь об унижении, плюнь на достоинство. То, что он не мог пресмыкаться, неужели это причина, чтобы человек умер?

Пронзительные слова и голос, который он сам перестал узнавать;

— Что мне сделать, Джанкарло? Что мне сделать, чтобы ты не убивал меня?

Минута Иуды, Джеффри. Ты предаешь свое общество. Юноша вычислил его, понял, что он не принадлежит ни к чему, что он часть ничего.

— Пожалуйста, ответь мне.

Юноша ждал, казалось, бесконечно. Волна откатилась от пляжа назад, потом собралась снова и ринулась, покрытая белым гребнем пены, снова разорвалась и с силой разбилась о песок.

— Ответь, Джанкарло.

— Ты ничего не можешь сделать.

— Потом я скажу, что ты велел мне сказать.

— Это приказала Франка, ты ничего не можешь сделать.

— Я пойду в редакции газет, на радио и телевидение. Я скажу все, что ты хочешь...

Казалось, что юноше скучно, и он хочет прекратить разговор. Неужели этот человек не понимает, что ему говорят?

— Ты выбрал образ жизни для себя, я для себя. Я буду бороться против того, что прогнило. — Я не признаю белого флага. Наша борьба этого не допускает.

Харрисон, содрогаясь, плакал. Огромные слезы набегали на глаза, стекали по щекам, увлажняли рот.

— Тебе это доставляет удовольствие..?

В голосе юноши была непреклонность.

— Мы в состоянии войны, и ты должен вести себя, как солдат. Чтобы я тебя не презирал. Это будет в девять утра. А до этого времени веди себя, как солдат.

— Ты ужасный, отвратительный маленький подонок... Они тебя не пощадят... Ты умрешь в вонючей канаве.

— Я не прошу милосердия, Аррисон. Мы тоже его не проявляем.

В лесу снова наступила тишина. Джанкарло растянулся на листьях.

Он разровнял их руками, чтобы поверхность стала глаже и перевалился на бок, чтобы лежать спиной к Джеффри Харрисону, и устроился под потоком из лунного света, испещренного высокими ветками. В течение нескольких минут он слышал чуждые звуки — приглушенные рыдания своего пленника. Потом уснул, и больше уже не слышал их.

* * *

Дневное солнце и вечерняя еда убаюкали фермера, и его коматозный отдых был избавлением от забот, отягощавших его жизнь. Цена на фураж, цена на удобрения, цена дизельного топлива для трактора — обо всем этом он не думал только, когда спал.

Его ребенок молчал, тесно прижавшись к нему, ощущая, как поднимается и опускается грудная клетка отца, и ждал с неослабевающим терпением, борясь с собственной усталостью. За дверью ребенок слышал движения матери, и старался ненароком не нарушить тишину, боялся двинуться, чтобы не заскрипела пружина старого дивана, звук, который мог бы ей напомнить, что он еще не в своей маленькой узкой кровати. С музыкой мешались картины, которые ребенок рисовал в своем воображении. Эти картины были чуждыми и враждебными.

* * *

— Входи, Арчи.

— Спасибо, Майкл.

Не слишком ли легко соскользнуло с твоего языка его имя после всех этих жестоких слов? Чарлзворт стоял в дверях. Но нем была свободная рубашка, брюки и сандалии. Он был без галстука.

— Входи в мой кабинет.

Карпентера провели через холл. Изящная мебель. Шкаф с книгами в твердых обложках. На стенах картины, писанные маслом. Виза с высокими ирисами. Эти люди живут недурно... Прекрати, Арчи, не будь злокой, сбрось этот груз. Нельзя осуждать людей за то, что они живут не в Мотспор Паркс, что у них есть выбор.

— Дорогая, это Арчи Карпентер из Главной конторы Харрисона. Моя жена Кэролайн.

Карпентер пожал руку высокой загорелой молодой женщине, которой его представили. Она была того сорта, который культивируют в Челтенхэме наравне с гончими-охотниками на лисиц и ячменными полями. На ней было прямое платье, державшееся на едва заметных бретельках. Жена там на родине, должна была бы упасть в обморок или покраснеть, как августовская роза, при виде такого наряда, эта же не носила лифчика и старалась занимать гостя.

— Прошу прощения, миссис Чарлзворт. Я был в Квестуре.

— Ах вы бедняжка. Вам бы надо вымыться.

Ну, сам бы он не решился об этом попросить, но он весь день проходил в пиджаке и одних носках и от него, вероятно, пахло, как отдохлой утки.

— Я его отведу, дорогая.

Старший из мужчин тяжело поднялся с дивана. Омовение могло подождать. Сначала надо было представить их друг другу. Чарлзворт взял формальности на себя.

— Это полковник Хендерсон, наш военный атташе.

— Рад с вами познакомиться, полковник.

— Они все зовут меня Бастер, Арчи. Я слышал о вас. Я слышал, что вы дерзки на язык, а это совсем неплохо.

Карпентера отвели с миром в ванную комнату. У него было достаточно времени впитать в себя ароматы посольства на месяц вперед, потому что на полке, как часовые, стояли в ряд флаконы аэрозолей с дезодорантами. Там были и книги тоже. Кто мог читать

классическую историю Греции и книги по современной американской политике, сидя на унитазах? Только из ряда вон выходящие люди. Аромат частных школ и независимых средств. Он вымыл руки, смыл дневную грязь. Вытер шею. Да здравствуют люди, любящие комфорт. Мыло и вода, а еще его ждет джин.

Они сидели в гостиной, все четверо, разделенные коврами, мраморным полом и кофейными столиками. Карпендер не мог устоять перед искушением снять пиджак и ослабить узел галстука.

— Ну, Арчи, расскажите нам, что там за обстановка в Квестуре?

Чарлзворт запустил машину в действие.

— Думаю, они все пустили под откос...

— Как насчет бедного мистера Харрисона?

Карпендер не ответил Кэролайн Чарлзворт. Чего они хотят, болтовни за утренним кофе с соседями или чего-то другого, прямо из первых, черт бы их побрал, уст?

— Тантардини наложила свою лапу на телефон слишком рано, чтобы можно было выследить, откуда был звонок. Сказала своему мальчишке, чтобы он пристукнул Харрисона, потом положила трубку. Парень получил сигнал и дал отбой. Вот и все.

Чарлзворт подался на стуле вперед, держа в руке стакан. Кажется, он честный и серьезный молодой человек, подумал Карпендер.

— Она дала мальчишке специальные указания убить Харрисона?

— Во всяком случае так сказал Карбони. «Я подвел вашего человека» — это были его слова. Самое чертовское преуменьшение, какое только можно придумать.

— Он хороший человек, Джузеппе Карбони, — сказал Чарлзворт с достаточной долей сострадания, отчего Карпендер мгновенно поежился. — На его месте нелегко, особенно в такой стране. Верно, Бастер?

Полковник смешал виски с содовой, потом изрек:

— У нас мощные силы во многих местах, то, что мы теперь называем тоталитарными силами: в Палестине и Малайе, в Кении и на Кипре. Но наследство довоенного фашизма говорит о том, что силы безопасности очень ослаблены. При всем том, что у нас есть, мы мало что можем сделать.

— Но ведь это было так далеко от великой мамы Британии, — нетерпеливо ввернул Карпендер. — Это совсем другое, это означает,

что их высекли на собственном крыльце. Все они, исключая Карбони, ходят, как чертовы зомби...

— Они стараются, Арчи, — мягко вмешался Чарлзворт.

— Я бы не осмелился ничего говорить об эффективности их деятельности, если бы не провел там несколько часов.

Полковник рубил воздух старой кавалерийской саблей.

Карпендер оперся лицом на руки, с минуту улыбался, стараясь подавить свой гнев.

— Меня обыграли, обошли... Поэтому я хочу знать одно: когда они говорят, что пристукнут его, когда это говорит Баттистини, должны ли мы этому верить, как евангелию?

Кэролайн Чарлзворт поднялась со стула: слава Богу, этот вопрос пройдет без дурацких комментариев.

— Обед будет через несколько минут.

— Ответьте вы на этот вопрос, Бастер, — сказал Чарлзворт. — Это важный вопрос, самый важный вопрос сегодняшнего вечера.

Жесткие ясные глаза ветерана смотрели на Карпендера.

— Ответ положительный. Когда они говорят, что убьют, они держат свое слово.

— Дело чести?

— Я повторяю, мистер Карпендер, они держат свое слово.

Из кухни появилась Кэролайн Чарлзворт. Обед был готов. Она шла впереди, мужчины следовали за ней. В столовой Карпендер заметил вино на столе, портвейн и бренди на буфете. Находиться здесь было утешением, спасением от уродливой и чудовищной действительности.

* * *

Поздно вечером мать малыша наконец пришла за ним. Быстрым взмахом руки она отмела его возражения и схватила его так, что он оказался сидящим верхом на ее бедре, и она унесла его из гостиной. Все это было проделано быстро и умело, а фермер, видимо, не заметил того, что ребенок исчез, как не замечал его присутствия. Она уткнулась носом в шейку сына, увидела, какие отчаянные усилия он делает, чтобы глаза не закрывались и мысленно упрекнула себя за то, что

позволила ему бодрствовать так долго. Потом понесла его в его комнату.

— Мама.

— Да, мой милый.

Она уложила его в постель.

— Мама, если папа скоро проснется, он придет посмотреть на меня?

— Ты будешь спать. Увидишься с ним утром.

Она натянула ему до подбородка грубую простыню.

— Я должен ему рассказать, что видел...

— Что это было — дикая свинья, лиса..?

Она видела, как ребенок зевнул.

— Мама, я видел...

Она заглушила поцелуем его слова и на цыпочках вышла из комнаты.

* * *

Работой Агенте было проверять в последний раз двери камер после того, как заключенные, содержащиеся с максимальной строгостью, заканчивали свою прогулку, и их разводили по одиночным камерам на ночь. Он имел обыкновение быстро заглядывать в замочную скважину, а потом вставлять туда смазанный маслом болт. После него приходили другие, когда огни уже были потушены, чтобы сделать последнюю ночную переключку.

Агенте нашел бумагу, сложенную в один раз, на коврике у парадной двери своего дома. Это был маленький клочок, вырванный из блокнота и замахрившийся на краю. На листке карандашом были написаны цифры, которые Агенте сразу же понял. Три цифры означали номер камеры Начальника Штаба наповцев.

Добравшись до двери, Агенте подтолкнул ее на несколько дюймов, впихнул бумагу внутрь, вернул болт в прежнее положение и пошел дальше. Ни один из коллег, даже если бы увидел его за этим занятием, не подумал бы, что он передал записку.

Капо отложил свое еженедельное письмо к матери в город Сиена, расположенный среди холмов, увидел бумажку и соскользнул со стула,

чтобы поднять ее.

L'amministrazione dice non per Tantardini.

Тантардини не получит свободы. Он так и говорил. Он это предвидел. Потому что англичанин не представлял большого значения. Ну что ж, пусть будет так, пусть истечет срок ультиматума, тогда грянет выстрел. В римских газетах они называли это стратегией напряжения, созданием атмосферы нестерпимого страха. Смерть врага всегда способствовала формированию атмосферы страха, если ее невозможно было добиться в процессе переговоров и сделок. Будет лучше, если англичанина убьют.

Но кто был этот Баттистини? Он никогда не слышал об этом юноше, который мог совершить так много. Почему? Радио в его камере сообщило, что полиция придерживалась мнения, будто этот парень действовал один... замечательно, из ряда вон выходящее явление... а комментатор назвал его любовником Франки Тантардини и пустился в рассуждения о том, что это-то и было причиной его действий. А кто в движении не был любовником Франки Тантардини? Сколько наповцев в этом блоке не черпало утешение в часы, проведенные в обществе Тантардини, наслаждаясь плотью и ласками этой женщины? Настольная лампа осветила безрадостную улыбку. Возможно, она была первой женщиной юноши, и он поверил, что одержал победу. Если это так, то он покорит горные вершины ради этой женщины, возможно, умрет ради Тантардини. Конечно, он готов убить ради нее. Когда они исполнят приговор, он выпустит коммюнике от своего имени в стенах Асинары. Желаем отваги, дитя. Мы тебя любим, мы с тобой. Но почему ему никто не говорил об этом юноше?

* * *

Как акулы, набрасывающиеся на объедки, москиты влетали в открытые окна гостиной фермерского дома и набрасывались на спящего мужчину. Инстинктивно он хлопал по лицу, раздражаясь, и по мере того, как к нему возвращалось сознание, он слышал все усиливающийся напор их атак. Он яростно почесался в том месте, где кожа была прокушена и где образовалась отметина, достаточная, чтобы из нее вытекла тонкая струйка крови, потер глаза тыльной

стороной руки, потом направился на кухню. Наступило время ложиться в постель, время дать ей понять, чтобы она последовала за ним.

Его жена приложила палец к губам, — призыв к молчанию, и указала на полуоткрытую дверь в комнату сына. Высокая, широкоплечая женщина с красным лицом, темными волосами, стянутыми назад в узел, толстыми голыми руками и в линялом переднике. Она была его женщиной с тех пор, как ему исполнилось семнадцать, и он застенчиво ухаживал за ней с одобрения ее родителей, которые знали, что он унаследует ферму.

— Малыш спит?

Она занималась мытьем посуды, последним, что должна была сделать за день.

— Он долго не засыпал, но сейчас почти спит.

— Он рассказал тебе, где был?

Она плеснула теплой воды из чайника в яркую миску из пластика в раковине.

— В лесу. Где же еще?

— А что его там задержало?

Он устал, мечтал лечь в постель, а завтра утром предстояло вывезти в трейлере много сена. Эта механическая беседа состоялась только потому, что она не смогла сразу последовать за ним в спальню, в их тяжелую неудобную брачную постель.

— Он сказал, что что-то видел.

— Что видел?

— Не знаю — что-то. Он хотел рассказать тебе. Я ответила, что подождет до завтра. Может быть, это была свинья?

— Так далеко от дома? Вряд ли, — ответил он тихо.

Она полоскала кастрюлю, в которой готовила соус для пасты.

— У тебя еще есть работа? — спросил он.

— Я должна прополоскать еще несколько пар носков, и все.

Она улыбнулась доброй улыбкой, глядя на него темными глазами.

— Пойду скажу ему спокойной ночи.

На ее лице появилось хмурое выражение.

— Не буди его. Он спит мертвецким сном.

— Я посмотрю, не свалилось ли его одеяло на пол.

Уже стирая носки, она подумала, что ее муж любит ребенка так, как если бы он был самой большой драгоценностью на свете. Слава Богу, думала она, что это мальчик, раз у нас только один ребенок. Однажды он возьмет в свои руки всю работу на ферме. Она стирала быстро, мыло образовывало море пузырьков пены в шерстяных носках, часть которых были целые, другие — штопанные. Рубашки она постирает утром, после того как покормит кур.

— Мама.

Она резко повернулась, услышав напряженный голос мужа. Он стоял в двери кухни. Его лицо было изумленным и потрясенным, рука легко лежала на плече сына.

— Ты его разбудил?

В ее голосе послышалось раздражение.

— Ты так и не спросила его, что он видел?

Фермер говорил хриплым голосом.

— Лису, кролика, может быть, цаплю, какая разница?

Она сдерживалась, не позволяя себе поддаться настроению мужа.

— А что он видел?

— Он нашел машину, спрятанную в кустах, недалеко от маленького поля и леса. У него есть игрушка, игрушечная машина, которую твоя мать подарила ему к прошедшей Пасхе, та, с которой он играет в постели. Он говорит мне, что игрушка такая же, как та машина, которую он нашел в лесу. Его игрушка — красный «фиат уно-венто-сетте». По телевидению они показывали машину в связи с иностранцем, которого похитили. Это «фиат уно-венто-сетте», и он красного цвета...

— Красный «127», он стоит пол миллиона...

Она вынула руки из воды, нервно вытерла о передник. Они не должны связываться ни с чем опасным и враждебным.

— Он нашел связанного человека.

— Это фантазии мальчика. Его мир.

— Он видел, как пришел молодой человек с пистолетом.

Она начала заикаться:

— Это не наше дело.

— Одень его.

Ее глаза были широко раскрыты, губы в страхе зашевелились. Она старалась оградить своего ребенка от опасности.

— Ты не можешь тащить его туда в темноте, даже если считаешь, что он видел все это.

— Достань его одежду и одень его.

Это был приказ, команда. Она не посмела противиться, шмыгнула в комнату ребенка за его дневной сменой одежды.

Фермер достал в холле толстый свитер и дробовик, которым он пользовался, когда вместе с соседями ходил стрелять голубей и кроликов в воскресенье утром. С гвоздя, прибитого высоко над задней дверью, выходящей во двор, он снял фонарь в резиновом чехле.

Вдвоем они одели сына.

— Помнишь, мама, что сказал отец Альберти во время мессы после истории с Моро. Он сказал, что эти люди антихристы. Они отвергли даже просьбу Паоло Сесто, даже его обращение, когда он просил их пощадить жизнь Моро. Они враги церкви, эти люди, они враги всем нам. Помнишь, что сказал отец Альберти? По телевидению он сказал, что завтра утром они убьют иностранца. Мы должны идти, мама. Мы должны знать, что видел наш сын.

Они надели на мальчика рубашку, куртку и брюки прямо на пижамные штанишки, натянули на босые ноги сапоги. Руки матери были неуверенными и более медлительными, чем руки ее мужа.

— Будь осторожен, папа. Будь осторожен с ним.

Отец и сын вышли в ночь. Она следила за светом фонаря до тех пор, пока поворот дороги не скрыл его от нее, а потом села за стол в кухне и застонала в безмолвии.

* * *

Сначала выпили вино, потом пришла очередь портвейна, после того как Кэролайн Чарлзворт ушла спать. Трое мужчин сидели вокруг стола, и пепел их сигарет горкой лежал на их кофейных блюдцах.

Они уже исчерпали все темы, истоптали все старые изведенные тропы. Проблемы принципов и прагматизма были испробованы и выплюнуты. Дебаты о переговорах велись с гневом и злобой. А потом они пили бренди и это возымело свое действие. Атака Карпентера и защита Чарлзворта и атташе потонули в нем и рассыпались в прах. Теперь они отдыхали и только время от времени беседа

возобновлялась. Джеффри Харрисон теперь уже не был главной темой их разговора. Они говорили о ставках подоходного налога, помощи церкви Патриотическому Фронту Родезии, загрязнении улиц Лондона. Это была жвачка, знакомая британцам за границей.

Майкл Чарлзворт встал из-за стола, невнятно пробормотал о том, что должен справиться о чем-то в посольстве и с несчастным видом удалился от домашнего уюта.

— Он чертовски хороший человек, — сказал Карпендер, заметив, что ему трудно ворочать языком.

— Чертовски хороший, — проворчал Бастер Хендерсон. — Знаете ли, вы правы, чертовски хороший.

— Я нередко ставил его в тупик за то время, что нахожусь здесь.

— Его это не обескуражило. Он знает, что вы здесь занимаетесь своим делом. Чертовски хороший малый.

— Никогда не чувствовал себя таким никчемным, никогда раньше.

— Однажды у меня было задание. Я был заперт в офисе в Адене. У нас там была пара бригад в Рэдфан, терроризировавших местные племена. Они были чертовски хорошие стрелки, и нашим парням приходилось солоно. Я не мог оторваться от своего письменного стола, а мой кузен служил в батальоне. И я должен был только регистрировать его сигналы. И это было для меня все равно что крест — только говорить и ничего не делать. Я понимаю, что вы чувствуете, Карпендер.

Огрубевшая рука снова потянулась за бутылкой.

Ни один из мужчин не посмотрел на Майкла Чарлзворта, когда тот вернулся в комнату. Он остановился и некоторое время смотрел, как Хендерсон наполняет стаканы, проливая бренди на полированную поверхность деревянного стола.

— Вам это понадобится, Бастер. Я только что узнал кое-что ужасное.

Его голос, как пляска моли в луче света, привлек внимание гостей.

— ...это жена Харрисона. Виолетта Харрисон, ее только что сбил грузовик на Раккордо. Она погибла. Врезалась в грузовик. Ее убило сразу. Это было лобовое столкновение.

Дно бутылки с силой опустилось на стол. Кулак Карпендера дернулся за стаканом и опрокинул по пути блюдце, рассыпав пепел на белые вязаные салфетки.

— Чертовски несправедливо, — сказал полковник из-под руки, закрывшей его лицо.

— Я заставил их дважды повторить. Не мог этому поверить.

Чарлзворт все еще стоял.

Карпендер покачнулся.

— Вы не могли бы вызвать мне такси, Майкл? Я подожду его внизу.

Не оглядываясь, он направился к двери. Он не попрощался, не произнес слов благодарности за гостеприимство. Вышел, спустился и побежал. Не стал вызывать лифт, спускался по лестнице, держась за перила, свежий воздух вышиб из него алкоголь.

Боже, Арчи, ты во всем этом виноват. Ты забрасывал грязью всех, кроме себя. Судил да рядил, как следует себя вести. Сбежал от этой несчастной сучки, Арчи. Скрылся за чопорной ситцевой занавеской и щелкал языком в знак неодобрения. Проклятый маленький фарисей. В тебе столько же сострадания, сколько в ласке, забравшейся в кроличью нору. С утра до вечера распинаешься о том, что хочешь вернуть Джеффри Харрисона его семье, но ты и не подумал, что у него теперь нет семьи, к которой он мог бы вернуться. Что сказал Карбони? «Я подвел вашего человека». Так присоединись к клубу Джузеппе, стань вторым из его основателей.

Он упал на заднее сиденье такси, назвал свой отель и громко высморкался.

* * *

Лис близко подполз к двум спящим мужчинам. Передней лапкой он поскреб Р38, лежавший чуть поодаль от Джанкарло, с интересом обнюхал дуло и рукоять до того, как очарование незнакомого предмета исчезло.

Четыре раза лис обошел участок между Джанкарло и ямой, как бы не желая поверить, что здесь нечем поживиться. Разочарованное животное двинулось восвояси по тропе, которая вела к полям и изгородям, где можно было раздобыть мышей, кроликов, кур и кошек. Внезапно лис остановился. Навострил уши. Его ноздри расширились. Услышанный им шум был слабым и далеким, и спящие мужчины не

могли его уловить, но для столь ловкого и чуткого животного это было убедительное предупреждение.

Темная тень скользнула на тропу, и лис отступил.

* * *

Фермер положил дробовик на землю и встал на колени у капота машины. Фонарик был в руке у мальчика. Фермер прикрыл его руками, пока изучал и запоминал номера. Нельзя сказать, чтобы это было необходимо после того, как он увидел буквы перед пятизначным номером РК: по телевидению передали, что машина была украдена из Реджио Калабрия. Она была хитро спрятана, в хорошем месте, надежно защищена берегом озера, кустами и деревьями. Он поднялся на ноги, пытаясь контролировать дыхание, чувствуя, как учащенно бьется сердце в груди. Выключил фонарик в руке мальчика и взял ружье. Лучше, чтобы оно было в руках, когда в лесу стоит такая смертельная тишина. Фермер взял сына за руку, крепко держа ее, как бы стараясь защитить его от огромного и близкого зла.

— В лесу было два человека?

Он почувствовал, как сын кивнул.

— Где тропинка, ведущая к тому месту?

Мальчик указал перпендикулярно капоту машины в черноту между деревьями. Наощупь фермер поднял три коротких ветки и соорудил из них стрелку, положив ее в направлении, указанном сыном. Он опустил руку на плечо мальчика, и они вместе заторопились покинуть это место, чтобы вернуться через поле назад, в безопасность своего дома.

Джузеппе Карбони ночевал за своим письменным столом, косо положив голову на сложенные руки, которые он использовал вместо подушки.

— Дотторе...

Крик возбуждения и топот ног загревели во внешнем коридоре.

Карбони вскинул голову — он был похож на прислушивающуюся сову, глаза округлились от ожидания известий. Его подчиненный ворвался в открытую дверь. На его лице еще не угас отблеск возбуждения.

— Мы нашли машину, дотторе...

Он заикался, потому что волнение его было слишком сильным.

Стулья были отброшены, папки отложены, телефонные трубки положены на место, люди Карбони поспешили собраться вокруг его стола вслед за тем, кто принес новости.

— Где? — выкрикнул Карбони, сон с него мгновенно слетел.

— На холме под Браччиано, между городком и озером.

— Блестяще, — вздохнул Карбони, как если бы его избавили от ноши Атланта.

— Это лучше, чем блестяще, дотторе. Машину нашел фермер... вернее, его сын, маленький мальчик, и привел его на место отец. Он предполагает, что мальчик видел Баттистини и Харрисона днем в лесу...

— Блестяще, блестяще...

Карбони жадно глотал зловонный воздух комнаты, который вдруг приобрел для него свежесть и новые качества. Он почувствовал слабость в руках, пальцы его задрожали.

— Где Веллоси?

— В центре коммуникаций. Он сказал, что сегодня не вернется в Виминале.

— Найдите его.

Комната была темной, Карбони подошел к двери и нажал на выключатель, в комнате вспыхнул ослепительный свет, зажглись все лампочки люстры, разгоняя тени и застоявшуюся угнетенность.

— Офицеры связи карабинеров... найдите их тоже и пусть явятся сюда... не позже чем через десять минут.

Вернувшись к письменному столу, он с необычной для него быстротой вытащил из выдвижного ящика крупномасштабную карту района Лазио. Карандаш его помощника бороздил участок на карте, окрашенный в зеленый цвет — это был лес, отделяющий городок Браччиано от синеющей заплатаки Лаго ди Браччиано. Карбони без церемоний отобрал у помощника карандаш и нацарапал крестики на окрашенных в желтое лентах дорог по периметру территории вокруг места, где должны были находиться Джанкарло Баттистини и его пленник. Блокировать дорогу в Тревиньяно, дорогу в Ангвиллара, в Ля Сторта, в Кастель Джулиано, в Серветери, в Сассо, в Манзиано. Запечатать их так плотно, чтобы никто не мог ускользнуть.

— Фермер их не спугнул... такой опасности нет?

— Его об этом спрашивали, дотторе. Говорит, нет. Он с сыном подошел к машине, идентифицировал ее, а потом вернулся домой. Он оставил там ребенка, потом отправился к соседу, у которого есть телефон. Он пошел пешком, опасался, что шум машины может встревожить людей в лесу, хотя его ферма расположена, по крайней мере, в километре от этого места. Из дома соседа он позвонил карабинерам в Браччиано...

— Карабинеры... они там не напортачат? — взорвался Карбони, испугавшись, что эфемерный успех может ускользнуть от него.

— Не беспокойтесь, дотторе. Карабинеры не двинулись с места. Помощник был полон желания умиротворить начальника.

— Вы нашли их, Карбони?

Этот выкрик принадлежал Веллоси, который большими шагами вошел в офис, хлопая в ладоши в предвкушении успеха. За ним следовали другие. Полковник карабинеров в хорошо выглаженном мундире цвета коричневого бисквита, человек из секретной службы в сером костюме с пятнами пота под мышками, еще один в рубашке, представитель магистрата.

— Это подтверждено..?

— Что уже предпринято..?

— Где они..?

Голоса гудели вокруг его письменного стола, сливаясь в неразбериху возражений, вопросов и требований.

— Замолчите! — заорал Карбони. Его голос перекрыл все, и около его письменного стола тотчас же воцарилась тишина. Ему достаточно было крикнуть один раз, обычно он никогда не повышал голоса ни на подчиненных, ни на равных по должности, это было всем хорошо известно. Он поделился своими сведениями и описал место, где ему понадобятся силы блокирования. Он предупредил также, чтобы никто не пытался без его личного разрешения войти на ту часть территории, где начинался лес.

— Лучше всего подготовлены для прочесывания леса мои люди, — решительно сказал Веллоси.

— Похвальба, не подкрепленная фактами. Карабинеров специально готовят для нападения, — последовала вызывающая реплика офицера.

— У моих людей есть особая сноровка, когда речь идет о взаимодействии на близком расстоянии.

— Нам надо иметь в этом месте в пять раз больше людей и необходимо перебросить их туда вдвое скорее.

Карбони оглянулся, не веря себе, как если бы он никогда этого не видел прежде за годы работы в полиции. Он гневно покачал головой.

— Конечно, это вам решать, Джузеппе, — доверительно улыбнулся Веллоси. — Но мои люди...

— Не обладают качествами карабинеров, — вмешался полковник.

— Господа, вы позорите нас всех, вы нас бесчестите, — в голосе Карбони было что-то такое, отчего они все съежились и стали смотреть куда-то в сторону, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Я хочу помочь вам всем. Я не раздаю награды, я хочу только спасти жизнь Джеффри Харрисона.

И тут пошла работа. Разделение обязанностей. Планирование и тактика окружения. Не должно было быть ни вертолетов, ни сирен и минимум транспорта с громкоговорителями. До того, как люди пешком пересекут поле и доберутся до определенной черты, должна быть большая концентрация сил. Наступление будет вестись с трех направлений: одна часть соберется у Тревиньяно и подойдет с северо-востока, вторая займет позицию на юг от озера на дороге из Ангвилары, а третья будет наступать из города Браччиано на запад по склону холма.

— Можно подумать, вы рассчитываете, что среди деревьев скрыта целая армия, — спокойно сказал Веллоси, когда совещание окончилось.

— О войне я знаю мало, — отозвался Карбони, снимая со стула пиджак и натягивая его на свои широкие плечи. Они вместе дошли до двери, оставив комнату в беспорядке и суматохе, предоставив людям выкрикивать распоряжения и звонить по телефонам. После долгих ночных часов бездействия деятельность возобновилась, и это было благом. Карбони замешкался в нерешительности и прислонился к двери.

— Англичанин, который был здесь сегодня днем. Я захвачу его с собой. Позвоните ему в отель.

Он поспешил догнать Веллоси. Он должен был почувствовать наконец, что прилив отступил, ветер ослаб, но его еще грызло сомнение. Как незаметно подобраться сквозь деревья и через подлесок? Какова опасность утратить преимущество неожиданности? Все еще могло повернуться так, что даже в самый последний момент инициатива могла быть вырвана у него из рук.

— Мы еще можем проиграть, — сказал Карбони, обращаясь к Веллоси.

— Не все, мальчишку мы возьмем.

— А это важно?

— Это трофей для меня, чтобы повесить его на стену. Они уничтожают нас, эти подонки. Из-за них у нас образуются мозоли в мозгах, из-за них черствеют наши чувства и это происходит до тех пор, пока хороший человек, человек уровня Франческо Веллоси не начинает верить только в возмездие и становится настолько слеп, что для него не имеет значения жизнь невинного человека.

— Когда вчера вечером вы были в церкви, Франческо...

— Я молился, чтобы я сам собственной рукой имел возможность пристрелить этого гаденыша.

Карбони взял его за руку. Они вышли вместе, ощутив теплый воздух ночи. Конвой был готов, дверцы машины открыты, мотор работал.

Влажность земли, поднимавшаяся сквозь подстилку из листьев, досаждала костям Джанкарло до тех пор, пока он не начал раздраженно вертеться и покров сна отлетел от него. Его тело точил голод, глубоко в него проникала ночная прохлада. Он ощупал землю в поисках пистолета, и его рука коснулась металла. Р38, я люблю тебя, мой Р38, подарок лисенку от Франки. Иногда, неожиданно просыпаясь в незнакомом месте, он приходил в себя несколько минут, прежде чем осознавал, где находится. Но не сейчас. Сегодня при пробуждении его ум прояснился мгновенно.

Он посмотрел на светящийся циферблат часов. Около трех. Шесть часов до времени, которое назначила Франка, чтобы Джеффри Харрисон получил воздаяние по заслугам. Через шесть часов солнце поднимется высоко, холод тьмы отступит под обжигающим дыханием жары, и лес снова будет умирать от жажды и томиться без влаги. В ту ночь с Альдо Моро, должно быть, было двое или трое. Двое или трое, чтобы разделить отчаянное одиночество палача, пока он готовил свое снаряжение. Двое или трое, чтобы послать в него пули... чтобы вина пала не на одного, чтобы разделить ответственность.. Вина Джанкарло? Вина это для тех, кто принадлежит к среднему классу, вина падет на виновных. Нет вины на тех, кто работает на благо революции, кто борется за пролетариат. Двое или трое доставили Моро на пляж из аэропорта Фьюмичино. И сумели скрыться. А каков путь отступления для Джанкарло?

У него нет плана, он не подготовлен к этому, нет надежного дома, нет запасной машины, нет помощника.

Франка подумала об этом?

Для Движения это неважно. Самое важное атаковать, а не отступать.

Они будут охотиться за тобой, Джанкарло, охотиться, чтобы отнять у тебя жизнь. Они располагают умами самых способных людей, они будут охотиться на тебя целую вечность, до тех пор, пока тебе будет некуда бежать. У врага есть машины, неуязвимые и неутомимые, вызывающие к жизни память, которая никогда не слабеет.

Но это был приказ. Приказы никогда не даются в расчете на обстоятельства. Движение сопряжено с огромными жертвами.

А есть ли для Движения смысл в убийстве Аррисона? Не тебе судить. Солдат не обсуждает приказы. Он действует, он подчиняется.

Насекомые резвились на его лице, покусывая и покалывая его щеки, находя полости в его ноздрях, мочках ушей. Он смахнул их.

Почему этот ублюдок Аррисон должен спать? Когда ему предстоит умереть? Как он может? Человек, не имеющий веры и убеждений, кроме эгоистической жажды собственного выживания. Как он мог уснуть?

В первый раз за много часов Джанкарло вызвал в памяти образ своей комнаты в Пескаре на берегу моря. На стенах яркие афиши Алиталии, деревянная фигурка Христа, портрет папы Павла Шестого, в тонкой рамке, вырезанный из какого-то журнала, письменный стол с учебниками, где днем после уроков он занимался, платяной шкаф, где висели выглаженные белые рубашки, предназначенные для воскресенья. Коварный и засасывающий мир, залитый светом, обычный, нормальный. Джанкарло, стереотип которого одно время состоял в том, что он сидел за столом рядом с матерью, а вечером помогал отцу в лавке. Это было давно, давным-давно, когда Джанкарло двигался по конвейеру, когда его отливали, придавая ему точно такую же форму, что и другим юношам с его улицы. И Аррисон был таким же.

Но пути разошлись... разные дорожные знаки, разные назначения. Боже... но это был одинокий путь... страшный и зловещий. Это твой выбор, Джанкарло.

Он снова хлопнул себя по лицу, чтобы избавиться от насекомых, и картина исчезла. Исчезла вместе с запахами дома, и вместо нее появился образ мальчика, фотографии которого были прикреплены клейкой лентой к приборным доскам тысяч полицейских машин, черты которого появились в миллионах экземпляров газет, имя которого внушало страх, рука которого держала пистолет. Он никогда больше не увидит Франку. Он знал это, и мысль об этом вызывала судороги где-то внутри. Никогда в жизни. Никогда больше он не коснется ее волос, не будет держать в руках ее пальцы. Только память, память рядом с воспоминаниями о комнате в Пескаре.

Джанкарло снова лег на землю и закрыл глаза.

Конвои двигались в Кассию, на север от города.

Фургоны Примо Челере, грузовики «Фиат» карабинеров, синебелые, красиво раскрашенные машины полиции, незаметные машины специальных служб. Многие выходили на балконы в ночных рубашках те, кто жил на верхних этажах многоэтажных зданий, наблюдали за потоком машин и ощущали азарт, как если бы они наблюдали за кавалькадой. Двигалось более тысячи человек. Все были вооружены, напряжены, сосредоточены, все опьянены верой в то, что наконец они смогут компенсировать свои неудачи, наконец разделаться с этой раздражающей их нечистью, заразой, чумой. У деревни Ля Сторта дорога была заблокирована, шоферы нажимали на клаксоны, гудели и проклинали дорожную полицию, требуя наведения порядка в этом хаосе, потому что все стремились попасть в Браччиа к рассвету.

Дальше Ла Сторта на еще более узкой Виа Клаудиа с ее резкими поворотами машина Джузеппе Карбони оказалась зажатой колонной грузовиков. Здесь движение было поспокойнее, потому что пользоваться сиренами было запрещено, вращающиеся мигалки было велено выключить. Арчи Карпендер разделял переднее сиденье с шофером. Веллоси и Карбони сидели сзади в пуленепробиваемых жилетах и с полуавтоматическими пистолетами, которые они предусмотрительно захватили при отъезде из Квестуры, как осторожная девственница, держащая в ботинке оружие.

С волос Карпендера за воротник рубашки и дальше по спине стекала вода. Он успел принять душ после того, как телефонный звонок нарушил его глубокий сон, навеянный выпивкой, в который он упал, как в пропасть. Теперь он бодрствовал, но боль в висках была ужасной.

Она назвала его скучным подонком. Маленьким скучным занудой. Да, именно так Виолетта Харрисон назвала Арчи Карпендера.

Ну, а что он собственно должен был делать? Опрокинуть ее на матрац в интересах ИСН, повалить на ковер в гостиной?..

Нет, Арчи, не в том дело. Не так все просто. Ей надо было с кем-то поговорить.

С кем-то поговорить? При этом она надела такое платье?

Все не так, Арчи. Это была сломленная женщина, катящаяся все ниже, и ей был нужен кто-то, с кем она могла бы это разделить. А ты потерял ориентиры, Арчи, потерял свой спасательный жилет и

барахтался, как идиот. Ты убежал, и еще шутил на ее счет с Чарлзвортом, и вы оба хихикали. Ты убежал, потому что там в этом старом Мотспор Парк они не научили тебя, как надо обращаться с людьми, находящимися в состоянии глубокого стресса. Все мило и славно, тишь да гладь, да божья благодать, никто не осмеливается кричать, потому что соседи могут услышать, никто не смеет завести интрижку на стороне, потому что знакомые могут узнать. Там ведь никто ничего не делает — они просто сидят на своих задницах и ждут дня, когда отправятся на тот свет, а тогда уже слишком поздно, они уходят эти молчаливые дураки и никто их даже не вспомнит. Ей нужна была помощь, Арчи. Ты вылетел пулей из ее квартиры и мчался так быстро, как только мог.

Действительно, настоящий маленький зануда, а ведь тебя никто никогда так раньше не называл в лицо.

— Вы слышали о жене Харрисона, мистер Карбони? — Это было сказано небрежно, как если бы его это вовсе не затронуло и не коснулось.

— А что с ней?

— Она погибла в автокатастрофе прошлой ночью.

— Где она была?

Сосредоточенность Карбони на предстоящей операции была нарушена. В его голосе прозвучало изумление.

— На дороге, которая называется Раккордо.

— Это далеко от ее дома.

— Она ехала домой, была одна, — выдавил из себя Карпендер.

— И с ней никого не было, никаких друзей?

— Итак, если мы вытащим из этой истории мужа, то вот с чем ему предстоит столкнуться.

Послышался легкий холодный смех Веллоси. Невероятно, Карбони, вот когда чаша человеческого терпения переполняется...

— Это преступление, что в такое время женщина должна быть одна. — В словах Карбони слышалось отвращение.

— Никто об этом не подумал, — тупо заметил Карпендер.

У поворота к дороге, ведущей к озеру, они увидели ряды грузовиков и фургонов, припаркованных у кромки травы. Они миновали людей в униформах, шедших пешком. В металле оружия отражались огни фар. Можно было видеть кордоны, формирующиеся в

полях. Машина ускорила движение вниз по крутому склону холма, до того как резко свернуть направо вдоль дороги, с военным заграждением, где их ожидали. Карпендер попытался сбросить груз жалости к себе и осмотрелся вокруг, пока машина тормозила.

Дверцы щелкнули, открываясь. Карбони быстро вышел, вытер лицо платком и повернулся к Карпендеру.

— Раньше, еще до войны, это было станцией для гидросамолетов. Потому что эти здания выходят на озеро. Теперь здесь принимают новобранцев. Они создали музей, правда, там нет ничего летающего. Но мы близко от леса, и здесь у нас есть коммуникации. Он взял Карпендера за руку.

— Держитесь поближе ко мне. Теперь самое время вам пожелать мне удачи.

Они проскользнули через плохо освещенную дверь административного блока, Карпендеру пришлось придержать ее локтем, чтобы не потерять из виду суетливого Карбони.

Они очутились в комнате для проведения инструктажа. Потянулись руки, чтобы приветствовать Карбони, его обнимали и прижимались к нему щеками, вокруг него образовался клубок тел, Карпендер сел на стул в конце комнаты, пока полицейский дожидался наступления достаточной, хотя и неохотно устанавливающейся тишины, чтобы кратко изложить свой план. Появилась новая волна людей в костюмах и боевых мундирах, и Карбони, как главнокомандующий, поспешил им навстречу. Они не остановятся ради тебя, Арчи. Они тут не задержатся ради этого чертова англичанина. Карпендер начал расталкивать их, вздрагивая, когда кобура «беретты» впивалась ему в живот, и наконец догнал Карбони. Вклинившийся в дверной проем, Карбони улыбался ему, глядя снизу вверх и утирая пот.

— Я принял великое решение. В отделе по борьбе с терроризмом хотят сами возглавить операцию, того же потребовали карабинеры. И те и другие считают, что они лучше других подходят для этой цели. Я удовлетворил их всех. Карабинеры будут двигаться с севера, люди Веллоси с юга. Я итальянский Соломон. Я решил разделить Баттистини на два ломтя.

Карпендер смотрел на него холодно.

— Простите мне мое легкомыслие. У меня нет причины для смеха. В любой момент Баттистини может убить вашего человека. Может быть, он уже сделал это. Мы движемся вперед в темноте, в темноте мы будем спотыкаться в лесу.

— Вы не будете дожидаться рассвета?

— Ждать — значит подвергать жизнь вашего человека очень большому риску. Если вы хотите помолиться, Карпенгер, сейчас самый подходящий момент.

Они уже вышли из здания.

Приглушенные команды, едва слышные. Люди в сером полусвете натягивают на голову тяжелые маскировочные полотнища, которые мешают любым движениям, кроме движения вперед. Слышно, как взводят курки. Приглушенный смех. Топот ног, уходящих и исчезающих в последних тенях ночи. Здесь должно быть окровавленное стремя, Арчи, и красный плащ и человек, науськивающий остальных криком: Ату!

Группа с Карбони в центре отправляется к дороге и рядом с ним идет невысокий, плотный человек в толстом свитере с погнутым дробовиком, похожий на фермера. Он держит ружье на внутреннем сгибе локтя.

* * *

С жесткого голого матраса своей тюремной постели Франка Тантардини услышала в коридоре шаги человека, обутого в башмаки с мягкими подошвами. Болт отодвинули, в замочную скважину вставили ключ, повернули и вошел человек, который допрашивал ее.

Он улыбнулся женщине, лежавшей на койке, подперев голову сложенными руками. Ее золотые волосы рассыпались по одной стороне подушки.

— У меня для тебя новость, Франка. Кое-что, что ты хотела бы узнать.

Ее глаза сначала сверкнули, потом потухли, как если бы интерес на мгновение выдал ее, но потом восторжествовала дисциплина.

— Я не стал бы тебе этого рассказывать, Франка, но думаю тебе будет приятно услышать о нашем успехе.

Невольно она привстала с постели, отняла руки от шеи, потом снова подперла голову руками.

— Мы знаем, где он, твой маленький лисенок, Франка. Мы знаем, где он скрывается, в каком лесу, возле какой деревни. Сейчас они окружают это место. При первом же свете дня они начнут наступление на твоего маленького лисенка.

Свет единственной лампочки из-за проволочной сетки освещал морщинки на ее лице. Мускулы ее рта подергивались.

— Сначала он убьет свинью.

Мужчина тихо рассмеялся.

— Если у него хватит мужества, когда вокруг него окажутся вооруженные люди.

— Он убьет его.

— Потому что Франка велела ему убить? Потому что Франка, находясь в безопасности в своей камере, приказала ему это? Он напустит в штаны, руки его будут трястись, когда он будет окружен, и со всех сторон на него будут направлены ружья, и он мертвец, если сделает то, что ему велела сделать его Франка?

— Он сделает так, как ему было приказано.

— Ты уверена, что можешь сделать солдата из сопляка? Ты ведь так его назвала, Франка?

— Уйдите.

Она была готова плевать от ненависти.

Мужчина снова улыбнулся.

— Пусть тебе приснится неудача, Франка. Доброй ночи, и, когда ты останешься одна, думай о юноше, о том, как ты его уничтожила.

Она протянула руку, схватила одну из своих парусиновых туфель, стоявших у кровати, и швырнула в человека, стоявшего в дверях. Но он успел увернуться. Потом засмеялся и, улыбаясь, посмотрел на нее.

Она слышала, как ключ повернулся в замочной скважине, а болт задвинули.

* * *

Звук, произведенный Джанкарло, когда тот перевернулся с боку на спину, разбудил Джеффри Харрисона. Проснувшись, он почувствовал

острые укусы проволоки на запястьях и щиколотках. Первое и инстинктивное движение его тела, когда он попытался расправить руки и ноги, вызвало натяжение шнура, узлы врезались в его запястья и лодыжки. Человек, который просыпается в аду, кто приговорен к великой мести! Ничего, кроме проклятой боли — это первое ощущение, первая мысль, первое воспоминание.

Боже, сегодня утром я умру.

Мыслительный процесс превращается в явление физического порядка, и напуганное тело принимает положение зародыша, порожденное страхом. Нет ничего — нет защиты, негде скрыться, некуда спрятаться. Утро моей смерти. Он почувствовал, что его бьет озноб, и это ощущение дрожи было всепоглощающим. Боже, утро моей смерти.

Первые лучи дня стали просачиваться в лес. Еще не рассвет, но его предвестие в серых пастельных тонах, позволяющее ему разглядеть линии ближайших древесных стволов. Сегодня утром, под пение птиц, в девять часов утра. Неясная форма, зыбкая и туманная, на которой трудно сосредоточиться, — это Джанкарло поднялся, встал над ним и посмотрел сверху вниз. Джанкарло, привлеченный движениями Харрисона, созерцающий жирного гуся, которого он приготовил к празднику.

— Который час, Джанкарло?

Он мог слышать тиканье часов на своей руке, но не видел их.

— Чуть больше четырех...

Маленький ублюдок выучил роль тюремщика, подумал Харрисон, взял на себя любезность сопровождать приговоренного к смерти к месту казни. Приглушенный голос:

— Не беспокойся, малый, это быстро и не больно.

Теплые глаза, полные сочувствия. Но это не помогало бедному малому, которого должны были в девять повесить. Что ты об этом знаешь, Джеффри? Я читал об этом. Это были другие люди, Джеффри. И половина ублюдского населения говорила: весьма полезная штука. А по отношению к преступнику никакого сочувствия. Заслуживает то, что получает.

Это все относилось к людям, которые убивали полицейских или насиловали детей. Но это совсем не касается несчастного Джеффри Харрисона.

— Ты спал?

— Немножко.

Джанкарло сказал просто:

— На земле было очень холодно.

— Я спал очень хорошо. Снов не видел.

Джанкарло вглядывался в него, в его лицо, медленно проступавшее в прибывающем свете.

— Это хорошо.

— Хочешь поесть?

Он готов был дать себе пинка за эти слова, готов был плюнуть на себя.

— Нет, я не собираюсь есть... не сейчас... позже, позже я поем.

Одного содержать дешевле. Содержать семью из одного человека — более выгодно. Глупый человек, Джеффри. Должен был захватить с собой калькулятор, тот, который был у тебя в офисе на столе, которым ты пользовался, чтобы производить все арифметические действия ИСН, и тогда бы ты понял, что мальчик купил еду только на одного и сколько лир он таким образом сэкономил. Только для одного, потому что останется только один рот. Он снял тебя с довольствия, Джеффри, потому что тебя уже больше не будет беспокоить вопрос о пище и о боли в кишках.

Голос Джеффри Харрисона взлетел до крещендо, поднялся высоко к веткам деревьев и спугнул дроздов.

— Не причиняй мне зла, Джанкарло, пожалуйста, пожалуйста, не делай мне зла...

Ответом ему был отдаленный, но яростный собачий лай откуда-то издалека, из-за деревьев. И тут же он услышал, похожий на барабанную дробь, топот бегущих ног и хруст раздвигаемых и ломаемых ветвей. Лавина, которая катилась и приближалась со всех сторон. При звуке собачьего лая Джанкарло согнулся пополам и опустился на корточки. Затем бросился к Харрисону, рванул его к себе, насколько позволяла длина шнура и ринулся в зазор, образовавшийся между его пленником и навесом из корней дерева, нависших над ямой. Ему не хватало дыхания, он задыхался, извивался, чтобы оказаться как можно ниже, при этом прижимал пистолет к затылку Харрисона.

— Если сейчас закричишь, ты мертвец.

С пистолетом, упирающимся в его шею, Харрисон был вынужден играть уже знакомую ему роль.

— Беги ты, маленький дурак, беги.

Он чувствовал волну ужаса, исходившую от юноши, проникавшую сквозь их одежду, они прижимались друг к другу, тело к телу, ощущал тепло плоты сквозь дрожащие и пульсирующие кровеносные сосуды.

— Если ты сейчас уйдешь, у тебя есть шанс.

Он чувствовал, что юноша все глубже вжимается в яму, слышал его голос, слабый и неуверенный.

— Ты мне нужен, Аррисон.

— Ты должен бежать. Сейчас же.

Господи, неужели этот маленький урод не понимает? Время бежать, время увертываться, время лавировать и запутывать следы.

— Если я сейчас побегу, они меня убьют.

Так что же ему делать? Он должен переживать за эту маленькую свинью? Подтереть ему зад, и почистить штаны?

— Мы останемся вместе, Аррисон. Так поступила бы Франка.

Мужчина и юноша лежали в неглубокой яме и напряженно прислушивались.

Вокруг них, невидимая среди деревьев, наступала армия, неуклюжая и пугающая в своем неуклонном приближении, ломающая ветки, которые мешали ее продвижению. Их окружала, вокруг них стягивалась сеть. Ветки трещали и ломались впереди и позади них, они слышали восклицания и брань, и собачий лай.

Харрисон повернулся из своего положения на боку тяжеловесным движением и вытянул шею вверх, пока не увидел лицо юноши.

— Слишком поздно, Джанкарло.

Он говорил с некоторым удивлением, потому что был поражен: теперь положение изменилось, и страх испытывал Джанкарло.

— Ты должен был бежать, когда я тебе говорил.

— Заткнись, — огрызнулся юноша, но в его голосе слышалась дрожь. А потом он сказал медленнее, как если бы ценой огромного усилия ему удалось овладеть собой.

— Мы так не поступаем.

Карбони с пистолетом, Веллоси с пистолетом-пулеметом, Карпентер, не отстававший от них, — все они бежали, как умели, по узкой тропинке, прищпориваемые криками бегущих впереди и рядом, и рычаньем, свирепым и агрессивным, исходящим из глубин глоток полицейских собак. Они бежали что было сил по земле, затененной деревьями, погруженные в сюрреалистический мир рассветного тумана, медленно убывавшего впереди.

Карпентер увидел, как вице-бригадир полиции материализовался на краю тропинки и поднялся, чтобы преградить путь Карбони и Веллоси. Беспорядочное бегство было прервано, мужчины вокруг них сгрудились, сидели на корточках, пытаясь восстановить дыхание. Лес был заполнен людьми. Слышались переговоры по радио, шепот голосов, искаженные помехами ответы. Поенный совет. Люди сгрудились, опустили на колени, не выпуская из рук оружия.

— Карпентер, подойдите поближе, — кричал Карбони. Казалось, голос его исходил из-под одеяла. Собаки слышали голоса и залаяли. — Они примерно в ста метрах от нас. Мы их окружили со всех сторон, но я не хочу двигаться дальше, пока не станет совсем светло.

— Мы подождем здесь восхода солнца.

— Но он осознал, что происходит, этот Баттистини, он сдастся?

Большие печальные глаза смотрели на Карпентера, плечи поднялись, выражая сомнение.

— Мы должны попытаться. Все зависит от того, действуют ли на него чары Тантардини по-прежнему...

Слова остались несказанными, Карпентер лишь пробормотал грязное ругательство.

— Но он может убить его теперь, пока мы здесь!

— Мыждемся солнца, — Карбони повернулся и вполголоса снова принялся совещаться со своими людьми.

Вот где все это кончилось. Во влажном лесу с грязью, налипавшей на башмаки и колени брюк. Ты от него на расстоянии брошенного камня, Арчи. Ты можешь встать и крикнуть, и он тебя услышит. Пробежать несколько секунд и ты окажешься рядом. Боже, этот подонок не убьет его теперь? Нет, теперь после всего произошедшего, такого не может случиться! Нет, не может, после этой истории с Виолеттой.

Рассвет наступал неприметно, но неуклонно, он касался листьев, окутывал мужчин, вглядывавшихся вдаль и проверявших затворы своего оружия. Нерешительный, вялый, смеющийся над их нетерпением свет фильтровался сквозь листья и проникал в лес.

Горизонтальный и всепроникающий наконечник копья: первый солнечный луч пробился сквозь стену деревьев. Он коснулся земли недалеко от обрушившегося ствола дерева, затерялся среди ветвей и потускнел, но потом вернулся. Его острота одержала победу над серым сумраком леса, полным теней.

Это был момент принятия окончательного решения Джанкарло Баттистини. Двигайся сейчас или будь проклят и погибай, ты станешь уязвимым, мишенью для снайпера, безоружным против газа, вызывающего рвоту, доступным для дробящих кости пуль стрелков. Незаметно двигая руками, он добрался до гибкого шнура, связывавшего щиколотки Харрисона, выругался, убедившись в прочности собственного узла, и с трудом его развязал. Он притянул своего пленника ближе к себе за ворот рубашки и снова потянул его вниз, в яму, так что провод, привязывавший его запястья к корням, удалось слегка ослабить: между ним и корнями образовался зазор. Теперь узел было легче развязать, это было делом нескольких секунд.

— Что мы делаем, Джанкарло?

Мрачная скованная улыбка.

— Отправляемся в новое путешествие, Аррисон.

— Куда отправляемся?

Занимаясь своим делом, связывая обрывки провода, Джанкарло пробормотал:

— Узнаешь?

Юноша связал вместе ту часть провода, которую он снял с ног Харрисона, с тем, который ему удалось высвободить, отвязав его от корней.

— Встань вертикально на колени.

Харрисон вытянулся на всю длину ямы и поворачивал своими лодыжками, чтобы восстановить кровообращение, и медленно поднял голову над краем ямы. Он напряг спинной хребет и, ощутив непроходящее оцепенение, вызванное ночным сном и неудобной позе, поморщился. Джанкарло сделал петлю и обвил ею грудь Харрисона, протянул шнур за своей спиной и под мышками, а затем снова связал

им запястья Харрисона. Плотнo прижатый к мужчине, юноша крепко затянул узел, связавший их воедино, Одной рукой он вытащил рубашку Харрисона, заправленную в брюки, и дуло пистолета уперлось в его голое тело. Оружие прочертило царапину на теле Харрисона, когда Джанкарло взвел курок.

— Это очень послушный спусковой крючок, Харрисон. Когда мы двинемся, ты не должен говорить, ты должен стараться не поскользнуться. Моему пальцу достаточно слегка двинуться. Ты понимаешь?

Харрисон кивнул, вопросы замерли у него в горле, задохнулись на языке. Он не мог заставить себя задавать вопросы. Новый ужас. А какой смысл в объяснениях? Новая бездна, и он должен в нее нырнуть.

— Встаем, осторожно!

Они выпрямились, как один человек, вибрация их тел смешалась, и Джанкарло прижался головой к ключице Харрисона.

Но твои ноги не действуют, Джеффри, ты был связан слишком долго. Ты поскользнешься, споткнешься... и тогда этот пистолет выстрелит. На сколько для этого должен продвинуться палец... как далеко... на четверть, на восьмую дюйма? Соберись с силами, ты, чертов дурак. Выставь ногу вперед, осторожно опусти ее, перемести вес на нее, остановись, выставь вперед другую ногу, проверь равновесие, снова остановись, выставь вперед другую ногу...

Харрисон оглянулся, воздух был свежим, онпил его прохладу, чувствуя несвежее дыхание Джанкарло. Это все-таки была какая-то степень свободы, какого-то рода освобождение. Вдыхать что-то еще, кроме тяжелого запаха земли. Впереди не было заметно никакого движения, но там совсем близко, скрытая среди леса, должна была находиться целая армия, ожидающая их. Ему в ухо пролаял голос:

— Есть там Карбони?

Впереди была тропинка, по которой они шли еще вчера утром, но, казалось, это было давным-давно. От того момента их отделяла бесконечная бездна времени. Это была дорога, по которой Джанкарло уходил, чтобы раздобыть пищу, на ней он исчезал, таял в темноте, когда отправлялся звонить по телефону, по этой же тропке пришел ребенок.

Поток солнца обрушился на троих мужчин, когда они направились к тропинке. На груди у них были значки, по которым

можно было определить их национальную принадлежность. Впереди шел низенький, круглый, лысеющий человек. Следом за ним другой. Он держал наперевес пистолет-пулемет. Волосы его были аккуратно причесаны, на верхней губе виднелась тень от сбритых усов. Под горлом — темный шелковый галстук. Последний шел иностранец. Одежда его была совсем другого покроя. Волосы причесаны на иной манер. Широкие плечи, бледное лицо выдавало жителя других широт, отнюдь не уроженца Средиземноморья. Двое были итальянцами, один англичанином. Харрисон почувствовал слабость в коленках. Бедра и голени его задрожали, и он не мог преодолеть эту дрожь. Эти мерзавцы все-таки пришли. Не очень-то они спешили.

Харрисон и Джанкарло теперь были сплавлены в единое целое и каждый отвечал на движение другого, на дрожь другого, они были вынуждены повторять жесты друг друга, трое мужчин стояли к ним лицом.

— Я Карбони.

Слова откликнулись эхом в деревьях, оттолкнувшись от покрытых мхом стволов.

Харрисон почувствовал, как оцепенел юноша, готовясь к схватке. Последний великий бой требует выносливости и стальной силы.

— Послушайте, Карбони. Это ваш Аррисон. Я привязал его к себе, и в его спину, прямо напротив сердца упирается мой Р38. Курок взведен, он очень чувствителен. Карбони, скажите своим головорезам, скажите им это. Если они выстрелят, мой палец двинется... вы слушаете, Карбони? Если вы заденете меня, Аррисон мертв. Я собираюсь пройти по тропинке к своей машине. Если вы хотите получить Аррисона живым, не мешайте мне.

Харрисон почувствовал, что напор круглого ствола на его спину стал сильнее, напор, чреватый выстрелом.

— Я собираюсь идти вперед. Если хотите получить Харрисона, отступите.

— Что он говорит?

Карбони не сразу ответил на вопрос Карпентера. Он смотрел на тропу, на Харрисона и Джанкарло.

— Он упирается пистолетом в спину Харрисона. Говорит, что курок взведен. Хочет уехать отсюда...

Веллоси сказал по-английски, потому что это был язык данного момента.

— Джузеппе, он не уйдет отсюда!

— Тогда Харрисон умрет.

— Он не может отсюда уйти.

Это был злобный шепот плюющей кобры.

— Я здесь, чтобы спасти Харрисона.

Смущение, противоречие, катастрофически раздирающее Карбони.

— Если Баттистини уйдет отсюда, если он выберется из леса, это будет значить, что он посмеялся над нами.

— Я здесь, чтобы спасти Харрисона.

Карбони колебался, его разрывали сомнения, его торопили и тянули в разные стороны.

— Мы должны спасти Италию... Подумайте, Карбони о последствиях, если он уйдет. Один против целой армии и он выиграет, потому что у нас не хватит мужества?

Виолетта Харрисон мертва и искалечена, лежит в пластиковом мешке на столе в морге, изрезанная, искромсанная патологоанатомами. И Джеффри Харрисон будет лежать рядом с ней с ранкой на спине диаметром не больше карандаша и полостью в груди достаточно большой, чтобы затолкать туда лимон. А ну-ка, поднимись с задницы, Арчи Карпендер. Войди в высшую лигу больших мальчиков. Ведь это твой человек там, Арчи. Так подними свой чертов зад и иди. Короткий толчок локтя, и Арчи Карпендер проскользнул мимо Карбони и Веллоси. Три быстрых шага, и он опередил их... И кто мог бы догнать его и вернуть обратно?

— Наблюдайте за мальчишкой, Карбони, наблюдайте и будьте наготове.

* * *

Джанкарло видел, как он приближается. Видел, как его уверенные решительные четкие шаги пожирают расстояние. По лицу человека ничего нельзя было прочесть, ничего, что говорило бы об опасности и риске, ничего, что позволило бы угадать его чувства. Джанкарло не

мог крикнуть ему, чтобы он остановился — это было за пределами его возможностей. Он стоял, как прикованный, будто его околдовали. И свет падал на лицо человека, когда он проходил между двумя деревьями. В нем не было заметно страха. Человек, который шел выполнить свою работу, собирающийся ее выполнить, покончить с ней, человек в мятом костюме.

Джанкарло чувствовал, как его рука дрожит на рукояти пистолета. Он не мог удержать ее спокойной и неподвижной.

* * *

Франческо Веллоси повернулся на каблуках, прочесывая глазами деревья и кусты, пока не увидел сержанта карабинеров с винтовкой. Он щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание человека, бросил ему свой пистолет-пулемет и сделал знак, чтобы тот передал ему свою винтовку. И вот она в его руках. Он стоял неподвижно, как скала, и в отверстие прицела видел правым глазом фигуру в форме буквы У. Эта линия приходилась на часть головы Джанкарло Баттистини, которую он мог видеть.

Когда пространство, отделявшее Арчи Карпентера от его цели, было наполовину преодолено, он заговорил. И ему было почти странно слышать собственный голос. Он звучал оживленно и деловито.

— Джеффри Харрисон. Я Арчи Карпентер... Этот Баттистини говорит по-английски?

Никакой преамбулы, сразу к делу, именно так, как учили в Метрополитэн Полис, именно так надо действовать, когда приближаешься к вооруженному человеку.

Он видел половину головы на плече Харрисона — незаконченная кукла чревоушателя, посаженная на шест, без тела. Губы Харрисона зашевелились, он провел по ним языком.

— Говорит.

Все еще продолжая двигаться, поглощая и срезая пространство, Карпентер позвал:

— Джанкарло?.. Ведь вас так зовут? Верно?.. Я пришел взять у вас пистолет.

Он все продвигался вперед, теперь его шаги стали медленными, и, как при телескопическом увеличении он мог уже разглядеть пятна на лице Джанкарло и щетину на его щеках, и все это было видно очень ясно и четко. Он мог разглядеть цвет его глаз: они были темные и затравленные. Еще десять ярдов — и мальчишка закричит.

— Остановитесь. Не ходите дальше.

— Только пистолет, Джанкарло, дайте его мне.

Карпенгер теперь не двигался с места, светловолосый, с квадратными плечами, он стоял поперек тропинки. Он видел пот на лбу юноши, спутанные пряди его волос и желтоватые зубы.

— Отойдите, освободите для нас пространство.

— Я не двинусь. Я останусь здесь. Мне нужен ваш пистолет.

Откуда ты это взял, Арчи? Из какой шелковой шляпы фокусника вытащил? Из холла той квартиры, с лестницы этого высокого дома, от женщины, находившейся на грани срыва? Одного раза было вполне достаточно, второго бы не потребовалось. Одного раза было достаточно, чтобы повернуться, сделать движение плечом.

— Если вы не сдвинетесь с места, я выстрелю...

— Пустая угроза. Я не двинусь, вы не выстрелите...

Кого тебя знает, Арчи? Девушки в офисе? Машинистки из машбюро? Мужчины в пабах, которые собираются туда, приехав вечерним поездом из Сити? Сосед, который одалживал у тебя ручную косилку по воскресеньям? Кто тебя знает, Арчи Карпенгер, в лесу в Браччиано?

— Мой пистолет наставлен ему в спину...

— Мне плевать, куда ты наставил свою чертову штуку. Я не двинусь с места, ты не выстрелишь. Это просто, даже десятилетний малыш это понимает.

Заставить его двинуться. Так, чтобы он оказался в зоне обстрела, в пространстве бури. Смотри ему в глаза, Арчи, наблюдай за его глазами. Смотри, не будет ли он моргать и ерзать, лови признаки неуверенности в нем. Наблюдай его беспокойство, колебания и то, как в нем нарастает страх. Он приходит в ярость, когда его обыгрывают, когда другие дети приходят играть на его площадку для игр. Будь осторожен, Арчи... Он только что ушел с нее, слез с мамочкиных колен и пошел играть в игры взрослых.

— Вы не верите, что я выстрелю...

— Верно, Джанкарло. Я не верю этому. И скажу тебе, почему. Ты думаешь о том, что случится, если ты это сделаешь. Я помогу тебе. Я расскажу тебе. Я задушу тебя, мальчик. Задушу собственными руками. Здесь позади меня сотни людей, которые хотели бы это сделать. Но они не подойдут к тебе. К тому времени, когда они приблизятся, с тобой будет все кончено.

Карпендер держал его в напряжении и не отпускал. Не сводил с него глаз. Он был все время настороже. Он нависал над ним, тяжелый, как снежное облако. Погруженный в свою ненависть.

Я безоружен, но, если ты выстрелишь в Харрисона, я брошусь на тебя. Ты запутался, глупый мальчишка, вот почему я тебя одолею. Я был полицейским. Я видел людей, которые были задушены. Их глаза вылезают из орбит. Они обгаживают себя, напускают в штаны. Такая участь предстоит тебе. Поэтому отдай мне пистолет.

Ты никогда в жизни не видел человека, которого задушили, за всю свою жизнь. Спокойно, Арчи. Подумай, возможно, физически парень не особенно крепок, может, это его слабое место. Но не дай ему сыграть в мученика. Не подбрасывай дров в огонь. Что еще надо психопату?

— Я собираюсь идти, и ты не сможешь отобрать его у меня...

Джанкарло занял оборонительную позицию. Его не удалось сломить.

— Уйди с дороги.

Харрисон смотрел на Карпендера, как если бы не понимал, что происходит. Он едва держался на ногах.

Кто скажет Джеффри Харрисону о Виолетте? Кто это сделает? Это сделает Арчи Карпендер? Все обошлось, Джеффри... Мы очень рады, что ты вышел из этой передраги живой и невредимый... Прекрасный спектакль... но тут кое-что неприятное произошло, пока ты был в отлучке. Ну, твоя миссис, ты понимаешь, Джеффри, ты ведь славный малый, ты должен понять, мы думали, что...

Брось свой самый большой козырь, Арчи. Брось его. После этого ты банкрот. Все фишки на зеленое сукно и в центр стола.

— Вчера вечером я видел твою женщину, Джанкарло. Потасканная старая сука. Немного старовата для такого мальчишка, а?

Он увидел, как спокойствие на лице мальчишки, которое давалось ему с таким трудом, разлетелось вдребезги. Увидел гневные морщинки

и как сошлись его брови.

— Не думал, что мальчик мог бы заинтересоваться такой заезженной рабочей лошадью, как она.

Кровь бросилась юноше в лицо, видно было, как по нему растекается румянец, глаза сузились до щелочек, выражая отвращение.

— Знаешь, как она назвала тебя, когда ее допрашивали? Хочешь знать? Маленьким сопляком, писающим в постель. Вот такое мнение у Франки Тантардини о ее мальчике-любовнике.

— Уйди с дороги.

Слова прозвучали торопливо, их подгоняла ярость.

Карпентер мог видеть по лицу Джеффри Харрисона, как в нем поднимается тошнота, он терял контроль над собой. Сколько же еще это будет продолжаться? Если много дольше, он не выдержит этого колоссального напряжения. А ну-ка, Арчи, высеки этого маленького ублюдка.

Звук голосов был хорошо слышен из-за деревьев. Карбони вытащил пистолет из кармана куртки и держал его в пальцах как знак участия в операции. Рядом с ним Франческо Веллоси все еще стоял, не отрывая глаз от прицела, напряженный в своем предвкушении, не обращая внимания на муху, резвившуюся возле его носа.

— Зачем он все это говорит?

Веллоси никогда не отступал от своей цели.

— Спокойно, Джузеппе, спокойно.

— Сколько их еще было, мальчик, ты знаешь об этом? Думаю, ты был не первым, а?

— Уйди с дороги...

Еще немного, Арчи. Держи, гни свою линию. Это время его распада, сейчас он развалится на части. Забудет, где он и для чего здесь находится, что нам и надо, чего мы добиваемся. Не торопись, Арчи, не беги. Там, за поворотом Шангри-Ла, куда ты стремишься. Ты ощущаешь это кончиками пальцев, ты почти уже можешь потрогать плоды своих трудов.

— Они все там были, все были с ней, мальчик, каждый заскорузлый палец, каждая провонявшая потом подмышка в вашем Движении, а ты не знал об этом?

Он поднимается, Арчи. Эта скользкая тварь поднимается из глубоких вод. Он набросится на тебя, Арчи. Продолжай гнуть свою

линию, веселись напропалую. Давай, Арчи, давай, чертов Карпендер из чертова Мотспор Парка, не подведи старину Харрисона особенно теперь, когда он распадается на части, когда Виолетта лежит холодная в морге на спине. Смотри на него, наблюдай за ним. Видишь, он там шевелит рукой под рубашкой. Сейчас появится пистолет. Ты увидишь дуло, увидишь, как он его сжимает в кулаке и палец на предохранителе пистолета. Продолжай гнуть свою линию, Арчи.

— Я бы не стал делать того, что ты сделал, для такой коровы, как эта. Знаешь, Джанкарло, ты мог ведь заразиться от нее какой-нибудь гадостью...

Карпендер громко рассмеялся, содрогаясь от веселья, идя навстречу своему страху, посылая ему вызов.

Он смеялся, видя, как из-за спины Харрисона появляется пистолет, видя, как он его поднял, направил на него быстрым движением, похожим на бросок змеи. Он смотрел в искаженное страданием лицо Джанкарло, впивал его боль. Хорошо сделано, Арчи, ты добился своего, радуйся. Первый раз в твоей проклятой жизни пересек линию финиша и пришел первым. Смешно смотреть на лицо этого малыша.

Пистолет поднимался, мелькнуло что-то яркое, что-то угрожающее, как стихия, как зимнее море. Это пистолет, яркий, блестящий, нацеленный на него.

Выстрел, как щелканье бича.

Карпендер оказался на земле. На его лице застыла, будто приклеенная и скрепленная цементом широкая улыбка.

Харрисон зашатался. Его ноги ослабели, он не мог сопротивляться силе веса тела Джанкарло, повалившегося на шнур, которым были прикручены друг к другу их тела. На лице Харрисона была кровь, она свободно текла, кровь и мозг, а руки его были связаны, и он не мог вытереть это с лица и не мог из-за этого ясно видеть.

Карбони отпрянул, потому что выстрел раздался у него над ухом. Он повернулся к Веллоси, посмотрел на него и увидел на его лице мрачную улыбку удовлетворения. Она появилась медленно, как раскрывается цветок.

А потом началась беготня.

Люди поднимались из укромных мест, бежали по сучьям, продирались через подлесок. Карбони присоединился к этому стаду.

Франческо Веллоси опустил винтовку, нагнулся и, подняв единственную медную гильзу, спрятал в карман. Он повернулся и легким движением бросил оружие владельцу, сержанту карабинеров. Месть состоялась. Он шел, высокий и прямой, к толпе, которая собралась вокруг Джеффри Харрисона.

Полицейский разрезал ножом шнур, связывавший тела Харрисона и Джанкарло Баттистини. Тело юноши, лишенное опоры, свалилось на землю. Половина его лица оставалась неповрежденной и восковой. Другая была смазана, снесена как дань, причитающаяся снайперу и большой скорости пули. Свободный, растирая запястья, Харрисон повернулся спиной к своим спасителям, и его вырвало в сухую траву на краю прогалины.

Они не последовали за ним, ему дали опомниться, проявили уважение.

Арчи Карпентер встал сначала на колени, потом неуверенно поднялся на ноги и сжал пальцы рук, чтобы скрыть охватившее его смятение.

Он стоял в стороне, как чужак, попавший в незнакомую компанию. Когда Харрисон вернулся к группе ждавших его людей, он заговорил просто, без эмоций.

— Что случилось?.. Я не знаю, что случилось?

Веллоси показал через прогалину на Карпентера.

— Этот человек был готов пожертвовать жизнью ради вас.

Он говорил грубовато, а потом его рука скользнула, чтобы поддержать Джеффри.

— Он подставил себя Баттистини, чтобы можно было спасти вас.

На одно краткое мгновение их глаза встретились, и Карпентер отвернулся, увидев на лице Харрисона выражение глубокого изумления, и как показалось тем, кто за ними наблюдал, он даже пожал плечами, как бы показывая, что он понимает — эпизод закончен, человек выполнил свою работу и не нуждается ни в благодарности, ни в похвалах. Карпентер начал старательно счищать со спины и брюк прилипшие к ним листья и веточки.

Они двинулись в сторону от прогалины. Веллоси и Харрисон медленно шли впереди. Карбони — суетливо и беспокойно сзади, Карпентер последним. Харрисон не посмотрел назад, чтобы бросить прощальный взгляд на тело Джанкарло, он шел, спотыкаясь и ища

опоры в подставленной ему руке. Они двигались со скоростью кортежа, и вдоль тропинки видели не улыбающиеся лица людей в униформах, с винтовками и автоматическими пистолетами, и не отворачивались, видя выражение боли на лице Харрисона. Они скрывали свои чувства, потому что там, среди деревьев, только что наступила смерть, а сокрушающая скорость этого акта лишила их радости победы.

— Я не понял, что он сделал, этот Карпентер?

Сзади из-за плеча Харрисона заговорил Карбони:

— Ему надо было заставить парня убрать пистолет из-за вашей спины, и он заставил его направить пистолет на него, чтобы избавить вас от опасности. Вот почему он дразнил мальчишку. Он дал Франческо возможность выстрелить. И Франческо снес мальчишке полголовы. Но этот шанс выпал только благодаря Карпентеру.

Карбони, продолжая идти, повернул голову к Карпентеру и увидел в его затененной полуулыбке печаль.

— Боже мой... Помогите нам.

Харрисон шел с закрытыми глазами, как слепой, которого ведут по мостовой. Он с трудом выбирал слова, борясь с шоком и истощением.

— Почему жизнь другого человека... почему жизнь другого человека менее важна, чем моя?

— Не знаю, — ответил Карбони.

— Отвезите меня домой, к моей жене.

Сверкнул быстрый предупреждающий сигнал — полицейский и глава отдела по борьбе с терроризмом обменялись взглядами. Карбони остановился и уверенно взял Карпентера за рукав и подтолкнул его вперед. Процессия остановилась. Четверо мужчин собрались вместе, группой, образовав мешанину плеч, и те, кто был в мундирах, отступили назад, стушевались, оставив их вдвоем.

— Вы должны кое-что сообщить своему человеку, Арчи.

Карбони говорил шепотом.

— Может Чарлзворт...

— Нет, Арчи, это вы должны сделать, это ваша работа.

— Не здесь. Не сейчас.

Арчи, изгибаясь, скользя по грязи, пытался выйти из положения. Харрисон смотрел на него, приблизив к нему свое небритое лицо. Изо

рта его скверно пахло.

Давай, Арчи, ты его для этого спасал, это тот самый момент, ради которого ты его сохранил. Не прячься за спину Чарлзворта, не откладывай дело. Это должно быть сказано сейчас, и сказать это должен ты.

— Это касается Виолетты, Джеффри...

Карбони и Веллоси видели, как Карпендер мучительно скривился, потом на лице человека, которого они держали за руки появилось недоумение.

— Что с ней?

— Виолетта... мне жаль...

— Где она? — выкрикнул Харрисон, и Веллоси, и Карбони ощутили неловкость.

Внезапно лицо Карпендера стало холодным, как если бы с него сошла защитная маска.

— Она умерла, Харрисон. Она столкнулась с грузовиком прошлой ночью. Она была одна.

Веллоси и Карбони бросились вперед, наполовину неся, наполовину волоча обмякшее тело Харрисона. Карпендер стоял молча. Больше сказать было нечего. Ничего нельзя было сделать.

Движение группы ускорилось, они прошли мимо мужчины со сломанным дробовиком и маленьким мальчиком, мимо живой изгороди в поле и стали спускаться вниз к дороге. Они помогли Харрисону сесть на заднее сиденье машины Карбони. Карбони последовал за ним, хлопнул в ладоши, и машина тронулась.

Положив руку на плечо Карпендера, Веллоси наблюдал, как машина делала первый поворот.

— Вы поступили мужественно, друг мой.

— Не стоит благодарности, — сказал Карпендер.

notes

СНОСКИ

1

Капо — шеф, начальник (итал.).

Нуклеи Армати Пролетари, «вооруженное пролетарское ядро» — левая террористическая организация в Италии

3

Квестура — полицейское управление.

4

Слушаю (итал)

Коммунистическая Партия Италии

6

Radiotelevisione Italiana, итальянская телерадиокомпания

Esposizione Universale di Roma - «Квартал всемирной выставки»,
деловой квартал в Риме

8

ротатор, машина для мелкотиражной трафаретной печати

- Далеко до заправочной станции?
- Пятьсот метров.
- Спасибо.
- Пожалуйста.

- Бензина на 20 тысяч лир, пожалуйста.
- Хорошо.

United Press International – американское информационное агентство.